

МФФ

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

9

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

9

ФИЛИП ФАРМЕР

WORLDS OF PHILIP FARMER

RIVERWORLD

GODS OF RIVERWORLD

**•POLARIS• PUBLISHERS
1996**

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

МИР РЕКИ

БОГИ МИРА РЕКИ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996**

Серия основана в 1996 году

Мирры Филипа Фармера. Т. 9 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1996. — 319 с.

Завершается титаническая сага о Мире Реки. Уцелевшие герои предыдущих романов готовятся сложить с себя ответственность за судьбы Вселенной. Но сражение с самозванными повелителями рода человеческого продолжается.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-167-7

Gods of Riverworld
Copyright © 1983 by Philip José Farmer
© Издательство «Полярис»,
перевод, составление, оформление,
название серии, 1996

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Романом «Боги Мира Реки», созданным в 1983 году, завершается основная пенталогия монументального цикла «Мир Реки».

Первоначально Филип Фармер планировал завершить сериал «Магическим лабиринтом». Об этом свидетельствует и недвусмыслинное авторское предисловие к предыдущему роману, и то, что основные сюжетные линии к его концу оказываются завершены и продолжения, в отличие от первых трех романов, не требуют. Однако тремя годами спустя писатель оказался вынужден вернуться на берега бесконечной Реки.

На первый взгляд «Боги Мира Реки» производят впечатление довеска к сериалу. Просторы долины Реки сменяются замкнутыми пространствами Полярной Башни, да и действие сводится, по сути, к банальному детективу — поиску таинственного убийцы, вознамерившегося разрушить все, чего с таким трудом добились избранники этика Логи.

Однако первое впечатление обманчиво. Фармер исследует не только поведение людей в стрессовой ситуации — эта тема слишком заезжена, чтобы быть интересной сама по себе, — но и реакцию людей на всемогущество, предоставленное им гигантским компьютером, хранящим в своей памяти не только матрицы тел и душ всего человечества, но и многое другое, способным сделать каждую комнату башни маленькой вселенной (и тут Фармер отсылает нас к другому своему сериалу — «Многоярусному миру»). Несложным приемом автор выпускает наружу подсознание своих героев, заставляющего Ричарда Бертона расследовать дело Джека-Потрошителя, Питера Фрайгейта — воссоздавать сцены фантастических романов, а Тома Терпина — воскрешать своих приятелей с новоорлеанского «дна». Сцена бунта созданного Алисой Лидделл и населенного андроидами Зазеркалья — одна из самых сильных в романе — как бы символизирует опасность, таящуюся в нашем мозгу

Герои последней книги сериала, как и многих поздних романов Фармера, живут в нестабильном, предательском мире, готовом в любой миг вывернуться наизнанку. Все трудности, через которые им придется пройти, горечь ошибок, которые им предстоит совершить, даже отчаяние, охватывающее их, когда стираются хранимые компьютером души миллиардов человек, оказываются лишь устроенным Логой экзаменом на звание богов Мира Реки. Награда невообразима — земное бессмертие на возрожденной Земле. Но оставшиеся в живых герои во главе с Ричардом Бёртоном отказываются от этой награды ради большей. В авангарде человечества они пойдут к звездам — чтобы когда-нибудь сменить тех, кто подарил людям души, и стать пастырями какого-нибудь нового вида.

БОГИ МИРА РЕКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Те из вас, кто еще не читал предыдущие тома сериала «Мир Реки» (а я имею в виду «В тела свои разбросанные вернитесь», «Сказочный пароход», «Темные замыслы» и «Магический лабиринт»), могут при желании воспользоваться их кратким изложением, приведенным в конце книги. Оно ознакомит вас с событиями и терминами, на которые ссылается данный текст. Я написал эту часть для того, чтобы избавиться от длинных повторений. К тому же многим читателям, вероятно, захочется освежить в памяти некоторые подробности и сюжетные линии.

В четвертом томе я назвал «Магический лабиринт» завершающей книгой сериала «Мир Реки». И хотя в этом не было никаких сомнений, мне почему-то захотелось оставить в последнем абзаце небольшую щелочку для продолжения. Очевидно, мое подсознание догадалось о том, что случится дальше, и оно (вот же черт!) заставило меня оставить маленькую лазейку для развития дальнейших событий. Через некоторое время после выхода в свет четвертой книги я задумался об огромных силах, которые попали в руки людей, прорвавшихся в башню. Я представил себе, каким соблазном и испытанием могло стать обладание подобными силами. Кроме того, мне казалось (и об этом писали в своих письмах читатели), что истины, открытые в четвертой книге, могли оказаться не последними.

Мнения и выводы об экономике, идеологии и политике, взгляды на сексуальные и другие вопросы меняются от персонажа к персонажу. Они зависят от знаний и предрассудков действующих лиц и не всегда совпадают с моими собственными.

Я же убежден, что все расы имеют равный потенциал сознания и каждому народу присущ один и тот же спектр гениальности, посредственности и глупости. У меня нет сомнений, что все расы одинаково наделены добром и злом, любовью и ненавистью, святыней и грехом. Вот уже шестьдесят лет я пристально изучаю мир, читаю прессу и книги, и мне больше не надо доказывать, что человеческая жизнь всегда была жестокой и комически абсурдной. Тем не менее я уверен, что все мы достойны искупления.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тридцать пять миллиардов людей из всех стран и исторических эпох Земли воскресли на берегах великой извилистой Реки, в честь которой был назван новый мир. Но вы можете вздохнуть с облегчением, потому что в этой истории будет задействовано лишь несколько персонажей.

ЛОГА, внук царя Приама; родился в двенадцатом веке до нашей эры и погиб в четырехлетнем возрасте от руки греческого воина во время падения древней Трои. Воскрешен и воспитан в Мире Садов внеземными негуманоидными существами. Став этиком и членом Совета Двенадцати, он занимался созданием Мира Реки и воскрешением всех землян, которые умерли в период между 99 000 годом до нашей эры и 1983 годом после Рождества Христова. Позже, вступив в противоборство со своими коллегами и превратившись в отступника, он вовлек некоторых воскрешенных землян в заговор, целью которого было уничтожение других этиков и их агентов, а также изменение первоначального плана, уготованного для людей, возрожденных в Мире Реки.

РИЧАРД ФРЭНСИС БЁРТОН (1821—1890), англичанин; *bete noire**, чья жизнь напоминала *cause celebre***. Знаменитый исследователь, первооткрыватель озера Танганьика; первый европеец, который вошел в запретный эфиопский город Харар и при этом остался живым; прекрасный лингвист, антрополог, переводчик, поэт, писатель и один из величайших фехтовальщиков своего времени. Выдав себя за мусульманина, он посетил Мекку, а затем написал лучшую из книг, посвященных этому священному городу. Его перу принадлежит наиболее известный перевод «Тысячи и одной ночи», ссылки и примечания которого раскрывают многие эзотерические тайны африканской и азиатской жизни.

* Невыносимый человек (*фр.*).

** Громкий судебный процесс (*фр.*).

АЛИСА ПЛЭЗНС ЛИДДЕЛЛ ХАРГРИВЗ (1852—1934), английчанка; дочь Генри Джорджа Лидделла, вице-канцлера Оксфордского университета, настоятеля церкви Христа-Спасителя, домашнего капеллана принца-консорта* и, наконец, соавтора известной «Греко-английской лексики» Скотта—Лидделла, которая в наши дни считается классическим греко-английским словарем. В десятилетнем возрасте мисс Харгривз вдохновила Льюиса Кэрролла написать «Алису в Стране Чудес» и стала прообразом главной героини.

ПИТЕР ДЖЕЙРУС ФРАЙГЕЙТ (1918—1983), американский писатель-фантаст.

АФРА БЕН (1640—1689), англичанка; во времена Чарльза II выполняла в Нидерландах тайные шпионские поручения; позже стала известной или, лучше сказать, скандальной писательницей новелл, поэм и пьес; первая женщина в Англии, зарабатывавшая на жизнь исключительно своими произведениями.

НУРЭДДИН ЭЛЬ-МУЗАФИР (1164—1258), родился в мавританской Испании; умер в Багдаде. Неортодоксальный мусульманин; суфий, последователь мистической и тем не менее довольно реалистической дисциплины, которой придерживался Омар Хайям.

ЖАН БАТИСТ АНТУАН МАРСЕЛИН, барон ДЕ МАРБО (1782—1854), француз; почти такого же небольшого роста, как и Нур, но очень сильный и подвижный человек. Сражаясь под началом Наполеона, он получил множество боевых ранений и показал себя отчаянным храбрецом. Его «Воспоминания жизни и походов» настолько очаровали Артура Конан-Дойля, что, основываясь на подвигах де Марбо, тот написал несколько рассказов о бравом бригадире Жераре.

ТОМ МИЛЬЕН ТЕРПИН (1871—1922), черный американец; родился в Саванне, штат Джорджия; умер в Сент-Луисе. Считался очень талантливым пианистом. В 1897 году его «Гарлемский рэгтайм» стал первой изданной пьесой, написанной черным композитором. В свое время Терпин был негласным хозяином самого опасного района Сент-Луиса, который славился бордельями, подпольными барами и притонами.

ЛИ ПО (710—762), родился в турецко-китайской семье, далеко от родины предков; умер в Китае, заслужив славу одного из величайших поэтов; считался пьяницей и мастером боя на мечах, неутомимым любовником и бродягой. В «Магическом лабиринте» он действовал под псевдонимом Тай-Пен.

ЗВЕЗДНАЯ ЛОЖКА, современница Ли По; женщина, которой пришлось пережить много бед как в Китае, так и в Мире Реки.

* Принц-консорт — супруг царствующей королевы. (Здесь и далее примеч. пер.)

*Все племена Земли и их судьбы — в Твоих руках,
Их цвета кожи и многочисленные языки — Твои,
Мы же — горсть из тех многих, коих Ты,
О великий Владыка хаоса, сделал разными.*

Древний египетский гимн

Междур прочим, ad больше половины рая.

Эдвин Арлингтон Робинсон. Люк Хэвергол

*Когда же Моисей ударил посохом в скалу,
он забыл отступить с пути потока
и потому едва не утонул в его водах.*

Книга Зохар

ГЛАВА 1

Лога трескался как яйцо.

В 10.02 изображение этика появилось на больших настенных экранах в комнатах его восьми гостей. Видеокамера находилась где-то под потолком, и они видели Логу только от голого пупка и выше — вплоть до точки в нескольких дюймах над его головой. Края стола почти совмещались с боковыми гранями экрана, поэтому за фигурой просматривались лишь узкие полоски пола и небольшая часть задней стены.

Лога походил на рыжего зеленоглазого Будду, который, прожив десяток лет на фабрике мороженого, давно перестал сопротивляться притягательности этого сладкого продукта. И хотя он потерял за последние три недели около двадцати фунтов, его торс по-прежнему бугрился от излишков жировых отложений.

Тем не менее это был радостный Будда. Его лицо сияло от счастья, когда он обратился к своим гостям на эсперанто:

— Я только что сделал удивительное открытие! Оно решит проблему... — Лога замолчал и встревоженно посмотрел направо. — Извините. Кажется, я что-то услышал.

— Вы и Фрайгейт становитесь параноиками, — проворчал Бёртон. — Мы обыскали башню вдоль и поперек, и ни в одной из 35 793 комнат...

Экраны мигнули. Фигура Логи дернулась, вытянулась в длину, а затем сжалась до карликовых размеров. Бёртон даже удивился. До сих пор он еще ни разу не замечал на экранах каких-либо помех и искажений. Однако через пять секунд изображение вновь стало устойчивым и четким.

— Яас? — спросил Бёртон на языке этиков. — Чем вы так взволнованы?

Электронное изображение загадочно мигнуло.

Бёртон испугался. Он сжал руками подлокотники кресла, и их неподатливая прочность убедила его в реальности происходивших событий. Хотя то, что он видел на экране, казалось абсолютно невозможным.

По лицу Логи поползли зигзагообразные трещины. Они тянулись от уголков губ и, пересекая щеки, уходили в волосы. Черные глубокие изломы проникали сквозь кожу и плоть, обнажая полость рта и кости черепной коробки.

Бёртон вскочил с кресла.

— Лога! Что происходит?

Трещины побежали по шее, по плечам и рукам, по груди и выпиравшему животу. Кровь брызнула на стол и заструилась по лопавшейся коже.

А потом, по-прежнему улыбаясь, Лога начал разваливаться на куски. Он упал на бок справа от стула, и Бёртон услышал звук, будто разбилось стекло. Теперь на экране виднелась лишь рука Логи — вернее, несколько ее частей, похожих на бутылочные осколки с каплями вина. Плоть и кровь пузырились и с шипением превращались в прозрачные лужицы. Бёртон оцепенел от ужаса, но крик Логи заставил его вскочить с кресла.

— Ай цаб ю!

После крика послышался глухой удар, словно на пол упало тяжелое тело.

Бёртон активировал голосом другие видеокамеры, однако комната Логи оказалась пустой. У стола поблескивали красноватые лужи с останками этика. Англичанин судорожно вздохнул.

На стене засветились квадраты экранов, и на них появились изумленные лица остальных семи землян. Темные глаза побледневшей Алисы расширились от испуга.

— Дик? Неужели это кричал Лога? Мне показалось, что я узнала его голос!

— Ты и сама видела, что с ним произошло! — ответил Бёртон. — Как же он мог кричать? В то время Лога был уже мертв!

Все заговорили, перебивая друг друга, и потрясение оказалось настолько большим, что каждый перешел на свой родной язык. Даже невозмутимый Нур сбился на арабские фразы.

— Тихо! — рявкнул Бёртон, вскидывая вверх руки.

До него дошло, что он говорит по-английски. Но это не имело большого значения, поскольку его команду поняли все

— Я знаю о происходящем не больше вашего. Однако ясно одно: кто-то пытается ввести нас в заблуждение. Предлагаю всем немедленно собраться у входа в апартаменты Логи. И прихватите с собой оружие!

Бёртон вытащил из шкафа два небольших лучемета. Еще час назад он мог бы поклясться, что они ему больше никогда не пригодятся. Каждый из лучеметов имел обычную пистолетную рукоятку и толстый ствол, на конце которого располагалась сфера размером с большое яблоко.

С экрана донесся голос Алисы:

— Неужели этот кошмар никогда не кончится?

— Кошмары долго не делятся, — ответил он.

Ее большие темные глаза затуманились, и на заостренном лице появилось отрешенное выражение, которое с некоторых пор выводило Бёртона из себя.

— Кончай, Алиса! — резко прикрикнул он. — Сейчас не время распускать юни.

— Со мной все в порядке, — ответила она. — И ты это прекрасно знаешь.

— Я еще не встречал таких людей, у которых было бы все в порядке.

Бёртон направился к выходу, и сенсорные датчики, узнав его, мигнули зелеными огоньками. Тем не менее дверь оставалась закрытой до тех пор, пока он не произнес на классическом арабском языке особый пароль, означавший «Сезам, откройся!». Примерно в то же время Алиса в своей комнате шептала на английском:

— «Кто ты?» — спросила гусеница».

Бёртон вышел в коридор, и дверь за ним бесшумно закрылась. Рядом находилось большое кресло из серого металла с мягкой обивкой алого цвета. Как только он опустился на сиденье, спинка плавно изменила форму в соответствии с контурами его тела. Бёртон ткнул пальцем в черный центр белого диска, расположенного на левом подлокотнике, и из такого же диска на правом подлокотнике появилась тонкая металлическая рукоятка. Едва он потянул ее на себя, как под массивным остовом вспыхнуло белое сияние. Кресло начало подниматься над полом и зависло на уровне двух футов. Легким движением управляющей рукоятки Бёртон развернул транспортное средство в противоположном направлении, а

затем, меняя скорость нажатием на черное пятно левого диска, полетел вперед по длинному коридору.

Он быстро промчался мимо настенных анимационных картин и присоединился к своим коллегам, которые, ожидая его, парили над полом в летающих креслах. Бёртон возглавил отряд и, слегка замедлив скорость, влетел в огромную вертикальную шахту, входное отверстие которой находилось в конце коридора. С легкостью, выработанной в результате большой практики, он поднялся по пологой дуге на следующий уровень, вылетел в другой коридор и через сотню футов остановился у входа в жилище Логи. Мягко опустив кресло на пол, Бёртон встал и подошел к двери. Вскоре появились остальные. Встревоженно переговариваясь друг с другом, они неохотно покидали свои транспортные средства.

В трехстах футах от шахты коридор пересекался с другим проходом. На поверхности стен и на потолке располагались подвижные картины с имитацией трехмерного пространства. Над головой сияло безоблачное небо. Вдали темнела горная гряда. Джунгли на переднем плане расступались в стороны, и взору зрителей открывалась широкая прогалина, на которой находилась деревушка с дюжиной глиняных хижин. Около домов виднелись фигуры смуглых людей, одетых в просторные одежды, которые индусы носили около 500 года до нашей эры. Неподалеку под деревом сидел стройный юноша в набедренной повязке. Вокруг него собралась дюжина мужчин и женщин, которые с восторгом слушали речи об истинном просветлении. Эта сцена не являлась выдумкой и изображала реального исторического Будду. Фильм был отснят агентом этиков — одним из тех мужчин и женщин, которые сидели рядом с великим мудрецом. По всей вероятности, видеокамера и система звукозаписи маскировались под видом перстней или бус. И хотя беседа казалась едва различимым бормотанием, словесные команды зрителя могли не только сделать разговор слышимым, но и обеспечить перевод хиндустани на любой известный этикам язык.

По особой команде картина могла источать запахи, которые окружали агента во время съемок. Однако зрители обычно предпочитали обходиться без них и имели на то веские причины.

Прямо перед Бёртоном находился пенек, на котором был нарисован священный символ — зеленый глаз внутри бледно-желтой пирамиды. В оригинальном фильме этот символ отсутствовал; он лишь отмечал вход в апартаменты этика.

— Если Лога заменил пароль для запоров двери, мы просто зря теряем время, — сказал Фрайгейт. — Нам никогда не прорваться внутрь.

— Но кто-то же к нему вошел, — напомнил Бёртон.

— Возможно, вошел, — добавил Нур.

Бёртон громко произнес имя этика — так громко, словно хотел активировать открывающие механизмы силой своего голоса. На стене появилась круговая трещина, достигавшая в диаметре десяти футов. Выделенный круг слегка подался внутрь, потом закрутился колесом и вкатился в широкий паз. Фрагмент картины на нем, не теряя четкости изображения, вращался вместе с поверхностью двери.

— Значит, туда мог войти кто угодно! — вскричала Алиса.

— Какая фатальная небрежность, — согласился Бёртон.

Смуглый мавр поморщил длинный нос и назидательно сказал:

— Человек, проникший в жилище Логи, мог изменить пароль и перенастроить механизмы замка.

— Как же это ему удалось? — спросил Бёртон. — И для каких целей?

— А как и для каких целей делались все эти приборы?

Бёртон осторожно прошел в отверстие, и остальные последовали за ним. Комната представляла собой куб со стороной в сорок футов. Стена за столом сохраняла бледно-зеленую окраску, но на трех других мелькали сцены подвижных картин: на левой демонстрировалась планета, которую этики назвали Миром Садов; на правой — один из тропических островов погибшей Земли; на передней стене бушевала гроза, снятая на пленку с большой высоты. Темные грозовые тучи клубились, как штурмящее море. Стрелы молний беззвучно носились от облака к облаку и исчезали во мгле.

Посреди картины, совершенно неуместные на фоне молний и туч, мерцали экраны мониторов. Они по-прежнему показывали комнаты восьми землян. На паркетном полу и полированном столе виднелись красноватые лужицы и мокрые пятна.

Бёртон повернулся к Фрайгейту:

— Надо сделать анализ жидкости. Пусть компьютер определит состав.

Американец, недовольно фыркнув, направился к секретеру и начал искать какую-нибудь емкость, чтобы набрать немного жидкости. Бёртон несколько раз обошел комнату по кругу, но не обнаружил ничего подозрительного. Его спутники

проверили записи других видеокамер, однако тот, кто убил Логу, предусмотрительно отключил всю аппаратуру слежения.

Нур, Бен и Терпин приступили к осмотру ближайших помещений. Бёртон велел компьютеру показать эти комнаты на экранах. Там никого не было, но, поскольку трое его коллег направлялись туда на поиски улик, он хотел, чтобы они оставались под постоянным наблюдением. Убийца превратил Логу в жидкость, так почему бы ему не сделать то же самое и с остальными?

Бёртон остановился около лужицы на полу и макнул палец в жидкость. Осмотрев кончик пальца, он выпрямился и поднес руку к лицу.

— Неужели ты хочешь попробовать это на вкус? — спросила Алиса.

— Сказать по правде, не очень. В каком-то смысле Лога был довольно ядовитым существом. К тому же это может показаться разновидностью каннибализма... или христианского причастия. — Лизнув палец, он скривил губы и произнес: — Масса мессы обратно пропорциональна вере, возведенной в квадрат.

Его поступок не произвел на Алису большого впечатления — в этом мире ей довелось повидать и более омерзительные вещи. Тем не менее она поморщилась от отвращения, вызванного в основном его богохульными словами.

— На вкус как обычная человеческая кровь, — добавил Бёртон.

В комнату вошли Нур, Бен и Ли По.

— Мы никого не нашли, — сказал китаец. — Убийца исчез словно призрак.

— Дик, а что именно прокричал напоследок Лога? — спросила Афра Бен.

— Бряд ли этот крик принадлежал ему. Ты же видела, как он трескался и плавился. Покойники обычно не кричат и ведут себя довольно тихо.

— Но я узнала его голос, — возразила Бен. — Ладно, давай не будем спорить. Мне просто хочется понять, что означает эта фраза?

— «Ай цаб ю». На языке этиков она означает: «Кто ты?»

— То же самое спросила и гусеница, — прошептала Алиса.

— На что Алиса в Стране Чудес так и не нашла ответа, — произнес Бёртон. — Все это смахивает на сумасшествие.

Фрайгейт подозревал их к приборной консоли в углу комнаты.

— Я поместил образец в прорезь идентификатора и велел компьютеру опознать человека по этим останкам. Вот, смотрите сами. В 1983 году наши криминалисты могли определять только группу крови, но этики...

По требованию Фрайгейта все ответы компьютера выдавались на английском языке. На экране появилась надпись. «СУЩЕСТВО ОПОЗНАНО: ЛОГА».

Ниже приводились результаты анализа. Вещество, взятое на пробу, имело те же элементы, что и человеческая плоть. Все пропорции совпадали, и единственное отличие заключалось в том, что некогда плотное тело находилось теперь в жидком состоянии.

— Я думаю, нам не следует слепо доверять компьютеру, — произнес Нур.

Бёртон повернулся и посмотрел на него:

— Что ты этим хочешь сказать?

— В программу компьютера можно вносить изменения. Кто-то мог сфабриковать результаты анализа и подсунуть их нам как ответ машины.

— То есть ты подозреваешь, что это сделал сам Лога?

Нур пожал худощавыми плечами:

— Или Лога, или тот неизвестный нам человек, который находится в башне. Вспомни, что Питу послышался какой-то шум, когда мы праздновали нашу победу.

— Точно! — воскликнул Бёртон. — Шаги в коридоре! Но Фрайгейт сказал, что это ему только показалось!

— А если не показалось?

Необходимость в использовании консоли отпала. Диалог с главным компьютером можно было вести в любом месте башни, поэтому Бёртон задавал свои вопросы, стоя посреди комнаты. Часть стены перед ним превратилась в овальный экран, и бегущая строка сообщила, что никаких несанкционированных вторжений в жилище Логи не происходило. Это опровергало их предположение об изменении пароля и перепрограммировании дверного замка.

— В общем, я того же мнения, — сказал Бёртон. — Хотя наш предполагаемый незнакомец мог ввести в компьютер и этот ответ. Но если он просчитал даже такой вопрос, тогда... о Боже, мы получили большую проблему!

— Я надеялся, что все прояснится само собой, — бормотал Фрайгейт. — Я думал, все станет простым и логичным. Хотя кому как не мне знать, что так никогда не бывает. — Он замолчал, а затем тихо добавил: — Лога рассыпался на куски,

словно Шалтай-Болтай. Но в отличие от него Шалтай-Болтай развалился на части уже после падения. И потом он превратился в воду, как злая Ведьма Запада.

Бёртон, чья смерть приходилась на 1890 год, не понял последней ссылки. Ему захотелось задать американцу несколько вопросов, но он отложил их до более спокойных времен.

Алиса предложила вызвать робота-уборщика, чтобы привести помещение в порядок. Однако Бёртон, подумав немного, решил оставить комнату в том виде, в каком они ее нашли. Когда все вышли в коридор, он настроил механизмы замка на слово, известное лишь ему одному, и тщательно закрыл за собою дверь. Отныне, если бы она оказалась открытой...

«И что бы ты тогда делал? — спросил себя Бёртон. — В том-то и дело, что ничего!»

Тем не менее он знал бы, что сюда кто-то входил.

— Мы должны притвориться, что поверили ответам компьютера, — сказал Нур.

— Ты считаешь, что он выдает нам ложную информацию? — спросил Фрайгейт.

— Это вполне возможно.

— А что ты скажешь по поводу жидкости? — спросил его Бёртон. — Между прочим, у нее вкус настоящей крови.

— Жидкость могли синтезировать в конвертере как ложную улику. Что касается крика Логи, то это, скорее всего, запись, которую воспроизвели для того, чтобы ввести нас в заблуждение.

— Но зачем тогда понадобилось убивать Логу в момент общей связи? — спросила Алиса. — Разве не логичнее было бы похитить его тайком? Мы бы подумали, что он просто покинул башню и улетел куда-то по своим делам.

— А с какой стати ему отсюда улетать? — вскричал Бёртон.

— Не забывайте, что послезавтра мы хотели вернуться в долину, — сказал Ли По. — Если Лога планировал избавиться от нас, то ему оставалось подождать лишь два дня. Нет, эта жидкость... и вся история... В башне есть кто-то еще.

— Значит, нас теперь здесь десять, — с усмешкой произнес Нур.

— Десять? — удивленно переспросил Бёртон.

— Считайте сами: мы плюс неизвестный, который расправился с Логой — хотя я не представляю, как он это сделал в одиночку, — плюс страх. Поэтому нас здесь по меньшей мере десять.

ГЛАВА 2

— В каком-то смысле мы сейчас как боги, — сказал Фрайгейт.

— Боги, заключенные в тюрьму, — ответил Бёртон.

Кем бы они себя ни считали, их унылые физиономии абсолютно не походили на счастливые и самодовольные лики богов. Осмотрев жилище Логи, отряд землян отправился на верхний этаж башни, где в огромном ангаре располагалась стоянка воздушного и космического транспорта этиков. Здесь находилось около двухсот самолетов и кораблей, каждый из которых мог бы доставить людей в любое место долины. Однако для взлета им требовалось раздвинуть створки огромного люка, а компьютер, несмотря на все их приказы, упорно отказывался выполнять эту команду. К сожалению, механизмы люка не имели ручного управления.

Таинственный Незнакомец, превративший Логу в жидкость, внес в программу компьютера серьезные изменения. И теперь он контролировал не только транспорт башни, но и все входы и выходы.

Отряд землян остановился в углу огромного ангаря. Монотонный серый цвет потолка, пола и стен навевал невеселые мысли о тюремных камерах. Перед ними возвышались мощные машины, похожие на блюдца, сосиски и жуков. Они словно замерли в задумчивом молчании, тоскуя о полетах и синем небе. Им тоже хотелось на волю. Но вот только с кем?

У противоположной стены, в тысяче футах от них, стояло самое большое космическое судно. Максимальный диаметр сигарообразного пятисотфутового корпуса равнялся двум пятым его длины. Этот корабль использовался для полетов на планету Садов, куда, по словам Логи, надо было лететь около ста лет по земному времени. Этик рассказывал, что благодаря компьютерам и автоматизации кораблем мог управлять любой человек среднего уровня развития, с начальными знаниями в науке и технике.

— Итак, у нас возникли серьезные и неотложные проблемы, — произнес наконец Бёртон. — Мы должны выяснить, кто расправился с Логой, а затем отменить изменения, внесенные в программу главного компьютера.

— Все верно, — сказал Нур. — Но прежде чем мы займемся этими вопросами, нам не мешало бы узнать свои пределы в работе с искусственным мозгом. Когда воин готовится к бою, он оценивает свои сильные и слабые стороны с той же тщательностью, с какой женщина рассматривает в зеркале лицо.

Поступая таким образом, мы одолеем не только силу врага, но и его слабости.

— Если только он наш враг, — добавил Фрайгейт.

Остальные посмотрели на него с удивлением.

— Он прав, — заступился за американца Нур. — Не надо мыслить старыми категориями. Пришла пора научиться новому подходу.

— Но кем же еще может быть этот незнакомец? — спросила Афра Бен.

— Не знаю, — ответил Фрайгейт. — После всех хитростей и уловок Логи я даже на сотую часть процента не уверен в том, что он действовал на благо людей и поступал с нами по-честному. Этот неизвестный нам человек... мог покончить с ним по вполне обоснованной причине. Хотя...

— Если ему мешал только Лога, то теперь незнакомцу не о чем беспокоиться, — сказал Бёртон. — Но тогда почему он скрывается от нас, как будто боится нашей мести? Неужели он не понимает, что на самом деле мы беспомощны как дети? Нам доступна невероятная технология, однако мы не знаем даже доли своих возможностей.

— Это не совсем так, — возразил Нур. — К тому же Пит предлагает другой подход к оценке событий. Тем не менее его вариант до поры до времени бесполезен, и нам следует считать незнакомца своим врагом, пока мы не убедимся в обратном. У кого-нибудь есть другие предложения?

Все молча пожали плечами.

— Я целиком согласен с тем, о чем вы говорили, — произнес Том Терпин. — Однако мне кажется, что прежде мы должны защитить себя и создать надежную оборону, чтобы случай с Логой не повторился еще раз.

— Пожалуй, мы так и поступим, — сказал Бёртон. — Но если незнакомец может аннулировать любую нашу команду...

— Нам надо держаться вместе! — перебила его Алиса. — Восемь против одного — это реальная сила! Мы просто должны не упускать друг друга из виду!

— Возможно, ты права, — ответил Бёртон. — Во всяком случае нам следует обсудить твое предложение. Но сначала я предлагаю покинуть это мрачное и унылое место. Давайте вернемся в мой кабинет.

Внутренняя дверь ангара открылась. Они вылетели в коридор и направились к ближайшей вертикальной шахте. Следующий уровень располагался в пятистах футах ниже, и Бёртон всю дорогу гадал о том, что могло находиться между двумя

верхними этажами башни. В конце концов он решил спросить об этом у главного компьютера.

Открыв дверь своим паролем, Бёртон пригласил спутников в комнату и приступил к обязанностям хозяина. Часть стены скользнула в паз, и большой складной стол, спрятанный в нише, перенесся в центр зала. Столешница раскрылась в круг, ножки вытянулись и зафиксировались в нужном положении, а затем стол плавно опустился на пол. Восемь человек расставили вокруг него стулья, и Бёртон принес напитки, приготовленные конвертером, который преобразовывал энергию в любые материальные предметы. Чуть позже хозяин занял свое место, где мог бы сидеть король Артур, если бы этот круглый стол находился в тронном зале Камелота.

Бёртон отпил глоток черного кофе и сказал:

— Идея Алисы довольно хороша. Однако она предполагает, что мы все какое-то время будем жить в одном помещении. Причем это помещение не должно быть слишком большим. Я предлагаю перейти в тот многокомнатный номер, который находится около вертикальной шахты. В нем есть десять спален, лаборатория, компьютерный зал и большая столовая. Таким образом, мы можем работать, отдыхать и присматривать друг за другом.

— А заодно действовать друг другу на нервы, — добавил Фрайгейт.

— Жить так близко от женщин — это большое искушение, — сказал Ли По. — Я ведь могу и не удержаться.

— Мы все соскучились по своим подругам, кроме Марцелина и, возможно, Нура, — отозвался Терпин. — И знаете, парни, это действительно будет непростой и трудный период!

— Между прочим, Алиса в таком же положении, — сказала Афра Бен. — Ей тоже нужен мужчина.

— Мы собирались здесь не для того, чтобы обсуждать мои проблемы, — резко оборвала ее Алиса.

Бёртон постучал кулаком по столешнице и сердито прорычал:

— Давайте сначала о главном! — Когда наступила тишина, он тихо добавил: — Несмотря на все неудобства и стесненность, мы должны выступить общим фронтом и создать сплоченный отряд. Поэтому я предлагаю не тратить время на ерунду, а приступить к разработке конкретных действий. Мы пережили вместе много бед и испытаний. И наша команда не раз справлялась с серьезными затруднениями. К сожалению, среди нас недавно возникли некоторые трения, но мы должны

переступить через свои гордость и амбиции, поскольку, сражаясь в одиночку, нам не выжить в битве с опытным и хитрым противником. Есть ли такие, кто против предложенного сотрудничества?

— Но ведь любой, кто будет настаивать на жизни порознь, тут же навлечет на себя всеобщее подозрение, — напомнил Нур.

Бёртон вновь ударили кулаком о стол, прерывая возникший ропот.

— Я понимаю, что никому из вас не нравится эта толчая в небольшом и закрытом пространстве. Однако мы терпели и худшее. Все зависит только от нас самих. Чем больше будет вклад каждого в общее дело, тем быстрее мы вернемся к своим личным интересам.

Алиса нахмурилась, и он понял, о чем она подумала. После их финального разрыва она избегала его общества, как только могла. И вот теперь...

— Считайте, что вас сажают в лучшую тюрьму, какая только есть в двух мирах, — пошутил Фрайгейт.

— Тюрьма всегда остается тюрьмой, какой бы хорошей она ни была, — ответил Терпин. — Слушай, Пит, а ты когда-нибудь сидел по-настоящему?

— Только один раз в жизни, — ответил Фрайгейт. — Да и то несерьезно.

Бёртон знал, что Питер говорил неправду. Фрайгейт оказывался в тюрьмах Мира Реки несколько раз — включая муничильное рабство у Германа Геринга. Впрочем, он опять мог ссыльаться на какую-то метафору, о которой Бёртон ничего не слышал. Фрайгейт был любителем метафор и веселых каламбуров — изворотливый остряк и милый лжец, который, оправдывая себя, обычно цитировал фразу Эмили Дикинсон: «Успех в потоке лжи». Хотя порою он говорил о себе как о «писаке, который за неимением нужных слов описывает реальность тем, что привычно умещается в руке».

— Ладно, капитан, что мы будем делать дальше? — спросил Фрайгейт.

Прежде всего они решили осмотреть свои новые апартаменты и перенести туда вещи, которые считали необходимыми. Чтобы не расходиться по одному, осмотр проводили вместе, по ходу дела выбирая себе спальные комнаты. Алиса облюбовала самую дальнюю от Бёртона комнату, и тот лишь свирепо усмехнулся, узнав, что рядом с ней поселится Питер Фрайгейт.

Американец никогда не скрывал своей влюбленности в Алису Плээнс Лидделл Харгривз, и его безответное чувство считалось в их группе общезвестным фактом. Между тем он влюбился в нее еще в 1964 году, когда, просматривая книгу о Льюисе Кэрролле, увидел две ее фотографии в возрасте десяти и восемнадцати лет. Позже Фрайгейт написал мистический рассказ «Валет червей», в котором тридцатилетняя Алиса изображалась в роли детектива-любителя. В 1983 году он организовал сбор публичных пожертвований для установления монумента на семейном кладбище Харгривзов в Линдхарсте, где находилась ее неприметная могила. Однако времена тогда были тяжелые, сбор дал лишь незначительную сумму, а потом Фрайгейт умер, так и не дождавшись завершения проекта. Тем не менее он надеялся, что теперь над могилой Алисы возвышалось мраморное изваяние, на котором она изображалась сидящей за чайным столом в одной компании с Мартовским Зайцем, Соней и Болванщиком. Выше ее светило только солнце и сияла улыбка Чеширского Кота.

Встреча с реальной Алисой еще больше разожгла его любовь, вопреки тому, что могли бы ожидать циники. Чувства, навеянные грезами, обрели телесную основу, но он и словом не обмолвился о своей страсти ни самой Алисе, ни Бёртону. Фрайгейт уважал и любил этих двух людей так сильно, что боялся необдуманным поступком бросить тень на их статус и честь. Тем более что Алиса не проявляла к нему ни малейшего расположения, хотя в принципе это ничего не значило, поскольку она в подобных случаях предпочитала скрывать свои чувства. В ней уживались две противоречивые личности — Алиса на людях и Алиса в личной жизни. Возможно, существовала и третья персона, но о ней она ничего не знала и не желала знать.

Несмотря на тревогу, вызванную утренними событиями, они обустроились на новом месте еще за два часа до ленча. Решив не выдвигать из ниши приборную панель, Бёртон велел компьютеру воспроизвести экран и клавиатуру на голой стене. При желании он мог бы затребовать их на полу или на потолке, но это создало бы только дополнительные трудности. Кроме того, на полу лежал толстый ковер, который несведущий человек посчитал бы персидским или сирийским. Его смоделировали в Мире Садов, после чего информационная копия была отправлена в башню, где главный компьютер воспроизвел оригинал в масс-энергетическом конвертере.

Экран возник на ближайшей стене — примерно на уровне лица. Если бы Бёртон ходил по комнате, изображение следовало бы за ним, перемещаясь на другие стены.

Назвав имя и идентификационный код Логи, Бёртон потребовал указать то место, где находилось живое тело этика. Компьютер тут же ответил, что его тело как таковое нигде не обнаружено.

— Значит, он все-таки умер! — прошептала Алиса.

— Где информационная копия, снятая с тела Логи? — спросил Бёртон.

Чтобы просканировать тридцать пять миллиардов записей, хранившихся в глубинах башни, компьютеру потребовалось всего лишь шесть секунд.

— Оно не обнаружено.

— О мой Бог! — воскликнул Фрайгейт. — Неужели его запись стерли?

— Необязательно, — ответил Нур. — Компьютер мог дать нам такой ответ по указанию незнакомца.

Если мавр был прав, опрос компьютера не имел никакого смысла. Тем не менее Бёртон задал еще один вопрос:

— Кто-нибудь может приказать тебе не подчиняться последним приоритетным командам?

Нур засмеялся. Фрайгейт покачал головой и тихо произнес:

— Ну ты, парень, и даешь!

На экране появился ответ: «НЕТ».

— Я приказываю тебе считать все мои будущие команды приоритетными, — продолжал Бёртон. — С настоящего времени все предыдущие команды отменяются.

«ОТКАЗАНО. НЕФУНКЦИОНАЛЬНО».

— Кто имеет право на изменение директив и команд? — спросил Бёртон.

«ЛОГА. КГР-12У-373-Н».

— Но Лога мертв!

Надпись на экране не изменилась.

— Можешь ли ты подтвердить, что Лога мертв? — повторил Бёртон.

«ОТВЕТ ВНЕ ОБЛАСТИ ПАМЯТИ».

— Кто может командовать тобой во время отсутствия Логи?

На экране появились имена восьми людей и их идентификационные коды. Ниже каждого имени мигала надпись: «ДОСТУП ОГРАНИЧЕН».

— И насколько же нас ограничили?

Ответа не последовало, поэтому Бёртон сформулировал вопрос по-другому.

— Укажи пределы доступа для восьми операторов, список которых ты только что представил.

Экран потемнел и через шесть секунд заполнился перечнем команд, которые компьютер соглашался принимать от каждого из них. Мерцающие буквы оставались на стене около минуты. Через шестьдесят секунд новая страница текста сменилась следующей, и к тому времени когда на экране появилась строка под номером 89, Бёртон понял, к чему привело его указание.

— Это может продолжаться часами, — сказал он остальным. — Машина выдает нам подробный список всех доступных команд.

Приказав остановить показ, Бёртон велел компьютеру отпечатать перечень в восьми экземплярах.

— Я даже не смею спрашивать о списке запретов. Боюсь, он может оказаться бесконечным.

Бёртон потребовал проверить все 35 793 помещения, и через пару минут компьютер доложил, что, кроме восьми землян, в башне не обнаружено ни одного живого существа. Как, впрочем, и мертвого тоже.

— Однако мы знаем, что Лога имел несколько тайных убежищ, не зарегистрированных в памяти компьютера, — задумчиво произнес Бёртон. — Он о них почти ничего не говорил, но одна из этих комнат нам все же известна. Вот только где искать остальные?

— Ты думаешь, что незнакомец прячется в одной из них? — спросил Нур.

— Не знаю. Во всяком случае, это вполне возможно. Надо попробовать найти его тайные норы.

— Мы можем сравнить реальные размеры башни с теми параметрами, которые указаны на схемах, — сказал Фрайгейт. — Но, мой Бог! Такая работа займет несколько месяцев, и комнаты могут оказаться настолько хитро запрятанными, что мы их все равно не найдем.

— Кроме того, это почти так же интересно, как очистка плевательниц, — добавил Терпин.

Устроившись на круглом стуле у большого пианино, он начал наигрывать «Рэгтаймочных кошмаров». Бёртон подошел к нему и встал рядом.

— Нам очень нравится слушать твою игру, — сказал он, хотя на самом деле его раздражала музыка подобного типа. —

Но сейчас мы обсуждаем жизненно важный вопрос, в буквальном смысле этого слова. Теперь не время развлекаться и переключаться на что-то другое. Нам необходим ум каждого из нас. Иначе мы все можем погибнуть из-за того, что кто-то не принял участия в обсуждении.

Руки Тома продолжали бегать по клавишам, как два больших паука. Он взглянул на Бёртона, и его губы растянулись в улыбке. Долгое, утомительное и опасное путешествие уменьшило вес музыканта до ста семидесяти пяти фунтов. Однако, попав в башню, он упорно поглощал еду и спиртное, и теперь его лицо снова сияло, как полная луна. Большие зубы казались ослепительно белыми на фоне темной кожи, которая, кстати, выглядела немного светлее, чем у самого Бёртона. Темно-коричневые волосы не завивались маленькими кольцами, а ниспадали на плечи волнами. На Земле он мог бы сойти за белого, но вместо этого предпочел остаться в черном мире американских негров.

«Я простой ниггер, которого вы можете пнуть, когда захотите, — как он иногда шутил, говоря о себе. — И даже в Хорошей Книге сказано, что, если белая нога бьет по черной заднице, в этом нет никакого греха, ибо то творится лишь пользы ради».

После этого он обычно заливался веселым смехом, совершенно не заботясь о том, как относился к его словам собеседник.

— Мне показалось, что легкое музыкальное сопровождение лишь украсит ваши умные речи. Сам-то я не очень рассудителен.

— У тебя прекрасные мозги, и они нам могут здорово помочь, — ответил Бёртон. — Кроме того, в нашей маленькой армии на счету каждый солдат. Если мы начнем разбредаться по углам, игнорируя реальную опасность, наш отряд превратится в дезорганизованную толпу.

— А ты, значит, будешь нашим командиром, верно? — с усмешкой спросил Терпин. — Ладно, парень, ты меня убедил.

Резко оборвав мелодию, он убрал руки с клавиш и поднялся.

— Веди нас, славный Макдафф.

Подавив вспышку гнева, Бёртон отошел к столу. Терпин следовал за ним по пятам, вероятно, строя за его спиной смешные гримасы. Как только Бёртон остановился у кресла, музыкант самодовольно занял свое место и с улыбкой уставился в потолок.

— Я предлагаю отложить обсуждение ситуации до того момента, когда мы все ознакомимся с содержанием списка, — произнес Бёртон, указывая на устройство, которое складывало и брошюровало листы, вылетавшие из прорези в стене. — Мы можем составить реальный план действий только после того, как поймем свои возможности и ограничения.

— На это уйдет немало времени, — сказал де Марбо. — Похоже, здесь даже не книга, а целая библиотека.

— Тем не менее нам придется с ней ознакомиться.

— Ты говоришь об ограничениях, и в этом есть резон, — произнес Нур. — Но даже при ограниченном доступе к компьютеру мы обладаем огромными силами, которые не снились даже величайшим королям Земли. Такие силы создают большие возможности, и потому их следует рассматривать как собственную слабость. Они будут подталкивать нас к злоупотреблениям и небрежности. И я молю Бога, чтобы нам хватило твердости противостоять их соблазнам.

— В каком-то смысле мы действительно подобны богам, — сказал мечтательно Бёртон. — Люди, наделенные божественными силами, или, вернее, полубоги.

— Полудурочные боги, — поправил его Фрайгейт.

Бёртон взглянул на него и с улыбкой сказал:

— Мы через многое прошли на Реке, и она молотила нас, как зерно, отсеивая мякину. Я надеюсь, нам удастся одолеть и это испытание. Хотя... поживем — увидим.

— Поэтому ищите врага не среди чужаков, а в самих себе, — подытожил Нур.

И смысл его слов был понятен каждому.

ГЛАВА 3

Древнегреческий философ Гераклит утверждал, что судьбу определяет характер.

Бёртон вспомнил об этом, расхаживая взад и вперед по своей спальне. Впрочем, Гераклит немного ошибался, поскольку, несмотря на бесспорное своеобразие, характер каждого человека формировался под влиянием окружения. Любое окружение тоже являлось уникальным, и каждое место во Вселенной по-своему отличалось от других. Более того, характер человека можно было рассматривать как часть среды его обитания. Таким образом, судьбы людей зависели не столько от их характера, сколько от частных возможностей и воздействий окружения, которое включало в себя и весь человеческий род.

Эго человека содержало в себе память о каждом месте, в котором тот когда-либо обитал. В каком-то смысле эти воспоминания состояли из более плотной эктоплазмы, и поэтому именно они определяли направления и пути, по которым двигалось их передвижное обиталище, то есть человек, считавший себя независимым.

Еще один мудрец, на этот раз еврей, сказал, что «нет ничего нового под солнцем».

Древний проповедник никогда не слышал об эволюции и не знал, что под этим самым солнцем время от времени возникали все новые и новые виды. Кроме того, он не учитывал уникальности каждого новорожденного ребенка — существа доселе невиданного под солнцем и луной. Как и все мудрецы, проповедник говорил лишь полуистины.

И все же он сказал правду, заявив, что есть время для действия и время для бездействия. Хотя некоторые греческие философы не согласились бы с ним, настаивая на том, что бездействие уже само по себе является действием. Философские разногласия греков и евреев определялись их отношением к миру. Гераклита интересовала абстрактная этика, а проповедника — ее практическое приложение. Первого озадачивал вопрос «почему», второго — вопрос «как».

Бёртон решил, что в этом мире проще жить под лозунгом «как». Но для понимания всего потенциала человечества им требовалось исследовать «как» и «почему». Отбросив второе, они вели бы себя неверно и с первым.

Вместе с семью другими землянами он пробрался в башню, возведенную на полюсе посреди северного моря. Этот огромный водоем, диаметром в шестьдесят миль, окружала горная гряда, высота которой достигала двадцати тысяч футов. Великая Река, впадая в море, отдавала ему почти все свое тепло, а затем вытекала с другой стороны, чтобы вновь продолжить свой бег по планете. Густой туман, подобный мгле у входа в ад, скрывал башню до самой вершины, несмотря на то что она возносилась на десять миль от поверхности моря. Основание башни находилось ниже вод — глубоко под землей на уровне пяти-шести миль.

Центральная шахта башни вмещала в данный момент несколько миллиардов ватанов. Этот термин, обозначавший искусственные души, этики заимствовали у существ, которые исчезли миллионы лет назад. Неподалеку от башни, глубоко под землей, располагались огромные помещения, где хранились записи тридцати пяти миллиардов землян, которые

жили между 100 000 годом до нашей эры и 1983 годом от Рождества Христова.

Когда в этом мире умирал кто-нибудь из людей, главный компьютер направлял соответствующую запись в конвертер, и тот воспроизводил воскресенное тело на берегу Реки. Ватан, или невидимая синтетическая душа, которая содержала в себе все, что делало человека чувствующим существом, притягивалась к телу, как железо к магниту. В момент их соединения мужчина или женщина, умершие сутки назад, оживали.

Из тридцати пяти миллиардов людей Бёртон умирал, пожалуй, чаще всех. Как человек, переживший семьсот семьдесят семь смертей, он мог бы считать себя рекордсменом. Лишь несколько других отчаянных храбрецов вели на Земле и в Мире Реки такую же активную жизнь, как он. Ему явно недоставало триумфов и сладких мгновений, но зато с избытком хватало неудач и тревог. И хотя он любил говорить, что плохого и хорошего случалось с ним поровну, книга его жизни писалась в основном красными чернилами, то есть цветом крови. Весы его судьбы все время склонялись в сторону бед, но, несмотря на это, он отказывался объявлять себя неудачником. Бёртон и сам не знал, что заставляло его сражаться и цепляться за жизнь. Возможно, он все еще надеялся выпарить судьбу и внести в нее провозглашенное равновесие.

А что потом?

Он даже представить не мог своего будущего. Однако это «что потом?» питало пламя его свечи.

И вот, после сотен воскресений, подгоняемый силами, которые ускользали от его понимания, Бёртон оказался в огромной башне на вершине мира. Насколько он знал, это здание воздвигли для того, чтобы дать землянам какой-то шанс бессмертия — не физической вечности, а возвращения к Творцу или, вернее, растворения в том, что породило их сознание.

Создатель, если таковой действительно имелся, по каким-то причинам не наделил разумные существа бессмертными душами. На самом деле это понятие, которое так долго фигурировало в религиях, оставалось прекрасной мечтой, то есть желанным, но нереальным явлением. Однако разум превратил сказку в быль, и этики создали души. По правде говоря, Бёртон и другие земляне не возражали против их проекта. Людей возмущал лишь тот факт, что у них не спросили согласия. Этики никому не оставили выбора. Нравилось это человеку или нет, он все равно становился Лазарем. Более того, ему никто не объяснял причин и способа воскрешения.

По словам Логи, им просто не хватило бы времени для таких предварительных бесед. Если бы, к примеру, тысяча их агентов тратили по часу на опрос тысячи человек, то на все мероприятие потребовалось бы тридцать пять миллиардов часов. При увеличении числа агентов до пятидесяти тысяч на подобные интервью ушло бы полмиллиона часов. Причем их людям пришлось бы работать по двадцать четыре часа в сутки примерно пятьдесят семь лет.

А что бы изменил подобный опрос? Почти ничего. От воскрешения отказалось бы максимум десять или двенадцать миллионов. Даже такой пессимист, как Сэм Клеменс, не задумываясь, выбрал бы жизнь, несмотря на свои заверения, что он нуждается лишь в вечном покое и безмолвии смерти. Ему наверняка захотелось бы взглянуть на другую планету, условия которой отличались от земных, а сотня различных доводов заставила бы его изменить свои взгляды на тщетность и суетность существования. То же самое касалось и всех других людей, которые по тем или иным причинам считали, что их жизнь на Земле была неудачной, жалкой и недостойной воспоминания.

— Нам приходилось рассматривать все человечество как однородную массу, — рассказывал Лога. — Иначе мы просто не управились бы с таким количеством людей. Тем не менее я настоял на нескольких исключениях, одним из которых стал ты. Много лет назад мы дали тебе возможность увидеть тела людей перед их воскрешением, и твой рассказ положил начало первому мифу в истории Мира Реки. Чуть позже наш человек посетил канадца Ла Виро и поделился с ним сведениями, на основе которых возникла Церковь Второго Шанса. Ее миссионеры, распространяя учение, раскрывали людям некоторые истины относительно их нового положения. Они ставили акцент на этических причинах воскрешения в этом мире и утверждали, что только духовное и моральное развитие личности может привести человека к окончательной свободе и бессмертию.

— Почему же вы сами не сказали нам правду? — спросил его Бёртон.

И прежде чем Лога заговорил, он уже нашел ответ на свой вопрос.

— А-а, понимаю! По той же причине, по которой вы не могли провести предварительный опрос.

— Все верно. Но даже если бы мы появились в долине и рассказали вам об истинном положении дел, нам поверило бы

только несколько процентов от общего числа людей. Более того, наши учения были бы извращены и по этой причине отвергнуты почти каждым человеком. Я не спорю, данный подход имел свои плюсы и минусы. Тем не менее мы считали его наилучшим, поскольку помнили об ошибках, совершенных нашими предшественниками во время таких же процедур на других планетах. Помимо прочего, в День Воскрешения нам пришлось бы говорить с землянами на сотне тысяч языков, но и тогда нас многие просто бы не поняли. Весть об истинном пути развития разошлась по Миру Реки лишь после того, как Церковь Второго Шанса сделала эсперанто общим языком планеты.

— Я даже боюсь спрашивать о предыдущих проектах... — замялся Бёртон. — Но все-таки скажи, какой вы имели там процент «продвинувшихся».

— В Мире Садов он составил три четверти от числа перенесенных туда людей, — ответил Лога. — Оставшуюся четверть... Одним словом, их записи были изъяты из памяти компьютера, когда отведенный им период подошел к концу.

— Они умерли, или их убили? — спросил Бёртон.

— Многие из них действительно убили друг друга или покончили жизнь самоубийством.

— Многие, но не большинство. Я правильно тебя понял?

Лога пропустил это замечание мимо ушей.

— Всего в предыдущих проектах на стадию «продвижения» перешла одна шестнадцатая часть воскрешенных. Я имею в виду взрослых, а не детей. Каждый из этих проектов имел, по крайней мере, две фазы. Здесь мы оживили сначала тех, кто умер до 1983 года. Второй и заключительной фазой должна была стать работа с оставшейся частью человечества.

— Но после твоего вмешательства первая фаза растяняется на более долгий срок, чем планировалось в начале эксперимента, — напомнил Бёртон.

— Мне кажется... Я уверен, что процент «продвинувшихся» будет намного выше, если воскрешенным дать больше времени. Я не мог примириться с духовной гибелью, на которую обрекались миллиарды претендентов, и, чтобы отсрочить их смерть, мне пришлось стать отступником и убийцей. Я предал своих товарищей, приговорив себя к тому, что уже никогда не буду «продвинувшимся». И моим единственным оправданием является тот факт, что я сделал это из любви к людям.

В физическое воскрешение верили и христиане и мусульмане. И вот оно действительно наступило. Однако замысел этиков

больше соответствовал буддизму — они добивались слияния души с Всесущим Первоначалом.

Во время того разговора Лога уловил ход его мыслей и с улыбкой спросил:

— Скажи мне, Дик, только честно... Неужели ты действительно не веришь, что можешь стать «продвинувшимся»? Неужели надежды на это нет даже в самом сокровенном уголке твоего ума?

Бёртон с удивлением посмотрел на Логу и, помолчав, задумчиво ответил:

— Вера есть, но не в то, о чем ты говоришь. Я просто не могу принять такие вещи, как переход на новый уровень бытия. Кроме того, нет никаких доказательств, что стадия «продвижения» существует.

— Она существует, Дик! Когда разумное существо умирает, достигнув особой стадии — давай назовем ее добротой, а не этическим совершенством, — наши приборы больше не воспринимают его ватан, или то, что вы считаете душой.

— Это означает только исчезновение ватана, — произнес Бёртон. — На самом деле ты не знаешь, что с ним происходит дальше.

— В конце концов мы снова возвращаемся к вере, не так ли? — с улыбкой спросил Лога.

— На Земле я часто видел, к чему приводит слепая вера, но это были в основном неприятные впечатления, — ответил Бёртон. — И вообще, почему бы нам не предположить, что ватан просто истощается? Каждая искусственная вещь имеет свой предел, и вряд ли ватан отличается в этом отношении от природных явлений. Кроме того, он может представлять собой какую-то особую и неизвестную нам форму материи. Почему же тогда не допустить, что ее видоизменение выходит за допустимые пределы вашей измерительной аппаратуры?

— Пойми, ватан действительно может переходить на другой уровень бытия! — настаивал Лога. — И он может сливаться с Неопознаваемым! Как, например, ты объяснишь, что ватан исчезает только тогда, когда его обладатель достигает высшей стадии этического продвижения? Почему остальные существа могут умирать хоть каждый день, а их ватаны всегда возвращаются в воскрешаемые тела?

— Здесь могут быть объяснения, о которых ты даже не подозреваешь.

— Сотни тысяч умов, более великих, чем наши, пытались найти другое объяснение! Но им не удалось этого сделать!

— Всегда может найтись умник, который сделает то, что не удалось другим.

— И все же тебе теперь придется полагаться на веру, — сказал Лога.

— Нет. Я буду полагаться на исторический опыт, логику и свои возможности.

Лога расстроился. Его глубокая вера в этический путь развития не допускала никаких сомнений, но он тревожился о том, что Бёртон может упустить свой шанс и не выйти на стадию «продвижения».

И вот теперь оказалось, что на эту стадию не вышел сам Лога. Его телесная матрица была уничтожена, и он потерял любую возможность добиться финальной цели. Хотя вся вина за такой печальный конец ложилась на него самого. Если бы Лога не менял сроки проекта, его жизни ничто бы не угрожало, а матрица, записанная в памяти компьютера, гарантировала бы ему дальнейшее продвижение к тому мистическому событию, которое называлось «Великим продвижением».

Незнакомец, осудивший Логу на смерть и забвение, мог оказаться этиком, который уцелел во время массового убийства, когда Лога расправлялся со своими коллегами. Но почему тогда этот праведный мститель по-прежнему скрывался от землян? Неужели он их боялся? Или просто выжидал благоприятный момент, чтобы перестрелять их поодиночке и отправить в долину, где они больше не будут мешать выполнению первоначального проекта?

При полном контроле над работой компьютера этот человек мог сделать с восемью землянами что угодно. Но, возможно, его оборона имела какой-то изъян, о котором гости башни пока ничего не знали. Пока! И, значит, незнакомец не будет рисковать. Он попытается избавиться от них как можно быстрее.

А что, если исчезновению Логи способствовал один из них? Или двое, что более возможно?

Едва Бёртон подумал об этом, как на экране появилось лицо Нура.

— Я хотел бы поговорить с тобой, — произнес мавр.

Бёртон велел компьютеру наладить двустороннюю связь и встревоженно спросил:

— Что случилось?

Зеленый тюрбан мавра свидетельствовал о том, что его владелец совершил паломничество в Мекку. Конечно, выбор цвета мог оказаться случайным, но Нур был не из тех людей, которые относились к таким вещам небрежно. Его длинные

черные волосы ниспадали на худощавые коричневые плечи. На узком лице застыла напряженная улыбка.

— Как я и ожидал, программа воскрешения Моната, всех этиков и их агентов по-прежнему задерживается. Однако случилось нечто непредвиденное и важное!

Он замолчал и посмотрел на Бёртона.

— Так говори же! Не томи! — вскричал тот.

— Три недели назад Лога пообещал нам начать воскрешение восемнадцати миллиардов человек, чьи телесные матрицы дожидались этого. Мы все считали, что он действительно отдал такой приказ. Но это не так! По той или иной причине Лога изменил свое решение. Возможно, он хотел дождаться момента, когда мы покинем башню. В любом случае компьютер не воскресил еще ни одного человека.

На секунду Бёртон потерял дар речи. Оправившись от изумления, он быстро спросил:

— Сколько там этих телесных матриц?

— В данный момент 18 001 337 199. Хотя нет... Теперь еще на восемь человек больше.

— Мне кажется, ты...

Как это часто случалось и прежде, Нур уловил его мысль с полуслова.

— Да. Я убежден, что главный компьютер находится в подчинении незнакомца. Именно он и возобновил задержку воскрешения.

— Подумать только! Еще три недели назад мы считали, что долгая и тяжелая битва подошла к концу. Но вот мечты рассеялись, как дым. И с этих пор все наши проблемы могут иметь только личный характер.

Нур ничего не ответил.

— Ладно, — хрипло произнес Бёртон. — Прежде всего мы должны проверить друг друга на «детекторе лжи». Пока мы не убедимся в надежности каждого из нас, все предположения о существовании незнакомца будут, мягко говоря, необоснованными.

— Это не понравится нашим друзьям, — с усмешкой сказал Нур.

— Но такой шаг диктует логика!

— Людям не нравится логика, когда она беспокоит их и становится опасной, — ответил Нур. — Однако нашим друзьям придется подчиниться и согласиться на проверку. Они не захотят попасть под подозрение.

ГЛАВА 4

Если человек не лгал, а говорил только правду, тест давал положительный результат. Если же человек лгал даже для того, чтобы выразить истину, результаты были отрицательными.

Несмотря на различие ответов, все восемь доказали свою непричастность к исчезновению Логи.

Каждый из них по очереди входил в небольшую комнату с прозрачными стенами и отвечал на вопросы Бёртона или Нура. Электромагнитное поле, генерируемое внутри кубического помещения, выявляло ватан опрашиваемого человека, который крепился к макушке нитью алоого света и парил над его головой. Сияющая сфера ватана раздувалась и сокращалась, вращалась, скручивалась в жгут и переливалась радугой ярких красок. Она сопутствовала телу с момента воскрешения и не оставляла его до самой смерти. Эта невидимая часть содержала в себе все, что делало человека чувствующим существом, дублируя содержание мыслей и наделяя разум тела так называемым самосознанием.

Бёртон проходил тест первым и, как ему казалось, правдиво отвечал на вопросы Нура.

— Ты родился в Англии в городе Торки 19 марта 1821 года?

— Да, — ответил Бёртон, и в тот же миг компьютер сделал снимок его ватана.

— Когда и где ты умер в первый раз?

— Я умер в Триесте воскресным днем 19 октября 1890 года. Эта часть Италии в ту пору принадлежала Австро-Венгерской империи.

Компьютер сделал еще один снимок и сравнил обе фотографии. Вся процедура проверки проходила так же, как много лет назад, когда Бёртона допрашивал Совет Двенадцати.

Нур взглянул на экран дисплея и сказал:

— Твой ответ подтверждает, что ты убежден в своих словах. Но как нам узнать, насколько он верен?

Здесь и коренился один из недостатков теста — если человек верил в правдивость своих слов, ватан указывал, что он говорил правду.

— Пока все точно, — произнес Фрайгейт. — Я читал биографию Дика, когда жил на Земле.

— Ты когда-нибудь обманывал других людей? — спросил Нур.

— Нет, — с усмешкой ответил Бёртон.

На поверхности ватана возникла черная извилистая полоса.

— Субъект говорит неправду, — сообщил Нур компьютеру. На экране появилась надпись: «ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ПОДТВЕРЖДАЮ».

— Ты когда-нибудь лгал другим людям? — еще раз спросил Нур.

— Да.

Черная полоса, похожая на молнию, исчезла.

— Это ты способствовал исчезновению Логи?

— Нет.

— Ты знал о том, что кто-то планирует уничтожить Логу?

— Я ничего об этом не знал.

— Пока твоя искренность не вызывает сомнений, — сказал Нур, взглянув на экран. — Ты догадываешься о том, кто мог убить Логу?

— Нет.

— Ты рад, что Лога исчез?

— Вот же дьявол! — воскликнул Бёртон.

Он мог видеть на экране изображение своего ватана. При последнем вопросе тот засиял оранжевым цветом, который на миг перекрыл все остальные оттенки.

— Ты не должен задавать такие вопросы! — сказала Афра Бен.

— Да, черт возьми, здесь ты перегибаешь палку! — возмущенно добавил Бёртон. — Нур, ты такой же негодяй, как и все другие суфии!

— Итак, ты рад исчезновению Логи, — спокойно констатировал Нур. — Я это подозревал. Но твои чувства разделяют многие. Когда мы поменяемся местами, ты смело можешь задать мне этот вопрос. Возможно, где-то глубоко в своем животном уме я тоже рад его смерти.

— Ты, наверное, хотел сказать, в подсознании, — шепотом поправил его Фрайгейт.

— Как его ни называй, суть одна и та же — животный ум.

— А я не понимаю, чему здесь можно радоваться, — сказала Алиса.

— Так уж и не понимаешь?! — язвительно вскричал Бёртон.

Алиса отшатнулась и поспешно отошла в сторону.

Доказав свою непричастность к убийству, Бёртон вышел из стеклянного куба и приступил к допросу Нура. Когда мавр очистил себя от подозрений, в комнату с прозрачными стенами вошла Алиса. Бёртон не осмелился спрашивать ее о чувствах, вызванных смертью Логи. Но он сомневался, что гибель этика доставила ей какую-то радость. Скорее всего, она еще не

задумывалась об огромных возможностях, которые сулила им башня, иначе ей стало бы ясно, почему некоторые из ее спутников, к своему стыду, находились в приподнятом настроении.

Когда остальные поочередно ответили на предложенные вопросы, Нур покачал головой и бесстрастно сказал:

— Во время допроса Лога тоже прошел этот тест, хотя он лгал налево и направо, словно заправский дипломат. Возможно, один из нас знает, как управлять своим ватаном?

— Я в это не верю, — ответил Терпин. — Чтобы обмануть тестирующие устройства, необходимы навыки и знания, которых у нас нет. Нам не удалось изменить ни одной команды в компьютере. Так что уж тут говорить об управлении ватаном! Я думаю, мы просто теряем время, оскорбляя друг друга беспочвенными подозрениями.

— Если я тебя правильно понял, ты сетуешь на то, что мы недостаточно умны, — сказал Нур. — Однако это не совсем верно. Мы умны и сообразительны, но нам не хватает определенных знаний.

— Об этом я и говорил. Мы пока еще тут ничему не научились.

— Три недели — это большой срок, — произнес Бёртон. — За такое время усердный человек мог многое узнать от главного компьютера.

— Я не верю во всю эту чепуху, — ответил Терпин. — Компьютер не стал бы учить тому, как хитрить и переделывать команды Логи.

— Мы можем пройти сканирование наших мыслей за последние три недели, — сказал Фрайгейт. — Оно займет много времени, но, возможно, ответит на некоторые вопросы.

— Нет, я не согласна! — страстно возразила Алиса. — Это осквернение чувств, еще более мерзкое, чем изнасилование! Мне даже противно думать о таких вещах. И я не позволю рыться в своих мыслях!

— Мы понимаем ваши страхи, — сказал Нур. — Но...

Компьютер мог отобразить их воспоминания в виде непрерывного фильма, который прокручивался бы в обратном направлении вплоть до момента зачатия. Процесс имел некоторые ограничения, поскольку мысли воспроизвелись на экране как неопределенные образы и символы. Кроме того, память вела селекцию событий и часто исключала информацию, которую считала неважной для человека. Тем не менее такой пересмотр отражал почти все, что субъект проверки

видел, говорил и слышал. При желании особые устройства передавали зрителю запахи, вкусовые и тактильные ощущения, а также эмоциональный настрой, которой присутствовал в воспоминании.

— Я не хочу, чтобы вы рассматривали меня, сидящую на унитазе, — продолжала возражать Алиса.

— Никто из нас не хочет видеть там ни тебя, ни себя, — ответил Бёртон и смущенно засмеялся.

Его смех напоминал шлепанье камня, который прыгал по воде.

— Каждый из нас время от времени издает интимные и порою неприличные звуки, а некоторые, возможно, занимаются онанизмом от тоски. Я думаю, Марселин и Афра тоже будут против демонстрации их ратных подвигов в постели. Но нам и необязательно на все это смотреть. Мы прикажем компьютеру выбирать для просмотра только то, что нас интересует, а все остальное будет опущено как ненужный материал.

— Это пустая трата времени, — сказал Фрайгейт. — Судя по предыдущим действиям незнакомца, он наверняка предумстирал сканирование воспоминаний.

— Я согласен с тобой, — ответил Бёртон, — хотя наши мнения редко совпадают. Тем не менее нам надо провести эту рутинную процедуру на тот случай, если убийца Логи по-надеялся, что мы сочтем ее бесполезной..

— Он не стал бы так рисковать, — возразил Ли По.

— И все же я настаиваю на просмотре воспоминаний, — сурохо произнес Бёртон. — Нам придется выполнить его, если мы не хотим и дальше подозревать друг друга.

— Никакое сканирование доверию не научит, — угрюмо проворчал Фрайгейт. — Впрочем, если это так необходимо...

Поначалу проверку решили проводить одновременно в восьми кубах. Однако возник вопрос: кто будет присматривать за каждым из них, чтобы предполагаемый злоумышленник не внес в компьютер очередные изменения и не скрыл факты, касавшиеся убийства Логи? Предложив поочередное тестирование, Бёртон первым прошел процедуру. Компьютеру понадобилось три часа, чтобы просканировать его воспоминания за последние три недели. На протяжении всей проверки экран оставался пустым.

Такой же результат показало сканирование и остальных семи землян. Последним кубическую комнату покинул Ли По. Поскольку проверка заняла двадцать пять часов, большинство ее участников успели выспаться и отдохнуть. Бёртон и Нур

наблюдали за процедурой от начала до конца. Когда они решили отправиться спать, остальные уже вышли в общий зал. Прежде чем удалиться в свою спальню, Бёртон сделал все возможное, чтобы предотвратить вторжение из коридора.

— Наш неизвестный противник может подобрать пароль и войти.

— Ты предлагаешь забаррикадировать дверь? — сладко зевая, спросил Фрайгейт. — Мы можем подпереть ее кроватью, а затем навалить сверху побольше мебели.

— Дверь открывается внутрь, поэтому идея с кроватью неплохая. Однако я планирую заказать у компьютера датчики и оборудовать входной проем тревожной сигнализацией.

Бёртон сделал заказ и через пять минут вытащил из конвертера дюжину небольших предметов. Прикрепив датчики к двери и косяку, он подключил к ним провода, потом отрегулировал диск на одном из приборов и отступил на несколько шагов.

— Вот! — сказал он, любуясь своей работой. — Любой, кто войдет сюда, запустит в действие чертовски громкую сирену. Надеюсь, я все подключил правильно, но нам не мешало бы ее испытать. Пит, ты можешь выйти наружу, закрыть за собой дверь, а потом вернуться обратно?

— Конечно, могу. Главное, чтобы меня не утащил незнакомец, пока я буду стоять в коридоре.

Нажав кнопку, Бёртон отключил прибор. Фрайгейт произнес пароль и вышел, закрыв за собою дверь. Бёртон вновь нажал на кнопку и подкрутил регулятор громкости. Через несколько секунд дверь начала открываться. В тот же миг по комнате заметались ярко-оранжевые лучи, и тишину разорвал оглушительный вой. В зал вбежали Афра Бен и де Марбо. Том Терпин, который мирно доедал свой завтрак, выскочил из-за стола и что-то закричал, размахивая руками. Из его рта вылетали кусочки пищи, но слова тонули в душераздирающих переливах сирены: Выключив прибор, Бёртон услышал только завершение фразы:

— ...вашу мать, совсем сдурели?

— Рано или поздно, используя компьютер, наш противник узнал бы пароль для открытия двери, — объяснял Фрайгейту Бёртон. — Поэтому я заказал прибор, который мы можем программировать сами. При введении кода наши тела будут загораживать от видеокамер наборное устройство. Таким образом, компьютер не получит данных о выбранной комбинации, и незнакомец останется с носом.

— Великолепно, — сказал Фрайгейт. — Но наши спальные комнаты имеют звуконепроницаемую изоляцию. Как мы услышим оттуда сирену?

Пол, стены и потолки были пронизаны проводами и кабелями, большая часть которых обычно не использовалась. Бёртон мог приказать компьютеру произвести необходимую реконструкцию, чтобы звук сирены проникал во все комнаты. Однако это давало незнакомцу огромное преимущество. В один из дней он мог восстановить звукоизоляцию стен и захватить землян врасплох.

Бёртон тяжело вздохнул, и Фрайгейт попытался его немного успокоить:

— Мы затребуем аппаратуру, которая будет реагировать на передвижение протеиновых тел. Датчики можно установить в дверях наших спальных комнат, и в случае вторжения каждый из нас получит сигнал тревоги. Для большего удобства мы предусмотрим дистанционное управление и будем включать и выключать приборы не голосом, а жестами. Я хочу напомнить, что незнакомец может подслушивать нас через компьютер. И если это так, он наверняка сейчас слышит наш разговор. Хотя, насколько мне известно, для получения изображения ему требуются видеокамеры. Поэтому нам остается лишь покрыть линзы краской или обернуть их материей.

— Да, без видеокамер он ничего не увидит, — ответил Бёртон. — Но объективы могут оказаться такими крошечными, что мы их просто не заметим.

— Скорее всего, так оно и будет. Я почти ничего не знаю о науке этиков и не могу судить о возможностях незнакомца.

— Тогда мы будем считать, что он может наблюдать за нами.

— А что, если нам установить в этой комнате небольшую палатку? Мы могли бы вести там переписку, скрывая от незнакомца свои замыслы. Или пусть компьютер сделает нам звуконепроницаемый куб! И даже пол пусть будет покрыт звукоизоляцией! Но тут тоже есть слабое звено. В стены могут быть внедрены передающие устройства, которые невозможно обнаружить при поверхностном осмотре. Между прочим, видеоаппаратура может находиться и в ткани палатки.

— Неужели мы так беззащитны? — сердито рявкнул Бёртон.

— Надо сделать все, что в наших силах. Возможно, этого будет достаточно.

— Ладно. Сигнализацию на двери мы все-таки оставим. Я запишу комбинацию на листке бумаги, и когда вы ее запомните, мы уничтожим запись.

— Бумагу надо уничтожить лучеметом, — подхватил его мысль Фрайгейт. — Если ее просто сжечь или разорвать на части, компьютер может отыскать куски и пепел среди мусора, а затем реконструировать комбинацию шифра.

Бёртон решил сделать особую накидку, которую следовало надевать каждому, кто набирал шифр. А чтобы на ней не оказалось микрообъективов, он предложил сшить ее из простыней.

— К сожалению, мы не можем полагаться на датчики биомассы, — добавил Бёртон. — Компьютер будет делать их под надзором незнакомца. И тот наверняка прикажет внедрить туда устройства отключения.

— Ты прав, — сказал Фрайгейт. — Но тогда он внедрит их и в твою сигнализацию на двери.

— Вот же черт! Значит, все, что нам дает компьютер, может в критический момент обернуться против нас?

— Еще как может! Включая и еду. Что, если незнакомец прикажет компьютеру подсыпать в нее яд?

— О Боже! — воскликнул Бёртон. — Неужели нет никакого способа справиться с этим дьяволом?

Нур, который уже несколько минут слушал их разговор, с улыбкой похлопал его по плечу.

— Если бы незнакомец хотел нас убить, он сделал бы это давным-давно. Учитывая его мастерство в обращении с компьютером, я сначала думал, что он такой же этик, как и Лога. Но потом у меня появились сомнения. Почему он, например, не воскресил Моната и остальных обитателей башни? Любой этик посчитал бы это своим долгом. Приняв пассивную оборону, мы тем самым предоставили ему полную свободу, однако он и пальцем не пошевелил для того, чтобы вернуть проект в прежнее русло. Все это доказывает, что он...

Мавр замолчал, и Бёртон, подождав немного, нетерпеливо спросил:

— Так что же это доказывает? О чем ты нам хотел сказать?

— Разве стал бы какой-нибудь этик уничтожать телесную матрицу Логи? Определенно нет. Значит, мы имеем дело с таким же человеком, как вы и я. Если только...

— Что «только»?

— Терпение, мой друг. Мы не на конкурсе быстрых ответов. Я хотел сказать, что за всем этим может стоять сам Лога.

— Мы уже обсуждали такой вариант событий! — раздраженно проворчал Бёртон. — Зачем бы он стал затевать весь этот переполох?

Нур пожал худощавыми плечами и поднял вверх длинные ладони:

— Я не знаю. И вряд ли Лога стер бы из памяти компьютера всю информацию о своем теле.

— Он мог оборудовать в одной из потайных комнат персональную камеру воскрешения, — произнес Фрайгейт.

— Вот это я и хотел сказать, — ответил Нур. — Однако такое поведение Логи не поддается логическому объяснению. Кроме того, мне не дают покоя шаги, которые послышались Питу в коридоре. Кто мог проходить мимо той комнаты, где мы праздновали свою победу после починки компьютера? А вспомните, как забеспокоился Лога, когда Пит рассказал ему о шагах. Он выбежал в коридор, осмотрел все помещения и снизу доверху проверил вертикальную шахту. Вы сами видели, как он потом расспрашивал компьютер на своем языке. К сожалению, его речь была слишком быстрой, и мы не поняли сути вопросов.

— Чуть позже я спросил его, почему он так встревожился, — добавил Бёртон. — Лога ответил, что он просто хотел успокоить Фрайгейта. По его мнению, тяжелые испытания сделали Пита параноиком, и именно поэтому он услышал шаги, которых на самом деле не существовало. Одним словом, Лога свалил всю вину на Пита и сказал, что его подозрительность заразна.

— Да-да, кто бы говорил! — ответил Фрайгейт. — Я еще не видел большего параноика, чем Лога!

— В таком случае мы сражались не на той стороне, — спокойно заявил Нур. — Те, кто идут за безумцем, так же безрассудны, как и он. Впрочем, после драки кулаками не машут. Что мы будем делать в данный момент?

Саркастическое предложение Фрайгейта — навалить у двери баррикаду из мебели — по сути оказалось лучшим из возможных. Если бы они часто пользовались дверью, это стало бы досадным неудобством, но пока у них не было большого желания выходить из своего убежища.

Вскоре они избавились и от страха, что незнакомец отравил их воду или пищу. Получив упрощенные схемы конвертера, Фрайгейт и Нур приступили к их изучению. В принципе, противник мог отключить от преобразователей электрическое питание и тем самым обречь землян на голодную смерть.

Однако сама еда производилась в конвертере без использования программ, которые могли бы подвергаться изменению. Короче говоря, подсыпать яд в блюда было невозможно. Тем не менее вода для питья и ванных комнат поступала через трубы, проложенные в стенах. Это позволяло незнакомцу ввести в нее отравляющие и наркотические вещества.

Фрайгейт и Нур произвели реконструкцию систем водоснабжения, и теперь в качестве источника воды можно было использовать конвертеры в спальных комнатах. Компьютер без заминок выполнил заказ на поставку необходимого оборудования, и все восемь землян приняли участие в прокладке гибких труб. Советы компьютера и заказанные брошюры помогли разобраться в этом непривычном деле, и уже через несколько часов в их бачки и бокалы полилась вода, попадание яда в которую начисто исключалось.

— По-моему, мы начинаем впадать в детство, — сказал Ли По. — Эта глупая затея абсолютно бесполезна. Незнакомец может прижать нас к ногту тысячью и одним способом.

— Тем не менее мы должны сделать все возможное, чтобы избежать его трюков, — ответил Нур. — Если только он их для нас готовит. И если он действительно существует.

ГЛАВА 5

— Пойду немного посплю, — сказал Бёртон.

— А я сначала поем, — ответил Нур.

Маленький мавр выглядел таким же свежим, как после восьми часов сна. К тому времени в большой комнате собрались все, кроме де Марбо и Бен. Бёртон поручил Нуру возведение баррикады, а сам, миновав небольшой коридор, вошел в свою комнату. Она состояла из трех обособленных частей: гостиной в двадцать четыре квадратных фута, роскошной спальни, совмещенной с кабинетом, и очень практичной душевой.

Вытащив из кобуры лучемет, Бёртон расстегнул пояс и снял алый кильт, украшенный ярко-желтыми фигурами львов. Его ноги утопали в ковре, который не уступал по качеству лучшим персидским изделиям. Разноцветные узоры из трех сцепленных кругов создавали приятное и ненавязчивое сочетание. Стены имели светло-кремовый оттенок, но компьютер мог менять их цвет в соответствии с желанием жильца, а также воспроизводить и перемещать на основном фоне любые символы. Оформляя интерьер, Бёртон заказал себе несколько картин, которые выглядели полотнами великих мастеров и

совпадали с подлинниками вплоть до молекулярного уровня. Во всяком случае ни один искусствовед не отличил бы копии от оригиналов.

Немного поворочавшись в постели, Бёртон уснул. Когда он открыл глаза, в его затуманенном мозгу остались лишь смутные обрывки ужасного кошмара. Ему приснилась гиена в два человеческих роста, с огромными клыками, которые выглядели как стальные изогнутые сабли. Бёртон вспомнил, что сжимал в руке рапибу и отбивал атаки свирепого чудовища, а гиена хотела ему в лицо, и в ее ухмылке он видел свою собственную усмешку.

— Что уж тут оправдываться, — прошептал он, опуская ноги на пол. — Эта гиена живет во мне, и она все чаще срывает с себя маску человека.

Он сам заправил постель, хотя такую работу мог сделать любой андроид. По общей договоренности люди решили не впускать в свое жилище протеиновых роботов. Эти безмозглые создания подчинялись указаниям компьютера, а значит, незнакомец мог использовать их как оружие против землян.

Потратив час на энергичную зарядку, Бёртон подошел к конвертеру и заказал себе завтрак. Через миг на подносе появились кофе из лучших зерен, когда-либо произраставших на Земле, вареные яйца от несущек-медалисток, фрукты, напоминавшие по вкусу мускусную дыню, и в меру прожаренный тост из кисло-сладкого хлеба, покрытый восхитительным маслом и джемом, от которого вкусовые пупырышки входили в экстаз.

Реконструкция водоснабжения почти на сто процентов уменьшила вероятность отравления, но не исключала ее полностью. По мнению Фрайгейта, им следовало ожидать неприятностей в самое ближайшее время — если только незнакомец действительно намеревался их убить. Подумав об этом, Бёртон тяжело вздохнул, а затем почистил зубы и принял холодный душ.

Открыв гардероб, он выбрал темно-зеленый кильт и широкую накидку с рисунком двух желтых экзотических птиц. Активировав настенный экран, Бёртон осмотрел большую комнату. Ли По, Нур, Бен и Терпин сидели в креслах и изучали списки с перечнем доступных команд. Перед дверью громоздилась мебель, сваленная в кучу.

Бёртон вышел в зал и после приветствия спросил у Нура о тех, кто отсутствовал. Мавр ответил, что они время от времени выходили в зал, а теперь, вероятно, отдыхают. Бёртон устроился за пультом вспомогательного компьютера и активировал

экраны Алисы, де Марбо и Фрайгейта. Сам он их видеть не мог, но этого пока и не требовалось. Все трое отозвались на его вызов и через несколько минут присоединились к остальным. Алиса появилась в алоей китайской мантии, из-под каймы которой выглядывали загнутые носки зеленых парчовых туфель. Ее короткие темные волосы блестели, будто покрытые лаком. Из косметики она признавала только розовую губную помаду. Однако на этот раз ей пришлось припудрить лицо, чтобы скрыть темные пятна под глазами.

— Я плохо спала, — сказала она, усаживаясь в кресло. — Мне все время кажется, что за мной кто-то наблюдает. Я никак не могу успокоить себя и расслабиться.

— Будь андроиды под нашим контролем, мы могли бы заставить их оклеить спальни обоями, — произнес Фрайгейт. — Это блокировало бы видеокамеры, если только...

— Если... если... — заворчал Бёртон. — Меня уже тошнит от этих бесконечных «если». Я по горло сыт жизнью в клетке, которую приходится делить... Как только нам станут известны наши ограничения в работе с компьютером, мы устроим тотальную облаву. Я больше не хочу прятаться в этой норе, как кролик. Мы люди, а не кролики! И людей не держат взаперти, как индюшек!

— То кролики, то индюшки, — прошептал Фрайгейт.

Бёртон повернулся и сердито взглянул на него:

— Что ты, черт возьми, хотел этим сказать?

— Кролики и индюшки не имеют ни малейшего понятия о том, почему они оказались в клетке. Им и в голову не приходит, что их откармливают только для того, чтобы съесть. А ведь мы тоже не знаем, что хотел от нас Лога или что планирует сейчас тот, кто его убил. У кроликов и индюшек есть преимущество — они счастливы в своей наивности и глупости. А наша глупость ведет только к разочарованию и боли.

— Ладно, хватит плакаться, — сказал Нур. — Давайте вернемся к делу. На мой взгляд, этот перечень может оказаться неполным. Я думаю, что здесь имелись команды, которые незнакомец по тем или иным причинам удалил из списка.

Наступило долгое молчание. Китаец встал, подошел к конвертеру и заказал себе огромный бокал ржаного виски. Бёртон поморщился, но ничего не сказал. Упреки ни к чему бы не привели, а неповиновение Ли По лишь подорвало бы его авторитет

Пригубив напиток, китаец рыгнул в знак одобрения и вернулся к своему креслу.

— Мне нужна женщина! — заявил он.

Бёртон думал, что Алиса уже забыла о том, как краснеют. Но он оказался не прав.

— Ты опять начинаешь создавать проблемы, — заворчал англичанин. — Неужели нам сейчас надо все бросить и приступить к воскрешению женщин, которые умерили бы твой похотливый зуд?

Лицо Алисы покраснело. Афра Бен откинулась на спинку кресла и захохотала.

— Мы живем неестественной жизнью, — возразил Ли По. — Мой ян нуждается в инь.

Бёртон усмехнулся, вспомнив, что слово «ян» в западно-африканских языках означало «человеческие экскременты». Китаец нахмурился и спросил его о причинах усмешки. В ответ на объяснение Бёртона он хрипло рассмеялся и с вызовом сказал:

— Хорошо. Если тебя так позабавили мои сексуальные желания, то, возможно, и ты порадуешь меня небольшим поединком. Может быть, мы потренируемся часок-другой на саблях или рапирах?

— Я с радостью размял бы кости, но, к сожалению, ты пьян, — ответил Бёртон. — Это будет неравный поединок.

Ли По начал крикливо хвастаться, что победит Бёртона любым оружием — даже если напьется в два раза сильнее, чем теперь. Англичанин брезгливо отвернулся, и китаец, рухнув в кресло, заснул мертвцким сном. Чтобы избавить себя и других от его гнусавого храпа, Фрайгейт и Терпин потащили китайца в спальню. Им пришлось уложить его на полу в небольшом коридоре, поскольку дверь оказалась закрытой, а пароль мог произнести только обитатель комнаты.

— Еще пара дней в этой мышеловке, и мы все будем вести себя, как Ли По, — сказал Терпин, вернувшись в зал.

Он подошел к конвертеру и заказал себе высокий стакан джина с ломтиком лимона. Афра, которая уже держала в руках бокал, поднялась с кресла и сказала:

— Предлагаю тост за сумасшествие! Вы называете это место тюрьмой, но оно в тысячу раз лучше Ньюгейта*. — Она знала, о чем говорила, поскольку дважды отбывала там срок.

* Имеется в виду Ньюгейтская долговая тюрьма в окрестностях Лондона.

Взглянув на француза, Бен подмигнула ему, и барон с улыбкой кивнул ей в ответ. Она действительно могла чувствовать себя счастливой, имея такого любовника, как де Марбо. Ее окружала роскошь, о которой она даже понятия не имела на Земле. У Бен было все, за исключением свободы. Но, похоже, о свободе эта веселая и уживчивая дама пока не беспокоилась.

Огромные возможности, указанные в перечне команд, настолько очаровали некоторых землян, что они и думать забыли об опасности. Там, где им следовало искать ограничения, они видели только высоты власти. Бёртон понимал восторг и возбуждение своих друзей, но его беспокоило отсутствие интереса к тому, что могло поджидать их буквально за углом.

Очевидно, лишь Нур еще помнил о неизвестном враге. Остальные смеялись и радостно делились впечатлениями. При взгляде на их лица Бёртону захотелось дать им всем хорошего пинка. Вместо этого, пытаясь вывести коллег из мира прекрасных грез, он звонко хлопнул в ладоши.

— Довольно развиться, господа. Мы с вами находимся в смертельной опасности. Сейчас не время думать о чем-то другом, кроме сражения с противником. После победы можете заниматься чем угодно. Но повторяю — лишь после победы! Контролируя главный компьютер, незнакомец имеет огромное преимущество. Однако, узнав, как использовать команды против нашего врага, мы можем превратить искусственный мозг в своего союзника. Позвольте напомнить, что компьютер состоит не только из огромной кучи протеина, сваленного на дне центральной шахты. Компьютер — это еще и башня, в глубинах которой мы обитаем. Протеиновый мозг выполняет роль распределителя, однако основная часть схемы располагается в перекрытиях пола, потолка и стен. Мы находимся в сердце и нервах врага. И теперь нам остается найти лишь способ, чтобы нанести удары по этим нервам и сердцу. Или, наоборот, овладеть и воспользоваться ими как своим оружием.

— Чтобы брать быка за рога, нужен бык, — с усмешкой произнесла Алиса. — А мы пока даже не знаем, где находится этот пресловутый незнакомец.

— Если только он вообще не окажется мышью, которую мы с перепугу приняли за быка, — добавил Нур.

— Если... если... — передразнил его Бёртон. — Давайте наконец забудем об этих «если». И вообще, сколько можно болтать? Пора начинать действовать.

— Прекрасно, — ответил Нур. — Но каким образом? Все, о чем мы говорим или будем говорить, в конце концов дойдет до ушей незнакомца. Возможно, он следит за нами даже сейчас.

— А я сказал, хватит этих «если» и «возможно»! — взревел Бёртон.

— Нам не удастся отказаться от этих слов, — со смехом отозвался Фрайгейт. — Мы не можем изменить себя, потому что сошли здесь с ума. Я со сдвигом, и ты со сдвигом. Но так и должно быть, иначе бы мы не попали сюда.

— Что за бред ты несешь? — спросил Бёртон.

— Он цитирует беседу между Чеширским Котом и Алисой в Стране Чудес, — ответила Алиса.

— Упоминание о невидимом быке напомнило мне улыбку Чеширского Кота, — сказал Фрайгейт. — В каком-то смысле наш незнакомец и является этой улыбкой.

— Хотел бы я посмотреть на вас всех в армии! — проворчал Бёртон и возмущенно махнул рукой.

Все замолчали. Но он знал, что это не продлится долго. Во всяком случае, не в этой компании.

— А ведь она нам может сейчас пригодиться, — произнес Фрайгейт.

— О чём ты говоришь?

— Об армии. Мы можем заказать у компьютера целую армию роботов и андроидов. Мы настроим их так, чтобы они не подчинялись командам Снарка, то есть нашего таинственного противника. Армия роботов будет защищать нас и охотиться за Снарком. Нам останется только произнести приказ, и они начнут хватать и убивать любого, кто не входит в нашу группу. Простая директива — кто не с нами, тот против нас. За пару дней андроиды и роботы сделают то, на что нам потребовались бы годы.

Бёртон с удивлением посмотрел на американца и покачал головой.

— Ты слишком долго писал — как ее там... научную фантастику. От нее у тебя прокисли мозги.

— Но аппаратура башни способна и не на такое! — вскричал Фрайгейт. — А чтобы победить врага, нам понадобится сила и мощь! Я знаю, мои слова могут показаться странными, но мы можем и должны создать себе армию — хотя бы численностью в сотню тысяч солдат!

Послышался смех. Фрайгейт обиженно усмехнулся и сказал:

— Я, между прочим, серьезно.

Он подошел к пульте компьютера и, нажав на несколько клавиш, произвел серию простых вычислений. На экране появилось число: «107 379».

— Я исхожу из расчета, что на каждую комнату нам потребуется по три андроида. Эту армию компьютер изготовит за несколько дней. Мы расставим роботов в помещениях и коридорах башни, и они будут наблюдать за теми местами, где могут оказаться тайники.

Нур с улыбкой похлопал его по плечу:

— О, Пит! Я восхищаюсь твоей фантазией, но сожалею о том, что тебе недостает сдержанности и реального взгляда на вещи.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросил Фрайгейт. — Сдержанность хороша там, где она необходима. Разве не так? А что касается реальных взглядов, то армию можно сделать без особых проблем.

Компьютер мог изготовить и большее число солдат — с этим мавр не спорил. Но андроиды не имели разума, и каждое их действие требовалось программировать. По мнению Нура, армию пришлось бы разделить на маленькие отряды, чьи функции определялись бы отдельными программами. Для их управления понадобилось бы создать звено сержантов и офицеров, которые брали бы на себя инициативу в неучтенных ситуациях. Однако они тоже не знали бы, что им делать и следуя ли что-то делать вообще.

— Кроме того, мы по-прежнему боялись бы за свою безопасность, — добавил Бёртон. — Если незнакомец может менять команды компьютера, то вряд ли мозг робота будет для него большим секретом. Почему бы ему, немного подумав, не повернуть твою армию против нас?

— Возможно, незнакомец уже думает над этим, — сказала Алиса. — Мне кажется, он наблюдает за каждым нашим шагом.

Она поежилась и испуганно осмотрелась по сторонам.

— У меня есть ответ на ваши возражения, — гордо произнес Фрайгейт. — Мы внесем изменения в невральную систему андроидов! Мы сделаем их частично механическими. То есть нам надо будет вставить в них механические устройства — типа наборной панели или клавиатуры, — чтобы роботы принимали наши команды только механическим образом.

Мы приступим к программированию солдат уже после того, как получим от компьютера необходимое оснащение. Это

устранит любую возможность вмешательства, и Снарк лишился своего главного козыря. Хотя... Вот же черт! Он может ввести в тела андроидов особые нейронные устройства, которые будут отменять наши команды, набранные на клавиатуре.

— Хотите вы этого или нет, но нам надо признать, что мы находимся во власти этого Снарка, — сказал Нур. — Ему даже необязательно нападать на нас и подвергать себя риску. Отключив энергию от конвертеров, он мог бы уморить нас голодом. И если бы Снарк хотел нашей смерти, он давно бы покончил с каждым из нас. Тем не менее мы до сих пор живы. Следовательно, можно ожидать, что это продлится и впредь. Более того, ограничив в какой-то мере наши возможности, незнакомец оставил нам доступ к большинству программ. В их перечне есть даже то, что может ему навредить, хотя он мог просто не заметить эти команды. Возможно, тем самым Снарк показывает нам, как мало мы для него значим.

— Но зачем это ему понадобилось?

— Здесь мы можем только гадать, — подытожил Фрайгейт. — Все ответы у него, а он нам вряд ли их скажет.

— Согласен, — произнес Нур. — Но пока вы все спали, я велел компьютеру отобразить на схеме тайный вход, который Лога предусмотрел во время строительства башни. Я имею в виду ту лазейку, которой мы воспользовались, чтобы пробраться сюда. По каким-то причинам Снарк не позволил нам улететь в долину. Возможно, он вообще не хотел, чтобы мы покидали башню. Решив выяснить этот вопрос, я попросил компьютер открыть потайную дверь, но он отказался выполнить мою просьбу. Моя догадка оказалась верной, и по воле незнакомца мы стали пленниками башни.

Вероятно, он когда-нибудь сам захочет, чтобы мы ушли. Однако до той поры путь на волю останется закрытым. И все же эта огромная тюрьма предлагает нам больше сокровищ, чем Земля и долина, вместе взятые. Я говорю не столько о физических предметах, сколько о знании и морально-духовных ценностях. Очевидно, нас оставили здесь в качестве учеников, чтобы мы могли воспользоваться этим богатством. И вместо того чтобы строить вокруг себя баррикады, нам надо просто принять предложенный дар.

Тем не менее мы должны обрести полную свободу. Мы должны снять ограничения, которые внес в программу наш противник. К тому же ломать — не строить. А незнакомец — не Бог.

— То есть ты предлагаешь нам вернуться в свои жилища и на время забыть о существовании незнакомца? — спросил Бёртон.

— Да, пора перейти из этой маленькой тюрьмы в большую. Хотя Земля и Мир Реки — тоже в своем роде тюрьмы. Странно, но, попадая в достаточно большое пространство, люди уже не считают себя пленниками. Иллюзия свободы затмевает им разум. Они не понимают, что свободным является только тот, кто знает о всех ограничениях и возможностях своей тюрьмы.

— Ох, уж эта мудрость суфиев, — с презрительной усмешкой произнес Бёртон. — А тебе не кажется, что твое предложение выглядит немного нелепо? Сначала мы спрятались в нору, потом нам эта нора надоела, и тогда ты решил, что бояться некого и можно выползать наружу.

— Мы следовали своим инстинктам, — ответил Нур. — И это, конечно, плохо. Но нам хотелось найти место, где мы чувствовали бы себя защищенными. В тот момент нам казалось, что опасность действительно велика. Однако, успокоившись, мы сделали переоценку ситуации.

— Которая снова лишила нас покоя, — добавил англичанин. — Ладно, после твоих речей мне стало лучше, и я перестал считать себя пленником. Кроме того, меня уже тошнит от этой кучи у двери. Давайте расставим мебель по местам.

Он встал и направился к баррикаде.

— Прежде чем мы займемся этим, мне хотелось бы вам кое-что сказать, — произнес Фрайгейт. — Нур не единственный, кто вел опрос компьютера.

Бёртон остановился и повернулся к американцу.

— Как вы знаете, Лога приостановил воскрешение Моната, — продолжал тот, — и позже Снарк подтвердил его команду. Тем не менее телесная запись Моната по-прежнему находится в памяти компьютера. Я попытался отыскать его ватан в шахте, но он, как оказалось, исчез. А вам известно, что это означает. Монат перешел на следующий этап и стал «продвинувшимся».

По щекам Бёртона покатились слезы, и внезапный пёрыв печали привел его в удивление. Только теперь он начал понимать, какие чувства испытывал к Монату.

Они встретились с ним после первого воскрешения, и с той поры этот странный на вид инопланетянин стал его спутником и верным другом. Он поражал Бёртона своей душевной добротой, своим состраданием и мудростью. Несмотря на нечеловеческий облик, он был в сотню раз человечнее других людей,

и, наверное, поэтому Бёртон относился к нему как к отцу — вернее, как к мудрому учителю. Не мудрено, что Монат достиг стадии «продвижения». Но отныне их пути разошлись навеки.

Так зачем эти слезы и грусть? Он должен радоваться успеху друга. Разбив оковы плоти, Монат превратился в вольный дух. Он обрел абсолютное счастье и свободу.

Чем же вызвано это чувство потери? Неужели где-то глубоко в подсознании ему все еще верилось, что, несмотря на команду Логи, Монат воскреснет и выручит их из беды? Неужели он надеялся, что его наставник выйдет из конвертера, как Иисус из могилы или король Артур из глубин холодного озера?

Какие нелепые мечты. И все же они жили в нем, ожидая своего часа, чтобы вырваться наружу.

Так уж случилось, что он не нашел в своем отце мудрого друга. Это место в его сердце занял Монат. И за все свои многие жизни Бёртон не встречал более верного и искреннего существа, чем этот пришелец из другого мира. Он был... как бы лучше сказать... непорочным. Довольно странное слово, но именно оно вдруг выпрыгнуло из его сознания.

В любом случае Монат навсегда покинул этот мир, и более никто не мог предъявить ему каких-либо претензий. Он достиг стадии «продвижения». Но что он там продолжал?

Пытаясь скрыть свои чувства, Бёртон подошел к куче мебели и начал отодвигать большой тяжелый стол. К тому времени когда к нему присоединились остальные, его слезы уже успели высохнуть.

Открыв дверь, он сделал глубокий вдох. Воздух в коридоре был таким же, как и в их убежище, но свобода делала его слаще.

ГЛАВА 6

Неподалеку от их комнат находилось помещение с плавательным бассейном, длина которого составляла шестьдесят, а ширина — тридцать метров. При отсутствии людей здесь царила абсолютная темнота, но стоило хотя бы одному человеку войти под высокие своды, как инфракрасные датчики тут же включали освещение. Над головой возникало безоблачное голубое небо, и жаркое солнце в полуденном зените роняло лучи на лес, в оправе которого плавательный бассейн казался лесным озерком. Вдали виднелись заснеженные вершины гор.

Иллюзия была настолько полной, что, даже стоя в дюйме от стены, человек воспринимал деревья как настоящие. Такими же реальными выглядели и птицы, которые летали среди ветвей, доставляя своим щебетом и свистом райское наслаждение. Иногда между деревьями пробегали кролик или лиса, а в полумраке чащи скользили силуэты пантеры или медведя.

Проточная вода сохраняла температуру шестьдесят восемь градусов по Фаренгейту. Дно бассейна плавно понижалось от одного конца к другому, и глубина доходила до двенадцати метров. Землянам нравилось это место. Они часто собирались здесь, чтобы поплавать после завтрака.

Бёртон изучал список доступных команд почти до одиннадцати утра. Войдя в огромное гулкое помещение, наполненное плеском воды и криками людей, он на секунду остановился у двери. В бассейне находились все, кроме Нура. Женщины были в бикини, мужчины — в плавках. На первый взгляд могло показаться, что они потеряли бдительность и не приняли никаких мер безопасности. Однако на краю бассейна лежали лучеметы, а на дне виднелось несколько лучевых винтовок, едва заметных на фоне красных, черных и зеленых извивов мозаичного пола.

Бёртон нырнул в воду, переплыл бассейн туда и обратно, затем сел на ступеньку лестницы и подождал немного, пока рядом с ним не оказался де Марбо. Он окликнул его, и француз подплыл ближе. Пригладив мокрые черные волосы, барон сморщил вздернутый нос и прищурил веселые синие глаза. Бёртон склонился к нему и прошептал:

— Я собираюсь совершить небольшой рейд по башне. Не хочешь присоединиться?

— Звучит привлекательно, — с улыбкой ответил де Марбо. — Надеешься застать этого Снарка врасплох?

— Вряд ли у меня это получится, но чем черт не шутит. Чтобы вынудить его к каким-то действиям, я придумал план с подсадными утками. И роли уток будем выполнять мы.

— Я к твоим услугам, — произнес француз, вылезая из бассейна.

При своих пяти футах пяти дюймах он оспаривал у Нура право считаться самым маленьким мужчиной в группе. Тем не менее Бёртон выбрал себе в спутники именно его. Француз отличался исключительной храбростью и имел огромный опыт в военных компаниях. Под началом Наполеона он участвовал во всех великих битвах императора и, проведя несколько сотен дуэлей, получил семнадцать ранений. Его отважная жизнь

настолько воодушевила Артура Конан-Дойля, что тот написал серию рассказов, основанных на подвигах де Марбо. Барон прекрасно владел шпагой, отлично стрелял и обладал выдающимся хладнокровием.

Обсохнув под струями теплого воздуха, они сменили плавки на шорты и безрукавки. Бёртон вложил в кобуру лучемет и, подойдя к краю бассейна, известил Терпина о том, что они решили совершить небольшую вылазку.

— Когда планируешь вернуться? — с набитым ртом невнятно спросил негр, поедая фаршированную куропатку в черничном соусе.

— Около шести вечера.

— Может, вам лучше ежечасно выходить на связь?

— Я так не думаю, — тихо ответил Бёртон, взглянув на стену, будто та имела уши. — Незнакомец попытается вести за нами слежку. И мы не собираемся облегчать его задачу.

— Да-да, ты прав, — с улыбкой произнес Терпин. — Надеюсь, мы еще увидимся.

Он захочат, и из его рта полетели кусочки мяса и хлеба. Бёртон неодобрительно покачал головой. Во время трудного и опасного перехода к северному морю негр значительно сбавил в весе. Теперь же он, казалось, вновь хотел стать таким, каким был на Земле, — толстяком, чей вес приближался к тремстам фунтам. Терпин ел беспрерывно, и его страсть к еде не уступала пьянству Ли По.

— Мы полетим наугад. У меня нет ни малейшей идеи, куда заведут нас поиски.

— Желаю удачи, — ответил Терпин.

Бёртон направился к двери и вдруг обнаружил, что француз куда-то пропал. Осмотревшись, он увидел его рядом с Афрай. Очевидно, барон объяснял ей причину намечавшейся отлучки, и, судя по их жестам, они уже о чем-то спорили. В отличие от остальных де Марбо повезло — он имел любовницу. Но это предполагало и некоторые неудобства. Ему приходилось отчитываться перед ней в свои дела, и теперь он отговаривал Афру лететь вместе с ними. В любое другое время Бёртон не возражал бы против ее компании. Она могла дать фору многим мужчинам в ловкости, храбрости и хладнокровии. Но в данный момент он не хотел брать с собой больше одного спутника.

Через минуту расстроенный барон присоединился к Бёртону.

— Она мне сказала довольно странную фразу, — печально поделился он. — Я никогда еще не слышал такого на англий-

ском. «Чтобы тебе всю жизнь трахаться с удирающей гусыней». — Внезапно он рассмеялся и спросил: — Забавно, правда? И разве такое можно сделать?

— Все зависит от синхронизации движений, — ухмыляясь, ответил Бёртон.

Они покинули бассейн, и дверь за ними закрылась. Шум и голоса исчезли. Огромный коридор наполнился безмолвием. Испуганное воображение рисовало за углом бесформенные фигуры, которые поджидали их, присев для быстрого и фатального прыжка.

Выполнив приказ Бёртона, маленький француз наполнил кармашки кресел силовыми батареями для лучеметов. Устроившись в своих летательных аппаратах, они поднялись в воздух, и Бёртон полетел к вертикальной шахте, которая находилась в конце коридора. Де Марбо держался в двенадцати футах позади него. С ловкостью, приобретенной за три недели практики, англичанин, немного притормозив, влетел в огромное отверстие и помчался вверх на следующий уровень.

Кресло вылетело из шахты на такой скорости, что Бёртон едва не задел головой потолок. Когда он снизился до безопасной высоты, его ноги заскользили в двенадцати дюймах от пола. С обеих сторон на стенах мелькали подвижные картины. Остановив кресло у пересечения коридоров, Бёртон предложил барону лететь вперед.

— Будем надеяться на твою интуицию.

Они осмотрели каждый коридор на этом этаже, но все двери оказались закрытыми. За одной из них мог скрываться Снэрк. Хотя Бёртон не верил в такую возможность. Компьютер должен был предупредить незнакомца о вылазке двух людей, и тот наверняка удрал бы на другой этаж, если бы они начали приближаться к его убежищу. Скорее всего за ними сейчас следила сотня видеокамер.

Прочесав все коридоры, де Марбо остановил свое кресло у вертикальной шахты.

— Восхитительно! — воскликнул он. — Ветер бьет в лицо, и кресло летит вперед мимо декораций! Пусть наша погоня далека от скачки на лошадях, но она имеет и некоторые преимущества. Ни одной лошади не удалось бы взобраться вверх по этой шахте.

Бёртон принял руководство на себя и поднялся на самый верхний этаж. В конце коридора располагался ангар, который они недавно посещали. Пролетев широкие ворота, оба землянина оказались на огромной стоянке, заполненной воздушными

и космическими кораблями. Тщательный осмотр показал, что все они оставались на своих местах. Незнакомец по-прежнему находился в башне. Если только он не имел какого-то корабля, который размещался в потайном ангаре. Бёртон выругался и топнул ногой, поймав себя на вездесущем «если».

— Мы могли бы изъять из бортовых компьютеров навигационные карты, — сказал он, — и это помешало бы Снарку воспользоваться космическим кораблем. Но я уверен, что у каждого файла есть свой дубликат. Незнакомцу потребуется лишь запросить у компьютера новые копии.

— Ты думаешь, он воспользуется космическим кораблем?

— Не знаю. Но мне хотелось бы подпортить его планы и тем самым хоть немного расстроить Снарка.

— Укус москита.

— Да. Боюсь, это все, на что мы способны. Однако москит иногда может довести человека до смерти, заразив его малярией.

В его словах не было никакой бравады. Он действительно верил, что в обороне Снарка имелись слабые места — по крайней мере одна, пусть и небольшая, лазейка.

Вернувшись к вертикальной шахте, они спустились на следующий этаж и оказались в круглом зале, диаметр которого составлял сто пятьдесят, а высота — пятьсот футов. Сюда выходило двенадцать прямоугольных дверей, которые располагались на равных расстояниях друг от друга. Судя по схеме компьютера, каждая из них служила входом в треугольное помещение, по форме напоминавшее кусок пирога. Высота этих гигантских комнат равнялась четыремстам одному футу, а длина достигала пяти целых четырех десятых мили. Острое заканчивалось дверью в стенах центрального круга.

Несколько дней назад, рассматривая схемы этажа, Бёртон пообещал себе выяснить назначение двенадцати помещений. В тот момент он был занят другими делами, а потом забыл поговорить с компьютером на эту тему. Теперь же, находясь рядом с огромными комнатами, он и сам мог узнать, что в них находилось.

В центре каждой двери изображался золотой символ, который указывал на то, что данная собственность принадлежала члену Совета Двенадцати. Знак на ближайшей двери состоял из двух горизонтальных полос, пересеченных двумя длинными вертикальными линиями. Бёртон знал, что это подобие двой-

ногого креста являлось символом Логи. Он произнес свой опознавательный код, и на двери засветился экран.

— Я хочу войти в комнату, — сказал Бёртон. — Для этого нужен пароль?

На экране возник ответ: «ДА».

— Какой пароль необходим для того, чтобы открыть дверь?

Он ожидал, что компьютер откажет ему в доступе к этой информации. Однако на экране появилась надпись: «ТАК ГОВОРИТ ЛОГА».

— Пока все достаточно просто, — прошептал де Марбо.

Кодовый замок мог быть настроен только на голос Логи. Тем не менее Бёртон, надеясь на лучшее, четко произнес фразу на языке этиков.

Дверь открылась. Они вошли в небольшую, хорошо освещенную комнату. У дальней стены виднелась маленькая транспортная платформа, к которой вела лестница, покрытая ковром. Бёртон и де Марбо поднялись на нее, и платформа плавно заскользила к большой прямоугольной двери. Створки входного проема разъехались в стороны; в тот же миг пространство перед ними озарилось мягким светом весеннего дня, и люди застыли в изумлении, не веря своим глазам.

Они находились в вершине треугольного сектора, но создавалось впечатление, что стены тянулись на несколько миль вправо и влево. Вдали за полоской нарисованного леса просматривался горизонт. Но пространство перед ними было действительно огромным, и расстояние до дальней стороны равнялось пяти целым четырем десятым мили.

— Это маленький мир, — тихо сказал де Марбо.

— Не такой уж и маленький.

Большую часть площади занимал огромный, хорошо ухоженный парк с подстриженными газонами и тенистыми аллеями. Впереди, примерно в двух с половиной милях, возвышался высокий холм, на вершине которого находилось здание, сиявшее под лучами полуденного солнца. Вилла скорее всего существовала на самом деле, но иллюзия солнца, вне всяких сомнений, создавалась осветительной аппаратурой.

— Напоминает римский стиль, — произнес Бёртон, рассматривая здание. — Но я готов держать пари, что, подлетев поближе, мы увидели бы множество структурных различий.

Их летающие кресла без труда прошли бы через дверь, однако Бёртон решил не рисковать. Они вернулись в центральный зал и запросили у компьютера пароль на доступ в следующее помещение, которое принадлежало жене Логи. Передняя

комната ничем не отличалась от первой. Но внутренний вид смутил обоих людей. Ландшафт этого маленького мира представлял собой огромный лабиринт — непонятную и запутанную композицию из больших и малых зеркал. Фигуры Бёртона и де Марбо отражались в них на всем обозримом пространстве. Свет, не имевший определенного источника, изливался отовсюду и фокусировался на далеком круге колонн, которые едва просматривались среди зеркал. Колонны тоже отражались, и оптическая система помещала крошечные фигуры людей внутрь странного и загадочного круга.

— И зачем все это нужно? — спросил де Марбо.

— Не знаю, — пожимая плечами, ответил Бёртон. — Когда-нибудь мы это выясним, но только не теперь.

Следующий маленький мир воспроизводил ландшафт арабской пустыни. Под жарким солнцем тянулась огромная песчаная равнина с вереницей каменистых прогалин и барханов. Сухой воздух обжигал легкие и не шел ни в какое сравнение с приятной атмосферой двух первых помещений. Вдали, на расстоянии трех миль, виднелся большой оазис. Из густой травы поднимались высокие пальмы, посреди которых в лучах утреннего солнца сияли ручьи и голубое озеро. Неподалеку от двери на песке белели скелеты трех животных. Подойдя поближе, Бёртон определил, что один из черепов принадлежал африканскому льву.

— *C'est répugnant!** — прошептал де Марбо, переходя от удивления на родной язык. — Три разных мира — лилипутских, но вполне достаточных для каких-то особых целей. И все же у меня нет ни малейшего представления об их предназначении.

— Мне кажется, они задуманы для того... чтобы члены Совета могли проводить здесь время в уединении, — сказал Бёртон. — В некотором роде это места для отпусков и отдыха. Каждый из них оформил свой мир по собственному желанию, исходя из склонностей характера и навеянных грез. Они удалялись сюда для духовных и, конечно же, физических наслаждений.

Де Марбо захотел осмотреть остальные помещения, но Бёртон сказал, что им следовало бы продолжить свой рейд. Достопримечательности башни могли подождать, а вот с неизвестным шутить не стоило. Барон открыл рот, чтобы что-то сказать, но Бёртон оборвал его на полуслове:

* Потрясающе! (фр.)

— Да, я понимаю твои чувства. Но мне хочется как можно быстрее разведать обстановку. В принципе, мы могли бы осмотреть всю башню, не выходя из своих комнат. Компьютер показал бы нам на экране любое помещение. Но я не уверен, что он давал бы полную информацию, и мы все время подозревали бы вмешательство и противодействие Снарка. Именно поэтому я и задумал наш рейд. Мы немного полетаем по этажам, составим общее представление о планировке башни, а позже перейдем к осмотру тех мест, которые заслуживают более пристального внимания.

— Ты меня не так понял, — ответил де Марбо. — Я просто хотел пожаловаться на свой желудок. Он, как мать-природа, не терпит пустоты и уже ворчит на меня от голода.

Они вернулись в центральную шахту, спустились на следующий этаж, пролетели по коридору до ближайшей двери и, открыв ее, вошли внутрь. В комнате у стены располагался небольшой конвертер. Де Марбо потребовал себе на ленч escargots bourguignonne*, французский хлеб и бокал белого вина. Через тридцать секунд перед ним появился поднос, на котором рядом с заказанным блюдом находились серебряные столовые принадлежности, накрахмаленная салфетка и бокал. Когда аппетитный аромат достиг ноздрей барона, его голубые глаза расширились от восхищения.

— Sacree merde!** Я никогда еще не пробовал такой прекрасной пищи. От нее можно прийти в экстаз! Очевидно, этики использовали для своего эталона самое лучшее творение какого-то парижского повара. Ах, почему история не сохранила имени этого гения? Я воскресил бы его, чтобы поблагодарить за доставленное удовольствие!

— Да, еда у них отменная, — согласился Бёртон. — Вершина кулинарного искусства! Однажды для разнообразия я даже заказал себе плохо приготовленное блюдо. А ты не находишь всю эту изысканность немного утомительной?

— Я? О нет! — ответил де Марбо.

Взглянув на поднос Бёртона, он трагически закатил глаза. Выбор был действительно незатейливым — пахта с печеньем, пирог с бараниной в сметане и высокий бокал холодного пива.

— Варвар! Мне казалось, что тебе не нравится пиво.

— Я пью его лишь под ветчину и мясные пироги.

* Улитки по-бургундски (фр.)

** Вот же дермо! (фр.)

— *De gustibus non disputandum.** Хотя такое мог сказать только идиот.

Бёртон произнес условную фразу; из стены выдвинулся стол, и они приступили к еде.

— *Delicieux!*** — вскричал де Марбо и громко почмокал губами.

Еще три недели назад он выглядел как скелет, обтянутый кожей. Теперь же его лицо округлилось, как полная луна. На пояс нависали небольшие жировые складки.

— Надо будет попробовать *glace de viande*, — произнес он с набитым ртом.

— Прямо сейчас?

— Нет. Я не свинья. Немного позже. Вечером.

На десерт француз заказал суфле из инжира и стакан красного вина.

— Чудесно! Просто чудесно!

Они освежились под душем и вернулись в свои кресла.

— После такого ленча нам следовало бы пройтись, — сказал Бёртон.

— Ничего страшного. Перед ужином поработаем с саблями, и все обойдется.

ГЛАВА 7

Они пролетали коридоры, свет в которых включался за несколько секунд до их появления. Инфракрасные датчики, установленные в стенах, реагировали на тепло человеческих тел и запускали в действие особые реле, которые включали свет перед ними и отключали его при пролете кресел. Между прочим, эта система могла выдать незнакомцу их маршрут. Ему оставалось лишь вывести на экран структурную схему башни, а затем отобразить на ней освещенные участки коридоров. Но Снарк не мог наблюдать за экранами все двадцать четыре часа в сутки. Ему требовалось время на сон, еду и удовлетворение естественных нужд. Хотя все тот же компьютер мог бы разбудить незнакомца в случае опасности, когда люди стали бы приближаться к его потаенной обители.

Спустившись по вертикальной шахте на один из нижних этажей, Бёртон и де Марбо остановились посреди коридора. Они вылезли из кресел и подошли к прозрачной выгнутой

* О вкусах не спорят (*лат.*).

** Восхитительно! (*фр.*)

стене, которая окружала огромный колодец. Его верхняя часть оставалась пустой, но в паре сотен футов под ними сияла и переливалась красками феерическая иллюминация, в центре которой находилась текучая масса, состоящая из крохотных светил. Де Марбо достал из ящика на стене две пары темных очков и протянул одни своему спутнику. Бёртон надел их и в двенадцатый раз взглянул на самое великолепное зрелище, которое когда-либо видел. Под ним искрилось и блестало более восемнадцати миллиардов душ, собранных в одном месте.

Этики называли их ватанами — термином более точным, чем английское слово «душа». Каждый ватан являлся сущностью искусственного происхождения, которая притягивалась к своему физическому двойнику в момент зачатия, когда сперма и яйцеклетка объединялись и формировали зиготу человека. В течение всей жизни бессмертный ватан сохранял свою связь с гомо сапиенс и наделял того способностью самосознания.

Любой ватан оставался невидимым, пока не попадал в зону действия особой аппаратуры, которая в данном случае размещалась в поляризационном материале на стенах колодца. «Души» выглядели как разноцветные сияющие сферы, чьи протуберанцы вытягивались и сокращались, раскручивая внутренние ядра то в одну, то в другую сторону. Все это напоминало вихрь света, хотя на самом деле зрители видели не реальную картину, а лишь то, что мог охватить разум — подобие истины, воспринятой их нервными системами.

Ватаны парили, кружились, изменяли цвета, просачивались друг в друга и срастались, образуя «сверхдушу», которая через несколько секунд рассыпалась на отдельные сферы.

Сохранили ли они сознание, когда обретали свободу от физических тел? Могли ли они думать, паря и вращаясь в огненном вихре? Этого никто не знал. А воскрешенные люди ничего не помнили о том времени, когда их ватаны отсоединились от макушек голов.

Де Марбо и Бёртон восхищенно смотрели на самое чудесное и неповторимое зрелище во всей Вселенной.

— Мне даже трудно представить, что я сотни раз участвовал в этом спектакле, — прошептал англичанин.

— Хорошо, что этики догадались их сделать, — добавил француз. — В противном случае наши тела стали бы прахом тысячелетий, а после гибели Земли превратились бы в космическую пыль.

Далеко внизу виднелась огромная темная масса, едва заметная в сияющем зареве ватанов. Она казалась бесформенной, но Лога уверял их, что это не так.

— Вы видите вершину гигантской массы организованного протеина, — объяснял он им суть вещей. — Это центральная часть нашего компьютера или, иными словами, живой, но не осознающий себя мозг, телом которого являются питающие камни, башня и камеры воскрешения.

Форма «мозга» не имела ничего общего с серым веществом, извлеченным из черепа человека.

— В какой-то мере он напоминает один из ваших готических соборов, с контрфорсами и шпилями, дверями и окнами, резьбой и декорациями внешнего оформления. Красивая вещь, на которую стоит взглянуть, поэтому обязательно полюбуйтесь им, если вам представится такой случай. Протеин находится в водном растворе с большим содержанием сахара. Если удалить этот раствор, мозг разрушится и превратится в серую вязкую жидкость.

Несмотря на сияние ватанов, огромные размеры мозга впечатляли даже на таком расстоянии. Его вершина располагалась тремя милями ниже, и два человека видели лишь маленький кусочек купола. По словам Логи, мозг занимал широкую часть «колбы», а ее «горлышком» являлся колодец.

Ни французу, ни англичанину пока не доводилось спускаться на уровень, откуда они могли бы рассмотреть весь мозг. Но это не входило в планы Бёртона и теперь. Развернув кресло, он помчался на другую сторону башни и, влетев в шахту, на всей скорости понесся вниз. Де Марбо едва поспевал за ним.

Во время своего первого подъема по шахте Бёртон догадался посчитать этажи, которые они пролетали. Поэтому он знал, где находилась потайная комната Логи. Влетев в коридор, англичанин остановил кресло и подождал отставшего спутника. Француз, возбужденный быстрым полетом, весело прокричал:

— Что случилось, приятель? Потерял шпоры?

Бёртон покачал головой и приложил палец к губам. Он не видел линз видеокамер, но незнакомец мог предусмотреть особые способы наблюдения. И даже если он не следил за ними сейчас, компьютер наверняка записывал их действия для дальнейшего просмотра.

Они вошли в большую лабораторию, оборудованную странными и непонятными приборами. Среди консолей и пультов

Бёртон увидел четыре огромных конвертера, чьи толстые стеки содержали все необходимые электрические цепи. Фактически нутро этих шкафов из них и состояло. Питание к преобразователям материи подавалось по оранжевым кабелям, которыестыковались со штекерами в нижней части шкафов. Два конвертера намертво крепились к полу, в то время как другая пара имела небольшие колеса и могла перемещаться по лаборатории. Бёртон и де Марбо попытались сдвинуть один из шкафов с места, но у них не хватило сил.

Англичанин поманил за собой француза и, сев в кресло, полетел по коридору к шахте. Когда они промчались мимо того места, где скрывалась потайная комната Лёги, де Марбо удивленно взглянул на своего спутника, но воздержался от вопросов. Значительно позже, после того как они дюжину раз поднимались и опускались по шахтам, носились по коридорам, выбранным наугад, и заглядывали в пустые залы и комнаты, барон уже не казался удивленным. Он выглядел усталым.

Тем не менее при возвращении на их этаж де Марбо вытащил из кармана кресла небольшой блокнот и что-то написал на листке. Бёртон взял записку и, почти прижимая ее к груди, прочитал следующую фразу: «Когда ты мне расскажешь о своем плане?»

Вытащив из встроенного пенала карандаш, Бёртон написал ответ: «Этим вечером».

Барон прочитал записку и с улыбкой прошептал:

— Значит, можно ожидать какого-то стоящего дела!

Он разорвал листок на мелкие клочки, положил их на пол и сжег огнем лучемета. После этого француз растер пепел ногой и, набрав в легкие побольше воздуха, сдул его остатки.

В тот же миг в стене открылся проем, и оттуда выкатилась цилиндрическая машина на колесах. Она без колебаний направилась к пятну золы, выдвигая из передней части суставчатую конечность, которая походила на совок. Машина обрызгала испачканное место особой жидкостью, и та, высохнув за несколько секунд, превратилась в множество крохотных шариков, которые «совок» втянул в себя, как пылесос. Через минуту машина вернулась в нишу, проем закрылся, а пятно на полу исчезло.

Решив еще раз посмотреть на работу автоматического уборщика, де Марбо плюнул на пол. Агрегат вновь выполз в коридор и, очистив ковер, начал возвращаться в свое логово. Француз пнул машину ногой. Та ускорила ход и невозмутимо исчезла в нише.

— По правде говоря, я предпочитаю роботов из протеина и костей, — сказал барон. — Эти механические штуки вызывают у меня дрожь и отвращение.

— А меня, наоборот, тревожат андроиды, — ответил Бёртон.

— А-а, понимаю! Чтобы сорвать гнев или выразить эмоции, иногда полезно пнуть кого-нибудь под зад. Если это обычный робот, ты считаешь, что тут нет ничего плохого, но, когда перед тобой андроид, тебе становится стыдно за свое желание. Несмотря на плоть и кровь, он всего лишь безмозглое существо, которое не имеет понятия об оскорблении и несправедливости. Ты знаешь, что он не ответит ударом на удар и даже не подумает о возмездии.

— Мне не нравятся их глаза, — сказал Бёртон.

Де Марбо засмеялся:

— Они выглядят такими же мертвыми, как глаза моих гусар в конце долгой компании. Ты чувствуешь в них отсутствие жизни, которого на самом деле не существует. Андроиды абсолютно бестолковы, и, чтобы действовать, они используют лишь крохотную часть своих мозгов. Тем не менее можно говорить о том, что мы видим перед собой людей, а не машины.

— Ты прав, — ответил Бёртон. — Можно говорить о чем угодно и сколько угодно. Не хочешь присоединиться к остальным?

Француз посмотрел на часы:

— До ужина еще час. Возможно, я успею помириться с Афрай. Ты же знаешь, что мрачный сосед за столом портит не только настроение, но и аппетит. А для меня это самое страшное на свете.

— Скажи ей, что она тоже может поучаствовать в следующей фазе нашего плана. Я думаю, такое предложение улучшит настроение Афры. Только не говори ей о том, что мы делали, и постарайся обойтись без этого. — Бёртон указал на блокнот.

Де Марбо поморщился и кивнул.

— Наш надзиратель пойдет на все, чтобы узнать о твоем замысле, — произнес барон. — Но разве мы можем что-то от него скрыть? Едва ты бзднешь, как он уже об этом знает.

— Тогда мы заставим его наложить в свои штаны, — с усмешкой ответил Бёртон, — образно выражаясь.

По общему согласию каждый из восьми землян поочередно устраивал у себя прием гостей. Этим вечером ужин проходил у Алисы, и она встречала их в зеленом вечернем платье с

глубоким декольте по моде 1890 года. Впрочем, Бёртон сомневался, что она надела и те бесчисленные нижние юбки, которые дамы носили во времена ее земной молодости. Алиса уже привыкла к удобным одеждам долины Реки — к широкому полотенцу, которое служило короткой юбкой, и легкому тонкому покрывалу, заменявшему бюстгальтер. Ее платье украшали драгоценности, воспроизведенные конвертером. В ушах поблескивали золотые серьги с жемчужными подвесками, а на руке виднелось золотое кольцо с большим изумрудом. Наряд завершали шелковые чулки, доходившие, вероятно, до колен, и элегантные зеленые туфли на высоких каблуках.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал он, склоняя голову и целуя ее руку. — Конец девятнадцатого века, верно? Год моей смерти. Может быть, ты так тактично пытаешься намекнуть, что решила отметить это событие?

— Поверь, я не имела в виду ничего подобного, — ответила она. — И давай обойдемся сегодня без колкостей?

— Колкостей? — вклинился в разговор Фрайгейт. — Это слово вошло в обиход в 1934 году. Год твоей смерти, не так ли, Алиса?

— Слава Богу, первой и последней, — ответила она. — Но неужели нам обязательно говорить о таких вещах?

Фрайгейт склонился и поцеловал ее вытянутую руку.

— Мне ли спорить с тобой, Алиса? Скажи слово, и я отдам за тебя жизнь. Нет, лучше ничего не говори. Я и так весь в твоей власти.

— Ты сегодня очень галантен, — сказала она. — И очень настойчив.

— Вот настойчивости ему как раз и не хватает, — фыркнув, ответил Бёртон. — Кроме тех случаев, когда он пьян. Голландская отвага.

— *In bourbono veritas**, — ответил американец. — Но ты ошибаешься, Дик. Я робок даже во хмель. Не так ли, Алиса?

— Наша милая хозяйка — это замок на высоком холме, — пошутил Бёртон. — Вернее, мощная крепость, окруженная широким рвом. Поэтому не пытайся ее минировать. Бери штурмом!

Американец покраснел. Алиса, все еще улыбаясь, сказала:

— Прошу тебя, Дик. Не будь таким гадким.

— Хорошо, обещаю вести себя прилично, — ответил Бёртон.

* Истина в бурбоне (пародия на латынь).

Холодно кивнув, он направился к столу.

— О Боже! Кто это?..

Стол накрывали два человека в ливреях слуг — хотя нет, два андроида. У одного из них было лицо Гладстона, у другого — Дизраэли.

— Дорогие гости! — сказала Алиса. — Сегодня вас будут обслуживать два премьер-министра Великобритании!

Бёртон резко развернулся на каблуках. Его лицо пылало от возмущения; брови сердито нахмурились.

— Алиса! Мы ведь говорили об этой опасности! Снарк мог запрограммировать их на нападение!

Она спокойно встретила его вспышку гнева:

— Да, мы говорили об этом. Но ты сам сказал, что Снарк может добраться до нас тысячью и одним способом. Если бы незнакомец хотел нашей смерти, мы бы давно уже были мертвые. Однако он не сделал нам еще ничего плохого. Я считаю, что в такой ситуации два андроида не изменят положения.

— Совершенно верно! — громко прокричал китаец. — Браво, Алиса! Прими мои поздравления! Это воистину решительный шаг! Я и сам имел кое-какие планы насчет андроидов. И осуществляю их сегодня вечером! О, что это будет за ночь! Ты больше не будешь мучиться, Ли По!

В глубине души Бёртон признавал правоту Алисы. Однако она не имела права поступать так без предварительного и общего одобрения всей восьмерки. По крайней мере, она могла бы посоветоваться с ним.

Возможно, если бы лидером группы был не он, а кто-то другой, Алиса так бы и поступила. Бёртону казалось, что она использовала каждую возможность, чтобы навредить ему и бросить вызов. За тихими и мягкими манерами скрывалась сильная и упрямая натура.

В комнату вошли де Марбо и Бен. Судя по их потным и покрасневшим лицам, они либо только что покинули постель, либо оборвали бурную ссору. При втором варианте им довольно хорошо удавалось скрывать свои чувства. Оба шутили, пощипывали друг друга и непринужденно улыбались.

Поприветствовав их, Бёртон отошел к столу, на котором вокруг чаши со льдом стояли бутылки и бокалы. Он отмахнулся от андроида с лицом Гладстона, когда тот приблизился к нему и предложил приготовить какой-нибудь напиток. Следовало признать, что, воссоздавая по памяти черты премьер-министра, Алиса сделала очень хорошую работу. И она могла

это сделать, поскольку министр часто обедал в доме ее родителей. Впрочем, Алиса скорее всего поступила по-другому. Она могла отыскать фотографию Гладстона в файлах компьютера, после чего конвертер, получив исходные данные, за несколько секунд воспроизвел бы это живое, но безмозглое существо.

— О Господи! — прошептал Бёртон. — Она скопировала даже голос.

Попробовав виски, он нашел напиток просто великолепным. Как видно, для образца использовался лучший продукт, когда-либо созданный на Земле.

Бёртон подошел к Нуру. Маленький иберийский мавр налил себе бокал светло-желтого вина, который, возможно, мог стать первым и последним за этот вечер. Заметив взгляд англичанина, Нури с улыбкой сказал:

— Пророк позволял любые алкогольные напитки, кроме финикового вина. Позже его ретивые и усердные ученики распространяли этот запрет на все спиртное. Лично я не вижу для себя вреда в крепленых напитках и не желаю подчиняться предписаниям упрямых фундаменталистов. Мне нравится китайское вино. Кроме того, будь я даже горьким пьяницей, Аллах не наказал бы меня так, как мне уже удалось наказать самого себя. Что же касается Магомета, то где он теперь?

Они заговорили о Мекке, и в этот момент андроид, похожий на Дизраэли, объявил, что ужин подан. Поскольку утром каждый гость заказал Алисе свои любимые яства, меню уже находилось в памяти компьютера. За долю секунды большой конвертер выполнил заказ, и расторопные слуги расставили на столе аппетитные блюда. Перед Бёртоном появился овощной салат, осетрина по-московски и два пирога с ревенем. Напитки и вина подавались по мере надобности.

Чуть позже Бёртон, Бен, Фрайгейт и Ли По закурили кубинские сигары. Нури довольствовался тонкой ароматной сигаретой. Англичанин подошел к французу, но тот, замахав руками, отступил назад.

— Избавь мои драгоценные легкие от этой отвратительной отравы! — вскричал барон.

— Вдыхая ее, человек умирает счастливым, — с усмешкой ответил Бёртон. — Однако, как ты недавно говорил, *non disputandum de gustibus*. Как себя чувствует Афра? Ты сказал ей, что она может принять участие в предстоящей вылазке?

— Да, сказал, — ответил де Марбо. — К сожалению, все ее вопросы остались без ответов, так как я и сам не знаю, что это будет за вылазка..

Бёртон передал ему записку. Француз прочитал ее и с удивлением взглянул на своего собеседника:

— Что?..

Он замолчал, затем поднялся на цыпочки, и его губы коснулись уха Бёртона, который в свою очередь пригнулся к нему.

— Как я и говорил, мы готовы. Но... не мог бы ты намекнуть мне, что у тебя на уме?

— Лучше этого не делать.

— О-о! Как интригующе! — воскликнул де Марбо. — Возможно, твой план превзойдет все мои ожидания. Опасность, романтика и военная хитрость; открытая атака или внезапное окружение; угроза плены, неопределенность и сложная задача, требующая отваги, выдержки и стальных нервов.

— Можешь не волноваться, — ответил Бёртон. — Как раз все это нас и ожидает.

ГЛАВА 8

Примерно около часа ночи Бёртон припарковал свое кресло у апартаментов де Марбо и Бен. Как они и договаривались, барон оставил дверь открытой. Бёртон вошел в большую гостиную, в которой тут же вспыхнул свет, и, миновав небольшой коридор, постучал в дверь спальни. Оттуда раздался сиплый голос француза:

— Quelle?*

— C'est moi, naturellement**, — ответил Бёртон.

Через минуту, сонно потирая глаза, англичанка и француз вышли из спальни.

— Ты будешь должен мне шесть часов сна, — сказал де Марбо. — Кстати, у тебя есть чем оплатить этот долг?

— Конечно, есть, дорогой барон. Шестью часами, потрясанными мной. Но поскольку ты сам напросился на дело, я тебе ничего не должен.

Де Марбо успел надеть килт, но на Афре были только кружевные трусики и бюстгальтер.

— Эй, моя капусточка! Ты собираешься идти в бой в этом наряде?

— А что? — задорно ответила она. — Для полуночных встреч это самая подходящая амуниция.

* Кто там? (фр.)

** Конечно же, я (фр.).

Француз засмеялся, обнял ее и поцеловал в щеку.

— Ах, моя дикая английская розочка! Ты всегда такая неожиданная и восхитительная!

Однако она ввела его в заблуждение. Афра вернулась в спальню и вскоре вышла оттуда в короткой юбке, тонкой блузке и высоких ботинках. К тому времени Бёртон вытащил из конвертера три большие кружки бразильского кофе. Глотая горячий напиток, он туманно и кратко намекнул своим друзьям на то, что им предстояло сделать.

— Сказать по правде, я ничего не понял, — признался де Марбо. — Но это хорошо, потому что тогда тебя не понял и наш враг — если он только наблюдает за нами. В каком-то смысле мы похожи на кота с колокольчиком на шее.

— Поэтому, прежде чем охотиться на Снарка, мы должны лишить его глаз и ушей, — ответил Бёртон.

Он улыбнулся, увидев, как взметнулись вверх брови де Марбо.

— Ага! — взревел француз. — Мои предчувствия сбываются! О Господи! Я трепещу от возбуждения.

— Сначала нам придется потрудиться, — предупредил его Бёртон. — И прежде чем мы закончим эту работу, вы оба будете валиться с ног от усталости.

— Только не я! В былые дни меня называли «человеком из железа»! Что касается Афры, то она крепка, как плата, и в два раза дороже кучи бриллиантов ее веса.

— Между прочим, этот вес становится все больше и больше, — проворчала она, похлопав себя по бедрам.

Бёртон сделал нетерпеливый жест, и влюбленная пара последовала за ним в коридор. По пути они на всякий случай прихватили два лучемета и ножи. Когда Бен и де Марбо устроились в своих креслах, Бёртон махнул рукой, и их маленький отряд влетел в вертикальную шахту. Через несколько минут они уже мчались по коридорам этажа, который находился на одном уровне с поверхностью моря.

Вскоре Бёртон остановил кресло, и де Марбо, подлетев к нему, прошептал:

— Мы почти рядом с потайной комнатой Логи. Куда теперь?

Бёртон кивнул и указал на дверь ближайшего помещения — той самой лаборатории, которую они посещали днем. Афра осмотрелась и тихо сказала:

— Наверное, он сейчас удивляется, зачем мы сюда прилетели. Между прочим, я задаю себе тот же вопрос.

— Ричард — наш генерал, — ответил де Марбо, — и поэтому он не считает нужным объяснять нам, простым солдатам, свои мудрые планы. Это старая традиция настоящих полководцев.

Бёртон игнорировал их ироничные замечания. Подойдя к большому конвертеру, он заказал три стремянки, пятьсот распылителей с черной краской, дюжину мощных ламп и небольшой генератор воздуха, работающий на атомной батарее.

— Mon Dieu! — воскликнул де Марбо. — Он решил превратить нас в маляров! Что же тогда ожидать от него дальше?

Вытащив из раздаточной камеры первую партию деталей, Бёртон закрыл дверь конвертера, подождал несколько секунд и, повторив процедуру разгрузки, вывалил на пол остатки заказанного снаряжения. Покончив с этим, он велел своим помощникам приступить к приему распылителей, а сам начал собирать стремянки.

Барон приподнял брови и взглянул на Афру, словно спрашивая: «Что дальше?» Она пожала плечами и принялась за работу. Де Марбо последовал ее примеру. Чуть позже, пропотев до последней нитки, он вытащил очередную партию баллончиков и устало сказал:

— Эй, моя капусточка! Неужели мы должны оплачивать своим потом ту божественную еду и изысканные вина, которые нам посчастливилось отведать вечером?

— Да, — переведя дыхание, ответила она. — Ты заплатишь нам за все!

Афра выпрямилась и внимательно осмотрела стену.

— Снарк, как Бог, следит за каждым нашим шагом, — сказала она. — Ему известно все, что мы тут делаем. И я лишь надеюсь, что, подобно Всевышнему, он будет безразличен к нашим забавам.

— В отличие от Бога, Снарк иногда должен спать, — возразил Бёртон. — Кроме того, он, как и все мы, ограничен своим телом. Его разум может быть великим, но это разум смертного, имеющий пределы.

— А возможно, его, как и Бога, просто не существует, — добавил де Марбо.

— Вполне вероятно, — ответил Бёртон. — Вот! Твоя стремянка готова.

— Почему ты не привлек к этой работе андроидов? — спросил француз. — Они красили бы стены, а мы наблюдали бы за ними, сидя в креслах, как и подобает хозяевам, за которых потеют рабы.

— Мне не хотелось рисковать, — ответил Бёртон. — Ладно, приступим к делу. Начинайте покраску с этого угла и следуйте к дальнему концу стены.

Он велел компьютеру определить, какое количество распылителей понадобится им для окраски всего помещения. Заказав в конвертере две тачки, Бёртон нагрузил одну из них баллончиками с краской и оставил ее около стремянок, с которых де Марбо и его леди красили потолок. Обеспечив коллег необходимым снаряжением, он запросил у компьютера двенадцать канистр с быстро твердеющим цементным раствором. Получив их в камере конвертера, Бёртон перенес канистры в коридор, вернулся к пульту и сделал заказ на партию кирпичей, количество которых он подсчитал заранее.

Де Марбо, наблюдая за ним, покачал головой:

— Он обещал кровавую схватку, но я уже ему почему-то не верю.

Прежде чем браться за дело, Бёртон решил открыть дверь в комнату Логи, хотя, будь она даже трижды закрытой, он все равно закончил бы первую часть своего проекта. Постучав по стене, англичанин громко сказал: «Ах-К'ак!», и круг двери бесшумно вкатился в паз стены. Бёртон полагал, что Снарк вмешается в ход операции, и поэтому, для большей уверенности, оставил кресло в отверстии. Теперь, если бы даже незнакомец захотел закупорить этот вход навсегда, дверь осталась бы открытой.

На старой и доброй Земле Бёртону доводилось заниматься многими делами. Однако кладка кирпичей в их число не входила. Тем не менее он часто наблюдал за арабскими рабочими, которые возводили кирпичные стены. В принципе, ничего сложного в этом не было. Выбрав место в нескольких футах от двери в комнату Логи, Бёртон начал укладывать поперек коридора первый ряд. Раствор накрепко соединял кирпичи друг с другом. И к тому времени когда он положил последний верхний ряд, построенная им стена превратилась в сплошной монолит.

Сделав лишь два небольших перерыва, чтобы попить воды, Бёртон замуровал коридор в этом месте снизу доверху и от стены до стены. Затем он подкатил тачку с кирпичами ко входу в лабораторию и принялся за возведение следующей перегородки.

Афра вышла в коридор и доложила, что они с бароном завершили окраску стен. С ее лица стекал пот, а одежду покрывали мокрые пятна. Бёртон последовал за ней в комнату

— Сейчас проверим, что вы тут сделали, — сказал он, осматриваясь вокруг. — Мы должны быть абсолютно уверены, что каждый квадратный дюйм стен покрыт краской. Хорошо, теперь разберитесь с потолком и полом, а когда все закончите, сообщите мне.

Издав шутливый стон, француз передвинул стремянку в угол и вскарабкался на нее. Бёртон вернулся к кирпичной кладке. Работа шла споро, он укладывал ряд за рядом, и вскоре возведенная им стена перекрыла эту часть коридора. К тому времени когда он клал последний кирпич, к нему подошел де Марбо.

— Все сделано, босс. Мы залили краской и пол, и стены, и потолок. Видеокамеры незнакомца обезврежены. Снарк может глязеть на пустые экраны, сколько хочет. Отныне твои замыслы будут загадкой не только для меня, но и для него тоже.

Бёртон вошел в лабораторию.

— Теперь надо покрасить окна на дверях конвертеров. Передвиньте всю мебель, которая двигается, и покройте краской те места, где она стояла.

— Под ними тоже? — спросил француз, указывая на два передвижных конвертера.

— Да.

— А как мы их столкнем с места? Возможно, я и похож на Самсона из Газы, но у меня нет его силы.

— Воспользуйтесь летающими креслами, — подсказал Бёртон.

Барон хлопнул себя ладонью по лбу:

— О Господи! Какой же я тупой! Но это все от того, что я не привык к лакейской работе! Она иссушала мой разум до последней капли!

— Не печалься, — сказал Бёртон. — Я уверен, что эта мысль пришла бы тебе в голову.

— Ты прав! Это не ратный труд, — ответил француз, словно его слова объясняли что-то.

Афра вышла в коридор вместе с Бёртоном и осмотрела построенные стены.

— А как мы отсюда улетим?

— Кирпичики обычные. Сделаны из глины.

Бен взглянула на него и указала пальцем на лучемет. Бёртон кивнул.

— После того как мы поймаем Снарка?

— Вряд ли.

Он посмотрел на часы:

— Нам еще многое надо сделать.

Афра вздохнула и покачала головой:

— Интересно, что же ты все-таки задумал?

— Ты все увидишь сама. Со временем.

Он установил стремянку, поднялся по ней к потолку и начал закрашивать верхний угол кирпичной стены. Закончив с этим делом, Бёртон покрыл краской пол и стены коридора, а затем заглянул в дверь лаборатории. К тому времени Бен и де Марбо отсоединили силовые кабели от двух передвижных конвертеров, сдвинули шкафы и закрасили пустые места на полу. Прислонившись спинами к стене, его помощники сидели рядом с кучей пустых баллончиков и пили воду. Афра курила сигару.

— Когда отдохнете, помогите мне докрасить коридор, — попросил Бёртон.

Де Марбо тут же поднялся на ноги. Увидев работу англичанина, он замер на месте, и его глаза расширились.

— Клянусь голубой кровью великих королей! Ты покрасил даже кирпичную стену!

— Да. Кирпичи сделаны из простой глины — я специально проверил это в самом начале. Но Снарк мог вставить в некоторые из них свою аппаратуру наблюдения. Поэтому я хочу увериться, что он нас больше не увидит.

— Просто невероятно! — сказал де Марбо.

— Мы не можем рисковать.

— Ох, уж эти хитроумные британцы! Не удивительно, что мы проиграли вам войну.

Слова де Марбо следовало расценивать как комплимент. На самом деле он был искренне убежден, что к крушению империи привели ошибки и предательство корсиканских маршалов, которые окружали Наполеона. Если бы французскими войсками командовали честные и умные полководцы, империя никогда не знала бы поражений. То же самое, наверное, говорили и солдаты всех других армий, но, слушая доводы де Марбо, Бёртон обычно старался не упоминать об этом.

К пяти часам утра они покрасили коридор и комнату Логи. К тому времени прекратилась подача света и воздуха, которые прежде исходили из стен и крошечных вентиляционных отверстий. Бёртон предусмотрел такой вариант, заранее заказав мощные лампы и генератор воздуха.

— Voila! C'est fini!* — воскликнул француз

* Вот и все кончено! (фр.)

— Не совсем, — ответил Бёртон. — Теперь нам надо перенести один из конвертеров в потайную комнату.

Они сделали это с помощью летающего кресла. Бёртон, стоя рядом, управлял рычагами, а барон и Афра корректировали направление. Через десять минут вершина и бока конвертера со скрипом прошли сквозь круглое отверстие — в чем Бёртон и не сомневался, поскольку днем он предусмотрительно сравнил размеры шкафа и двери. Установив конвертер в потайной комнате, они подсоединили его к силовому кабелю.

— Дик, ты закрасил звуковые датчики, которые распознавали пароль на вход, — сказала Афра. — Что, если нам еще раз понадобится сюда войти? Или ты решил оставить эту дверь открытой?

— В случае необходимости краску можно легко сокрести, — ответил Бёртон.

Осмотрев стены, француз удовлетворенно потер ладони:

— Мы вывели из строя все линзы и микрофоны. Снарк больше не видит и не слышит нас. Может быть, теперь ты скажешь нам, что собираешься делать дальше?

Свет ламп отбрасывал на их лица густые тени, и те выглядели странными и застывшими, как маски. Маски утомленных, но решительных людей. Голубые глаза де Марбо и Бен, казалось, сияли собственным светом. Их воля не знала усталости.

— Силовой кабель конвертера подведен к основной сети питания, — объяснял им Бёртон. — Так как он не указан на схемах башни, любая мощность, потребляемая через него, не будет регистрироваться компьютером. Во всяком случае, пока Снарк не изменит программу. Таким образом, мы можем делать тут все что угодно, а незнакомец ничего не будет знать. Но ведь он ожидает от нас какого-то подвоха. Возможно, он уже сейчас грызет ногти и гадает, чем мы тут занимаемся. В конце концов Снарк захочет взглянуть на все своими глазами. Он не выдержит и придет сюда.

— Не думаю, — возразила Афра. — Он может послать к нам андроидов.

— Не забывай, что человек любопытен, как обезьяна. Снарк сам захочет оценить серьезность наших намерений.

— Хм-м... Вполне возможно.

— Почему ты ничего не рассказал об этом остальным? — спросил де Марбо.

— Лишние слова часто мешают делу.

Француз взглянул на часы.

— Через два с половиной часа наши друзья встретятся за завтраком. В отличие от нас ты всегда участвовал в таких мероприятиях. Что, если они начнут тебя искать?

— Наши коллеги ворвутся в мое жилье, перевернут там все вверх дном и наконец поймут, что я куда-то исчез. Потом обнаружится и ваше исчезновение.

— Они подумают, что нас схватил Снарк! — воскликнула Афра. — Я представляю себе их чувства!

— Ничего страшного, — ответил Бёртон. — Это вытряхнет их из летаргической дремоты. По крайней мере, они не будут скучать.

— Довольно грубо с нашей стороны, — заметила Афра.

— И они начнут нас разыскивать, — произнес де Марбо.

— Да, найти нас будет непросто, — ответил Бёртон. — Учитывая, что им придется осмотреть 35 793 комнат...

— Но они могут использовать компьютер, — прервал его барон. — Машина просканирует все помещения и, обнаружив затемненный участок, сообщит им... — Он замолчал, потер подбородок и с улыбкой закивал. — Теперь я все понял! Снарк не позволит этой информации попасть на экраны наших друзей.

— Если они воспользуются компьютером, ему придется как-то дезориентировать их, — согласился Бёртон. — Во всяком случае я надеюсь, что они отвлекут его внимание на какое-то время.

— Да, но наши друзья сделали бы то же самое, попроси мы их об этом, — сказала Афра. — И они не волновались бы так о нас.

— Их тревога и недоумение пойдут нам только на пользу. Ложь легко определить, и они вряд ли ввели бы Снарка в заблуждение. Я уже не говорю о том, что он может пропустить их голоса через детектор эмоций и просканировать ватаны. Такая техника позволит ему уловить каждое неискреннее слово.

— Он прямо как Бог на Страшном Суде, — проворчала Афра.

— Зря ты так думаешь, — отозвался Бёртон. — Снарк — не Бог. И вы еще увидите, какой мы нанесем ему урон.

— Черт возьми! — вскричал де Марбо. — А что, если он не придет? Что, если мы просидим здесь целый день, как крысы, попавшие в ловушку?

— Когда в твою ловушку попадает крыса, ты ее можешь видеть. А Снарк нас больше не видит и не слышит.

Они устроились у стены в самом темном углу. Теперь им оставалось только ждать, во всем полагаясь на свое терпение. В апартаментах Логи имелся туалет и еще один находился в лаборатории. Предусмотрительный Бёртон подключил конвертер к небольшому автономному компьютеру, поэтому они могли заказывать себе не только пищу, но и любые другие вещи.

Наступило семь часов. Их беседы стали редкими и немногословными. Свет ламп, глубокие тени и ожидание все больше и больше действовали на нервы. В семь тридцать Бёртон предложил своим спутникам позавтракать и выспаться на большой постели, пока он будет охранять их покой.

В восемь часов Бен и де Марбо согласились на его уговоры. Они заказали себе легкий завтрак и, поев, отправились спать. Перед уходом француз принес Бёртону поднос с едой и тихо сказал:

— Если хочешь, я останусь с тобой. В хорошей компании и время летит быстрее.

— Не беспокойся обо мне, — ответил Бёртон. — Вряд ли Снарк предпримет что-нибудь в ближайшие два-три часа.

— Ты слишком самоуверен. Незнакомец может придерживаться другого мнения.

— Ладно, будем надеяться на лучшее.

Англичанин занял позицию у входной двери. Чтобы отогнать сон, он шагал взад и вперед вдоль стены, размышляя над планом операции. Бёртон не знал, что могло произойти, и, наверное, это было его преимуществом. Тем не менее он готовил себя к любой неожиданности.

Возможно, он действовал глупо и недальновидно, но ему нравились поступки, а не сытое бездействие. В уме роились верткие вопросы, на которые Бёртон пытался найти один ответ. Что бы он делал на месте незнакомца? Неужели оставил бы трех своих врагов без наблюдения? А как же его человеческое любопытство? Любопытство и страх? Разве он не гадал бы об их замыслах? Разве не запрашивал бы у компьютера список всего того, чем они могли навредить ему? Вернее, ему и башне?

Впрочем, нет. Снарк не стал бы запрашивать компьютер. Любая машина, даже самая умная, не имела творческого воображения. Информация на выходе никогда не превышала данных на входе. И на самом деле компьютер башни был глупее и слабее людей. Не всех, конечно, но многих.

«Ты слишком циничен, — сказал себе Бёртон. — Но разве это не так? Разве миллионы и миллиарды людей не являются копией протеиновых роботов? Они отличаются от них только тем, что могут чувствовать печаль, разочарование и горе, любовь, веселье и радость, амбиции, гнев или жалость... Хотя на жалость и сочувствие способны немногие. Да и воображение есть не у всех. *Vive la difference!**»

Фрайгейт однажды сказал, что на звание людей могла претендовать лишь незначительная часть человечества. Желая остальным успеха, он не питал на их счет больших надежд. «И я первым согласен признать, что еще не дотягиваю до статуса человека».

Американец много говорил о принципах совершенства, но редко придерживался их сам. Нур тоже любил поболтать на такие темы и, надо признать, действительно следовал своей философии. А что он сам, Ричард Фрэнсис Бёртон?

Попробовав заняться самоанализом, он усмехнулся и покачал головой. Слишком огромными казались континенты и острова этой дикой Бёртонии, населенной легионами дьяволов.

— Есть только одно великое путешествие, — говорил Фрайгейт, — и оно является спуском в самого себя.

Он повторял мысль Генри Миллера, писателя из двадцатого века, который восхищал американских современников своим презрением к человеческим слабостям и недостаткам.

— Самая черная Африка, самый высокий Эверест и самая глубокая бездна Мирового океана находятся в нашем собственном уме. Так почему лишь немногие достигают этих высот и глубин?

— А почему рыбы, плавая в воде, не знают, что она мокрая? — передразнил его Бёртон.

Разговоры, разговоры, разговоры. Они ведут себя как болтливые попугаи. Неужели язык — это оперение людей? И неужели кто-то может разрушить свои внутренние барьеры?

Внезапно раздался сильный грохот. Послышались треск и низкое гудение. Бёртон вскочил, быстро разворачиваясь в направлении шума. Его сердце заколотилось в груди, заглушая остальные звуки.

Выглянув в темный коридор, он увидел две полоски света, которые пробивались из комнаты Логи и приоткрытой двери

* Фраза совершенно не к месту, поскольку в конце XIX века она являлась лозунгом, который провозглашал превосходство мужчин над женщинами. «Да здравствует разница!» (фр.)

лаборатории. Впрочем, нет! Еще один луч света исходил из большой дыры в кирпичной стене. Посмотрев в отверстие, он мельком разглядел огромный механизм, похожий на опрокинутый цилиндр с коническим носом. Его темная масса неслась прямо на стену.

ГЛАВА 9

Бёртон отпрыгнул в комнату и высунул голову из двери, пытаясь рассмотреть предмет. Механическое чудовище за большой дырой быстро катилось на десяти колесах по освещенному коридору. Тем не менее для тарана кирпичной стены этой скорости явно не хватало. Возможно, Снарт не знал, что Бёртон пользовался чудо-раствором, о котором строители на старой Земле могли только мечтать.

Англичанин прицелился в пятно за острым носом машины. Алый луч, похожий на длинный посох, уперся в серую броню. За пять секунд лучемет мог пробить двенадцатидюймовую стальную пластину, однако на поверхности цилиндра не осталось ни малейшего следа. Бёртон быстро отступил назад и прижался к стене. В проем двери ворвался фиолетовый луч. За ним последовала целая россыпь алых и зеленых световых полос, а потом машина проехала мимо двери. Осмелившись выглянуть в коридор, Бёртон увидел, что стволы по бокам цилиндра стреляли вслепую под разными углами, выжигая на окрашенных стенах и черном потолке большие белые пятна.

Приблизившись ко второй кирпичной стене, машина остановилась и медленно двинулась назад. Залпы лучей из боковых орудий полыхали с интервалом в несколько секунд. Угол атаки постоянно менялся. Краска на стенах надувалась пузырями, лопалась и выгорала.

Бёртон снова отступил под прикрытие стены. Луч скользнул в дверной проем и выжег белое пятно на потолке. За ним последовал сноп разноцветных лучей, которые под разными углами разрушали окраску перекрытий.

— Дик, как ты там? — прокричал де Марбо.

— Со мной все в порядке! — ответил Бёртон. — Не подставляйся под огонь!

— Я не так глуп! — отозвался француз.

Однако он совершил невероятную глупость — по крайней мере с точки зрения англичанина. Выбежав в коридор, де Марбо бросился к машине. Бёртон велел ему вернуться, но барон без колебаний запрыгнул на заднюю часть самоходного

устройства и ухватился за выступ на вершине цилиндра. Бёртон со страхом ожидал очередного залпа. К счастью или, возможно, по приказу Снарка, стрельба прекратилась в тот момент, когда француз выбежал из двери. Позже Бёртон пришел к выводу, что луч, выпущенный в него в самом начале, был только мерой устрашения, чтобы он не приближался и не преследовал машину.

По-прежнему отъезжая назад, машина миновала дверной проем в потайную комнату Логи. Де Марбо, цепляясь одной рукой за выступ, послал англичанину воздушный поцелуй.

— Прыгай вниз! — закричал Бёртон. — Ты ничего с ней не сделаешь! Прыгай, пока она тебя не убила!

— Куда она, туда и я! — прокричал в ответ барон.

Однако уже через миг его браваде пришел конец. Машина резко остановилась. Ее колеса завизжали на мраморном полу, и она помчалась вперед. Носовое орудие выпустило мощный луч. Фиолетовое копье вонзилось в кирпичную кладку и, пробив в ней большую дыру, расширилось и превратилось в конус. Стена потрескалась и местами оплавилась. В ней возникло широкое отверстие, в которое могла пройти машина.

Де Марбо попытался спрыгнуть на пол, но сила инерции швырнула его на стену. Он с криком ударился о кирпичи и упал на мелкое крошево осколков.

— Сумасшедший лягушатник! — проворчал Бёртон.

Машина скрылась за дальним поворотом. Как оказалось, она состояла из гибких сочленений, которые позволяли ей поворачивать в стороны почти под прямым углом.

Де Марбо приподнялся и сел, держась руками за голову. Бёртон и Афра поспешили к нему на помощь.

— Ты ранен?

Француз поморщился от боли и печально улыбнулся:

— Ранена только моя гордость. О Боже! Я испугался! Мне показалось, что я даже кричал от страха!

Бёртон помог ему подняться на ноги.

— Ерунда! — шутил де Марбо. — Всего лишь несколько синяков и шишек. Знали бы вы, сколько раз мне доводилось падать с лошади, сражаясь за нашего славного императора. Хотя надо признать, я еще никогда не вылетал из седла так быстро!

Афра обвила его шею руками и нежно зашептала:

— Упрямый сукин сын! Я перепугалась за тебя до смерти!

— О нет! Ты такая мягкая и тепленькая, что я не могу назвать тебя трупом, — ответил он, прижимаясь к ней. —

Только не дави на руку! Прости, что я не в силах обнять тебя, моя капусточка, хотя кому как не тебе знать мою огромную любовь и всеми признанную силу!

Она выскользнула из его объятий и кончиком пальца смахнула слезу.

— Ты опять называешь меня капустой, черт бы тебя побрал? Запомни, я не овощ, а женщина! Женщина, которая сердита на тебя и твой идиотский героизм!

— О-о! У розы появились шипы! Но ты простишь меня, не так ли?

Бёртон осмотрел коридор, а затем повернулся к французу.

— Зачем ты запрыгнул на эту машину? — спросил он. — Я так и не понял смысла твоего поступка.

— Мне захотелось прокатиться на ней до берлоги нашего друга, чтобы познакомиться с ним и предложить ему сдаться в плен. Однако в пылу азарта я не заметил, что эта стальная гусеница сделала дыру в стене только для себя. Для меня там места уже не хватало.

— Тебе повезло, что твои мозги не размазались по кирпичам, — сердито сказал Бёртон.

Он разделял гнев Афры, но его восхищала отвага француза.

— Зрелище было великолепным, но такой опытный солдат, как ты, мог бы вести себя немного поосмотретьнее.

— Вам обоим просто завидно — вот вы и ругаетесь. И ты, Дик, поступил бы точно так же, если бы додумался до этого.

— Возможно, ты прав, — с улыбкой ответил Бёртон.

Указав на пятна обгоревшей краски, он многозначительно поднял брови:

— Снарк снова нас видит и слышит.

— Вот же черт! — воскликнула Афра. — Он еще раз показал, насколько мы слабы и беспомощны по сравнению с ним. Нам даже не удалось от него спрятаться!

— Да, но мы заставили Снарка действовать, — возразил Бёртон. — Он испугался и послал сюда управляемого робота, чтобы выяснить наши планы. А если он боится нас, то, значит, уважает.

— И ради этого я, как раб, красил стены? — возмутился де Марбо. — Выходит, мои старания оказались напрасными?

— Твоя скачка выглядела потрясающе.

Француз самодовольно усмехнулся:

— Да. В общем-то она заслуживает того!

Между тем Бёртон не считал исход операции успешным. С помощью видеокамер, установленных на машине, Снарк мог увидеть открытую дверь в секретное убежище Логи.

— Что мы будем делать дальше? — спросила Афра. — Тихо разойдемся по своим комнатам, как плохие дети после порки?

Бёртон не успел ничего ответить, так как справа от них послышался шум. На пересечении коридоров появилось летающее кресло, оборудованное странным куполом из прозрачного пластика. Внутри его виднелась фигура мужчины, который сидел на корточках в смешной и нелепой позе. Он помахал рукой и что-то прокричал.

— Кто это? — спросил де Марбо.

— Фрайгейт, — ответила Афра, узнавшая американца по голосу.

Кресло подлетело к ним и опустилось на пол. Фрайгейт выбрался из своей крошечной кабины. Осмотревшись по сторонам, он удивленно присвистнул и спросил:

— Что тут у вас происходило?

Бёртон вкратце объяснил ему суть дела. В свою очередь, американец рассказал де Марбо и Бен, почему и с какой целью он соорудил на кресле защитный купол.

— Дик попросил меня прилететь сюда к восьми часам утра. А это хитроумное приспособление не позволяет инфракрасным датчикам улавливать тепло моего тела. Пока я нахожусь под куполом, компьютер не знает, где меня искать.

Француз укоризненно посмотрел на Бёртона:

— Ты же говорил, что в деле участвуем только мы...

— Правда не всегда бывает полезной, — ответил Бёртон. — Я решил привлечь еще двух помощников, но на всякий случай сохранил это в тайне. Мне не хотелось, чтобы вы с Афрайт сболтнули что-то, обсуждая наши дела.

— Двух помощников? — спросил де Марбо. — А где второй?

— Согласно моему плану, Нур обследует коридоры с другой стороны, — ответил Бёртон, махнув рукой в том направлении, куда уехала машина.

— И какой в этом толк? — спросил француз. — Думаешь, ему удастся проследить путь машины до логова Снарка?

— Поживем — увидим.

Бёртон повернулся к Фрайгейту:

— Раз уж ты ни о чем не докладываешь, сказать тебе, видимо, нечего.

— Я не заметил ничего подозрительного.

— Здесь целый лабиринт коридоров, и машина могла уехать в любом направлении. Давайте дождемся Нура.

— Если только его не поймает Снарк, — добавил Фрайгейт.

— Ах, как оптимистично! — заметила Афра.

— Пойми, мне только хочется учесть любую возможность, — начал оправдываться американец. — Разве я виноват, что плохих вариантов намного больше, чем хороших?

— На самом деле это не так. Просто ты привык замечать лишь темные стороны жизни.

Бёртон взглянул на часы. Прошло уже пять минут с тех пор, как машина проломила стены и исчезла за поворотом. Он решил подождать еще полчаса, а затем вернуться на свой этаж, независимо от того, появится Нур или нет. Бёртон сомневался, что Ли По, Алиса и Терпин отправились их искать. Скорее всего, ожидая остальных, они заняли оборону в каком-нибудь небольшом помещении.

Из-за кирпичной стены раздался голос мавра:

— Не стреляйте! Это я! У меня для вас хорошие новости.

— Все в порядке, Нур. Можешь идти, — ответил Бёртон.

Мавр прошел в широкое отверстие, на ходу снимая с себя колпак, перчатки и куртку, сделанные из пластика.

— Жарко!

Бёртон заглянул в оплавленную дыру. Кресло Нура, оборудованное защитным куполом, стояло по другую сторону у стены. Судя по широкой улыбке мавра, он действительно принес хорошие вести.

— Я настиг Снарка у двери в потайную комнату. Мое кресло вылетело из темной части коридора, и мы увидели друг друга почти одновременно. Я приказал ей сдаться, но, несмотря на мое предупреждение, она вытащила лучемет из кобуры. Мне пришлось нажать на курок, и луч попал ей в горло.

— Снарк оказался женщиной? — воскликнул удивленный Бёртон.

— И довольно симпатичной, — ответил мавр. — Как вы знаете, незнакомцы бывают двух полов, но мы почему-то считали ее мужчиной. Вернее, вы. Я-то знал, что надо рассматривать обе возможности.

Нур предложил друзьям отправиться к месту событий, где он мог бы подробно объяснить им все, что там произошло. Они пролетели на своих креслах через пролом в стене, свернули направо и остановились в сотне футов от следующего пересечения коридоров. Незнакомка лежала на спине. Ее рот и

глаза были открыты. На горле виднелась узкая сквозная рана с запекшимися краями. Наряд женщины состоял из алой блузы, голубых шаровар и желтых сандалий. Рядом с небольшим худощавым телом на полу лежал лучемет.

— Она относится к расе монголоидов, — сказал Нур дрожащим голосом, который выдавал его волнение. — Я не знаю, китаянка она или японка, вьетнамка или монголка, но вряд ли это имеет какое-то значение. Впрочем, ее национальность может определить Ли По.

Перед ними находился круглый дверной проем, запорная пластина которого скрывалась в пазу стены. Сквозь широкое отверстие просматривался зал, а дальше начинались комнаты, где незнакомка скрывалась от них, оставаясь прекрасно информированной обо всех передвижениях восьми гостей Туманной Башни. Настенные экраны показывали каждое из восьми жилищ. На самом большом экране Бёртон увидел Алису, Тома Терпина и Ли По. Они играли в карты в гостиной музыканта и, судя по выражениям их лиц, не слишком тревожились об отсутствии пяти друзей. Очевидно, они понимали, что Бёртон претворял в жизнь какой-то тайный план, но на всякий случай в целях безопасности оставались вместе. Позже он узнал, что не ошибся в своих предположениях.

Конечно, после окончания операции его ожидали их упреки и слова обиды. Но у него теперь имелся веский аргумент — победа над незнакомкой.

Накануне вечером Питер Фрайгейт и Нурэддин эль-Музaffer ушли в свои спальни. Они полагали, что Снарк тоже отправится спать, велев компьютеру будить его лишь в тех случаях, когда кто-то из землян покинет пределы жилищ. По мнению Фрайгейта, компьютер мог использовать для этого только инфракрасные датчики. Во всяком случае они надеялись на то, что в коридоре не окажется видеокамер, направленных на двери их жилищ.

Под утро Пит и Нур заказали в конвертерах защитные купола, а также пластиковые костюмы и накидки. В дневное время компьютер доложил бы об этом Снарку, но в такой час он просто занес информацию в память, чтобы его хозяин мог просмотреть составленное донесение за завтраком или за первой чашечкой кофе.

Одевшись в пластиковые костюмы, Нур и Пит покинули квартиры и установили на креслах защитные купола. Инфракрасные датчики на них не реагировали. Незнакомка упустила такую возможность и не предприняла мер против подобных

трюков. В отличие от компьютера, она умела соображать, но по каким-то причинам не додумалась до этого.

— Нам просто повезло, и мы схватили удачу за хвост, — подытожил Бёртон. — События могли принять и другой оборот. На самом деле наши шансы были не так велики.

— Значит, ты тоже считаешь это везение подозрительным? — спросил Нур.

Бёртон ожидал, что мавр разовьет свою мысль, но тот сказал:

— Когда я ее убил, хотя хотел только ранить... мне подумалось, что она могла настроить камеру воскрешения на автоматическое и немедленное воспроизведение. Идите сюда и взгляните на это...

Они вошли вслед за мавром в одну из комнат. В дальнем углу помещения находился конвертер, а в нескольких футах от него на полу лежало еще одно тело той же самой женщины. Консоль конвертера со встроенным автономным компьютером была разрушена огнем лучемета.

— Убив ее в коридоре, я тут же вбежал сюда, но тело незнакомки уже сформировалось, — рассказывал Нур. — Она метнулась к столу и начала искать оружие в выдвижных ящиках. Я приказал ей остановиться, но женщина нацелила на меня лучемет. Мне снова пришлось ее убить, и тогда, чтобы воспрепятствовать третьему воскрешению, я разрушил компьютер конвертера. К сожалению, луч уничтожил и ее телесную матрицу.

Он подвел Бёртона к обломкам аппаратуры и показал ему оплавленный конус. Внутри виднелся покернейший предмет размером с клюкву. Полчаса назад он содержал в себе всю необходимую информацию для дубликации тела на субмолекулярном уровне.

— Меня терзают горькие мысли о том, что я навсегда лишил незнакомку возможности воскреснуть. Но, вероятно, в памяти компьютера есть копия ее телесной матрицы. Я даже уверен, что она там есть, но нам вряд ли удастся получить к ней доступ. По всей вероятности, женщина приказала машине не выдавать нам эту информацию.

— Мы проверим твою догадку, — сказал Бёртон. — Хотя, наверное, ты прав.

— Но кто она? — спросил Фрайгейт. — И что она, черт возьми, здесь делала? Лога говорил, что все этики и их агенты мертвые. Если это действительно так, то незнакомка относилась к какой-то третьей силе. Кем же она тогда могла быть?

— Одним из врагов Логи, — ответил Нур. — Иначе она не стала бы убивать его. С другой стороны, если незнакомка не имела ничего общего с этиками и агентами, зачем ей понадобилось совершать убийство? Возможно, она хотела завладеть башней и получить власть над всей планетой. Но почему в таком случае она решила расправиться и с нами?

— А что, если Монат оказался более дальновидным, чем ожидал Лога? — медленно сказала Афра. — Что, если он настроил аппаратуру с таким расчетом, чтобы незнакомка, его агент, воскресла после некоторых событий? Я имею в виду убийство этиков. Хотя вряд ли он мог предвидеть события с подобной точностью.

Бёртон велел компьютеру опознать мертвую женщину, и тот ответил, что информация о ней недоступна. Машина затруднялась сказать, на каком основании появился этот запрет. Бёртон попытался обнаружить телесную матрицу незнакомки, но компьютер отказался выполнять его команду.

— Еще одна тайна, — со стоном сказал Фрайгейт.

Затребовав схему этажа, Бёртон попросил указать на ней помещение, в котором находилась цилиндрическая машина, таранившая их стены. Как он и ожидал, на экране появилась надпись, что информация по данному вопросу недоступна.

— Я просмотрел рисунки всех роботов, которые содержатся в башне, — сказал Бёртон. — Вернее, рисунки их моделей. Той машины среди них не оказалось.

— Незнакомка могла создать ее в каком-то гигантском конвертере — причем специально для разрушения стен.

Нур и Фрайгейт принесли из коридора труп женщины и положили его рядом с телом у шкафа. Со стороны казалось, что на полу лежат две женщины-близняшки.

— Может быть, расщепить их в конвертере? — спросил Нур.

— Только одну, — ответил Бёртон. — На второй мы проведем компьютерный экспресс-анализ.

— Хочешь посмотреть, есть ли в ее мозгу черный шарик?

Бёртон поморщился. Нур словно читал его мысли.

— Да.

Американец и мавр уложили одно тело в конвертер и ввели программу расщепления. Камеру заполнило белое сияние, и, когда они взглянули в окно двери, шкаф уже был пуст. Не осталось даже пепла.

Второй труп положили на стол, над которым нависло большое куполообразное устройство. Не излучая никаких видимых

выбросов энергии, оно отобразило на экране тестовую серию снимков с внутренними органами незнакомки. Через минуту Бёртон нашел среди них то, что хотел. На снимке в зоне лба виднелась крошечная черная сфера, которую этики вживляли в мозг каждого из своих агентов. После произнесения особого пароля она впрыскивала яд в тело носителя, и тот мгновенно умирал.

— Итак, незнакомка являлась... агентом.

— Однако мы все еще не знаем, как она здесь оказалась и с какой целью, — сказал Фрайгейт.

— Пока нам это действительно неизвестно, — ответил Бёртон. — Но мы избавились от Снарка. Мы снова ни от кого не зависим!

Тем не менее их свобода по-прежнему имела ограничения. Бёртон потребовал изъять те команды, которые внесла в программу женщина, но компьютер ответил, что это невозможно.

— А когда ее указания потеряют свой приоритет?

Компьютер затруднился что-либо ответить.

— Мы загнаны в угол, — сказал Фрайгейт.

— Это лишь временная трудность, — успокоил его Бёртон. Хотя он и сам не верил в свои последние слова.

ГЛАВА 10

На той навсегда потерянной Земле, такой далекой во времени и пространстве, одно из лондонских издательств выпустило в 1880 году небольшую книгу с довольно странным названием: «Касиды Хаджи Абду аль-Язи, или Изложение Высшего Закона». Перевод и предисловие принадлежали перу некоего Ф. Б. — друга и ученика великого восточного мастера. Позже выяснилось, что Ф. Б. являлись инициалами Фрэнка Бекера — литературного псевдонима капитана английской армии Ричарда Фрэнсиса Бёртона. «Фрэнка» он взял из своего имени, а «Бекера» — от девичьей фамилии матери. При следующем переиздании книга вышла под его настоящим именем, но это случилось уже после смерти Бёртона.

Поэма, написанная двустишиями, — как того требовала классическая арабская форма, — предположительно являлась работой персидского суфия Хаджи Абду из города Язи. Титул «хаджи» мусульмане получали только после паломничества в Мекку, и поэтому Бёртон, совершив рискованное путешествие в священный город, тоже мог бы называть себя хаджи. Пере-

водя и комментируя эту поэму, он насытил ее своими огромными знаниями и агностицизмом, мудростью и пессимизмом, Бёртоновскими взглядами на мир и боли мира. Выступая под именем Фрэнка Бекера, он снабдил поэму примечаниями и послесловием, в которых излил свою циничность и язвительность. Однако его шутки и смех получились печальными и безысходными.

Предисловие книги — это итог философии, сформированной за пятьдесят девять лет скитаний по той единственной планете, которую он тогда знал. Во всяком случае Бёртон так думал в то время.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

На свой страх и риск переводчик назвал это произведение «Изложением Высшего Закона», имея в виду, что оно намного опередило свое время. Он не побоялся опасностей сравнения с такими неприятными словосочетаниями, как «высшая раса» или «высшая культура». Его оправданием может служить цитата из поэмы, где автор утверждает, что радости и беды людей равным образом рассеяны по миру.

(Фрайгейт выразил по этому поводу довольно обоснованные замечания. По его мнению, Бёртон ошибался, полагая, что радости и беды имели в жизни людей равную долю. Взять, к примеру, тех горемык, которые, шатаясь под бременем бед, почти не видели светлых дней, или тех немногих, кто не ведал нужды и поражений. Кроме того, Бёртон не определил понятий, которыми оперировал, — как будто каждый знал, что такое радости и беды. Но что он сам понимал под словом «счастье»? Свободу от боли и проблем? Или это более возвышенное качество? Что нужно человеку для счастья? И нужно ли оно ему на самом деле?)

Относясь с должным почтением к другим приложениям разума, автор считает саморазвитие личности единственным самодостаточным объектом человеческой жизни.

(— А как же дети? — спросила его Алиса. — Если тебе хочется, чтобы они жили гармонично и счастливо, ты должен научить их этому. Каждое поколение опирается на опыт своих предшественников, улучшая тем самым уровень жизни. Да, ты прав. В истории такое случалось редко. Но, видимо, нельзя научить детей счастью, если сам его не имеешь. Впрочем, что я говорю тебе о детях? Ты, наверное, даже не знаешь, что это такое.

— Саморазвитие является основным и важным принципом жизни, — сказал Нур. — Упоминая о нем, суфии подразумевали не только обретение новых знаний, но также сострадание и рассудительность. Однако большинство людей превращают саморазвитие в эгоизм. И это неудивительно. Люди могут довести до крайности все что угодно. Вернее, так поступают многие.)

Автор полагает, что влечения, симпатии и «божественный дар сострадания» являются высшими человеческими наслаждениями.

(— Щепотка сострадания придает супу жизни особый вкус, — сказал Нур. — Но ее излишек может все испортить. Сострадание часто ведет к самосожалению и сентиментальности.

— Сострадание вскармливает манию величия, — поддержал его Фрайгейт. — Но я не порицаю жалости к себе. В ней есть какая-то утонченная радость — если только не зациклившись на этом. Однако после самосожаления должен следовать смех — смех над самим собой.

— Дик, ты забыл включить в свой список секс, — сказала Афра Бен. — Хотя я признаю, что секс можно отнести к разряду влечений и симпатий.

— А мне кажется, что высшим наслаждением людей является творчество, — добавил Фрайгейт. — Я включаю сюда живопись, поэзию и прозу, создание скульптур и резьбу по дереву, воспитание детей и все, из чего состоит культурная жизнь человеческого общества. Хотя многие отдают предпочтение наскальным рисункам.)

Автор рекомендует не осуждать явления жизни, памятуя о том, что «факты — это самые необоснованные предрассудки».

(— Однако иногда наше прошлое заслуживает осуждения, — возразил Нур. — Хотя, прежде чем судить его, человек должен спросить себя, имеет ли он на это право. И потом он должен честно ответить на свой вопрос.

— То, что один человек считает истиной, может выглядеть для других нелепым предрассудком, — добавил Фрайгейт. — Кстати, что ты этим хотел сказать?

— Верить можно только тому, что видишь своими глазами, — сказал Ли По. — И даже тогда бывают ошибки. Но когда людям не нравится реальность, они начинают верить в воображаемые вещи. Вот почему мы так часто говорим о феях и драконах. Скала — это факт, хотя в каком-то отношении она тоже является плодом моего воображения.)

На первый взгляд его суждения могут показаться разрушительными, но по своей сути они способствуют воссозданию мира и гармонии.

— Люди думают о том, что должно быть, а не о том, что уже есть, — сказал Нур. — Вот почему, в отличие от животных, человек изменяет свое окружение, подгоняя его под себя. К сожалению, из-за глупости и крайностей он портит все, к чему прикасаются его руки. Хотя, конечно, бывают и исключения.

— Прекрасное утверждение, — добавила Алиса. — Жаль, что слова не вяжутся с делом. Когда это Дик Бёртон представлял разрушать себя и других?)

Дополнительные сведения, связанные с поэтом и его поэмой, приведены в конце книги, куда я и отсылаю любознательных читателей.

Вена, ноябрь 1880 года. Ф. Б.

(— Теперь ты находишься в конце книги под названием «Ричард Фрэнсис Бёртон», — пошутил Нур. — Она написана в двух томах: о земном Бёртоне и Бёртоне из Мира Реки. Эта башня может стать завершающей главой.

— Любая философия признает, что надо жить так, словно через час умрешь, — сказал Фрайгейт. — С этим может согласиться каждый, но так живут лишь те, кто знает о своей неминуемой смерти. Вернее, только немногие из них.

— Именно поэтому я и не упускаю ни одной возможности затянуть мужчину в постель, — добавила Афра. — Марселин, ты как — в настроении?

— Даже самому храброму и сильному солдату иногда нужны покой и отдых, — ответил де Марбо. — В данный момент я старый и уставший от скачки ветеран.)

ГЛАВА 11

Бёртон тоже чувствовал себя усталым ветераном. Слишком долго он пришпоривал себя и других. Но теперь, взяв последний барьер на этой безумной полосе препятствий, он мог отдохнуть и набраться сил. К сожалению, компьютер по-прежнему создавал проблемы. Но Бёртон, посчитав их не столь важными, решил разобраться с ним позже.

«Однако я не выгляжу на свои шестьдесят девять земных и шестьдесят семь местных лет, — размышлял он, рассматривая себя в зеркало. — Мне сто тридцать шесть, но я был таким в двадцатипятилетнем возрасте. Вот только нет вислых усов».

Этики лишили воскресенных мужчин их былой растительности на лице. И Бёртон не переставал возмущаться по этому поводу. Конечно, такое нововведение позволяло людям обходиться без бритья, но ущемляло чувства и права тех, кто привык носить усы и бороды.

«А почему бы мне не изменить это деспотическое новшество? Скажу компьютеру, и он придумает, как возобновить рост волос на моем лице».

При жизни на Земле его тело имело физический дефект. Хотя слово «дефект», пожалуй, было слишком выразительным для такого легкого отклонения от нормы, как «блуждающий взгляд». Воскресшая его из мертвых на берегах Реки, компьютер исправил этот недостаток и тем самым возместил ему потерю бороды. Но разве Бёртон не мог получить ко всему прочему и ее тоже?

Он достал блокнот и сделал пометку рассмотреть этот вопрос.

«Бровь бога и челюсть дьявола», как написал о нем какой-то впечатлительный биограф. Довольно точное описание. Кроме того, оно подчеркивало двойственность его натуры. Одна его половинка постоянно жаждала успеха, в то время как вторая искала поражений. Во всяком случае, так говорилось в книгах, посвященных жизни Бёртона.

Некоторые из них лежали теперь на его столе. Он запомнил несколько названий, которые ему продиктовал Фрайгейт, и компьютер воспроизвел копии этих книг, отпечатав и сброшивав листы. По мнению Фрайгейта, лучшими являлись «Дьявольские поездки». Эту книгу, впервые изданную в 1967 году, написала американка Фовн М. Броуди.

— Мне тоже хотелось написать твою биографию, — рассказывал Фрайгейт, — но, прочитав «Дьявольские поездки», я отказался от своего намерения. Тем не менее превосходный стиль Броуди и изобилие использованного материала не удержали других литераторов от дальнейшего описания твоей жизни. И если тебе не понравится книга моей соотечественницы, ты можешь выбрать себе кого-нибудь из них. Книгу Броуди немного портит излишний акцент на фрейдовском анализе. С другой стороны, ты, возможно, скажешь мне, что она была абсолютно права. Так или иначе, только ты можешь судить об истинности того, что написано в этих книгах.

Однако Бёртона интересовали фотографии, а не текст. Одна из них воспроизводила его портрет, нарисованный сэром Фредериком Лейтоном. Позже картина этого известного худож-

ника выставлялась в Лондонской Национальной галерее. Бёртон выглядел на ней довольно неприятно — как пират елизаветинских времен. Лейтон изобразил его немного в профиль, пытаясь подчеркнуть высокий лоб, широкие надбровные дуги, густые брови и проницательный взгляд. На высокой скуле рельефно выступал шрам от копья сомалийца. Лейтон говорил, что такая деталь лишь украсит портрет, и Бёртон не возражал. Шрам, полученный с честью, заменял медаль, а он, имея множество настоящих наград, относился к медалям с пренебрежением.

— Отчасти это твой недостаток, — сказал Фрайгейт. — Хотя мне понятны подобные чувства. Я и сам иногда повторствую себе в самоуничижении.

— Моя семья придерживалась девиза: «Честь, а не награды».

На той же странице располагалась фотография его жены Изабел, сделанная в 1869 году, когда ей исполнилось тридцать восемь лет. Она выглядела царственной и красивой женщиной. «Как добрая, но властная мать», — подумал он. За несколько страниц до этого имелся ее портрет, сделанный французским художником Луи Десангесом в 1861 году. В тот год она и вышла замуж за Бёртона. Прекрасная, молодая и задорная. Рядом находился портрет Бёртона, который Десангес сделал почти в то же время. Какой контраст! Тридцатилетняя Изабел и ее сорокалетний супруг. Его усы свисали чуть не до ключиц; он выглядел мрачным и свирепым. Губы казались излишне толстыми, но, по словам биографа, это говорило лишь о его чувственной натуре. А вот губы Изабел получились тонкими и чопорно поджатыми — словно трещина на лице красивой куклы. Тонкие губы и толстые губы. Любовь, веселье и нежность по соседству со свирепостью, амбициозностью и пессимизмом. Светлая Изабел и ее мрачный супруг.

Он вернулся к странице, где находилась фотография, сделанная в 1890 году их семейным врачом — доктором Бекером. Бёртону тогда исполнилось шестьдесят девять лет. В то время они с Изабел жили в Триесте, и на снимке виднелся их задний дворик с высоким тенистым деревом, под которым Бёртон любил вспоминать о прошлом. Там он и сидел, сжимая одной рукой набалдашник железной трости; другая рука лежала на запястье. Пальцы, как у скелета. Руки смерти. Высокий цилиндр, стоячий воротник и серый широкий плащ. Впалые глаза на изможденном лице, как у голодного узника. Впрочем, он тогда и чувствовал себя в тюрьме своих болезней и тела. Хотя во взгляде все еще пылали угольки былой свирепости.

Сбоку, ласково посматривая на него, стояла леди Изабел. Она приподняла белую ручку с вытянутым пальцем, словно грозила ему, как маленькому ребенку. Толстая проказница Изабел. Пока он превращался в скелет, она раздавалась вширь. Однако в ту пору, как сказал Фрайгейт, Изабел уже носила в себе семя смерти. Она знала о своей раковой опухоли, но ни слова не говорила об этом Бёртону, стараясь не тревожить его перед смертью.

В черном платье и капоре она походила на монахиню-сиделку. Добрая и ласковая, но строгая и непрекаемая Изабел. И чтобы никаких прицуд, мистер Бёртон!

Он сравнил свое отражение в зеркале с безжизненным лицом на фотографии. Все те же усталые глаза старика — запавшие и больные от отчаяния и потерь. Он так и остался пленником, потерявшим последнюю надежду на свободу. Два лица. Две луны в полной фазе затмения.

Бёртон вспомнил тот теплый сентябрь в Триесте — сентябрь, который стал последним месяцем его жизни. В ожидании смерти он покупал на рынке пойманых птиц, приносил их домой, а затем выпускал на волю. Однажды его внимание привлекла обезьяна в клетке. Он даже заплакал от обиды за нее. «Неужели в своей прошлой жизни ты совершила такое тяжкое преступление, что теперь тебя посадили в клетку и заставили пройти через это чистилище?» Качая головой, он побрел домой. С его губ слетали чуть слышные слова: «Что же такого она могла сделать? Неужели тоже пыталась жить по-своему?»

Если верить этикам на слово, Мир Реки являлся чистилищем. А оно было самым страшным из трех посмертных миров — небес, чистилища и ада. На небесах душа обретала свободу и радовалась, сознавая, что ее будущее всегда будет хорошим. В аду, несмотря на страдания и боль, душа уже знала, что ждет ее впереди. Ей больше не требовалось прилагать усилий и рваться из цепей, поскольку она навек теряла право на волю. Однако чистилище оставалось перепутьем, и только от вас зависел выбор направления — к свободе небес или к безверию ада. В теории вы знали, как получают билет на небеса, но на практике... На практике люди избегали рая. Они выковыривали его из себя всеми правдами и неправдами.

Земля изобиловала ловушками для души: физическими и духовными, политическими и интеллектуальными. Но основной, если не самой главной, являлся секс.

Фрайгейт однажды написал рассказ, в котором Бог сотворил всех животных, в том числе и людей, однополыми существами. Каждый вид состоял только из женских особей, и они размножались с помощью особых фруктов, которые произрастали на спермодеревьях. Перекрестное оплодотворение представляло собой очень сложную процедуру. Так, например, женщины, рассеивая свои гены, мочились под сенью спермодеревьев на голые корни. Те же, в свою очередь, заменяли мужчин, которых Фрайгейт так и не включил в параллельный мир своих фантазий.

Каждые три года женщины заболевали древесным бешенством и после интенсивного поедания фруктов становились беременными. Во всех других отношениях они жили, как обычные люди: любили друг друга, ссорились и ревновали, совершали измены и, конечно же, предавались эротическим излишествам. Самыми распространенными считались любовные интрижки с определенным деревом и поедание фруктов не в сезон беременности.

Основной сюжетной линией стала безумная ревность женщины, которая, поймав свое любимое дерево на измене, срубила его топором под корень. В конце рассказа она сошла с ума от горя, и ее отправили в клинику.

Наиболее удачным персонажем оказалась молодая писательница, сочинявшая историю о мире, в котором не было спермодеревьев. Вместо корней и фруктов геройни ее рассказа использовали мужчин, во всем похожих на них самих, за исключением двух-трех деталей. Эти существа не имели молочных желез, но зато обладали корневидным органом, который при эрекции выстреливал семя в матки своих любимых женщин.

Подобный метод, по мнению писательницы и, очевидно, Фрайгейта, превосходил корнеплодный подход — причем не только по уровню гигиены. Кроме того, он устранил конкуренцию за обладание деревьями. В отличие от неподвижных растений, мужчины с палочками могли составить приятную компанию и в деловой поездке, и в домашней обстановке. После секса их можно было использовать на полях; они с радостью выполняли домашнюю работу и заботились о детях, пока женщины играли в карты или проводили политические мероприятия.

Однако история молодой фантастки завершилась трагедией. Эти парни с палочками оказались хитрее деревьев.

Воспользовавшись своей физической силой, они восстали, захватили власть и превратили женщин в рабынь.

Когда Бёртон вволю посмеялся над этим рассказом, он предложил Фрайгейту немного измененный вариант, где однополая цивилизация состояла из мужчин, оплодотворявших деревья. В его параллельном мире хватало и фруктов и другой пищи, но властолюбивые мужчины сражались за деревья и вели нескончаемые войны. Победители захватывали огромные рощи-гаремы, а побежденных либо убивали, либо изгоняли в заросли непригодной растительности. Несчастным отщепенцам приходилось удовлетворять свои нужды с колючими кустами, которые сопротивлялись и выкручивались, не желая вынашивать детей.

— Идея хорошая, — ответил Фрайгейт, — но кто бы там заботился о потомстве? Владельцы растительных гаремов охраняли бы свои рощи от других мужчин, и им просто не хватало бы времени на воспитание детей. Большая часть новорожденных младенцев погибала бы от голода и болезней. А представь себе, что рощу захватил бы очередной победитель! Разве он стал бы мириться с чужими детьми? При таком исходе все потомство прежнего владельца ожидала бы неминуемая гибель.

— Только женщина может создать для детей необходимые условия жизни, и только мужчина может обеспечить ей безопасность и уют, — подвел итог американец. — Очевидно, Бог знал, что делал, создавая Адама и Еву.

— Возможно, он имел ограниченный выбор, и поэтому ему пришлось воспользоваться не самым лучшим вариантом. Недаром мудрец сказал, что во Вселенной нет ничего совершенного. Хотя, на мой взгляд, любое совершенство остановило бы прогресс. Амебы идеальны по своему строению, но они не могут развиться во что-то другое. Вернее, они отказались от дальнейшего развития ради тех преимуществ, которыми наделила их данная структура.

Так или иначе, двуполое разделение гомо сапиенс и причуды судьбы связали педантичного генерал-лейтенанта Джозефа Неттервилла Бёртона с кокетливой, избалованной, но морально устойчивой Мартой Бекер. После непродолжительного знакомства они вступили в брак, и злые языки распустили сплетни, что отставной офицер, устав от пенсионных крох, женился на Марте только из-за денег. Свое состояние генерал спустил на фондовой бирже. Он презирал картежников и

игроков, но считал спекуляции на рынке вполне приемлемым и христианским делом.

В ночь на 19 июня 1820 года отставной генерал-лейтенант произвел залп из своей корабельной пушки, и миллионы сперматозоидов накрыли прицельным огнем осажденную матку супруги. Какой-то проныра, опередив других собратьев, пробрался в яйцеклетку, которая ожидала его в своем темном логове. Случайная комбинация генов привела к рождению Ричарда Бёртона — старшего из трех детей этой пары. Вот так он и появился на свет 19 марта 1821 года в девонширском Торки старой и доброй Англии. Его матери повезло; она не подцепила родильной горячки, которая в те дни губила многих женщин. И Ричарду тоже повезло, что судьба избавила его от детских болезней, которые в то время заполняли семейные кладбища маленькими трупами. Корь почти пригнула его к земле, но он уцелел.

Отец его матери пришел в восторг при виде рыжего голубоглазого внука. Он даже захотел переписать свое завещание и передать основную долю Ричарду, а не единокровному брату Марты. Миссис Бёртон начала протестовать — и позже Ричард не раз сожалел об этом. В конце концов дед отмел все аргументы дочери и объявил, что его наследником станет любимый внук. К несчастью, ему потребовалась подпись нотариуса, и, усаживаясь в экипаж, мистер Бекер скончался от сердечного приступа. Его состояние унаследовал брат Марты. Доверив деньги прожженным жуликам, он потерял все до последнего цента и провел остаток жизни в безысходной бедности. Что касается Ричарда, то его рыжие волосы почернели, голубые глаза превратились в карие, и он впервые изменил свой облик — хотя в данном случае и не намеренно.

Безрассудная любовь матери к своему инфантильному брату стала бедствием для юного Бёртона. По крайней мере, он в этом никогда не сомневался. Будь Ричард богат, ему не пришлось бы проводить в армии лучшие годы жизни. Кроме того, наличие денег сделало бы его африканские экспедиции более продолжительными и успешными.

По решению родителей Ричард отправился на континент, где он мог излечить свои реальные и воображаемые недуги. Его отец не пожелал воспользоваться старыми связями, хотя друзья не раз предлагали ему содействие в карьере сына. Нелегкая жизнь вдали от Англии и семьи превратила Бёртона в скитальца. С тех пор, и это верно подметил Фрайгейт, он уже нигде не чувствовал себя как дома.

Бёртон старался не засиживаться на одном месте больше недели. Необъяснимый внутренний зуд все время толкал его в дорогу. Он начинал страдать, если цепь обстоятельств приковывала его к какому-нибудь дому или городу. И теперь он тоже не находил себе покоя.

— Ты можешь перебираться из одной комнаты в другую, — предложил ему Нур. — Хотя вряд ли это удовлетворит твою жажду перемен. Какой бы большой ни казалась башня, все путешествия здесь будут кончаться полетами с этажа на этаж. Но зачем тебе это вечное движение? Разве ты не можешь превращать в иные миры свое жилье? Когда тебе надоест вид твоих стен, закажи у компьютера незнакомый антураж. Не вставая с кресла, ты будешь путешествовать из Африки в Америку, из мира снегов в страны жарких пустынь.

— Твоим знаком зодиака являются Рыбы, — сказал Фрайгейт. — Они относятся к двенадцатому дому и находятся под управлением Нептуна и Юпитера. Принцип Нептуна — идеализм, принцип Юпитера — экспансия. Рыбы стремятся к гармонии. Их положительные качества делают тебя интуитивным, симпатичным и артистичным человеком, в то время как отрицательные качества превращают в мученика и пессимистичного меланхолика. Характерными чертами двенадцатого дома являются бессознательный ум, учеба, тайные враги, интуиция, вдохновение, поиск уединения, пребывание и работа в банках, тюрьмах, университетах, библиотеках и больницах, сны и сновидения, а также склонность к обидам.

— Я всегда считал астрологию лженаукой и одним из самых темных предрассудков человечества, — ответил Бёртон.

— Тем не менее ты — рыба, выброшенная из воды. Идеалист в броне цинизма с открытым, как забрало, характером. Ты стремишься побывать везде, и тебя влечет омут многих наук, куда тебе хотелось бы привнести гармонию и синтез. Ты интуитивный и симпатичный человек. И, естественно, самый настоящий мученик. Что касается меланхолии, то почитай свои книги — они пронизаны печалью и тоской.

Твое бессознательное начало побуждает тебя исследовать не только чужие страны, но и неизведанные континенты человеческого разума. Ты имеешь множество тайных и явных врагов, часто полагаешься на интуицию и предчувствия, любишь одиночество и хорошие книги. Тебя не привлекают банки и учебные заведения, но ты там бывал. А сны, насколько я знаю, занимают большое место в твоей жизни. Кроме того,

благодаря врожденным способностям ты стал неплохим гипнотизером.

Тезис о склонности к обидам мне кажется неверным. Твоя натура напоминает некую смесь из бультерьера, бойцовского петуха и обезьяны. Хотя я знаю, что из животных тебе нравятся только лошади.

— Под меня можно подогнать любой зодиакальный знак, — усмехаясь, сказал Бёртон. — Я могу на пальцах доказать, что каждый из них подходит и ко мне, и к тебе, и к Нуру.

— Возможно, ты прав, — ответил Фрайгейт. — Но все-таки забавно покопаться в астрологии... хотя бы для того, чтобы убедить кого-то в ее несостоятельности.

Тем не менее Нури и Фрайгейт представляли Вселенную в виде большой космической паутины. Любая муха, севшая на одну из ее липких нитей, вызывала отклик или дрожь в пределах всего мироздания. Кто-то чихнул на планете Мишраб, и это заставило китайского крестьянина оступиться на скользком камне.

— Окружающее нас пространство имеет такую же важность, как гены, но оно более огромно, чем думают люди.

— Оно является всем, — ответил Бёртон.

Он вспоминал этот разговор, отдыхая в своей гостиной после ленча. Внезапно на стене возник экран. Сначала он занял почти всю стену, но затем уменьшился до десяти футов по диагонали. Бёртон выпрямился и сжал подлокотники кресла. Его удивило, что экран остался пустым.

— В чем дело? — воскликнул он, на миг подумав, что это шутки одного из землян.

Экран потемнел и превратился в черный прямоугольник на серой стене. Из динамиков донесся слабый шум.

Приказав компьютеру усилить звук, Бёртон напряженно склонился вперед. Громкость не изменилась. Он повторил команду, однако компьютер вновь не подчинился.

Внезапно в центре экрана появилась светлая трещина. Звуки усилились, но Бёртон по-прежнему не мог понять, что происходит. Трещина расширилась, превратилась в рваный овал, и он увидел что-то белое, забрызганное кровью. Да-да. Какой-то мокрый белый предмет.

— Уже выходит, чертенок, — раздался чей-то голос.

Бёртон вскочил с кресла.

— О Боже!

Изображение прояснилось, и он начал узнавать детали картины: белую простыню с красными полосками крови и

остатки вод, которые отошли перед родами. Голоса казались невнятными и незнакомыми. Потом раздался пронзительный вопль, и Бёртон, вздрогнув, понял, что это кричала его мать.

Внезапно появилась новая, пока еще смутная картина. Он увидел большую комнату и нескольких гигантов. Экран по-темнел, на нем промелькнул какой-то предмет, а затем все пришло в движение и стремительно закрутилось. Бёртон мельком заметил руки гиганта — обнаженные до локтей, с закатанными рукавами. На большой железной кровати лежала его мать — усталая, потная, со слизящимися волосами. И, Господи, какая же она была молодая! Гигантская рука набросила простыню на ее голый живот и ноги, прикрывая волосатый окровавленный домик, из которого только что вытащили младенца.

Изображение перевернулось вверх ногами. Или, вернее, малыша перевернули вниз головой. Послышался резкий шлепок, за ним тоненький вопль и его первый, самый первый вздох.

— Здоровый чертенок, верно? — произнес мужской бас.

Бёртон стал свидетелем своего собственного рождения.

ГЛАВА 12

Он видел и слышал все, что происходило с новорожденным, то есть с ним. Но Бёртон не чувствовал ощущений ребенка: Он даже не понял, когда ему перерезали пуповину, и лишь мельком увидел свой окровавленный пупок. Представив, как его будут очищать, Бёртон содрогнулся и вытер пот с лица. В тот же миг на его глаза, глаза ребенка, опустилось полотенце. Чуть позже малыша завернули в одеяло и положили на широкую кровать. Оттуда он видел только няничку в белом переднике, грудь матери и ее усталое лицо. Все остальное закрывало одеяло.

В комнату вошел отец. На его смуглом молодом лице сияла счастливая улыбка. Такое обычно случалось редко — лишь в те моменты, когда мистер Бёртон получал на бирже солидную прибыль.

А как отец вздрогнул, увидев руки доктора! Тот вытер их полотенцем, но, наверное, не совсем тщательно. Возможно, доктор не мыл их даже перед принятием родов. И скорее всего действительно не мыл. Тем не менее его личное участие в операции почти не поддавалось объяснению. В те времена, насколько помнил Бёртон, врачи лишь изредка прикасались к роженицам и в основном обеспечивали контроль за действи-

ями медицинских сестер. Некоторые из них вообще не осматривали гениталии матерей и в процессе родов руководствовались только отчетами акушерок.

На экране мелькнула огромная рука — рука его отца. Она что-то приподняла. Наверное, край одеяла.

— Я счастлив, — сказал отец, обращаясь к матери. — Ты подарила мне прекрасного сына.

— Он такой милый, правда? — ответила мать осипшим голосом.

— А теперь я попрошу всех удалиться, — раздался глуховатый бас доктора. — Миссис Бёртон устала, и ей нужно отдохнуть. Да и ваш чертенок уже проголодался.

В этот момент малыш, очевидно, заснул. Его следующим впечатлением стали маленькие вытянутые ручки и большая мягкая грудь с розовым соском. У верхней части экрана появилось лицо кормилицы. Миссис Бёртон, будучи светской дамой, не пожелала кормить ребенка собственной грудью.

— Интересно, кем она была? — прошептал Бёртон. — Скорее всего какая-нибудь бедная ирландка.

Он смутно помнил, что однажды мать называла ему имя кормилицы. Миссис Рили? Или Кили?

Эта сцена потрясла его, но не настолько, чтобы он потерял самообладание. Бёртон знал, откуда компьютер вытягивал воспоминания его детства. Дублировав телесную матрицу в отдельном файле, машина потрошила ее, как рыбак форель. Она прокручивала на экране фильм о его жизни.

Несведущий человек мог бы полагать, что полный показ такого фильма занял бы время, равное этой жизни. Но память любого человека не хранила всего того, что тот видел, слышал и ощущал, обонял, осязал и думал. Она действовала выборочно и имела огромные бреши в моменты сна, если только человек не видел ярких сновидений. Поэтому для демонстрации ее содержимого требовалось не так много времени, как можно было бы ожидать. Кроме того, компьютер позволял ускорять просмотр фильма, замедлять его или прокручивать какие-то куски по несколько раз.

Пропустив короткий и самый первый сон малыша, Бёртон наблюдал за тем, как горничная меняла пеленки. Он не мог понять, почему его воспоминания демонстрировались на экране. Кто приказал компьютеру сделать это?

Как только он приступил к допросу машины, на стене засветились несколько экранов. Взглянув на ошеломленные

лица Фрайгейта, Терпина и де Марбо, Бёртон с усмешкой покачал головой.

— Да, — сказал он, прежде чем они заговорили, — Меня тоже навестило мое прошлое — начиная от родов, окровавленного пупка и дальше.

— Это ужасно! — воскликнула Алиса. — И в то же время замечательно! Но какое потрясение! Мне даже хотелось заплакать.

— Я свяжусь с остальными, — сказал Фрайгейт. — Возможно, они тоже прошли через это.

Его экран превратился в серый прямоугольник. Том Терпин все еще утирал слезы.

— Я увидел маму, отца и нашу старую лачугу... Мне казалось, что мое сердце разорвется на куски!

Бёртон взглянул на большой экран. Маленького Ричарда вновь прижимали к огромной груди. Он услышал голодный плач и жадное причмокивание младенца. Изображение дрогнуло и потускнело — его положили в колыбель, а затем задернули над ним голубой полупрозрачный полог. Комната начала медленно крениться то в одну, то в другую сторону. Время от времени он видел большую пухлую руку, которая качала его колыбель.

К каналу общей связи подключились Афра, Ли По и Фрайгейт. Теперь на Бёртона смотрели семь разных лиц, но в глазах у всех читался один и тот же вопрос.

— Конечно, поэта не удивишь картиной, где он сосет грудь своей матери, — с усмешкой сказал китаец, — но... Кто велел компьютеру сделать это?

— Если вы все согласны подождать, я спрошу машину, — ответил Бёртон.

— Можешь не утруждаться, я уже спрашивал, — произнес Нур. — Компьютер ответил, что у нас нет доступа к подобной информации. Нам отказали в праве задавать вопросы со словами «кто» и «почему». К счастью, слово «когда» в запретный список не входит. Я узнал, что два дня назад кто-то приказал машине начать этим утром принудительный показ наших воспоминаний.

— Значит, во всем виновата женщина, которую вы убили, — сказал Бёртон.

— Она наиболее вероятный кандидат.

— Но я не понимаю, зачем ей понадобился такой пересмотр нашей памяти, — проворчал англичанин.

— Очевидно, для того, чтобы ускорить наше этическое развитие, — ответил Нур. — Погрузившись в прошлое, мы станем свидетелями своих и чужих поступков; мы поймем наши пороки, а значит, и избавимся от них. Нравится вам это или нет, но вы увидите себя такими, какие вы есть. И я надеюсь, что, наблюдая за чередой комедий и драм, каждый из нас предпримет определенные шаги для устранения нежелательных черт своего характера. Возможно, этот принудительный показ поможет нам стать людьми — настоящими людьми..

— Или он сведет нас с ума, — добавил Фрайгейт.

— Скорее всего мы просто найдем способ приостановить эту чертову программу, — сказал Бёртон. — Нур, ты не пытался отменить просмотр воспоминаний?

— Конечно, пытался, но любая команда незнакомки воспринимается компьютером как директива, не подлежащая цензуре.

— Прошу меня извинить, но мне надо кое-что выяснить, — произнес Бёртон. — Подождите меня минуту.

Он вышел из комнаты и открыл входную дверь. Экран, на котором мелькала грудь кормилицы, заскользил рядом с ним, а затем возник на стене коридора. Бёртон выругался, развернулся на каблуках и вернулся в зал с семью экранами. Восьмой неотступно следовал впереди, все время оставаясь перед глазами.

Рассказав коллегам о результатах своего маленького эксперимента, англичанин грустно добавил:

— Просто так нам от него не избавиться. Он, как альбатрос, привязанный шнурком к шее старого моряка.

Бёртон закрыл лицо руками и тут же услышал детский плач. Взглянув на экран, он увидел полупрозрачный полог, за которым мелькали неясные тени. До него донесся сердитый шепот служанки: «Святые угодники. Что там еще?»

— В принципе мы можем избавиться от этих навязчивых картин. Нам надо только покрасить стены. Если компьютер откажется выполнять такую работу, мы привлечем андроидов или сделаем ее сами. Кроме того, запаситесь ушными затычками — они помогут вам спать по ночам. И подумайте над тем, как убрать экраны в коридорах.

— Нет, мы точно сойдем с ума! — воскликнул Фрайгейт.

— Я не думаю, что незнакомка хотела довести нас до безумия, — сказал Нур. — Вполне возможно, она предусмотрела отдых по несколько часов в день и, конечно же, перерывы на сон.

Бёртон спросил де Марбо и Бен, где расположены их экраны.

— Один на правой стене, другой — на левой, — ответил француз. — Я подглядываю за своим маленьким алмазиком, а она за мной. Скажу без хвастовства, мы в детстве были просто очаровашками.

— Но как же нам понять, что происходит? — задумчиво проровчал Бёртон.

Он договорился о встрече у бассейна и отключил канал общей связи. По его команде компьютер сделал пару наушников, которые могли бы заглушить любой звук. Чтобы не смотреть на экран, Бёртон начал изучать доступные файлы компьютера, но любопытство мешало ему сосредоточиться на работе. Он вновь и вновь поднимал голову, стараясь не упустить ни одной сцены, однако их однообразие навевало скуку и все больше притупляло первоначальный интерес. Не так уж и много событий случалось с ребенком в первые дни его жизни, а разговоры молодых родителей быстро теряли эффект новизны. Стоя рядом с колыбелью, они говорили только о нем или с ним, поэтому через несколько часов их агуканье надоело ему до чертиков. Хотя сам малыш казался вполне счастливым и, не понимая речи, реагировал только на лицо матери и тон ее голоса. Впрочем, она не баловала его своими визитами. В основном он видел только кормилицу и двух горничных, которые по очереди мыли его и носили на руках по дому.

В одиннадцать часов утра Бёртон направился к плавательному бассейну. Экран, скользивший перед ним по стенам коридора, присоединился к семи другим прямоугольникам, и картинки из прошлого разместились сначала на одной стене, а затем рассредоточились по периметру бассейна на равных расстояниях друг от друга.

— Мы скоро к этому привыкнем, — сказала Афра, вылезая из воды рядом с Бёртоном. — Насколько я знаю, близкое знакомство вызывает глухоту и слепоту.

— Ты забываешь очень важную вещь, — ответил он. — Пока все наши воспоминания связаны только с пеленками и сосками, но со временем они будут пробуждать в нас стыд, вину и гнев. Кому захочется смотреть на свои унижения и обиды, на собственную подлость и легкомыслие?

— Лично я никогда не вела себя подло. И ни перед кем не унижалась. Хотя унизить меня пытались многие.

Бёртон знал, что на самом деле ее слова лишь прикрывали душевную рану. Никто из них не был ангелом — и уж тем

более Афра Бен. Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, он плавал, шутил и болтал о пустяках, но его взгляд все чаще и чаще возвращался к окнам в зияющее прошлое.

Рядом с ним вынырнул Фрайгейт.

— Ты только посмотри на это чудо, — произнес американец. — Я даже могу осмотреть себя со стороны.

Его мать, худощавая женщина с черными как смоль волосами, держала ребенка перед зеркалом. Маленький и голенький Питер хихикал от удовольствия, и его плоское лицо с широким ртом напоминало физиономию лягушонка.

— Как странно смотреть на себя в таком возрасте! А ты представь, сколько отражений нас ждет впереди — от хихикающего младенца до пожилого мужчины на смертном одре. О Иисус Христос!

Тем же вечером Фрайгейт приступил к самостоятельным исследованиям. Прежде всего он выяснил у компьютера, что сканирование памяти могло начинаться с момента зачатия. Однако машина отказалась отвечать на вопрос, почему они наблюдали себя только после родов. Как и многие другие, американец считал, что люди проводили свои первые девять месяцев в безмолвии и темноте. При таком варианте просмотр действительно не имел никакого смысла и требовал переноса на более поздний срок.

На всякий случай Фрайгейт велел прокрутить свой предродовой период и отобразить на экране те моменты, когда эмбрион воспринимал посторонние звуки. К его удивлению, такое случалось много раз. Он даже мог слышать голоса людей, которые беседовали с его матерью. А сколько тут было различных звуков: шум моторов и свистки поездов, плеск речных волн и треск хлопушек, бурчание в животе и выделение газов, звон упавших стаканов и громкий смех. Но больше всего Фрайгейта смущали стоны и возгласы родителей, когда они занимались любовью. Послушав все это пару часов, он приказал компьютеру остановить просмотр и вернуться к первоначальной программе.

— Я полагаю, что незнакомка хотела нам только добра, — сказал он маленькому мавру. — Она намеревалась показать нам слабости и предрассудки, себялюбие, суетность и ложь, которые закрывают свет наших душ. И она сделала это только для того, чтобы мы могли измениться к лучшему — подняться на новую ступень этического развития.

— Наверное, ты прав, — ответил Нур. — Но зачем она скрывалась от нас? И почему она убила Логу?

— Мы постараемся это узнать, — заверил его Бёртон.

Как оказалось, незнакомка действительно имела сострадание. Отдавая приказ о принудительной демонстрации воспоминаний, она предусмотрела паузу для отдыха и сна. В восемь вечера экраны отключились, и люди получили передышку до восьми часов утра.

Покинув пораньше дружеский ужин, Бёртон удалился в свое жилище. Он лег в постель, но старая бессонница вцепилась в него, как голодный волк. Утомленный ум наполнился обрывками сцен из показанного прошлого. Ему вспоминались беседы матери и отца. После двух часов напрасных метаний он оделся и вышел в коридор. Сев в летающее кресло, Бёртон отправился в бесцельный полет по бесчисленным этажам. Он проносился через сотни комнат и десятки подъемных шахт. В конце концов его блуждания превратились в организованный осмотр помещений. Запросив у компьютера план этажей, Бёртон отправился на верхний уровень башни. Он и сам не знал, что пыталось найти его подсознательное начало. Но оно толкало его вперед, словно предчувствуя встречу с чем-то новым и, возможно, даже полезным.

Так и не долетев до ангара, он передумал и помчался к двенадцати огромным комнатам, в которых располагались личные миры Совета Двенадцати. Устав от монотонной череды коридоров и шахт, Бёртон захотел увидеть что-нибудь иное. Его путешествие продолжалось четыре часа. Когда оно закончилось, англичанин решил рассказать о нем другим, чтобы они тоже осмотрели эти сказочно красивые помещения.

Прилетев в ангар, он убедился, что там ничего не изменилось. Число кораблей осталось прежним, и все они находились на своих местах. Хотя это еще ни о чем не говорило. Со временем его последней проверки прошло несколько дней, то есть женщина-агент могла воспользоваться любым из этих воздушных и космических аппаратов.

Бёртон вернулся в свои апартаменты около четырех часов утра и проспал от четырех тридцати до половины восьмого. Приняв душ, он вызвал на связь Ли По. Прошлым вечером китаец предложил друзьям собраться у него на общий завтрак, и Бёртон хотел убедиться, что планы Ли По не изменились. На экране возникло красивое мефистофельское лицо, расплывшееся в улыбке.

— Да, я буду рад увидеть тебя своим гостем. У меня есть для всех вас сюрприз.

Он повернул голову и что-то сказал по-китайски. Рядом с ним появилось другое лицо. Бёртон вздрогнул и отступил на шаг. На него смотрела женщина удивительной красоты.

ГЛАВА 13

Многие мужчины и женщины напоминают паровозы, которые мчатся по рельсам, замедляя ход на подъемах и разгоняясь на пологих спусках. Другие, словно автомобили с двигателем внутреннего сгорания, выбирают себе дороги по желанию, но время от времени сбрасывают скорость и ожидают дозаправки.

Ли По казался ракетой с неиссякаемым запасом горючего. Он взрывался огненным вихрем, метался, как комета, шумел, создавал проблемы и давал всем понять, что игнорировать его просто невозможно. Поведение, речь и жесты китайца вызывали в памяти Бёртона последнюю станцу из «Кубла-хана» Кольриджа:

И все закричали: «Осторожно! Ты в беде!
Берегись его сверкающих глаз и трепещущих волос!
Трижды очерті вокруг него круг
И опусти свой взор в священном страхе,
Ибо вскормлен он на божественном нектаре
И молоке, что бывает лишь в раю!»

Ли По, известный также под именами Ли Тай-По и Тай-Пен, родился в 701 году в оазисе Яркенд. В те времена огромная пустыня между Персией и Китаем никому не принадлежала, и поэтому Яркенд, стоявший на Великом торговом пути, считался вольным городом. Согласно семейному преданию, прадед Ли По бежал сюда после неудачной политической интриги. Спасаясь от гнева императора, он привез с собой жену и детей, и позже его старший сын взял в жены уйгурскую женщину, говорившую на тюркском языке. Один из внуков бывшего придворного женился на китаянке, а другой — на гордой и непокорной афганке.

Через пять лет после рождения Ли По его родители решили вернуться на родину. Они поселились в Сычуане — юго-западной провинции Китая. В городе, приютившем их, обитало множество чужестранцев: зороастрийских персов, индусов, евреев, несторианских христиан и мусульман из Персии, Афганистана и Месопотамии. Выучив языки всех этих народов, Ли По позже добавил к их числу корейский и японский.

Благодаря доли инородной крови его рост достигал шести футов одного дюйма. В юности он пристрастился к поэзии и вину, поэтому слава стихотворца и горького пьяницы пришла к нему довольно рано. В те времена вино считалось уделом высших классов, и никто не порицал людей, которые вкушали его без меры. Опьянение воспринимали как помощь для открытия врат божественного вдохновения. Однако скорость, с которой пьяный Ли По мог написать поэму, поражала всех его современников. Многие из стихов были настолько хороши, что литераторы той эпохи ставили Ли По в один ряд с величайшими поэтами Китая.

Когда ему исполнилось двадцать лет, он отправился странствовать по белу свету. Так поступали тогда почти все уважающие себя поэты, государственные деятели и художники. Они, словно странствующие рыцари, пытались избавить страну от зла, восхваляя добро своим искусством и защищая его острыми мечами. Убив в неравных стычках нескольких воинов, Ли По прославился как «демон, скачущий на клинке». Однажды его даже посадили в тюрьму за убийство человека в кабацкой ссоре. К счастью, ему удалось бежать за день до назначенной казни.

Несмотря на разгульную жизнь, он имел прекрасное образование и, среди прочих вещей, разбирался в физике и химии.

Во многих отношениях Ли По походил на Байрона своей эпохи и напоминал непоседу Бёртона. Он тоже любил путешествовать, прекрасно владел искусством фехтования, сочинял стихи на многих языках и в то же время считался грубым, бесцеремонным человеком.

В отличие от многих китайских мужчин, он сочувствовал рабской доле женщин. Однако это не мешало ему эксплуатировать их и удовлетворять свои непомерные аппетиты. Даже делая поправку на обычное мужское хвастовство, Ли По действительно мог претендовать на звание незаурядного любовника. «Три женщины зараз? Но это же мало!»

Устав от странствий и рыцарских подвигов, он поселился на горе Мин, округа Шу, у старого отшельника, которого звали Тан Йен-цзю. Углубляя свои знания в секретных даосских техниках, этот мудрец являлся неким подобием святого Франциска. Вместе с Ли По он приручал и выращивал диких птиц, учил их прилетать на зов и кормил с рук небесных питомцев.

Между тем китайские «отшельники» во многом отличались от своих западных собратьев. В основном это были обычные люди, уставшие от мирской суеты. Они жили в горах вместе с

семьями и свитой слуг, в окружении множества друзей и случайных знакомых.

Когда Ли По исполнилось двадцать пять лет, он покинул округ Шу и начал путешествовать по восточным и северным провинциям. Осев на какое-то время в Аньлу, провинции Хубэй, молодой поэт влюбился в девушку по имени Ху. Она стала его первой женой и родила ему несколько детей, но затем умерла от неизвестной болезни.

С тех пор смерть подружилась с Ли По и сопровождала его повсюду. Однажды он путешествовал с другом к знаменитому горному озеру. Там его товарищ заболел и скончался. Слуги похоронили несчастного на берегу, но, поскольку тот хотел быть погребенным на родовом кладбище, Ли По выкопал его из земли, завернул в свой плащ и пронес на спине сотню миль в далекий город Вучань провинции Хубэй.

— У меня не осталось денег, чтобы купить лошадь. Я все раздавал беднякам.

Услышав о подвигах и поэмах Ли По, танский император Сюнь Цун пригласил стихотворца ко двору. И хотя надменный поэт отказался сдавать экзамены на должность государственного чиновника, в 742 году он прибыл пред тусклые очи императора. Пожив во дворце, Ли По написал несколько колких стихов о лени Сюнь Цуна, о разврате и продажности придворных и нищете страдающего народа. Однажды, когда ему приказали явиться к императору и прочитать одну из своих поэм, Ли По прикинулся пьяным и потребовал, чтобы главный евнух, одна из самых важных фигур при дворе, помог стащить с него грязные сапоги. Эти дерзкие поступки привели к тому, что все придворные избегали общества поэта, а императорские шпионы следили за каждым его шагом.

Чтобы найти влиятельных покровителей, Ли По приходилось много путешествовать. Но дороги нравились ему, поскольку он любил скитаться по свету.

Его вторая жена умерла при родах; с третьей он развелся по обоюдному согласию через несколько месяцев брака; с четвертой Ли По прожил до самой смерти.

В 757 году шестнадцатилетний сын императора, великий принц Лин, возглавил армию и флот, чтобы подавить восстание Ань Лу-Шаня. Не зная об истинных замыслах принца, Ли По примкнул к его свите.

— Мне исполнилось сорок семь, но моя сила и подвижность остались прежними. Я думал, что слава воина мне не

повредит, и мечтал о высоких постах, на которые мог назначить меня император. По крайней мере он мог дать мне пенсию.

К несчастью, планы Лина раскрылись. Его сторонников убили или предали суду, а Ли По приговорили к смерти по обвинению в заговоре. Не желая убивать такого известного поэта, император изгнал его в дальнюю провинцию и позволил Ли По вернуться ко двору только в возрасте шестидесяти лет. Получив прощение, старый поэт отправился в долгий путь домой — к своим детям и четвертой жене. Во время плавания по реке он перепил вина и попытался поймать свое отражение в воде. Однако забава кончилась трагично. Он выпал за борт, простудился, заболел воспалением легких и через несколько дней скончался.

— Неужели ты действительно верил, что можно схватить отражение в воде? — спросил Фрайгейт.

— Да. И выпей я тогда еще одну чашу, мне бы это удалось. В тот миг я понял, что могу удержать его в своих руках, и мне захотелось совершить подвиг, который другие люди считали невозможным.

— А что бы ты делал со своим отражением? — спросил его Нур.

— С его помощью я стал бы императором! Один Ли По мог победить пятьдесят воинов! Два Ли По завоевали бы весь Китай!

Он громко засмеялся, давая понять, что знает о нелепости своего хвастовства. Однако у его собеседников имелись большие сомнения по этому поводу.

— Похоже, ты самый великий из всех любителей вина, — с улыбкой произнес Фрайгейт.

На Земле Ли По прошел вдоль и поперек все большие реки Китая. И когда после смерти он очнулся на берегу Реки, его снова потянуло в дорогу. Однажды ночью, в маленькой бамбуковой хижине, где ему дали приют, его разбудил человек в капюшоне и маске. Это был Таинственный Незнакомец, который вовлек в свои дела и Ричарда Бёртона, и многих других землян. Но скольких бы людей ни смутил этот этик-отступник, Ли По оказался одним из немногих, кому удалось добраться до башни.

— А что это тебе дало? — спросил Нур. — Разве ты как-то изменился, побывав в стенах башни? Может быть, ты стал лучше или хуже?

— В отличие от тебя, еретика-мусульманина, я не верил в потусторонний мир. Мне с детских лет внущили мудрые слова,

что духовные страны — это не нашего ума дело. Думая о смерти, я всегда считал, что моя плоть сгниет и станет прахом. Поэтому воскрешение на берегу Реки разрушило почти все мои представления о мире. Я начал искать богов, поднявших меня из мертвых, но выяснилось, что их нет, как нет и демонов, о которых рассказывали христианские вестники ада. Мир Реки построили обычные люди, и они знали о потустороннем мире не больше меня, хотя и прилетели с другой планеты. Этики тоже оказались невежами, спотыкавшимися во тьме. Так где же те, кто может осветить нам путь, чтобы мы, маленькие язычки огня, отыскали создавшее нас Пламя?

— У нас в Америке обычно спрашивали: «Где найти вчерашний снег?» — сказал Фрайгейт. — А отвечали примерно так: «Он растаял, чтобы стать сегодняшним снегом».

В конце своих странствий по Земле и Миру Реки Ли По достиг Туманной Башни. Он совершенно не изменился, о чем, как сказал Нур, можно было только сожалеть. По мнению мавра, Мир Реки предназначался для духовного преобразования людей. Услышав такие слова, высокий и красивый китаец засмеялся. На его дьявольском лице появилась холодная усмешка, а в зеленых глазах сверкнули искорки безумного веселья.

— Любое совершенство меняется только к худшему.

Его апартаменты походили на внутренние покои дворца одного из могущественных китайских императоров. Он воспроизвел по записям из компьютера множество знаменитых украшений и прибавил к ним свои картины, которые изображали сцены жизни Мира Реки.

— У меня есть то, что не имели императоры. Но чтобы сравниться с ними, мне потребовались бы миллионы поданных, сотни жен и тысячи наложниц. В данный момент у меня нет ни одной жены, и даже самый презренный слуга мог бы сейчас смеяться надо мной, как над жалким нищим. Хотя я знаю, что делать. Я знаю, как перехитрить свою судьбу.

Ли По часто вспоминал светлый образ женщины, которой посвятил не меньше двухсот поэм. Но, поскольку они терялись среди девяти тысяч других его произведений, ни один историк не упоминал о ней в биографических работах.

Семья его четвертой жены жила в Восточном Лу — в северной провинции Китая, которая в двадцатом веке называлась Шаньдуном. Поселившись там, Ли По построил дом неподалеку от кабака своего тестя. Клиентов этого заведения

обслуживала молодая девушка по имени Синь Ши, или, по-английски, Звездная Ложка.

— Она была самой красивой женщиной, которую мне когда-либо приходилось встречать. Я надеюсь, Алиса и Афра простят меня за такие слова. Вы обе свежи и привлекательны, как утренний рассвет. Но, думаю, вам хватит ума признать, что на свете бывают и более изумительные женщины.

Звездная Ложка говорила мягко, как ласковый ветерок, и ее элегантные манеры абсолютно не вязались с атмосферой кабака и поведением его посетителей. Она появилась на свет из лона наложницы прославленного монарха и, вполне возможно, была плодом его благородного семени. К ее великому огорчению, это отцовство поставили под сомнение, так как мать Звездной Ложки поймали на измене с одним из охранников дворца. Незадачливых любовников обезглавили, девочку продали богатому торговцу, и тот начал спать с ней, когда Звездной Ложке исполнилось десять лет. Позже он отдал ее шестерым сыновьям, которые по очереди испытывали на ней свою юношескую удачу. Однако удача отвернулась от их семьи, и после смерти торговца девушку продали моему тестю — хозяину кабака. Она стала его наложницей, и ее жизнь переменилась к лучшему, хотя, конечно, большого счастья он ей не дал.

Когда я увидел ее в кабаке, в моем сердце вспыхнула любовь. Я всегда отличался страстной натурой, но такого чувства мне еще испытывать не доводилось. Она родила от меня ребенка, который умер через несколько дней от лихорадки. Мы скрывали наши отношения, не желая создавать проблем под собственной крышей. У моей жены случались припадки ревности и безрассудного насилия. Однажды она даже вонзила нож в мое плечо. Короче говоря, ни я, ни Звездная Ложка так никому и не сказали, кто был отцом погибшего ребенка.

Если бы Ли По нуждался в друге, он выбрал бы мужчину. Но ему требовалась женщина. Вот почему его мысли обратились к Синь Ши. Позже он мог отыскать и своих старых товарищих, любивших теплый мужской разговор, веселое застолье и возвышенные речи. Однако первой на повестке дня стояла Звездная Ложка, и успех его плана зависел только от того, свободен ли ее ватан.

Все началось в 97 000 году до нашей эры, когда на Землю прилетели предшественники этиков. (Лога говорил, что они приступили к проекту около 100 000 года до нашей эры, но он округлял даты и свободно накидывал целые тысячелетия.)

Более точный компьютер отсчитывал время с 97 000 года до нашей эры, и, значит, Синь Ши, появившаяся на свет в 721 году по западному исчислению, значилась в архивах памяти как урожденная 97 724 года.

Зная год рождения и местность, в которой она родилась, Ли По приступил к настойчивым поискам. Он надеялся, что агенты этиков не оставили без внимания дворец великого монарха и сделали о его обитателях хотя бы несколько фильмов.

На самом деле записей оказалось мало. Очевидно, династия Тан не представляла для этиков большого интереса. Обнаружив это, Ли По сам нарисовал портрет Звездной Ложки, благо его память схватывала все, как когти орла.

Машина экстраполировала рисунок и реконструировала лицо Синь Ши, каким оно выглядело в детстве. Используя полученную модель, компьютер просканировал все файлы по этому периоду времени и отыскал ее — причем не раз, а трижды. Ли По едва не танцевал от восторга, хотя главная радость была еще впереди.

Вideoаппаратура этиков фиксировала не только физические тела, но и ватаны людей. Поэтому, используя выделенные кадры как основу поиска, компьютер просканировал восемнадцать с лишним миллиардов ватанов, которые находились в центральном колодце башни. Если бы Звездная Ложка жила в долине, ее ватан находился бы рядом с телом. То есть вся затея потерпела бы крах. Но компьютер нашел Синь Ши, и уже через пятнадцать минут конвертер переслал ее в жилище Ли По.

Потрясение оказалось настолько сильным, что она долго не могла прийти в себя. Ее последняя смерть приходилась на те ужасные дни, когда питающие камни восточного берега перестали наполнять граали людей. Вместе с ордами других она пересекла Реку, чтобы в смертельном бою добыть себе немного еды. И там ее убили. Умирая, Звездная Ложка не знала, что воскрешений больше не будет. Она надеялась пробудиться вновь на берегу Реки. Вместо этого ее перенесло в какое-то странное место, которого просто быть не могло в долине. Рядом с ней стоял соотечественник, лицо которого кривилось в дьявольской усмешке.

— Представляете! — рассказывал Ли По. — Она сначала приняла меня за демона. Впрочем, в этом Синь Ши ошиблась лишь наполовину. Она не узнавала меня, пока я не заговорил. Но потом на нее нахлынули воспоминания о былом, и она впервые за долгое время заплакала.

Ему потребовалась вся ночь, чтобы объяснить ей суть происходивших событий. Поведав историю о башне и этиках, он уложил Синь Ши в постель и уговорил ее немного поспать. О, как ему хотелось лечь рядом с ней! Однако он смирил свое нетерпение и ушел в другую комнату.

— Я не из тех, кто насилияет женщин. Она сама должна захотеть стать моей.

Утром Ли По познакомил Звездную Ложку со своими друзьями. И она действительно оказалась очень красивой и изящной. Ее рост не превышал пяти футов; стройное худощавое тело имело все необходимые округлости, а длинные ноги и большие темно-карие глаза притягивали взгляды мужчин, как мощные магниты. Китаянка носила одежду, к которой привыкла на Земле, но она совершенно не подходила под описание поэта. Мир Реки менял людей по-своему. И от прежней Синь Ши остался только тихий и ласковый голос. Она свободно говорила на эсперанто, владела дюжины языков, но, к сожалению, не знала английского.

Бёртон все еще сердился на Ли По за самовольное решение, но его гнев уже понемногу утихал. Звездная Ложка стояла перед ним, и укорять китайца в нарушении их соглашения было бы не очень прилично. Это лишь расстроило бы женщину и привело к большому спору с Ли По — если только не к дуэли. В любом случае Бёртон потерял бы свой авторитет. Кроме того, ситуация в их группе изменилась. Преодолев последнюю опасность, они вновь превратились в восемь сильных личностей, которые отныне не нуждались в вожаке. А значит, каждый из них мог поступать по-своему.

Бёртон выжал из себя улыбку, но сердитый голос выдал его чувства:

— Сколько женщин ты еще планируешь воскресить?

— Не больше дюжины, — с усмешкой ответил Ли По. — Я же не маньяк.

Бёртон фыркнул, и китаец, взглянув на него, продолжал:

— Потом я воскрешу шесть бездельников Бамбуковой рощи — моих верных и лучших друзей. Да вы не бойтесь, они вам понравятся. Это милые и забавные люди. Хотя им тоже захочется женщин... Плюс мои достойные родители, сестры и братья, и тетя, которую я очень любил. Да! И мои дети! Пожалуй, я найду их первыми...

— На помошь! Вторжение! — с шутливой гримасой закричал Фрайгейт. — Нам снова грозит «желтая опасность».

— Что ты сказал? — спросил Ли По.

— Ничего. Я уверен, что все мы будем счастливы и довольны.

— Я тоже с радостью встречу тех, кого ты захочешь воскресить, — ответил китаец.

Фрайгейт улыбнулся и похлопал поэта по плечу. Он гордился дружбой с этим человеком, хотя, как и другие, находил его иногда несносным.

ГЛАВА 14

Питер Джейрус Фрайгейт родился в 1918 году в северном Тэрре-Хоте, штат Индиана, неподалеку от реки Уобаш. Он считал себя рационалистом, но втайне верил, что каждое место на Земле имеет свое уникальное психическое свойство. К примеру, почва в местечке Виго несла в своей структуре не только особые качестваaborигенов, но и темперамент белых колонистов, которые вышвырнули отсюда всех краснокожих. Поэтому его психика, пропитанная испарениями индейцев и хужеров, уже не могла избавиться от них, независимо от того, сколько испарений иных народов он получал в других местах и в другие времена.

— В некотором смысле я состою из крови краснокожих и пота белых поселенцев.

Время от времени в его голосе появлялась хужеровская гнусавость, и этим он сильно напоминал Гарри Купера — актера, который снимался в фильмах о Монтане. Слово «мыться» Пит произносил как «мыца». «Ведро» у него всегда оставалось «бадьей», а «Иллинойс» — «Эллинойсом».

В детстве он посещал секту Христианской Науки, религия которой соединяла в себе индусскую и буддистскую философии. Благодаря туповатой и невротичной Мэри Бейкер-Эдди этот религиозный коктейль пришелся по вкусу некоторым янки. Поначалу родители Питера причисляли себя к баптистам и членам епископальной церкви. Но потом случилось «чудо», которое изменило их духовную ориентацию. У тети его отца обнаружили рак, и когда врачи выписали ее из больницы, чтобы она отправилась в мир иной из собственного дома, а не с казенной койки, какой-то приятель посоветовал ей почитать для успокоения души скандально известный «Ключ к писаниям». Она прочитала эту книгу, и ее рак рассосался. После этого почти все Фрайгейты в Тэрре-Хоте стали преданными последователями Мэри Эдди и церкви Иисуса-ученого.

Будучи ребенком, Питер часто путал Иисуса с учеными, о которых он читал в семилетнем возрасте, — Франкенштейном,

Дулиттом и Ван Хеслингом. Двое из них тоже занимались воскрешением мертвых, а Дулиттл, который позже слился со святым Франциском, еще и разговаривал с животными. Одаренный мальчуган с богатым воображением представлял себе бородатого Христа в лабораторном халате. Именно здесь тот проводил свободное время, когда не бродил по фермам и не проповедовал свои научные открытия.

— Пора приступать. Как считаете, Иуда? Мне кажется, эту ногу надо пришить сюда, но я понятия не имею, откуда взялся этот глаз и куда нам его присобачить.

Эта беседа происходила в тот момент, когда Иисус пытался воскресить Лазаря. Проблему усложняли другие тела, которые находились в могиле перед последним погребением. Пролежав три дня в расщелине под жарким солнцем, Лазарь уже успел разложитьсь и рассыпаться на части — что, в общем-то, и привело к неразберихе с органами. Из-за тяжелого запаха Иисус и его ассистенты, Иуда и Петр, носили поверх хирургических масок военные противогазы.

Рядом с ними располагались гигантские реторты с булькающей жидкостью; чуть поодаль находились статические генераторы, стрелявшие разрядами из круглых металлических шаров; у стен стояли книжные шкафы и лучшее оборудование голливудских лабораторий. Питер тогда еще не видел фильма о Франкенштейне, который вышел на экраны в 1931 году. Однако в шестилетнем возрасте его водили на немой кинофильм о безумном ученом, поэтому он прекрасно знал, как выглядят научные лаборатории.

Иуда нервничал по поводу расходов. Он исполнял роль казначея в организации доктора Христа и лучше всех понимал, насколько они зависели от добровольных пожертвований верующих.

— Эта операция влетит нам в копеечку, — хрипло сказал он великому ученому.

— Да, но подумай о рекламе. Когда миллионер Иосиф из Аримафеи услышит о наших результатах, он вложит в нас столько шекелей, что нам их хватит на оживление целого кладбища. Мы спишем эту операцию на его счет, и он получит за свою благотворительность шестипроцентную скидку на налог.

Позже, размышляя о своих фантазиях, Фрайгейт поймал себя на том, что тогда он еще не знал о рекламе и налоговых скидках. Скорее всего он немного реконструировал свои дет-

ские вымыслы, хотя они казались ему ничем не хуже многих изданных книг.

Эта версия о Христе-ученом приохотила юного Фрайгейта к чтению научной фантастики. По горло занятый Свифтом, Твеном и Дойлем, Баумом, Дюма и Гомером, он едва находил время для Библии и карманного издания Джона Баньяна, иллюстрированного Доре. В его запутанных лабиринтах подсознания религиозные тексты смешивались с работой ученых, которые спасали человечество от неминуемой гибели. Те прежние журналы и книги научной фантастики проповедовали рационализм и неодолимую силу логики. Юный Питер верил, что только наука может вывести людей из той кутерьмы, которую они наворочали за последнюю сотню тысячелетий. Родившись в высокоразвитом технологическом обществе, он тогда еще не знал, что в каждом ребенке присутствовали каменный, бронзовый и железный века — багаж, который нес на своих плечах каждый мысливший человек. Некоторым счастливчикам удавалось избавиться от части этого груза, но никто и никогда не отбрасывал его полностью.

Впрочем, возможно, Нур исключение?

— Даже в тех эпохах имелось много хорошего и желанного, — ответил мавр. — Зачем же мне избавляться от этого?

Когда Фрайгейту исполнилось одиннадцать, его родители впали в религиозную апатию. Они перестали посещать Первую Церковь Христа-ученого на Гамильтон-бульваре, но отец настоял на том, чтобы их старший сын по-прежнему ходил на все церковные собрания. Отвозить его на Гамильтон-бульвар не хотелось ни отцу, ни матери, поэтому они устроили Питера в воскресную школу пресвитерианской церкви, которая находилась на Аркадия-авеню недалеко от их дома.

И тогда на полной теологической скорости он ушел с головой в теорию предопределенности. Однако и она не излечила его от контузии души и философских травм, нанесенных необъяснимыми противоречиями.

— После этого мир стал для меня больничной палатой для выздоравливающих, — рассказывал он Бёртону. — Хотя я, конечно, кое в чем преувеличиваю.

К тому времени Фрайгейт уяснил, что людей награждали с небес только в том случае, если их жизни были наполнены хорошими делами, а сами они непоколебимо верили в существование Бога и самодостаточность Библии.

— Однако пресвитериане утверждали обратное. Они говорили, что нет большой разницы в том, какими являются люди, —

тщеславными грешниками или примерными христианами. За тысячи лет до создания Вселенной великий Бог уже определил, что этот нерожденный человек будет спасен, а тот нерожденный человек будет проклят. Их вера очень похожа на теорию Твена о глобальной предопределенности событий. В тот миг, когда первый атом столкнулся со вторым, цепь событий замкнулась в определенном направлении, и отныне все явления заданы углом и скоростью, с которыми эти два атома врезались друг в друга. Если бы угол и скорость имели другие значения, наш мир выглядел бы совершенно иначе. Таким образом, жизнь человека определена во всем, и ничего уже нельзя изменить. Или, выражаясь языком двадцатого века, мы запрограммированы на все сто процентов.

Вся хитрость божественного замысла заключалась в том, что люди не могли сказать себе: «Какого черта?» — и жить распутной безответственной жизнью. Мы верили в непреложность христианского уклада, и, что хуже всего, нам приходилось следовать этим правилам. От нас требовалась вера в Бога, и при этом нам запрещали быть лицемерами. Но до самой смерти человек не знал, куда определена ему дорога — в рай или в вечное пламя ада.

Если верить словам пресвитериан, каждый из нас мог грешить всю жизнь. Если Бог отметил человека как спасенного, великий грешник раскаялся бы в последний момент и вкусили вечного блаженства. Но кто мог дать гарантии, что это случится с нами?

Наверное, мне следовало рассказать родителям о своей духовной агонии. Они избавили бы меня от сомнений и объяснили, что на свете нет таких вещей, как ад и предопределение. По крайней мере, они успокоили бы меня. Но я стеснялся говорить им об этом и молча страдал. А может, во всем виноваты проблемы с общением? Тогда остается только сожалеть, что мои родители не знали, чему на самом деле меня учили в воскресной школе, до которой можно было дойти пешком. Короткая прогулка в ад сомнений и отчаяния.

— Неужели ты так сильно страдал? — спросил Бёртон.

— Это случалось лишь иногда и длилось недолго. Будучи смышленым и любознательным мальчишкой, я понимал, что взрослые в церкви играли в какую-то свою игру. Они только притворялись, что верят в предопределение, а сами в реальной жизни придерживались абсолютно других принципов. И уж, конечно, они не страдали от сомнений и сожалений по поводу их странной доктрины. Они признавали ее лишь на словах и

забывали о ней, едва выходили из церкви, — а возможно, и еще быстрее.

Читая о жизни Твена, я видел, что он тоже не верил в свою безбожную и механическую вселенную. Марк Твен выбирал одни пути и отвергал другие; он всю жизнь совершал волевые поступки, хотя и много говорил об отсутствии свободной воли у людей.

В двенадцатилетнем возрасте Фрайгейт стал закоренелым атеистом.

— Вернее, искренне верующим в науку и считающим ее спасительницей человечества. Я имею в виду науку в руках разумных людей. В то время до меня еще не доходили мудрые слова Свифта, который утверждал, что большинство людей по своей сути являются тупыми иеху.

Он поспешил внести поправку. Большинство людей превращались в иеху лишь время от времени, и только малая часть всегда оставалась поросшим шерстью зверем. Впрочем, и их хватало с избытком.

— На самом деле наука могла стать нашей спасительницей только в одном-единственном случае — если бы ее не использовали во вред. Но люди всегда и во всем доходят до крайности, и, видимо, зло является сутью наших душ. Я понял это только после тридцати пяти лет. Как и у Данте, мой маленький челн, выплыл на середину жизни, находился еще по ту сторону адских врат.

— Как много времени тебе понадобилось на такую маленькую истину, — сказал Нур. — Неужели так трудно понять, что, несмотря на разум, люди остались животными? Гуманность требует сил; вот они и ведут себя как звери. Так и проще и легче.

— Вот именно, — поддержал его Бёртон. — В нас живут не только люди из палеолита, но и двуногие обезьяны. Хотя мне не хотелось бы оскорблять обезьян.

Долгие годы Фрайгейт считал, что у человека вообще не существует души. И вот однажды его осенила крамольная мысль: если Бог не дал людям бессмертного начала, то они сами должны создать его для себя. Питер написал рассказ, в основу которого легла идея об искусственно созданных душах. Эти синтезированные образования обеспечивали бессмертие, которым Бог не пожелал одарить людей.

В те времена еще никто не касался этой темы. Фрайгейт развил ее до научно-фантастической новеллы, и она получилась довольно интересной. В ней он выразил свое глубинное

убеждение в том, что люди должны спасать себя самостоятельно. Бессмысленно ждать спасителя, который, прилетев с небес или другой планеты, искупил бы грехи человечества.

— В чем-то я, конечно, ошибался, но не во всем, — рассказывал Фрайгейт. — Мы нашли свое спасение в синтетических душах, но их создали не люди, а внеземные существа.

— Ватан — это еще не спасение, — возразил Нур. — Это только средство, чтобы приблизиться к концу. Спасение может прийти только из глубины сердца. И оно приходит само по себе.

Слияние науки и религиозных побуждений привело к созданию Мира Реки. Но ватаны завели этиков в тупик. С их появлением наука угасла, как закат солнца, и ведущие позиции заняла метафизика.

Тем временем люди продолжали свое существование, двигаясь в потоке событий и забот. Нравилось им это или нет, но они спали, питались и влюблялись, удовлетворяли старые потребности и искали новые. Задавая вопросы компьютеру, они часто не получали ответов, однако у них оставалась надежда, что однажды им их дадут.

Познакомившись со Звездной Ложкой, Фрайгейт немного поболтал с ней о жизни в долине и на Земле. Он с трудом понимал ее эсперанто, поскольку последние полсотни лет китаянка жила среди своих соотечественников восьмого века нашей эры и итальянских сабинов пятого века до Рождества Христова. Ее речь имела множество незнакомых слов, заимствованных из других языков.

Устав от путаницы, Питер сослался на дела, извинился и ушел в свои апартаменты. Его, как и Бёртона, тревожил поступок Ли По, который без ведома коллег отважился на воскрешение Звездной Ложки. Впрочем, их группа нуждалась в новых членах; восьмерых человек не хватало для того, чтобы внести в их маленькую общину свежесть и разнообразие встреч. Лишения и беды сплотили их в одно целое — в большую и крепкую семью. Тем не менее они часто действовали друг другу на нервы и ссорились по пустякам — за исключением Нура.

Фрайгейт не возражал против новых воскрешений, но, прежде чем что-то делать, требовалось все взвесить и обсудить с остальными. Ему не нравились поспешные действия, революции, поллюции и тому подобная истерика.

«А ведь Ли По открыл плотину, — размышлял американец. — И теперь остальным тоже захочется воскресить своих

друзей. Но мы не готовы к колонизации Туманной Башни. У нас нет никаких квот по количеству и составу людей».

Очевидно, эта проблема волновала не только Бёртона и Фрайгейта. Однако Ричард, их палочка-выручалочка, не мог взять ситуацию под свой контроль. Будучи храбрым, сильным и настойчивым человеком, он не имел задатков лидера и годился в вожди только тогда, когда требовались крутые и насилистственные меры. Для мирных времен он абсолютно не подходил.

Группа охотно приняла бы руководство Нура эль-Музифа, но тот ни за что не согласился бы стать их лидером. Его ум, доброта и предусмотрительность могли бы помочь им в сложившейся обстановке. Однако мавр утверждал, что стремление к анархии контролировать невозможно.

ГЛАВА 15

Когда экран начал показывать рождение Звездной Ложки, она едва не упала в обморок. Бёртон не ожидал от нее таких эмоций. Его удивило обилие слез и криков. Как и многие западные люди, он считал китайцев расой «непроницаемых азиатов». Неудержимый и почти маниакальный характер Ли По казался ему исключением, которое лишь подтверждало правило. Смущенно отозвав китайца в сторону, он поделился с ним своим недоумением. Ли По громко рассмеялся и сказал:

— Наверное, китайцы твоей эпохи старались не выражать своих эмоций при странных и опасных ситуациях. Но я и Звездная Ложка принадлежим седьмому веку. Неужели ты думаешь, что мы похожи на них? Это то же самое, как сравнивать тебя и англичан седьмого века.

— Ты прав, а я достоин упреков и наказания, — пошутил Бёртон.

— Мне кажется, ее тревожит не столько то, что она видит сейчас, как то, на что ей придется смотреть в дальнейшем, — тихо произнес Нур.

При виде картин чужого прошлого они чувствовали смущение и беспокойство. По этой причине Бёртон предложил выбрать для общих встреч и совместных ужинов одно из пустовавших помещений. Закрасив стены, они избавились бы не только от экранов, но и от стыда за свои прошлые поступки. Все согласились, и на этом их очередная встреча закончилась. Вернувшись к себе, Бёртон дал компьютеру особые указания и заказал двух андроидов, которые через тридцать секунд

появились в камере конвертера. Один из них во всем походил на полковника Генри Корселиса в годы его командования Восемнадцатым полком бомбейской пехоты. Второй андроид представлял собой копию сэра Джеймса Аутрэма — героя индийской компании и представителя ее величества в Адене.

Корселис невзлюбил Бёртона из-за пустяка. На одной из офицерских пищек Ричард наскоро сочинял эпиграммы на своих друзей. Зная вздорный и обидчивый нрав командира, он пропустил его имя в своей шутливой перекличке. Однако Корселис потребовал куплет про себя, и Бёртон продекламировал следующую эпиграмму:

Вот могила полковника Корселиса,
Где лежит его бренное тело.
Все остальное находится в аду,
И надо сказать — за дело.

Как он и ожидал, полковник рассердился, и они поссорились. С тех пор Корселис превратил службу Бёртона в сущий ад.

— Хотя я сам виноват. Знал, что так получится, а все равно полез на рожон.

С Аутрэром вышла другая история. Когда этот офицер стал генералом Индийской армии, он затеял травлю сэра Чарльза Неприера, которого Бёртон считал примером для себя и других солдат. Чтобы поддержать товарища по оружию, Ричард начал издавать «Газету Карачи», в которой помещал статьи и письма, посвященные защите отважного офицера. Аутрэм воспринял это как личный вызов и пообещал при первом удобном случае отправить Бёртона под пули на передовую. Годами позже, когда капитан Индийской армии Ричард Фрэнсис Бёртон попросил разрешения исследовать Сомали, Аутрэм отказал ему в просьбе. В то время его отказ почти ничего не значил, но генералу удалось ограничить субсидии на африканские исследования.

И вот теперь Корселис и Аутрэм стояли перед ним. Первый андроид был в форме полковника, второй носил штатский сюртук. Их лица ничего не выражали: Они могли улыбаться, но только по команде — и лишь в том случае, если это значилось в программном списке их действий.

— Вы, две задницы! Приступайте к покраске комнат. Все необходимое для работы найдете вон там, — сказал он, указывая на шкаф.

Андроиды не обратили на его жест никакого внимания.

— Посмотрите туда, идиоты! Туда, куда показывает мой палец. Этот шкаф называется конвертером. Там вы найдете

лестницы, распылители и краску. Процедура малярных работ вам известна. При любой нештатной ситуации обращайтесь ко мне.

Сначала Бёртон хотел запрограммировать их так, чтобы перед началом работы они облизывали его сандалии. Но потом он посчитал это детским и совершенно бессмысленным актом. Если бы его сандалии вылизывали настоящие обидчики, он бы действительно получил удовлетворение. А так... Хотя Корселис и Аутрэм не согласились бы лизать его обувь. Да и он не стал бы воскрешать их — даже в качестве своих лакеев. Бёртон давно уже понял, что, унижая других, человек унижает и себя.

Тем не менее неловкие движения двух его слуг доставили Бёртону удовольствие, и он даже похихикал, когда они направились к конвертеру. Как жаль, что реальные Аутрэм и Корселис не могли полюбоваться его работой. О, как они негодовали бы и плевались от злости!

Он вздохнул и подумал о том, насколько жалкой выглядела его месть. Если бы все это увидел Нур, он наверняка бы сказал:

— Такие действия и чувства недостойны тебя, мой друг. Ты становишься ничем не лучше своих врагов и этих жалких протеиновых роботов.

— Значит, мне следовало подставить другую щеку? — прошептал Бёртон, продолжая вслух воображаемую беседу. — Но я не христианин. Кроме того, я не встречал таких христиан, которые подставляли бы другую щеку после первого удара.

Ему приходилось поддерживать свой образ честного и прямолинейного человека, поэтому он решил не показывать своих андроидов остальным землянам. То, что сошло с рук Алисе, стало бы позором для Бёртона. Кроме того, создавая роботов с лицами Гладстона и Дизраэли, Алиса не имела к последним никаких предубеждений. Ее просто забавляло, что на вечеринке им прислуживали два премьер-министра.

Через полчаса Бёртон покинул свои апартаменты, хотя ему и не хотелось оставлять андроидов без присмотра. При любой проблеме, которая выходила за рамки программы, они либо игнорировали ее, либо останавливались в ожидании дальнейших указаний. Однако он больше не мог оставаться рядом с экраном, который показывал его прошлое. Время от времени последовательность записанных событий меняла свою хронологию, и в этот день экран демонстрировал эпизоды трехлетнего возраста, в которых его наказывал наставник.

— Я сказал ему, что он дышит, как больная собака, — прошептал Бёртон. — И слишком много пердит. А этот ублюдок начал меня бить...

В ту пору он еще не умел читать, но наставник уже обучал его латыни. В свои десять лет Бёртон знал латынь не хуже репетитора и свободно говорил на ней.

— Но я выучил ее назло этому висельнику. Ему так и не удалось выбить из меня врожденную способность к языкам. К сожалению, многие дети ненавидят предметы, которые им преподают учителя с охапкой розог. Для них это одно и то же.

Экран с его воспоминаниями появился на стене рядом с дверью, которую он только что закрыл. Бёртон сел в летающее кресло, стоявшее у двери, и развернул его в противоположном направлении. Экран тут же переместился на другую стену. Вставив в уши затычки и опустив на лоб длинный козырек, Бёртон погрузился в чтение книги. Очевидно, компьютер не имел указаний переносить экран на пол. Во всяком случае, фильм из детства не мешал ему заниматься своими делами.

Он вновь углубился в учебник грамматики этруссского языка, составленный римским императором Клавдием. Эту книгу Бёртон воспроизвел по файлам компьютера. На Земле она считалась утерянной в средние века, но агент этиков отснял ее копию почти сразу же после того, как Клавдий дописал последнюю страницу. Пока земные лингвисты оплакивали потерю этого шедевра, он спокойно хранился в записях предусмотрительных этиков.

Перелистывая страницу, Бёртон поднял голову и взглянул на экран. На него смотрело раскрасневшееся и разъяренное лицо Мак-Кланахана. Затычки в ушах не пропускали звук, но Бёртон читал слова по губам. Наставник вновь срывал на нем злость, ругая, оскорбляя и предрекая адские муки. Он снова кричал, что маленького Ричарда унесут с собой черти и что для него уже готова раскаленная сковорода, на которой жарят маленьких своевольных негодяев.

Бёртон не видел своих губ, но явно кричал в ответ: «Тогда там и встретимся!» Малыш, очевидно, хотел уйти, но наставник поймал его за руку и отстегал розгой. И Бёртон знал, что он не плакал и не просил прощения, а упрямо сжимал губы, чтобы Мак-Кланахан не получил удовольствия от его обиды и унижения. Наставник сердился все больше и больше, и его удары становились больнее. Но он не мог отхлестать мальчишку так, как ему бы того хотелось. Отец Ричарда одобрял применение розог, считая что они прививают детям

послушание и любовь к наукам. Однако он не потерпел бы избиения сына.

Бёртон снова опустил голову и, превратив свое внимание в острый меч, начал нанизывать на него этруссские слова и правила грамматики. Прочитав две страницы, он зажмурился и попытался представить их в уме. Они возникли перед ним как на экране. Бёртон открыл глаза, проверил точность своей памяти и удовлетворенно улыбнулся. Он по-прежнему впитывал в себя слова, как губка.

Конечно, изучение языков во многом зависело от способности запоминать, но для живой речи требовался этрус. Бёртон подумывал воскресить одного для практики. А что он делал бы с ним потом? Поймав себя на этом проклятом «что потом?», Бёртон усмехнулся и покачал головой.

И тут его осенило. Он мог изучать этрусский язык по таким же фильмам, какой теперь показывали ему. Почему бы не прокрутить воспоминания мертвых людей? И зачем ему живой этрус, когда можно обойтись и мертвым?

Произнеся кодовое слово, он велел компьютеру сформировать на стене экран. На его вопрос, можно ли просматривать чужие воспоминания, машина ответила, что их действительно можно извлекать и показывать в виде фильма. Однако некоторые записи не подлежали воспроизведению из-за команд запрета, введенных ранее.

Бёртон взглянул на часы. По его расчетам, андроидам уже полагалось закончить работу.

К тому времени на экране воспоминаний появился Неаполь, где их семья отдыхала после долгого путешествия по Южной Европе. Ричарда снова колотил наставник, но на этот раз Дюпре — дипломированный выпускник Оксфорда.

По словам Фрайгейта, их жизни прокручивались, как фильмы. Но прежде чем показать основные кадры, сначала демонстрировали анонс из отрывков.

Наблюдая за жизнью в Неаполе, Бёртон вспомнил, что в тот период он часто занимался онанизмом в компании с соседскими мальчишками. Подумав о том, что эти сцены могут увидеть его друзья, он покраснел и вспотел от смущения.

А что же им делать с бесчисленными посещениями отхожих мест или с невыносимо откровенными сексуальными сценами? Он еще раз похвалил себя за идею окрасить то помещение, где они будут встречаться друг с другом. Бёртон знал, что делал, когда решил покрыть краской стены своей квартиры.

И догадывался, что остальные поступят так же — если, конечно; они имели мозги.

Он вернулся в зал и осмотрел помещение. Все экраны находились под толстым слоем краски. Андроиды только что закончили работу в спальне и перешли в коридор. Англичанин понимал, что ему не раз захочется взглянуть на свое прошлое. Он велел протеиновым роботам оставить несколько комнат неокрашенными. Теперь Бёртон сам мог выбирать время для просмотра своих воспоминаний.

А может быть, и нет. Он выругался и щелкнул пальцами. Подойдя к консоли дополнительного компьютера и включив дисплей, Бёртон взглянул на экран и улыбнулся. Там не было ненавистных картин. Очевидно, для демонстрации воспоминаний компьютер мог использовать только стены.

Аутрэм доложил, что покраска закончена. Бёртон приказал андроидам разобрать лестницы и отнести в конвертер полные и пустые баллончики. Дезинтегрировав их, он велел Корселису и Аутрэму войти в камеру преобразователя. Как только дверь за ними закрылась, энергия полыхнула огнем, и от роботов не осталось даже щепотки золы.

На миг ему показалось, что в глазах андроидов промелькнула мольба. Но они не имели разума и инстинкта самосохранения.

Стены, пол и потолок зала выглядели отталкивающе белыми. Бёртон решил разрисовать их незатейливым орнаментом, но в это время раздался сигнал вызова. Подойдя к дисплею вспомогательного компьютера, он увидел на экране лицо Фрайгейта.

— Я осмотрел маленькие миры на верхнем этаже башни, — сказал американец. — Интересно, что компьютер не показывает там прошлого. Возможно, этики обезопасили свои заповедные места какими-то программами, которые не удалось переделать даже Снарку. Но у меня есть другая причина, по которой мы должны встретиться около этих комнат. Они очаровали меня иллюзией свободы. Во всяком случае мне там гораздо лучше, чем в своей квартире, и я хочу предложить нашей группе перебраться туда. Пусть каждый выберет себе мир на свой вкус. Мы можем менять там все что угодно. Лично я уже знаю, какой будет моя крохотная вселенная. А то центральное помещение между комнатами мы могли бы использовать для общих встреч и торжественных церемоний.

Тем же вечером они встретились на центральной площадке «преднебесного» уровня, чтобы обсудить предложение Фрайгейта.

— Вы можете посмотреть эти места сами, — говорил американец. — Они просто сказочны.

Он напомнил им, что сечение башни делилось на тридцатиградусные сегменты. Острые усеченные концы двенадцати частей, соединяясь вместе, образовывали круглую центральную площадку.

— С высоты птичьего полета этот уровень выглядел бы как зодиакальная карта. Она тоже разделена на двенадцать частей, или двенадцать домов: Водолей, Овен, Телец, Близнецы и так далее. Если вы не против, мы могли бы выбирать себе комнаты по этому принципу, то есть по датам наших рождений.

— А зачем? — спросил де Марбо.

— Я только предлагаю способ выбора. Используя зодиакальный метод, мы могли бы избежать лишних споров. Хотя, на мой взгляд, все эти комнаты одинаковы, и причин для разногласий в принципе не существует. Но решать, конечно, вам.

Все сказали, что им по душе такой выбор сегментов.

— А я не знал, что ты веришь в такую чепуху, — произнес Терпин, похлопав Фрайгейта по плечу. — Все эти астрологические карты — просто забава для климактерических дам.

— Я не верю в астрологию. Однако кое-что знаю о ней. Взять хотя бы Ли По. Согласно западному календарю, он родился 19 апреля 701 года. То есть он — Овен и принадлежит первому дому, принципом которого является энергия. Мы все знаем Ли По, и он действительно очень энергичен.

— Это еще мягко сказано! — самодовольно отозвался китаец.

— Кроме того, первый дом является домом исследователей и путешественников, что вполне соответствует склонностям нашего друга. Твои положительные качества описываются тремя словами: свободой, оригинальностью и динамикой.

— Верно! Мне надо побольше узнать об этой западной астрологии.

— Твоими отрицательными качествами являются безрассудство, самонадеянность и лживость, — с улыбкой продолжал Фрайгейт.

— Что ты сказал? Ты назвал меня лживым? Возможно, я и бываю безрассудным — хотя в мои времена это называли храбростью. Но как ты мог обвинить меня в самонадеянности и лжи?

— Не обижайся, Ли. Я только повторяю то, что астрология говорит о твоем знаке. Человек способен преодолевать свои недостатки. И, очевидно, ты победил все плохое, чем наделила тебя судьба.

— Питер имеет в виду, что отрицательные качества могут превращаться в положительные, — добавил Бёртон.

— Тебе подходит дом Овна? — спросил Фрайгейт.

— Конечно! Он же первый!

Американец повернулся к Алисе:

— Ты родилась 4 мая 1852 года. Ты Телец, и твоим домом управляет Венера. Можно сказать, что ты очень эмоциональна.

— Подумать только! — произнес Бёртон, и Алиса метнула в него сердитый взгляд.

— Тельцы — это смиренные строители. Твои положительные качества — преданность, зависимость и терпеливость. Ты ведешь непрерывную борьбу со своими желаниями, жадностью и гордостью.

— Что-то я этого за собой не замечала, — тихо сказала Алиса.

— Тебе подходит второй дом?

— Да, конечно.

Фрайгейт приблизился к Томасу Терпину, который, покуривая папироску, время от времени прикладывался к бутылке бурбона.

— Твой выход на сцену жизни пришелся на 21 мая 1873 года. Попав в дом Близнецов, которым управляет Меркурий, ты обрел такие черты, как гениальность, пластичность и способность к творчеству. Люди искали твоего общения и проекции...

— Продолжай, парень. Ты мне нравишься!

— Но твоими отрицательными качествами являются... хм-м... двуличие, поверхностность и непостоянство.

— Это наглая ложь, приятель! Я никогда не был двуличным! Где ты набрался такой чепухи?

— Никто тебя ни в чем не обвиняет, — ответил Фрайгейт. — Если у тебя нет отрицательных качеств, значит, ты их просто преодолел.

— Так вот запомни! Я не двуличный! А если тебе не нравится моя осмотрительность и обходительность, мы можем общаться с тобой и по-другому. Возможно, у тебя сейчас плохое настроение, но зачем же портить его остальным? Это, парень, добром не кончается.

— Ты согласен занять третью комнату?

— Она ничем не хуже других, а возможно, даже и лучше.

— Среди нас нет рожденных под знаком Рака, — сказал Фрайгейт. — Поэтому четвертое помещение останется пустым. Пятый дом — Лев, которым управляет Солнце. Его представители отличаются жизнестойкостью и драматизмом. Это я о тебе, Марселин. Ты родился 18 августа 1782 года?

— Да, — ответил де Марбо.

— Львы царственны...

— Верно!

— ...привлекательны...

— Совершенно верно!

— ...и очень внушительны.

— Трижды верно!

— Однако их плохими качествами являются напыщенность, деспотичность и тщеславие.

Француз покраснел и нахмурился. Остальные громко захотели.

— Вот он и тебя уложил на лопатки! — давясь от смеха, сказал Терпин.

— Так ты принимаешь пятый дом или нет? — спросил барона Фрайгейт.

— Учитывая, что мы просто развлекаемся с астрологией, я беру эту комнату. Но прошу не путать мои задатки лидера с деспотизмом! Да, у меня действительно есть чем похвастать, но разве вы слышали от меня похвальбу? Я не тщеславен и никогда, слышите, никогда не был напыщенным человеком!

— Никто и не собирается это оспаривать, — двусмысленно ответил Фрайгейт. — Давайте перейдем к шестому дому — дому Девы, который управляет Меркурием. Представители этого знака склонны к анализу событий и ведут общественную жизнь. Ты, Афра, родилась 22 сентября 1640 года и, как все Девы, наделена практичностью и благородством.

— Никогда такой не была и не буду, — сказала Афра.

— Но, помимо всего прочего, Дева излишне критична, чопорна и часто страдает ипохондрией.

Бен язвительно рассмеялась:

— Это я-то чопорная? С моей репутацией и непристойными драмами?

— Тебе подходит шестой дом?

— А почему бы и нет?

— О чём ты говоришь? — возмущенно вскричал де Марбо. — О каком доме может идти речь? Я думал, мы будем жить

вместе! Неужели я чем-то обидел тебя, моя маленькая капусточка? Неужели моя любовь больше ничего не значит? Если ты заведешь собственный дом, мы... черт возьми... больше не будем делить одно ложе под одной крышей. Подумай об этом! Неужели я тебе надоел?

Она похлопала его по руке:

— Успокойся, мой боевой петушок. Я по-прежнему тебя люблю. Но... Мы всегда вместе, никогда не расстаемся, и наша близость становится слишком уж докучливой. Кроме того, мне хочется иметь свой собственный мир. Представляешь, мы построим два дома и будем ходить друг к другу в гости. Одну ночь ты проводишь в моем мире, другую — я в твоем. Ты будешь захватывать мою империю и увозить меня в плен. Или я, как венценосная королева, буду приглашать тебя к себе с дружеским визитом для обсуждения некоторых интимных дел.

— Даже не знаю, что сказать, — ответил барон.

Афра пожала плечами:

— Если нам это не понравится, мы снова будем жить вместе, как и прежде. Неужели ты боишься, Марселин?

— Я? Боюсь? Как ты могла подумать такое! Хорошо, Питер! Я беру себе пятый дом, а Афра — шестой. В худшем случае мы останемся соседями.

— С толстой стенкой, разделяющей вас. Но только стены делают соседей хорошими друзьями.

— И плохими любовниками, — добавил Бёртон.

— Ты слишком циничен, мой друг, — сказал де Марбо.

— Весы и Скорпион, то есть седьмая и восьмая комнаты, побудут пока пустыми, — сказал Фрайгейт. — Девятый дом принадлежит Стрельцу, которым управляет Юпитер. Основной образ поведения определяется экспансией внутрь и во вне. Стрелец любит философствовать, что вполне соответствует характеру Нура. Согласно древней науке, ты общителен, склонен к логике и пророчествам.

— А что еще? — спросил Нур.

— Отрицательными качествами являются грубость, фанатизм и нетерпимость.

— Все это было в моей юности, но там и осталось. Я давно уже рас прощался с ними.

— Козерогов среди нас нет, и поэтому мы переходим к моему знаку — Водолею. Одиннадцатый дом управляет Сатурном, который любит поучать других, и Ураном, раздающим дары возможностей. Водолей облагораживает окружение. Он соединяет в себе находчивого дипломата и благородного аль-

труиста. К сожалению, его отрицательными качествами являются эгоизм, эксцентричность и импульсивность.

— И ты признаешь себя виновным в этом? — спросил Бёртон.

— Более-менее. А теперь, Дик, перейдем к тебе. Ты родился 19 марта 1821 года. По идеи, Рыбы должны содействовать гармонии, но в твоем случае... Впрочем, ладно. Обойдемся без критики. Рыбы управляются Нептуном и Юпитером. Первый превращает людей в идеалистов, а второй побуждает к экспансии. Тут, пожалуй, возражений нет. Положительными качествами являются интуиция, привлекательность и артистичность.

— Но в то же время, как ты мне уже говорил, я сделал из себя доморощенного мученика, — добавил Бёртон.

— Теперь нам предстоит разойтись по новым домам, — подытожил Нур. — И мы понесем туда груз добрых и недобрых качеств. Жаль, что нельзя оставить эти чемоданы за дверью и двинуться в путь налегке.

ГЛАВА 16

Переезд в «небесный пирог»* потребовал небольшой подготовки. Обследовав свои маленькие миры, обитатели башни какое-то время не знали, сохранять их в прежнем виде или создавать что-то новое — на собственный вкус и лад. Кроме Нура, которому понравилось помещение с зеркалами, все остальные решили изменить обстановку огромных комнат. Пока орды андроидов и роботов занимались реконструкцией, люди размышляли над деталями, просматривали файлы компьютера и выбирали для себя те или иные элементы оформления. Затем они вносили поправки в чертежи, и строительные конвертеры претворяли их мечты в реальность.

В конце концов Нур передумал и сказал, что останется в своей квартире. Он планировал посещать мир зеркал только для того, чтобы медитировать там на отражениях.

Бёртон тоже не захотел менять свои апартаменты, чем удивил почти всех друзей. Он всегда считался неисправимым бродягой, который терял покой, если оставался на одном месте больше недели. Свое нежелание переезжать на верхний этаж Бёртон объяснил тем, что еще не закончил создание личного мира. Затеяв строительство арабского дворца, он возвел его до

* Это выражение аналогично «журавлю в небе».

середины, а затем ликвидировал все, что уже сделал. Через некоторое время англичанин вновь приступил к строительным работам и по прошествии двух недель приостановил их на неопределенный срок.

— Скорее всего Дик догадывается, что это будет его последний дом, и поэтому не хочет переезжать туда, — сказал Нур. — Куда бы он отправился дальше?

После переезда шести членов группы друзья подготовили центральную площадку для торжества и устроили там новоселье. Оно получилось не очень радостным, так как посреди праздника Бен и де Марбо поссорились друг с другом. Француз перебрал и вспылил, когда Афра вновь отказалась жить в его мире. Потеряв над собой контроль, он начал обвинять ее в том, что она к нему охладела.

— Я имею право на свой мир, — надменно ответила она. — Тем более что этот мир я создала сама.

— Место женщины рядом с мужчиной, которого она любит! И ей следует идти за ним, куда бы он ни пошел!

— Мы уже говорили с тобой на эту тему, — резко ответила она. — И мне уже надоели твои упреки.

— Мадам, вам следует находиться под моей крышей. Это не только просьба, но и мое условие! Иначе как я могу вам доверять?

— Вы хотите сказать, сударь, что я не могу отойти от вас даже на минуту? Какая же это любовь, черт возьми, если нет и капли доверия! Неужели вы считаете меня дешевой шлюшкой, которая при малейшей возможности прыгает по кроватям других мужчин, как блоха? Или вы относитесь так ко всем женщинам? Стыдитесь, барон! А как же вы оставляли в одиночестве свою жену, когда были солдатом? Наверное, надевали на нее пояс верности...

— Не сравнивайте себя с моей женой! — закричал де Марбо. — Она выше любых подозрений!

— Да здравствует новый Цезарь! — насмешливо ответила Афра. — Между прочим, жена настоящего Цезаря наставила мужу вот такие рога! Неужели вы думаете, мой драгоценный кусочек дермана, что ваша супруга чем-то от нее отличалась?

Барон взъярился и, перейдя на французский, начал выкрикивать проклятия и оскорблений. Афра гордо отвернулась и скрылась в дверном проеме шестого дома.

Когда круглая дверь закрылась, она заплакала. В тот миг ей казалось, что она теряла своего любовника навсегда. В ссоре с де Марбо говорила не Афра, а ее эмоции, и теперь опыт зреющей

женщины подсказывал ей, что она перегнула палку. Сколько же мужчин она оттолкнула от себя подобным образом? Пусть не сотню, но, пожалуй, больше двадцати. Афра даже не помнила некоторых по именам. Хотя она знала, что вскоре вспомнит их, увидев на экране в картинах прошлой жизни. Правда, в этом маленьком мире она могла не бояться навязчивого прошлого.

Поднявшись по ступеням на верхнюю площадку, она открыла дверь и шагнула в свой мир. Рядом с дверью находилось еще одно летающее кресло. Афра села в него, взлетела на сотню футов и понеслась вперед. Под ней простирались тропические джунгли с полосками узких рек, блестевших при свете искусственной луны. Из темной массы растений доносились крики ночных птиц; мимо нее проносились силуэты летучих мышей, которые ныряли в кроны деревьев всего лишь в нескольких футах под ее ногами. Свет полной луны был в два раза ярче сияния земного ночного светила. Крупные звезды напоминали созвездия экваториальной Южной Америки. На небольшой прогалине мелькнула тень огромного животного — скорее всего ягуара. Чуть сбоку слышался плеск и ревели аллигаторы. Ветер овевал ее лицо и теребил подол вечернего платья.

Она направила кресло к большому озеру в центре джунглей. Его воды серебрились широким кольцом вокруг великолепного дворца. Афра воссоздала его по образу того миража, который видела однажды, путешествуя из Антверпена в Лондон. Призрачный дворец возник неподалеку от корабля, словно по волшебству. Видение напугало всех, кто находился на палубе, но Афра не могла отвести от него глаз.

Сказочное строение имело четыре этажа. Его стены, выложенные мрамором различных оттенков, окружали ряды резных и винтообразных колонн. Их обвивала цветущая лоза, а на шпилях в порывах бриза реяли узкие флаги. На каждой колонне виднелись фигурки маленьких купидонов, которые, казалось, поднимались вверх, помогая себе взмахами небольших трепещущих крыльев.

Дворец видели все, кто находился на палубе корабля. Но откуда пришло это видение? Обычно миражи отражали реальные вещи. Но неужели в Англии или на континенте имелся такой фантастический дворец, построенный в стиле рококо?

Это необъяснимое видение не давало Афре покоя всю оставшуюся жизнь — как на Земле, так и в Мире Реки. Она попросила компьютер объяснить ей смысл явления, но машина

лишь сослалась на ее биографию, написанную Джоном Джил-доном. Эта книга, изданная после смерти Афры Бен, заинтересовала ее и возмутила неточностями и откровенной ложью. Она запросила всю доступную литературу, связанную со своим именем, и прочитала произведения Монтегю Саммерса, Берн-баума и Сэквилла-Уэста. Все вышеназванные авторы усердно пытались отделить истину от романтики и измышлений. Однако это им не удалось. И упрекать их тут было не в чем. Официальных документов о ней почти не существовало, а ее новеллы, пьесы и поэмы либо искажали исторические факты, либо вообще не имели к ним никакого отношения.

Своим отцом Афра считала цирюльника Джеймса Джонсона из Кентербери. Ее мать умерла через пару дней после родов, и малышку вместе с братом и сестрой усыновили их родственники — Джон и Эми Эмис. В ту пору они и представить себе не могли, что маленькая девочка станет первой англичанкой, которая будет жить на деньги, полученные от литературной деятельности. К сожалению, антологии последующих веков не пожелали включить в свои подборки ее прозу и поэмы, поэтому до читателей двадцатого века дошла лишь одна новелла, представленная критиком как второстепенный образчик классики.

Ее блестательное внедрение в доселе мужскую литературу шокировало многих писателей и критиков. Их пристрастные и мстительные замечания приводили ее в бешенство, и она отвечала на них в том же духе, без жалости и промедлений. Будучи первопроходцем в дебрях женоненавистников и самодовольных ничтожеств, Афра страдала от жгучих уколов и брошенных камней. Но она проложила путь тем многочисленным толпам женщин, которые связали свою судьбу с бумагой, ручкой и карандашом.

В детстве она была нервным и болезненным ребенком. Тем не менее Афра без проблем перенесла шесть тысяч миль тяжелого и опасного путешествия в Суринам — английскую колонию на севере Южной Америки. Благодаря протекции влиятельного родственника, лорда Уиллоуби Паремского, ее приемный отец получил высокий пост в суринамской колонии. Однако во время плавания через Атлантический океан Джон Эмис умер от «лихорадки». Несмотря на потерю, Афра радовалась жизни и восторгалась всем тем, что дарила ей экзотическая страна. Она подружилась со старым черным рабом, которого выкрадли из королевской семьи какого-то племени в Западной Африке. Его чудесные истории о родине и особое положение среди рабов стали основой романтической новел-

лы, которую она написала через несколько лет. Афра назвала ее «Оруноко — царственный раб».

— Мне никогда не забыть тех счастливых лет в стране нескончаемой весны. За апрелем и маев там шел июнь, после которого вновь начинался апрель. Деревья цвели, зеленели и плодоносили в одно и то же время. Я бродила среди рощ, собирала апельсины, лимоны, цитроны и инжир или наслаждалась ароматом мускатных орехов. Воздух пьянил благоуханием растений. В лагунах и каналах цвели огромные водяные лилии, а над ними летали ярко раскрашенные попугаи и канарейки. Птицы тва-тва издавали звуки, похожие на удары серебряного гонга. Какаду кричали: «*Qu'est-ce que dit? Qu'est-ce que dit?**» Я писала стихи на странном наречии, которое наполовину состояло из африканских слов и наполовину — из английских. Мы с сестрой ходили в церковь и слушали проповеди о великом Боге, которого звали Гран Гадо; а потом священник рассказывал о его жене Марии и сыне Иези Кисто. Время от времени с гор спускались индейцы, и я видела в их руках сумки, полные золотого песка. Однако в этом земном раю случались и неприятности. Я часто болела малярией. А однажды меня спасло от смерти только снадобье негритянского колдуна.

В 1658 году, когда Афре исполнилось восемнадцать лет, ее семья вернулась в Лондон. В девятнадцать она вышла замуж за Ханса Бена — пожилого, но богатого голландского купца. Отсутствие приданого взвесили красота, образованность и ум. Но более всего сердце старого купца пленила ее цветущая молодость. Пользуясь своими связями, он устроил жену при дворе Чарльза Второго.

— И это правда, что ты стала любовницей короля? — спросил Фрайгейт.

— Однажды его величество действительно предложил мне переспать с ним в летней беседке, но в то время я уже дала клятву верности своему супругу. В наши дни измена считалась тягчайшим грехом. К тому же я была беременной... хотя позже у меня случился выкидыш. Надо сказать, что я любила своего старого мужа и знала, как оскорбит его подобная неверность. Я любила человека, а не его кошель.

В 1665 году несколько кораблей ее мужа затонули с грузом при штормах или попали в руки пиратов. Потеряв почти все свое состояние, Ханс Бен скончался от сердечного приступа и оставил молодую вдову с пятьюдесятью фунтами. К тому

* Что ты сказал? (фр.)

времени когда она получила работу, у нее осталось только сорок фунтов. Благодаря связям при королевском дворе Афра стала агентом секретной службы и отправилась в Антверпен для выполнения шпионского задания. Та информация, которую она получала о голландском флоте, ценилась очень высоко, но ее основным заданием являлась слежка за англичанами-отступниками, проживавшими в Голландии. В те времена из Англии бежали многие, и против Чарльза Второго готовился тайный заговор.

— Да ты настоящий Джеймс Бонд! — воскликнул Фрайгейт.

— Что?

— Это я так, к слову. Не обращай внимания.

— Мне особенно рекомендовалось завести дружбу с Уильямом Скоттом, чтобы в дальнейшем склонить его к возвращению в Англию. Он не пожелал уезжать из Голландии без твердых гарантий короля, но все же согласился сотрудничать со мной. А потом у меня кончились деньги. Я послала письмо Джеймсу Хелселлу, виночерпию короля и моему непосредственному начальнику. В своем донесении я попросила его оплатить добытую мною информацию и тем самым поддержать последующую шпионскую деятельность. Однако ответ так и не пришел. Во втором официальном послании я написала о том, что мне пришлось заложить фамильное кольцо, чтобы обеспечить себе пропитание и крышу над головой. Не получив ответа, я послала два письма: Хелселлу и моему другу Томасу Киллигрею, который тоже состоял на секретной службе. Чтобы выпросить пятьдесят фунтов на оплату долгов, я отправила сведения о голландском флоте и сообщила о своих успехах с Уильямом Скоттом. Но мое начальство по-прежнему молчало. Написав отчаянное письмо государственному секретарю, лорду Арлингтону, я рассказала ему обо всем, что сделала, и о том, в какую нищету ввергли меня его подчиненные. Мне грозила долговая тюрьма, но лорд Арлингтон плевать хотел на мой позор и страдания.

— А ты не думала о том, чтобы перейти на службу к голландцам? — спросил Бёртон.

— Я? Никогда!

Бёртон возмущенно покачал головой:

— Значит, уже тогда британское правительство пренебрегало своими солдатами и шпионами.

— Потом я снова написала лорду Арлингтону и попросила направить мне сто фунтов для уплаты долгов и возвращения в

Англию. Он так и не потрудился ответить. За свою службу я не получила ни одного пенни, ни слова благодарности от родины и ее чиновников. Может, меня просто сочли за жалкую дуру и бедствующую тувицу? Не знаю... Но, наверное, они не нуждались в моих услугах. Случайно встретив своего знакомого, Эдварда Батлера, я заняла у него сто пятьдесят фунтов и в январе 1667 года отправилась домой.

Утомленная, больная и по уши в долгах, Афра вернулась из Антверпена в Лондон. Она ужаснулась, увидев руины города, разрушенного Великим пожаром. Впрочем, это бедствие имело и положительную сторону, так как пламя уничтожило сотни тысяч крыс и миллионы вшей, которые разносили чуму. Однако Афре было не до пожара и чумы. Мистер Батлер требовал возвращения ссуды, а лорд Арлингтон и король по-прежнему игнорировали ее просьбы об оплате выполненного поручения. Через месяц наступила неизбежная расплата, и Афру бросили в долговую тюрьму.

— Заключенных там кормили только за деньги. Те, у кого их не было, умирали от голода. В тюрьмах свирепствовали болезни, и микробы, врываясь в камеры, как дикари-краснокожие, уничтожали всех без разбора. Смерть очень демократична: она не смотрит на сословия. Ее маленькие посланцы убивали богатых и бедных, старых и молодых.

После Великого пожара многие тюрьмы сгорели или пришли в негодность. В Ньюгейте велись восстановительные работы, и поэтому Афру отправили в Южный Лэмбет. Тысячи люди, потеряв в огне все свое имущество, попадали сюда за долги. В лэмбетскую тюрьму обычно сажали нищих, и она всегда считалась самой грязной и переполненной. Но после пожара там стало хуже в десять раз, и каждая камера превратилась в чистилище.

— Даже странно, что мне удалось выжить, хотя бывали такие моменты, когда я молила Бога о смерти. Вонь немытых тел и лохмарьев, мерзкий запах от больных, страдавших кровавым поносом, невыносимое зловоние открытой канализации — разве это можно забыть? Вокруг вопили испуганные и истощенные дети. Я затыкала уши от криков тех, кто сходил с ума и впадал в бешенство. Кашель и рвота, драки, жестокость и воровство, абсолютная невозможность побывать наедине с собой... Если надо было сходить по малой или большой нужде, это приходилось делать в камере с дюжиной других женщин, которые тыкали в тебя пальцами и отпускали непристойные шутки... Половину той пищи, которую приносила мне мать,

отнимали охранники, а я платила им дань, чтобы они не насиловали меня, как остальных... Вот так я и жила, изо всех сил сопротивляясь болезням, которые роились в отвратительном воздухе этой адской дыры. Да что там ад! Мы бы только радовались его пламени после месяца судорог от холода и сырости! В каких бы грехах ни обвинял меня Господь, я искупила их все!

Двое охранников обещали подкармливать ее мясом, овощами и вином, если она будет отдаваться им обоим одновременно.

— Хорошо, что мать достала немного денег. Если бы не ее помощь, голод довел бы меня до крайности, и я, наверное, согласилась бы на их уговоры. Мой живот выл от голода, и я уговаривала себя не опускаться до мольбы. Хотя иногда мне казалось, что охранники все же предпочтительнее голодной смерти. Возможно, меня остановило только то, что один из них, горбатый одноглазый урод с гнилыми зубами, имел французскую болезнь...

— Сифилис или гонорею? — спросил Фрайгейт.

— Скорее всего и то и другое. Какая разница? В любом случае, благодаря усилиям матери, я избежала их грязных лап. А потом Киллигрей оплатил мои долги и снабдил меня небольшой суммой, чтобы я могла стать на ноги. Правда, этих денег хватило ненадолго.

Афра замолчала и печально улыбнулась. Улыбка делала ее неотразимо красивой.

— Я приврала, сказав, что мне хотелось умереть в тюрьме. На самом деле меня ужасала идея самоубийства. Я никогда не уважала тех, кто поднимал белый флаг над своим поврежденным духом. По крайней мере, я стояла до конца, с остервенелой яростью отбивая атаки смерти... Наверное, поэтому она и отпустила меня с миром.

Я вышла из тюрьмы, худая как скелет. Друг оплатил мои долги, но они появились у матери, которая сделала все возможное, чтобы выручить меня из беды. А я ничем не могла ее отблагодарить. Я осталась без крова, одежды, косметики и книг.

Ей исполнилось тридцать лет. В те времена ее сверстницы обычно уже выглядели как старухи. Многие теряли зубы, и от их гнилых десен исходило кошмарное зловоние. Женщины без мужа, отца и брата — на худой конец дяди или парочки кузенов — становились легкой добычей мужчин. В случае изнасилования несчастная жертва могла обратиться в суд. Но, как правило, это ни к чему не приводило. Закон служил только богатым и знатным osobam. Судьи, адвокаты, приставы и

присяжные открыто брали взятки и легко уступали просьбам тех, кто мог им заплатить.

В ту пору женщины сочиняли и прозу и стихи, однако на непрофессиональном уровне. В основном этим занимались дочери сельских священников, у которых не было других развлечений, или знатные дамы, пытавшиеся прослыть мечтательными и немного эксцентричными особами. Ни одна из англичанок даже не пыталась зарабатывать себе на жизнь с помощью чернил и пера.

Афра знала, что может писать интересно, остроумно и увлекательно, а главное, ей не требовалось высасывать темы из пальца. Получив прекрасное образование, она ни в чем не уступала маститым писателям, которые считали создание новелл и пьес сугубо мужским делом. Чтобы занять достойное место в плотных рядах профессиональных литераторов, ей пришлось одолеть немало врагов и пройти сквозь колючие дебри предвзятой критики.

В отличие от многих сверстниц и словно назло превратностям судьбы Афра с годами становилась все более привлекательной и красивой. Она гордилась здоровыми и ровными зубами, которые ей удалось сохранить до самой старости. Очевидно, ее красота и здоровье объяснялись тем, что Афра провела детство в Суринаме, где вместе с пищей и водой получала какие-то особые минералы. Впрочем, главную роль здесь, конечно, сыграла ее наследственность. Несмотря на небольшой рост, она обладала длинными ногами, хотя юбки той эпохи сводили на нет это преимущество. Положение спасала мода на декольте, и ее полные крепкие груди разили мужчин наповал. Прекрасные желтые волосы, большие голубые глаза и густые черные брови придавали ее лицу необычайную привлекательность, хотя общее впечатление немного портили длинный нос и короткая нижняя челюсть. Однако помимо очарования Афра имела еще и волю, которая несла ее по жизни, как упряжка из шести лошадей.

В свое время она раз и навсегда решила не выходить замуж снова. Ее перу принадлежала фраза, вошедшая в сборники великих афоризмов: «Брак — это отрава любви; семейные узы напоминают ссуду, взятую у друга; поэтому я не даю и не прошу никаких клятв!»

И еще она писала:

Согласно строгим правилам чести,
Красота вознаграждается любовью,
А не подлой посулой богатства
И дешевым колокольным звоном.

Отчего она становится бесчестной?
От того, что спит на грязном ложе
Тошнотворного богатого шута,
Ненавистного для плачущего сердца.

Видишь ты имущество вдовы,
Гроб супруга, как ступень к свободе?
Но ее уже не будет!
Нет, не будет, милая блудница...

Забери назад свою любовь
И верни шуту его монеты.
Не клади в его тугой кошель
Бриллианты девичьего сердца.

Несмотря на все эти слова, Афра вложила сокровища своей души в руки очень неверного мужчины. Адвокат Джон Хайл без зазрения совести пользовался и ее телом, и деньгами. А платил презрением и вероломством. А однажды ему чуть не удалось разбить ее сердце на мелкие куски. (В 1692 году, уже после смерти Афры, Хойла убили в кабацкой драке. Об этом ей рассказал Фрайгейт.)

— Один историк утверждал, что твой Хайл придерживался атеистических взглядов и открыто проповедовал гомосексуализм. Он развращал молодежь и поносил Иисуса Христа.

— Во всем этом, кроме последнего, обвиняли и Сократа, — ответила Афра. — Но Джон не подходит под твое описание. Просто он не любил меня... Разве что в самом начале...

— Что бы ты сделала, если бы встретила его в долине? — спросил Фрайгейт.

— Не знаю. У меня нет к нему ненависти. Хотя... Скорее всего я ударила бы его ногой в пах, а потом поцеловала бы и повела в свою хижину. Или прогнала бы с глаз долой. Надеюсь, мы с ним никогда не увидимся снова.

Афра стала известной, вернее скандально известной писательницей. Ее окрестили Астрой, по имени звездной девы из мифологии древних греков. Эта дочь Зевса и Фемиды — или, возможно, Титана и Эос — во время Золотого века наделяла людей блаженством. С наступлением Железного века она покинула Землю, и боги поместили ее среди звезд, как созвездие Девы.

В особняк Афры стекались великие литераторы и их прихлебатели, юные сценаристы и трепетные вдохновенные поэты. Некоторым из них даже удалось побывать в ее постели.

— Однако многие мужчины негодовали по поводу моего успеха, а критики осуждали мои произведения только из-за

того, что они были написаны женщиной. Едва ворочая залитыми ромом мозгами и потирая веки, покрытые сифилитическими язвами, они называли мои пьесы пошлыми и не-простойными. Эти люди воплощали порок, но затыкали рот любому, кто начинал писать об этом. Они так упорно оберегали людей от неприглядной правды, что иногда казалось, будто на Земле живут лишь ангелы и херувимы.

Афре удалось скопить небольшое состояние, которое постоянно истощали светские приемы и ее непомерная щедрость. Она часто сетовала на то, что ее никто не любил, но любовников у нее хватало с избытком. На сорок шестом году жизни она перенесла несколько жестоких и очень мучительных приступов артрита, которые в дальнейшем и довели ее до смерти.

— Мне кажется, последствия сифилиса так же фатальны, хотя и менее заметны.

Писательский труд постепенно превращался в мучение, и бывали времена, когда ручка выскользывала из ее слабых дрожащих пальцев. Но она продолжала писать и писала с упоением. Ее новелла «Оруноко», занявшая достойное место в английской литературе, вышла в свет незадолго до смерти Афры. 16 апреля 1689 года она завершила свою долгую битву с зависимостью, предубеждениями и ненавистью пуританского общества.

Вильгельм Оранский — голландский принц, ставший королем Англии, — довольно холодно относился к миссис Бен, считая ее безнравственной и скандальной женщиной. Тем не менее по его приказу Афру Бен похоронили в Вестминстерском аббатстве.

— Вот это да! Меня погребли среди величайших из великих? Меня, дочь простого цирюльника?

— В мое время этого тоже никто не понимал, — сказал Фрайгейт.

— И в мое, — отозвался Бёртон. — Надо будет воскресить одного из ваших современников, чтобы разобраться в этом вопросе.

— Байрона тоже собирались похоронить в Вестминстерском аббатстве, — продолжал Фрайгейт. — Но за свои непристойности и богохульства он не был удостоен такой чести. А вот ты ее заслужила.

— И я, — сказал Бёртон. — Хотя мне тоже отказали в кусочке земли среди освященных стен. Я заслужил эту честь не меньше любого из тех, кто покоится в аббатстве, но для ниггера Дика там места не нашлось.

Здесь, в Мире Реки, Афра Бен испытала множество разочарований и бед. Но она прожила свою жизнь достойно, и ей не за что было стыдиться. Судьба привела ее в башню, и вот теперь она рассталась с очередным любовником. Афра снова могла сойтись с де Марбо. Хотя теперь это казалось маловероятным. Впрочем, свято место пусто не бывает. И она не собиралась затягивать свое одиночество.

ГЛАВА 17

Пока андроиды строили его личный мир, Питер Джейрус Фрайгейт занимался исследованиями. В отличие от других он не захотел отказываться от «фильма воспоминаний». И прошлое захватило его целиком и полностью. По ходу дела у Питера появились вопросы, на которые ему никто не мог ответить. Некоторые кадры вызывали слезы и боль, но он заставлял себя смотреть на них снова и снова. На одной из свежеокрашенных стен своей квартиры Питер оставил нетронутым большой квадрат. Он проводил перед ним не меньше часа в день, и в эти моменты прошлое выпрыгивало на него из своих глубин, проникая в мозг через глаза и уши.

Экспериментируя с «фильмом», Фрайгейт понял, что компьютер не настаивает на просмотре всех воспоминаний. Если Питер просил показать ему определенный период времени, машина охотно выполняла эту просьбу.

Позже выяснилось, что компьютер имел таймер, определявший даты и годы, к которым относились те или иные воспоминания его подопечного. Фрайгейт мог заказать для просмотра любой эпизод, если только знал день, в который произошло это событие. Иногда он называл лишь приблизительную дату, а затем сканировал ближайшие участки до тех пор, пока не находил того, что ему хотелось увидеть.

Позже Питер начал замечать пробелы в своем «фильме». Однажды он выбрал для просмотра 27 октября 1923 года. Ему захотелось сделать выборочную проверку, но этот день оказался пустым. В его памяти не сохранилось о нем никаких воспоминаний.

Компьютер объяснил ему причину подобного явления.

В клетках памяти не хватало места для записи всех восприятий. Механизм мнемонического комплекса стирал все, что считал несущественным для выживания человека, и оставлял резервные места для более ценных событий. Хотя, с другой

стороны, часто бывало так, что память сохраняла, казалось бы, совершенно незначительные события.

В свою очередь, ватан мог записывать все человеческие переживания. Этики полагали, что он вообще ничего не упускал. Однако их слова пока оставались только теорией, поскольку ни один ватан не поддавался какой-либо проверке. Эта яркая многоцветная сущность своей красотой и безмолвием напоминала Сфинкса.

Компьютер подсчитал, что Питер прожил 55 188 000 минут. Из них в настоящий момент имелся доступ к 22 075 200 минутам. Однако это еще не означало, что запись каждой минуты проводилась в полном объеме. В клетках памяти находилось множество фрагментов. И если бы Фрайгейт захотел узнать их число и общую продолжительность, компьютер мог бы дать ему такую информацию.

— Почти две трети фильма о моей жизни осталось на полу монтажной комнаты, — прошептал он. — О Боже! Если бы я начал смотреть этот фильм от начала до конца, мне потребовалось бы 15 330 дней! По двадцать четыре часа в сутки целых сорок два года!

Но как могла небольшая кучка серого вещества хранить в себе так много информации? Каким образом в человеческий череп вмещалось так много миллионов и даже миллиардов миль видеопленки?

Фрайгейт попросил показать ему «контейнер», в котором содержался «фильм» его жизни. Компьютер выполнил приказ, и Питер увидел на экране желтую сферу размером с клюкву. Она была заполнена лишь наполовину.

Больше всего Фрайгейта интересовал самый ранний период детства. Когда ему исполнился год и три месяца, к ним в Терре-Хоту приехала в гости бабушка, которая жила в Канзас-Сити. Она около месяца помогала матери по хозяйству и присматривала за маленьким Питом. По какой-то необъяснимой причине Фрайгейт полагал, что бабушка, исполняя роль няни, относилась к нему очень плохо. Не то чтобы он считал ее садисткой или грубой женщиной, но слишком уж легко она выходила из себя. Основой этих подозрений стали видения, которые Питер переживал во время визитов к психоаналитику. Слегка соприкоснувшись со своими детскими воспоминаниями, Фрайгейт решил, что подавленным и покорным ребенком он стал из-за нечутких и неосторожных действий бабушки. Ему казалось, что именно она посеяла в нем семена тех

отрицательных качеств, которые так буйно расцвели в его юношескую пору.

Психоаналитик из Беверли-Хиллз придерживался иного мнения. Однако он согласился провести с ним несколько сеансов на эту тему. Скорее всего он подметил у клиента неосознанное желание свалить всю вину за свои недостатки на нормальную и добрую бабушку.

Слегка смущаясь, Фрайгейт прокрутил тот период на большой скорости и нашел эпизод, когда бабушка приехала к ним в гости.

Его подозрения оказались необоснованными. Но Фрайгейту понадобилась неделя, чтобы убедиться в этом. Поведение бабушки ни в чем не подтвердило его фантазии. Она не тряслась и не шлепала малыша и уж тем более не пугала и не бранила маленького Пита. Иногда бабушка что-то бурчала себе под нос, но она говорила по-немецки, и Фрайгейт не понимал ее даже сейчас. Компьютер мог перевести эти слова на английский, но Питер не посчитал их столь важными. Что бы она там ни говорила, ее бормотание не могло оказать на него какого-то негативного воздействия. Она ни разу не сердилась на малыша за его плач и мокрые пеленки. Успокаивая Пита, бабушка пела ему немецкие колыбельные и мягко покачивала на руках или коленях.

— Ладно, черт с ним! — сказал себе Фрайгейт. — Перейдем к другой теории. Скорее всего мой слабый характер зависел от генетической предрасположенности, а не от воздействия окружения.

Он рассказал Нуру о своих исследованиях. Маленький мавр со смехом произнес:

— Имеет значение не прошлое, а настоящее. Нельзя винить вчерашний день за промахи, совершенные сегодня. Мы живем в настоящем времени, и только сейчас ты можешь менять себя и свое отношение к прошлому.

— И все же «фильм воспоминаний» — это уникальный инструмент для психоанализа, — не унимался Фрайгейт. — Жаль, что мы не имели таких вещей на Земле. Пациенты и доктора могли бы просматривать сомнительные периоды жизни и очищать их от вздорных фантазий и отрицательных эмоций. Увидев, что происходило на самом деле, пациент понимал бы суть событий и основывался в своих действиях на верных предпосылках.

— Может быть, но вряд ли. Ты знаешь теперь о себе все. По крайней мере будем считать, что это вполне возможно.

«Фильм» разрушил твой надуманный образ, который ты создал, чтобы считать себя всегда и везде абсолютно правым. Он убедил тебя, что остальные люди обращались с тобой нормально, а не походили на монстров и вампиров. Или, наоборот, «фильм» показал эпизоды, когда с тобой действительно обходились ужасно.

Мы можем сказать, что ты теперь удовлетворил свое любопытство, отследив все эти болезненные и унизительные моменты. Ты исполнил свое желание и увидел мир таким, каким он был на самом деле. Сейчас ты стоишь на краю обрыва, собираясь прыгнуть в бездну будущего. Но после такого прыжка ты уже не будешь Питом из прошлого, и поэтому тебе не хочется делать шаг вперед. Вместо этого ты играешь с прошлым, хотя оно может служить лишь трамплином для предстоящего прыжка или просто мерилом твоего прогресса. Вот такие твои дела!

— А ты разве не смотришь свой «фильм»? — спросил Фрайгейт.

— Нет. Он меня не интересует

— Неужели тебе не интересно увидеть своих молодых родителей или товарищей по играм?

Нур похлопал себя по голове:

— Они все там. Я могу собрать их вместе, когда захочу.

— Значит, ты считаешь наши «фильмы» пустой тряпкой времени? Но зачем тогда Снарк устроила этот кинофестиваль? Зачем она дала нам шанс увидеть каждую секунду наших жизней?

— Однако она не лишила нас при этом инициативы. Мы можем смотреть эти «фильмы», а можем и не смотреть. Я думаю, Снарк учитывала возможность покраски стен. И мы просто провалили экзамен, когда начали малярные работы.

— А какое наказание нас ждет за этот провал?

Нур пожал плечами:

— Скорее всего наказанием будет самоистязание. Я расцениваю это как еще одну неудачу на пути прогресса.

— Но ты сказал, что тебе не нужен просмотр воспоминаний.

— Да, я в нем не нуждаюсь. Но ты и остальные не похожи на меня. Каждый из нас уникален по-своему.

— Может, это просто самоуверенность?

— Все зависит от точки зрения. То, что ты считаешь самоуверенностью, другой человек может воспринимать как вполне обычную вещь.

— Вам, суфиям, нравится играть в афоризмы, — сказал Фрайгейт. — Но вы редко следуете советам, которые даете.

Нур засмеялся. У американца появилось чувство, что он не прошел какую-то проверку. Питера по-прежнему мучила мысль, что он не оправдал надежд Нура, которые тот возлагал на него как на своего ученика. Он понимал, что никогда не станет таким же совершенным мастером, свободным от неврозов и слабостей, всегда исполненным логики и сострадания. Однако его раздражало превосходство Нура, и он чувствовал себя униженным, когда мавр поправлял его или указывал на недостатки. Суфий желал ему только добра, но гордость шептала Фрайгейту, что его вновь отвергают, считая недостойным возвышенных истин.

— Суфии не пугаются неудач, — сказал Нур.

— А что ты скажешь, если я попрошу тебя взять меня в ученики?

— Поживем — увидим.

— Я от многоного отказался, но тогда мне придется забыть почти обо всем, — прошептал Фрайгейт. — Хотя, если мне это надоест, я всегда могу вернуться к прежней жизни.

— Прежде всего тебе следует избавиться от привычки начинать дела и тут же их бросать. Настоящее намерение не должно истощаться так быстро.

— Тогда и цель должна быть действительно великой.

— Что ты этим хочешь сказать?

Не найдя достойного ответа, Фрайгейт рассердился:

— Ты прожил сто тридцать два года, но не научился объединять свои противоположности в единое целое, — сказал Нур. — Ты разделен внутри себя на сравнительно неплохого консерватора и не всегда хорошего либерала. Ты — трус и храбрец. Тебе ненавистно принуждение, но в твоем подсознании живет насильник, которого ты пытаешься подавить. Тем не менее эту часть психики можно взять под контроль и превратить ее в силу, которая ускорит твой прогресс на истинном пути. Ты...

— Лучше скажи мне что-нибудь такое, чего бы я не знал, — сердито проворчал Фрайгейт и торопливо ушел от маленького мавра.

Иногда такую же барабанно-философскую дробь выдавал и Ли По. Ему нравилось говорить с Фрайгейтом о процессе становления «округлым», то есть о превращении человека в «целостную личность». По его мнению, это достигалось уравновешиванием инь и ян — своих отрицательных и положительных

качеств. Однако сам Ли По был абсолютно неуравновешенным. Фрайгейт восхищался его энергичностью, поэтической одаренностью и состраданием, изумительными лингвистическими способностями и отвагой, не запятнанной страхом. Но, с другой стороны — а натуры, как известно, многогранны, — китаец обладал чрезмерной склонностью к деспотизму и абсолютно не желал видеть в себе те качества, которые делали его навязчивым и агрессивным. Кроме того, он много пил, хотя и не походил на тех пьяниц, которых Фрайгейт когда-то знал.

Питер считал, что Ли По, несмотря на свое явное превосходство во многих аспектах, имел не больше шансов на «продвижение», чем он сам. Из восьми обитателей башни только Нур, Алиса и, возможно, Афра Бен со временем могли стать кандидатами на «продвижение». Но была ли эта стадия такой желанной? Теоретически человек, приближаясь к этическому совершенству, завершал свое существование в физической Вселенной. Его ватан исчезал из поля действия датчиков и поэтому считался поглощенным аурой божества. То есть он сливался с той невыразимой сущностью, которую люди называли Аллахом, Богом, или Космическим Абсолютом.

Теория утверждала, что ватан становился частью Творца, теряя свою индивидуальность. С тех пор сознание «продвинувшегося» погружалось в вечный экстаз, уровень и качество которого оставались недосягаемыми для физического тела.

— Все это красивые слова, — размышлял Фрайгейт. — А вдруг ватан просто разрушается и исчезает? Сначала красивый пузырь из эктоплазмы, а потом — ба-бах! Но мне бы не хотелось превратиться в ничто! Великий нуль, зеро, nada! Неужели кто-то к этому стремится? А чем хуже обычная смерть? Возможно, она даже лучше. Последний вздох — и прощайте тревоги, душевные муки, разочарование и одиночество. О смерть, где твое жало?

Однако смерть не имела жала. Хотя, с другой стороны, она и не жужжала, как оса.

Что-то находишь, что-то теряешь — это неизменный закон Вселенной. Вечная и совершенная экономика божественного мироздания.

— Возможно, я и параноик, но все это напоминает мне большую жульническую игру. А каковы мотивы и цели?

Жулик должен что-то получить. Так кто же мечет карты в этой игре? И что сейчас стоит на кону?

Иногда Питеру казалось, что его мозг распухает от этих мыслей, как дрожжевое тесто в маленькой кастрюльке. Он чувствовал, что черепная коробка вот-вот взорвется, как баллон под большим давлением. Наверное, это объяснялось тем, что его мысли почти ничем не отличались от горячего пара.

— Подумать только! Мне сто тридцать два года, а я по-прежнему веду себя как студент-второкурсник. Неужели я так и останусь им навсегда?

Этот второкурсник — умный дурачок, который сидел в нем всю жизнь, — отвергал любые советы Нура и не давал избавиться от балласта тревожных мыслей. Вместо этого он выставлял их напоказ и переводил скорый поезд «П. Фрайгейт» на запасные пути Великой железной дороги. К примеру, как сейчас: на станции П.К.Б.Р. — «питающих камней на берегу Реки».

Он наткнулся на тайну, о которой Лога никогда не упоминал. Хотя, возможно, этик рассказал бы им об этом, если бы его не убили. Как оказалось, питающие камни на обоих берегах Реки служили не только электрическими разрядниками для подпитки индивидуальных граалей. Они наделяли людей напитками, пищей и прочим добром, но помимо этого содержали в себе аппаратуру наблюдения. С помощью своих машин-соглядатаев этики могли видеть и слышать все, что происходило в зоне захвата питающих камней.

Обнаружив это, Фрайгейт углубился в исследования, однако их масштаб привел его в замешательство. Взяв за начало первый питающий камень в полярной зоне, он начал сканировать правый берег Реки. Каждые две секунды компьютер подключал экран к очередному камню. Через некоторое время Питер понял, что при такой скорости он потратит двести тридцать два дня на обход лишь первой из двух цепочек больших граалей. После этого он стал пропускать по двадцать камней и в течение десяти секунд наблюдать из двадцать первого за окружающей обстановкой. Мелькание человеческих тел, Реки, равнины и гор немного замедлилось, но через час его терпению пришел конец. Он понял, что ему не охватить одним взором все человечество. Тем более что восемнадцать миллиардов находились не в долине, а в записях компьютера и колодце ватанов. Но оставшееся количество могло лишить сил кого угодно.

— Как всегда, слишком грандиозно, — прошептал он себе под нос. — Мои амбиции на световой год опережают возможности. Я, словно Один, повис на ветке дерева за тысячи лиг от своих фантазий, и они умчались вперед, как восьминогий Слепнир.

Фрайгейт лишь изредка определял национальность людей, которые возникали перед ним на экране. Некоторые из них предпочитали оставаться голыми, однако большая часть носила юбки или набедренные повязки. Женщины добавляли к этому незатейливому наряду небольшие куски полупрозрачной материи, которые заменяли им бюстгальтеры. Расовая принадлежность узнавалась без труда, хотя иногда он сомневался в верности своих суждений. Перед ним мелькали лица: испанские, итальянские, среднеевропейские, греческие, арабские... Но чтобы точно установить национальность, требовался язык. Из динамиков доносились слова на тысяче диалектов, и он не отличал их друг от друга. К счастью, большинство людей говорило на эсперанто.

Через два часа он почувствовал усталость.

— Ладно, хватит скакать, как блоха. Перейдем от коллективного просмотра к личному знакомству!

Не заметив ничего интересного вокруг камня, на котором он остановил свой выбор, Фрайгейт подключился к следующему. К тому времени наступил полдень. Обитатели долины обедали на берегу, болтали, играли в карты или ловили рыбу. Некоторые расходились по хижинам или скрывались из виду в бамбуковых зарослях. Питер выяснил, что аппаратура наблюдения могла не только показывать крупный план, но и улавливала разговоры людей на расстоянии до трехсот футов. Очевидно, в камне находился направленный звуковой усилитель.

В особом режиме компьютер демонстрировал на экране то, что доводилось наблюдать лишь немногим. Фрайгейт с восхищением следил за яркими многоцветными ватанами, которые крепились к головам людей и завивались над ними искрящимися смерчами. Благодаря небольшому опыту Питер с первого взгляда определял «плохие» и «хорошие» цвета ватанов, хотя термин «плохой» не обязательно означал зло. Черные и красные зигзаги указывали на слабости характера и на склонность к обидам и гневу. Флюктуация и изменение цветных сегментов отражали душевно-эмоциональный настрой. По размерам и форме пятен можно было судить о работе подсознания, определять состояние здоровья, да и всей нервной

системы. Например, ватан больного человека мог иметь множество черных полос. Однако для более точного анализа требовалась помочь компьютера или опытного специалиста, поскольку при визуальной оценке могли возникать серьезные ошибки.

ГЛАВА 18

Внезапно он заметил человека с черным ватаном. На багрово-красных краях энергетического вихря скользили маленькие пурпурные молнии. Судя по мощному телосложению, этот мужчина вряд ли страдал каким-то неизлечимым недугом. Его рост достигал шести футов; белокурые волосы ниспадали на мускулистые плечи, а лицо с голубыми глазами можно было бы назвать красивым, не будь оно так искажено от гнева. Он осыпал проклятиями женщину, которая испуганно пятилась от него и прикрывалась руками от пощечин. Мужчина говорил очень быстро, и его английская речь изобиловала блатными словами. Однако Фрайгейт уловил, что рослый блондин обвинял эту хрупкую женщину в измене. Люди, собравшиеся вокруг них, неодобрительно качали головами, но никто из них не вмешивался в ссору.

Потом ватан мужчины стал абсолютно черным. Он схватил женщину за длинные волосы и начал избивать ее правым кулаком. Она упала на колени и попыталась вырваться, но он злобно дернул ее за волосы и нанес несколько сильных ударов по лицу. Из носа, рта и разбитой брови потекла кровь. Женщина перестала кричать, и ее тело безвольно обвисло. Как только мужчина выпустил волосы, она упала на траву. Изо рта хлынула кровь, и в красную лужицу у ее щек выпали выбитые зубы.

Он начал избивать несчастную ногами, но люди, подбежавшие к нему, оттащили его прочь. Жертва неподвижно лежала на земле.

Из ближайшей хижины выскочил мужчина. Упав на колени перед женщиной, он приподнял ее голову и со стоном прижал к своей груди. Что-то прошептав, юноша нежно опустил любимую на землю, поднялся на ноги и быстро зашагал обратно к хижине. Все это время убийца, вырываясь из рук дюжих молодцов, кричал, что эта сука и грязная шлюха принадлежала ему. Он мог делать с ней все, что хотел, и она получила то, что давно заслуживала. Что же касается Траки — парня, с которым она спала, то он, Билл Стэндиш, убьет его так же, как и эту маленькую стерву.

— Еще слово, и мы тебя повесим, — сказал мужчина, державший его за руку. — А веревка по тебе давно уже плачет.

Юноша — очевидно, тот самый Траки — вновь появился в дверном проеме. Увидев в его руке длинное копье, Стэндиш вырвался и побежал к Реке. Человек, который грозил ему веревкой, повернулся к Траки и закричал, чтобы тот остановился. Не обратив на приказ вожака никакого внимания, юноша обогнул толпу людей и метнул копье. Наконечник вонзился в спину Стэндиша под правой лопаткой. Блондин упал лицом вниз на мелководье, но тут же поднялся и начал нашаривать древко копья дрожащей рукой. В этот момент Траки сбил его с ног ударом кулака. Дюжина мужчин бросилась за ним следом. Они схватили кричавшего юношу и оттащили его от Стэндиша. Блондин изогнулся и, заорав от боли, выдернул кремневый наконечник из спины. Подбежав к Траки, он вонзил ему в живот копье и, прежде чем другие успели остановить его, поднял на древке пронзенное тело.

Фрайгейта замутило. По лицу потекли крупные капли пота. Но он решил досмотреть эту драму до конца. У него появились кое-какие планы по поводу Стэндиша.

Один из мужчин, побежавших к убийце, сжимал в руках большую дубовую дубину. Он ударил ею Стэндиша по голове, и тот, просев в собственную плоть, рухнул в воду. Его вытащили на берег, и какой-то мужчина, обследовав рану на голове, раздраженно сказал:

— Тебе не стоило бить его так сильно, Бен. Он мертв!

— Стэндиш сам напросился, — ответил мужчина с дубиной. — Да и какая разница? Я думаю, мы бы все равно его повесили.

— Твое мнение еще не закон! — вскричал его оппонент.

— Успокойся, док! Если кто и заслуживал смерти, так это Стэндиш, — угрюмо проворчал мужчина, и большая часть людей согласилась с его последними словами.

Фрайгейт узнал о смерти блондина раньше всех. Он видел, как его ватан исчез, будто унесенный магическим ветром. Питер отключил экран и велел компьютеру выявить синтетическую душу Стэндиша. Поскольку с момента смерти не прошло и пяти минут, это оказалось несложным делом. Однако после него в колодец уже успело попасть семнадцать других ватанов.

— Сколько раз убивали Стэндиша до этого случая? — спросил у компьютера Фрайгейт.

Машина ответила, что в Мире Реки блондин погибал уже трижды.

Мог ли компьютер найти и показать воспоминания Стэндиша об этих трагических минутах?

Ответ был положительным.

Объяснив машине свое понимание термина «жестокость», Питер велел провести беглый подсчет всех эпизодов жестокости в жизни Стэндиша.

— Начиная с пятнадцати лет.

Для начала компьютер определил год, с которого следовало начинать поиск. Потребовался час, чтобы выявить моменты жизни, интересовавшие Фрайгейта. Первый из них — в указанный период — произошел на вечеринке, устроенной в честь пятнадцатилетия Стэндиша в 1965 году.

— Так! — прошептал Питер. — Значит, он родился в 1950 году.

Компьютер прокрутил ему «фильм» об этом дне рождения. Мать Стэндиша, толстая низкорослая неряха, вполне соответствовала его отцу — большому пузатому мужчине с испытым лицом, на котором выступали синие вены. Гости в основном состояли из уличных дружков Стэндиша. Дом выглядел загаженным и грязным, а мебель — старой и сломанной. Судя по замечаниям гостей, глава семейства иногда подрабатывал плотником, но большую часть времени проводил в соседних барах. Стэндиш перепил кислого пива, и его вытошило прямо на пирожки с салом и сандвиchi с болонской колбасой. После этого вечеринка закончилась. Когда гости разошлись, пьяные родители начали выкрикивать друг другу оскорблений и не-пристойности. В один момент ссора едва не перешла в драку, но потом угасла, как раздавленный в пепельнице окурок. Фрайгейт вздохнул и отключил экран.

Он объяснил компьютеру, что этот эпизод являлся примером вербальной жестокости. Ему же хотелось увидеть физическое насилие. Велев машине продолжать поиски в период с 1965 по 1975 год, Питер отправился на ужин, который проходил в квартире Ли По.

Во время ужина он узнал, что остальные тоже вели самостоятельные исследования. Например, Алиса пыталась найти своих троих сыновей, родителей, брата и сестру.

— Ты хочешь их воскресить? — поинтересовался Фрайгейт.

В ее темных глазах мелькнула тревога.

— Честно говоря, я еще не знаю. Мне просто хочется увериться, что с ними все в порядке. Впрочем, если кто-то из них умер, я, наверное... что-нибудь сделаю.

Она понимала, что любой из ее родственников, чей ватан оказался в колодце, мог навсегда остаться в небытии. Воскресить своих родителей или детей могла только она сама. Однако ее тревожила возможность их появления в стенах башни — вернее, их вероятное отношение к ней и реакция на то, какой она стала. Что, например, скажет ее мать, узнав о любовной связи с таким отвратительным мужланом, как Дик Бёртон?

Кроме того, встреча с родственниками могла привести к большим разочарованиям. В ее эпоху родители не находили зазорным помыкать и командовать своими детьми. Но в Мире Реки не существовало различий в возрасте; все выглядели одинаково молодыми. К тому же после многолетней разлуки и родители и дети стали совершенно другими людьми. Между ними пролегла зияющая пропасть, такая же огромная, как этот новый и жестокий мир. И преодолеть ее могли немногие.

Но Алиса любила их — мать, отца, сыновей, сестру и брата.

Фрайгейт отметил, что она ничего не сказала о своем муже Реджинальде Джервисе Харгривзе. Однако Питеру хватило ума не упоминать об этом.

— Значит, ты еще их не нашла? — спросил он у Алисы.

Отпив глоток вина из чаши, она произнесла:

— Пока нет. Я дала компьютеру их имена, а также даты рождения и смерти. К сожалению, мне ничего не известно о смерти Кэрила, но я надеюсь найти какие-то сведения в копиях тех книг и газет, которые воспроизвела для меня машина. Все это требует времени. Если кто-нибудь из них умер, я обязательно их воскрешу. Но если они живы, отыскать их будет непросто. Конечно, компьютер может начать сканирование по всей цепи питающих камней, однако для успешного поиска мои родственники должны оказаться в зоне досягаемости особых датчиков. И даже тогда вероятность обнаружения не будет превышать сорока процентов.

«Если Алиса никого не найдет, это освободит ее от решения главного вопроса, — подумал Фрайгейт. — Она боится их воскрешения и в то же время мечтает о нем».

— А тебе не хочется воскресить Льюиса Кэрролла? — спросил он.

— Нет.

Она не стала объяснять свой ответ, и, судя по ее поджатым губам, дальнейшие расспросы Питера не привели бы ни к чему хорошему.

Покинув застолье, Фрайгейт ушел в свои апартаменты. Вместо того чтобы сразу лечь в постель, он решил перед сном посмотреть несколько эпизодов из прошлого Стэндиша. Они настолько ошеломили его, что заснуть ему в эту ночь больше не удалось. Грязный необразованный подросток превратился в мерзкого и жестокого алкоголика. Фрагменты «фильма» воспроизвели всего пару дней, но Фрайгейту стало до того тошно, что после этого он вообще перестал интересоваться воспоминаниями Стэндиша.

В то время блондин нигде не работал. Он жил в домике сестры на окраине небольшого среднезападного города. Его двадцатилетнюю сестру можно было бы назвать привлекательной, если бы она следила за собой и хоть иногда проявляла признаки ума. Ее дочь, белокурая- голубоглазая малышка, выглядела немного полноватой для своих трех лет — что, очевидно, объяснялось плохим питанием и огромным количеством «коки», которое девочка поглощала каждый день. Фрайгейт осмотрел запущенную гостиную. Сестра блондина, которую звали Мейзи, лежала на почти развалившейся софе и пила пиво. Малышка, спрятавшись за потертое кресло, баюкала в углу потрепанную тряпичную куклу. Время от времени на экране появлялась бутылка виски, которую Стэндиш подносил ко рту. Судя по беседе, брат и сестра решили опохмелиться после вчерашней попойки.

Стэндиш перевел затуманенный взгляд на сестру.

— Где Линда? — спросил он.

— Там, — буркнула Мейзи, махнув рукой в сторону стула.

— Линда! Иди ко мне! — громко позвал блондин.

Малышка, прижимая куклу к груди, неохотно покинула свое убежище. Стэндиш расстегнул молнию на штанах и вытащил возбужденный член.

— Смотри, какая игрушечка. Ты когда-нибудь видела такую штуку?

Девочка отступила назад. Стэндиш закричал, чтобы она подошла поближе. Мейзи, покачиваясь, поднялась с кушетки.

— Что ты делаешь, трахнутый придурок?

— Заткнись, сучка. Сейчас трахнутой станет твоя дочь.

Фрайгейта затошило, но он не стал отключать экран, надеясь, что Мейзи заступится за дочь. Однако та, поспорив немного с братом, махнула рукой и вновь улеглась на софу.

— Ладно, какая к черту разница! — сказала она, прикладываясь к бутылке. — Все равно ей от этого никуда не деться. А так будет о чем вспомнить. Надо же! В три года! Собственный дядя!

И она захохотала визгливым пьяным смехом.

— Вот и я так думаю. Помнится, в семь лет тебя уже долбили во все дыры, верно?

Мейзи ничего не ответила. Стэндиш повернулся к девочке:

— Иди сюда.

Она покачала головой, и он закричал:

— Иди сюда, сучонка! Или хочешь, чтобы дядя Билл задал тебе трепку? Не бойся, дура! Тебе понравится...

Фрайгейт не выдержал и отключил экран. Не в силах унять дрожь, он велел компьютеру прокрутить «фильм» на три дня вперед. В то время Стэндиш уже находился за решеткой. Вместе с ним в тюремной камере сидели двое других преступников, и он хвастался им, как нарезал резьбу у дочери своей сестры.

— Маленькая стерва давно хотела этого. И я дал ей то, на что она напрашивалась. А что тут плохого, правда?

— Бедная малышка, — прошептал Фрайгейт. — О Боже!

Отыскав в памяти компьютера телесную матрицу Стэндиша, Фрайгейт хотел разрушить этот файл — разрушить до такой степени, чтобы ватан безжалостного насильника никогда не нашел пристанища в новом теле и был обречен на вечное блуждание в холодных просторах Вселенной.

Кусая губы и все еще сотрясаясь от дрожи, Питер встал из-за пульта и зашагал взад и вперед по комнате.

— Черт побери! — шептал он. — Вот же дьявол! Надо отправить его в ад, вернуть обратно и снова бросить в адское пламя! Нет, возвращать обратно не надо! Пусть веками горит в геенне огненной! — Он подбежал к пульту и прокричал: — Когда я произнесу пароль, убери из памяти все, что составляет телесную матрицу Стэндиша!

Машина ответила, что для подобной процедуры он должен ввести свой персональный код, трижды подтвердить приказ об уничтожении телесной матрицы другого человека, а затем произнести пароль, который бы подтвердил правомочность доступа к программе разрушения.

— Тогда поставь телесную матрицу Стэндиша на задержку, — приказал Фрайгейт. — Я не позволю этому скоту еще раз возродиться в долине.

Через несколько часов он почувствовал стыд за свои импульсивные поступки. Кто он такой, чтобы осуждать других людей? И все же Стэндиш, изнасиловав ребенка, заслуживал... полного забвения.

На следующий день он рассказал о своем эксперименте Нуру. Мавр поднял брови и со вздохом сказал:

— Мне понятен твой гнев. Я не видел того, о чем ты говорил, но меня тоже одолевает ярость. Этот человек показался тебе неисправимым, и он вновь доказал, что Мир Реки не улучшил его характера. И все же не забывай — у него еще осталось время, чтобы измениться к лучшему. Я знаю, ты не веришь в исправление таких людей, однако этики дали каждому из нас определенный срок для спасения своих душ. Лога не зря увеличил это время. Очевидно, он имел на то основания. Поэтому смири свои чувства, Пит. Ты не должен вмешиваться в их план.

— Но его нельзя подпускать к людям! — вскричал Фрайгейт.

— Возможно, его нельзя подпускать даже к самому себе, — ответил Нуру. — Тем не менее он должен пройти свой путь до конца. Сейчас тобой движет месть. И это понятно. Но не поддавайся ей. В повторных воскрешениях заложен глубокий смысл.

— Смысл! Какой смысл?

— Ты и сам все прекрасно знаешь. Смерть — великий учитель. Ее уроки помогли спасти многим — даже самым жестоким и, казалось бы, неисправимым. Вспомни Геринга. Это самый яркий пример, но я уверен, что мы могли бы отыскать и множество ему подобных.

— Стэндиш умер в возрасте тридцати трех лет, — сказал Фрайгейт. — Напившись, он угнал грузовой фургон и, проезжая перекресток на красный свет, врезался в борт рейсового автобуса. Я не знаю, к каким жертвам привела его выходка, но это не имеет сейчас значения. Ясно одно — Стэндиш никогда ничему не научится. Не жди от него раскаяния и стыда. Его не изменят и тысячи смертей! Он никогда не изменится! Никогда!

— Я понимаю тебя, — ответил Нуру. — Но, уничтожив его телесную матрицу, ты примешь на свои плечи непосильный груз вины.

— А почему же этики не страдали от вины? Они знали, что придет время, когда миллиарды людей будут осуждены на вечное забвение.

— Праведное негодование затуманило твой ум. Ты только что изложил причину, по которой не имеешь права вмешиваться в судьбы людей.

— Я? Ты хочешь сказать... По плану этиков нам отведен определенный срок. Лога решил, что дополнительное время поможет многим достичь спасения. Но разве лишний год, или месяц, или день что-нибудь изменят?

— Основываясь на своих домыслах, Лога вмешался в планы этиков, и события сбились с пути. Я думаю, мы совершили ошибку, приняв сторону Логи.

— Теперь ты противоречишь самому себе.

— Я часто так поступаю, — с улыбкой ответил Нур.

— Тогда решим так, — предложил Фрайгейт. — Пусть матрица Стэндиша стоит пока на задержке. Я считаю, это никому не повредит. Однако если те восемнадцать миллиардов ватанов вновь начнут возрождаться в долине, я уничтожу файл с его записью.

— На это имеет право только та маленькая девочка. Спроси ее, захочет ли она обрекать человеческую душу на вечное страдание.

— Мне некого спрашивать. Она умерла от дизентерии в пятилетнем возрасте.

— Значит, ее воскресили в Мире Садов. Возможно, она стала одним из агентов, к записям которых у нас нет доступа.

«А почему я так настаиваю на этом? — спросил себя Фрайгейт. — Неужели потому, что почувствовал власть над судьбой Стэндиша и других безволосых иеху? Власть сладка и любит лесть. Но она не для меня, потому что вместе с ней приходит ответственность. О да! Я всегда пытался уйти от ответственности. В пределах разумного, конечно».

ГЛАВА 19

Другие все еще ломали голову по поводу того, кого им воскрешать в своих личных мирах. Однако Томас Мильен Терпин давно уже для себя все решил. Прежде всего он хотел воскресить Скотта Джоплина, Луи Шовена, Джеймса Скотта, Сэма Паттерсона, Отиса Саундерса, Арти Мэтьюса, Юби Блейка и Джо Джордана. Этих парней он знал в веселые дни своих

рэгтаймов. Многие из них считались хорошими музыкантами, хотя самыми великими были, конечно, Джоплин и Човин. Том и сам играл на пианино, как ангел, но те двое парили на три небесных круга выше его, и он восхищался ими.

А как насчет женщин? Многие, кого он знал на Земле, зарабатывали себе на жизнь, торгуя телом. Однако некоторые из них выглядели очень мило и имели уживчивый характер. Однажды в долине он влюбился в женщину, которую до сих пор не мог забыть, — красавицу Менти из Древнего Египта. Том решил, что обязательно поселит ее в своем мире, если она окажется в числе восемнадцати миллиардов убитых. Он не видел ее тринадцать лет, но надеялся, что она не забыла их страстные ночи. Менти родилась в Мемфисе, в семье рыночного торговца. Благодаря смуглой коже она ничем не отличалась от черных и, главное, ничего против них не имела. Конечно, Египту и Мемфису было далеко до штата Теннесси, однако в списке на воскрешение Том поставил Менти на первое место.

Он даже сочинил для нее рэгтайм «Моя египетская красавица». Поливая джин, Терпин мечтал о той ночи, когда она услышит эту прекрасную музыку и поймет всю глубину его любви.

Самым классным местом в Терпинвиле должно было стать кафе «Бутон розы». Оно не претендовало на оригинальность — все то же старое кирпичное здание на 2220-й Макит-стрит в черных кварталах славного Сент-Луиса. Однако Том решил сделать его десятиэтажным, из золота высшей пробы, с алмазами и изумрудами, от которых рябило бы в глазах. И чтобы на фронтоне сияли огромные золотые буквы Т. Т. — Томас Терпин.

Он грезил о мостовых с золотой брускаткой и стоянках, где будут припаркованы «роллс-ройсы», «кадиллаки», «студебекеры», «мерседесы» и «корды». Вокруг раскинется небольшой городок из трехэтажных строений, с золотыми крышами и огромными рубинами вместо дверных ручек.

«А что, если сделать унитазы из золота? Парни просто сойдут с ума! Да, с унитазами — это классная идея!»

На главной аллее перед «Бутоном розы» он построит великолепный фонтан, который день и ночь будет орошать бурбоном золотое пианино. Чуть дальше три фонтана с шампанским, джином и мятным ликером будут изливать свои струи на статуи Джоплина, Шовена и Терпина. При виде мебели и украшений Терпинвилля старый хрен Д. П. Морган позеленел

бы от зависти. Но этому усатому пирату никогда не увидеть подобной роскоши.

В его городе найдется любой инструмент, который только может пригодиться, — сотни роялей, скрипки, барабаны, трубы. Слугами станут андроиды — все как один с белой кожей. Они будут называть Тома «хозяином» или «боссом», а его друзей — «масса» или «госпожа».

За городом раскинется лес с рекой, ручьями, болотами и крутыми холмами, вокруг которых будет петлять бетонная дорога. Классное место для гонок на машинах под визги подруг и азартные крики друзей! В лесу и на болотах он планировал развести различную живность: кроликов, кабанов, куропаток и уток, гусей, фазанов, индеек и лис. В реке будут водиться черепахи, крокодилы и множество крупной рыбы. Любой охотник продал бы душу за такое райское место.

— Неужели ты думаешь, что хорошие времена будут длиться вечно? — спросил его Нур.

— По крайней мере, до тех пор, пока будет существовать эта башня, — ответил Том.

Усмешка Нура вызвала у него необъяснимую тревогу.

— Что бы ты там ни говорил, я сделаю себе самый балдежный мир, — пообещал он Нуру и с того момента, ссылаясь на свою личную вселенную, называл ее «Балдежной планетой Терпина».

— Да, парень! — прошептал он сам себе. — Ты одолел долгую дорогу!

— Что ты сказал? — переспросил его Нур.

— Я прошел долгий путь, который начался в Саванне, штат Джорджия, в старой и ветхой лачуге. Через несколько лет после моего рождения отцу удалось сколотить неплохое состояние, и мы перебрались в большой первоклассный дом. Не какой-нибудь там бордель, а красивый дом, в котором прежде жили богатые белые люди. Потом нашей семье начал угрожать ку-клукс-клан, и нам пришлось перебраться поближе к Миссисипи. Мне говорили, что в честь отца и его братьев одну из улиц Саванны назвали позже Терпин-Хиллом. Вот каким крутым был мой папаша.

Стычки с белыми и проблемы с законом привели к тому, что семейство Терпинов перебралось в Сент-Луис. Там они поселились в черном районе, который пользовался дурной репутацией. Папаша Джон открыл салун «Серебряный доллар» и купил конюшню, где разводил беговых лошадей. Все это оказалось прибыльным делом.

— Мой папа говорил, что после отмены рабства он ни разу не работал на других людей. Свое добро наша семья защищала зубами и кулаками. А отца уважали за силу рук и крепкий череп. Он так и говорил — самый крепкий череп к западу и востоку от Миссисипи. Если кто скандалил в его заведении, он хватал человека за запястье, выкручивал руку и одним ударом сбивал с ног. Люди потом ходили, шатаясь, целую неделю. Но зато никто не смел посыпать моего папашу на три буквы.

Как и многие негритянские музыканты, Том научился играть на пианино самостоятельно. Но в отличие от других, он знал ноты.

— Когда мне исполнилось восемнадцать, мы с братом Чарли поехали на Запад посмотреть страну. Потом нас потянуло на поиски золота, и мы провели в Неваде целый год. Однако при виде наших жадных глаз самородки и золотой песок уходили на недосягаемую глубину. Короче, мы вернулись домой с пустыми карманами.

Я умер 13 августа 1922 года. Старуха с косой имела череп покрепче, чем у моего папаши, и без труда свалила меня с ног. В ту пору смерть была единственной честной дамой в Сент-Луисе. Она не брала взяток ни товаром, ни телом, ни деньгами. Поэтому я махнул на все рукой и отдал концы. Детей у меня не завелось, но люди назвали меня отцом рэгтайма нашего старого и доброго Сент-Луиса.

— Ты оставил жене большое состояние, а твой брат Чарли получил хорошую должность, — сказал Фрайгейт. — Он стал первым черным полицейским, который дослужился до офицерского звания. Его смерть пришлась на Рождество 1935 года, и, если верить газетам, он завещал семье сто пять тысяч долларов. Приличные деньги по тем временам.

— И очень большая сумма для ниггера, — добавил Том. — Так ты говоришь, он умер в 1935 году?

— Я попросил компьютер порыться в файлах памяти и отыскать книгу, которая называлась «Те, кто играл рэгтайм», — сказал Фрайгейт. — Если машина ее найдет, я сделаю для тебя копию. В этой книге многое написано о тебе, и, почитав ее, ты будешь собой гордиться.

— Для этого мне не надо никаких книг. Но я с удовольствием полистал бы твою книжку.

Через день после того как компьютер закончил строить Балдженскую планету, Том Терпин посетил свои владения. В десять часов утра он вступил в новый мир, и его сердце

дрогнуло от счастья. Небо сияло голубизной, и лишь вдали виднелось несколько далеких и нежных, как хлопок, облаков. Том спустился по ступеням и вышел на площадку, где его ожидали андроид-шофер и розовый «мерседес-бенц» с откидным верхом. Белокожий андроид, с голубыми глазами и желтыми волосами, казался самым уродливым существом на свете. Но Терпин сам придумал для него такое лицо. Робот носил розовую форму, традиционную для шоферов начала двадцатого века. «Почему розовую? Под цвет машины», как скажет Том своим друзьям.

Он сел на заднее сиденье и тихо произнес:

— Домой, Джеймс. Домой, мой мальчик.

Красавица машина плавно тронулась с места, мотор загурчал, и они помчались по длинной извилистой дороге. Над ними искрился светом зеленый свод, образованный ветвями высоких деревьев.

— Хм-м. Не слишком ли узкой получилась дорога? — спросил себя Том. — А впрочем, какого черта? Транспорта тут будет немного.

Когда лес поредел, они поехали вдоль озера. На водной глади покачивались утки, лебеди и гуси. Цапли и журавли ловили на мелководье рыбу и лягушек. Отовсюду доносились гогот и причудливые крики птиц.

Дорога увела их от Терпинвиля к торцу огромного помещения.

— Если бы я не знал, что тут стена, то никогда бы не догадался, — прошептал Том. — Такое впечатление, словно дальше тянется лес, а за ним начинаются холмы. Если не упрешься лбом, то и не поймешь, что это иллюзия.

Терпинвиль располагался в середине помещения — примерно в двух целых и семи десятых мили от входа. Однако извилистая дорога, петляя между холмами, занимала не меньше десяти миль. Кроме того, Том мог отправиться в город по другой проселочной дороге, которая была длиннее первой почти в два раза.

Время от времени за деревьями мелькали золотые крыши города, и его сердце наполнялось гордостью. «Том! Это же все твое!»

Когда они выехали из темного леса и помчались к ажурным воротам Терпинвиля, ему захотелось увидеть толпы встречающих людей, цветы и большой духовой оркестр. Однако город пока оставался безлюдным и тихим.

— Столица призраков перед своим пробуждением! Но настанет час, и ее заполнят голоса людей!

Машинка остановилась перед «Бутоном розы». Том вышел на главную аллею и направился к центральному фонтану. Сняв с декоративного крюка серебряный кубок, он зажерпнул крепко пахнущую жидкость и попробовал ее на вкус.

— О парни! Это лучшее, что есть на свете! Теперь нужна только старая компания, музыка, сигаретный дым и смех... Мне надоело пить в одиночку и болтать с самим собой.

Он вошел в «Бутон розы» и вызвал лифт, украшенный драгоценными камнями. Поднявшись на третий этаж, Том торопливо осмотрел свой кабинет, устроился в кресле рядом с огромным пультом и приступил к поиску.

Через три недели он понял, что при желании может воскресить не только сорок человек, но и целых две тысячи.

— Это будут небеса для бедных ниггеров, — сказал он своим семерым товарищам на одном из званых вечеров, которые они проводили все реже и реже. — Балдежный мир, где исполняются любые желания. Ребята будут в полном отпаде!

Том усмехнулся, заметив, что Фрайгейт вздрогнул при словах о «небесах для ниггеров». Питер был либералом и находил такие термины омерзительными. Том и сам не потерпел бы их от других — тем более от белых. Но он употреблял эти слова без всяких стеснений. Когда Фрайгейт спросил его, почему он так поступает, Том ответил, что это старая земная привычка, от которой он никак не мог избавиться.

— Ты взрослый человек и достаточно долго жил в Мире Реки, — сказал Нур. — За такое время можно избавиться от любой дурной привычки.

— А разве она кому-то мешает?

— Самоуничтожение как метод лечения душевных ран, — с усмешкой сказал Фрайгейт.

Том Терпин молча отошел к другому концу стола.

— Когда ты пригласишь нас взглянуть на твой мир? — спросила Афра.

— В следующую пятницу. Устроит? Такого вы еще не видели, поверьте! Я рассказал о вас друзьям, и они не против, чтобы вы пришли. Но только знайте свое место. Вы там будете в гостях.

Терпин засмеялся и удалился в свой личный мир.

— После шестидесяти семи лет, проведенных здесь, на нем еще гноятся язвы Земли, — тихо произнес Фрайгейт.

— Он никогда не станет «продвинувшимся», если не искоренит в себе это зло, — сказал Нур. — Я имею в виду последствия расового произвола.

Порожденное на Земле зло не всегда умирало в Мире Реки. Однако, по мнению Нура, человечество в общей массе продвигалось вперед к этическому и духовному совершенству.

— То есть, говоря простым английским языком, ты утверждаешь, что многие стали лучше, чем были? — спросил Бёртон.

— Да. Мир Реки углубляет нашу человечность. Но изменения редко происходят без боли. — Помолчав какое-то время, Нур добавил: — У Тома много хороших качеств. Он веселый и отважный человек, и с ним легко общаться, если никто не наступает ему на пальцы. Однако он никогда не сожалел о своем сутенерстве. А человек, заставлявший женщин торговать своим телом, сам является духовной проституткой. Том целиком и полностью увяз в этом отвратительном и грязном промысле. Ему приходилось бить и убивать. Вот он и променял сочувствие к людям на презрение и цинизм.

Наступила тишина.

— И что же дальше? — спросил Фрайгейт.

— Говоря о Томе, я имею в виду каждого из вас. Вы спрятались в своих маленьких мирах, позабыв о других и о своей первоначальной цели. Но разве может человек развиваться в вакууме?

— Конечно, может, — ответил Фрайгейт.

— Хорошо. Посмотрим, что из этого получится, — произнес Нур.

В отличие от семерых товарищней, мавр решил остаться в своей прежней квартире.

— Ее для меня вполне достаточно.

— Но это вызовет осложнения, — сказал Бёртон. — Некоторые из недавно воскрешенных могут польститься на свободные миры. И тогда, чтобы захватить их, они пойдут на все — даже на кровопролитие.

ГЛАВА 20

Бёртон, Фрайгейт и Бен беседовали об ограничениях на воскрешение людей.

— Только не надо оживлять актеров, режиссеров и кинозвезд, — сказал Фрайгейт. — Это отъявленные эгоисты, зараженные противоречиями и недоверием. Какое-то время они могут казаться прекрасными собеседниками, но потом из них

начинает вылезать себялюбие, и они становятся настоящими чудовищами.

— Значит, накладываем запрет на всех актеров? — спросил Бёртон.

— На всех, — поддержала Бен. — Я их тоже знала. Просто страшно подумать, во что они превращали мои пьесы.

— Конечно, здесь могут быть некоторые исключения, — сказал Фрайгейт. — Однако продюсеров сюда точно пускать не стоит. Таких безжалостных и хладнокровных существ можно держать только в террариуме для крокодилов. Запомните мои слова! Не воскрешайте продюсеров — особенно из Голливуда. Это не люди, а что-то зубастое, прожорливое и отвратительное.

— Я так понял, их можно отнести к одному подклассу с политиками, — произнес Бёртон.

— О да. Политики и чиновники вообще не достойны упоминания. Лжецы и предатели с гибкими спинами.

— Неужели все? — спросила Бен.

— Как будто ты сама не знаешь, — ответил Бёртон.

— Я встречалась лишь с немногими и поэтому не могу судить об остальных.

— Тогда положись на мое слово, — сказал Бёртон. — Итак, политикам вход воспрещен. А что вы скажете о священниках?

— Все представители духовенства — священники, раввины, муллы, экзорцисты, шаманы — по своей сути похожи друг на друга, как братья, — произнес Фрайгейт. — И в то же время они очень разные. Некоторые из них — правда, очень немногие — являются примером для подражания. Но остальные... Лично я отношусь с подозрением к тем, кто возомнил себя духовными лидерами. Каковы их настоящие мотивы?

— Тогда я вычеркиваю попов из списка, — подытожил Бёртон. — Это все те же политики и лжецы, которые манипулировали людьми и использовали их веру для своей наживы. Во всяком случае, в башню мы их не пустим.

— Никаких раввинов, мулл, архиепископов и их преподобий, — добавил Фрайгейт. — Все, что приложим к попам, приложим и к ним.

— Монахинь и настоятельниц?

— Долой! — прокричал Бёртон, сжав кулак и указав большим пальцем на пол.

— А где же ваши исключения? — с усмешкой осведомилась Афра.

— Давайте пока не будем тратить на них время, — предложил Бёртон.

— Что вы скажете о продавцах подержанных машин? — спросил Фрайгейт.

Бёртон и Бен недоуменно посмотрели друг на друга.

— Это феномен двадцатого века, — объяснил Фрайгейт. — Хорошо, забудем о них. Я просто буду следить, чтобы они не просочились в башню. Хотя, учитывая их пронырливость, вряд ли мне это удастся на сто процентов.

— А доктора?

— Какие-то общие правила к ним неприложимы. Однако многие из них, попав в Мир Реки, растеряли свою духовность. Здесь они почти не имели авторитета. Поэтому будем подходить к их оценке осторожно.

— Адвокаты?

— Среди них есть прекрасные люди, но встречается и абсолютное дерньмо, — сказал Фрайгейт. — Будем внимательны. Да, кстати, я обнаружил телесную матрицу Будды! Того самого исторического Сиддхартху!

— А какое отношение он имеет к адвокатам? — спросил Бёртон.

— Никакого. Но Будда... Он отмечен в записях, и о нем есть «фильм». Если вы хотите взглянуть на живого Гаутаму Будду, вам просто надо запросить компьютер. И что самое интересное, он никогда не воскрешался в Мире Реки. Умерев на Земле, Будда стал «продвинувшимся».

— Теперь все ясно! — сказал Бёртон, словно действительно понял что-то важное и доселе скрытое от человеческих глаз.

— Что тебе ясно?

— Семь дней назад я отыскал файл об историческом Иисусе Христе, — ответил он.

— Я тоже его нашел, — сказал Фрайгейт.

— Тогда ты знаешь, что, воскреснув в Мире Реки, он пережил здесь несколько смертей и умер последний раз около двадцати лет назад. Иисус тоже стал «продвинувшимся». Но, очевидно, Будда был более «продвинувшимся», чем он.

— Гаутама жил на Земле дольше Иисуса, — напомнил Фрайгейт.

— Мои слова — не упрек, а констатация факта.

— Между прочим, я обнаружил записи о святом Франциске Ассизском, — сказал Фрайгейт. — Он тоже воскрешался на берегах Реки. Умерев десять лет назад, этот человек перешел на стадию «продвижения».

— Интересно, сколько пап и кардиналов, верховных священников и верующих достигли «продвижения»? — спросила Бен

— Ни одного, — ответил Фрайгейт. — Во всяком случае, я таких не обнаружил. Но у меня и не было цели отслеживать их всех. Если хотите, я могу поставить перед компьютером задачу. Пусть, например, найдет двенадцать пап...

— Включая первого — святого Петра, — добавил Бёртон.

— Петр считался не папой, а первым епископом Рима, — поправил его Фрайгейт.

— Он что, действительно там был?

— Да, его казнили в Риме. Тем не менее он по-прежнему живет на Реке. Петр трижды умирал, но пока еще не дошел до статуса «продвинувшегося».

— Значит, мы можем воскресить его и узнать всю правду об Иисусе и христианстве? — с восторгом спросил Бёртон. — Впрочем, тут есть одно «но». Слова не могут являться объективной истиной. Даже в устах такого человека.

— Записи Иисуса хранятся в памяти компьютера, — сказал Фрайгейт. — Его ватан исчез, однако мы можем посмотреть «фильм» о его жизни.

— А как святой Павел?

— О, святой Павел! — с улыбкой ответил Фрайгейт. — Сначала он следовал ортодоксальному иудаизму. Потом стал фанатичным христианином и, пожалуй, больше всех извратил учение основателя. Попав в Мир Реки, Павел фанатично проповедовал заповеди шансеров. Но поскольку Церкви Второго Шанса нужны верующие, а не фанатики, они вышибли его вон из своих рядов. Теперь, насколько я знаю, он увлекся учением доуистов.

— Доуистов?

— Я расскажу о них как-нибудь в другой раз. Что же касается Павла, то он живет на Реке. Я нашел его хижину и немного понаблюдал за ним. На вид неприятный коротышка, но оратор, конечно, изумительный. Павел отказался от безбрачия, и, судя по слухам, огонь его страсти пытаются погасить сразу несколько женщин.

Фрайгейт показал им ватаны трех мужчин, которых он поместил в свою коллекцию из-за их маниакального стремления к насилию и огромной известности в двадцатом веке. Бёртон слышал эти имена от других обитателей долины, но сам о них почти ничего не знал. Адольф Гитлер появился на свет за год до его смерти. Иосифу Джугашвили, более известному как Сталин, в год смерти Бёртона исполнилось одиннадцать лет. Мао Цзэдун родился в 1893 году.

— Я поставил их матрицы на задержку, — сказал Фрайгейт. — Мне не хватило времени на просмотр их жизней в Мире Реки, но по отдельным эпизодам я понял, что они нисколько не изменились. Их ватаны имеют такую же окраску, как у Ивана Грозного. Его я, между прочим, тоже отыскал.

— Ты считаешь, что нет никакой надежды на их исправление? — спросил Нур.

— Да. Во всяком случае, на данный момент. Они по-прежнему остались садистами и убийцами, которые испытывают оргазм от массовой резни. Патологические психопаты.

— Но Лога говорил, что в Мире Реки нет настоящих психопатов. На предварительной стадии воскрешения их тела излечили, устранив химический дисбаланс, который вызывал отклонения психики.

Фрайгейт пожал плечами:

— Да. Я знаю. Но дисбаланс элементов здесь ни при чем. Они по-прежнему сеют раздор и совершают зверские преступления. Поэтому они и только они ответственны за свои поступки.

— Возможно, ты прав. Но это еще не повод для уничтожения их матриц. Мы не должны укорачивать время, отведенное им на исправление. Пути судьбы неисповедимы. Они могут претерпеть какие-то радикальные изменения характера и, увидев свет истины, спасти свои души. Вспомни Геринга.

— Геринг раскаялся и признал свою вину много лет назад. А эти существа — Сталин, Гитлер, Мао и Иван Грозный — по-прежнему готовы и фактически жаждут убивать любого, кто встанет на их пути. Они рвутся к власти — безмерной власти, которая давит других людей и разрушает все, что ей противостоит. Знаешь их лозунг? «Кто не с нами, тот против нас!» А ты говоришь, что они не параноики! Эти люди полностью оторваны от реальности. Они не воспринимают мир таким, какой он есть, и поэтому стараются превратить его в тумерзость, которая так близка их загаженным душам.

— Но многими людьми управляют те же желания.

— Зло бывает маленьким и большим!

— Ты хотел сказать, что бывают маленькие и большие пакостники. На свете нет такой вещи, как абстрактное зло. Зло всегда состоит из конкретных дел и конкретных исполнителей.

Устав от их перебранки, Бёртон начал проявлять нетерпение:

— Истинная философия обретается не в беседах, как думают некоторые мудрецы, а в решительных действиях. Пит, ты много говоришь о том, что хотел бы сделать. Почему? Не потому ли, что ты боишься совершать поступки? Мне кажется, твой страх исходит из чувства самонеудовлетворенности.

— Просто я придерживаюсь правила: «Не судите, да не судимы будете».

— Ты веришь, что тебя не будут судить, если ты воздержишься от осуждения других? — насмешливо спросил Бёртон. — Чепуха! Никто еще не избежал сплетен и болтовни людей. Даже святые не могли удержаться от осуждений, хотя и делали вид, что это идет во благо их оппонентам. Порицание и брань заложены в нас на подсознательном уровне. Они также рефлекторны, как сокращение мышц или выделение слюны. Вот почему я говорю: осуждайте налево и направо, когда и где захотите, кого угодно и сколько угодно.

Нур засмеялся и добавил:

— Но не вынося другим приговор.

— А почему нет? — с дьявольской усмешкой воскликнул Бёртон. — Почему нам не дозволено то, что делают другие?

— Не так давно я нашел профессионального судью, увешанного дипломами и лицензиями, — произнес Фрайгейт. — Человека, который сидел в круглом зале мэрии и судил людей во времена «сухого» закона. Мальчишкой я читал о нем в газетах и часто слышал рассказы отца об этом кривом и продажном винтике муниципальной системы. Судья безжалостно рассовывал по тюрьмам местных торговцев спиртным и штрафовал пьяниц, которых ловили в подпольных барах. Однако у него имелся огромный подвал, заполненный ящиками с виски и джином. Он покупал и перепродаивал спиртное через доверенных контрабандистов, позволяя им за это проворачивать свои делишки.

— Питер! Чем ты там занимаешься? — удивленно воскликнул Нур.

— Я просто не мог сопротивляться этому, — ответил Фрайгейт.

Бёртон понимал увлеченность Фрайгейта — или, по крайней мере, считал, что понимает. Злые люди имели определенный магнетизм, который притягивал к ним всех остальных — и злых, и добрых, и в черно-белую полоску. Зло сначала привлекало, а потом отталкивало. Парадоксально, но, оказывается, отторжение могло вызывать влечение.

— Любопытная вещь, — сказал вдруг Фрайгейт, словно решил поведать им мысли, которые не давали ему покоя. — Никто из них не считал себя злым. Я имею в виду Гитлера, Сталина и Мао, судью из Пеории и того насильника Стэндиша.

— Когда Геринг признал совершенное им зло, это стало первым шагом к его духовному спасению, — сказал Нур. — Но что ты собираешься делать с ними... с Гитлером, Сталиным и другими?

— Я поставил их матрицы на задержку, — ответил Фрайгейт.

— То есть ты до сих пор не решил, что будешь делать с ними.

— Матрицы останутся в целости и сохранности. Но если компьютер начнет воскрешать те восемнадцать миллиардов, которые погибли в долине, среди них не окажется многих моральных уродов. Знаете, что я придумал? Я хочу, чтобы эти убийцы посмотрели на себя глазами тех людей, которых они насилировали и унижали!

Лицо Фрайгейта покраснело. Его глаза расширились и засияли.

— Пусть они испытают боль от собственных злодеяний! На этот раз им не уйти от возмездия! Там, на Земле, все было по-другому. Но здесь сама судьба определила нам роль судей! И если понадобится, мы не только вынесем приговор, но и приведем его в исполнение!

— Между прочим, приостановка в воскрешении людей вызвана не судьбой, а обычной аварией, — сказал Нур.

— Разве? — спросил Фрайгейт.

Нур улыбнулся и пожал плечами:

— Возможно, ты прав. Но тогда нам тем более надо действовать осмотрительно и разумно.

— Ты призываешь к осмотрительности? — возмутился Бёртон. — А о ком нам заботиться? Об этих подонках?

— О-о! — воскликнул мавр, поднимая вверх указательный палец. — Не будем торопиться! Возможно, это просто очередная проверка. Неужели вы не чувствуете, что за нами все время следят? Я имею в виду не компьютер, а тех, кто может им пользоваться.

— Очередная незнакомка? — с усмешкой спросил Бёртон.

— Не знаю. Но я чувствую посторонний взгляд. А как ты, Дик?

— Галлюцинациями не страдаю.

— Я тоже чувствую, — сказал Фрайгейт. — Но это ничего не значит. Меня всю жизнь преследует мысль... что за мной кто-то наблюдает.

— Кто может наблюдать за наблюдателем? — с улыбкой спросил Нур. — Кто посмел судить судью?

— Не обижайся, Пит. Эти суфии все немного с приветом, — произнес Бёртон.

— Гитлер, Сталин, Мао и Иван Грозный имели на Земле огромную власть, — продолжал Фрайгейт. — Они заняли исключительно важные места в мировой истории. И вот теперь...

— И теперь ты, безгласный и сирый, получил над ними власть, — закончил за него Нур.

— Хотел бы я, чтобы они попались мне не здесь, а в самом начале своих злодеяний, — сказал Фрайгейт.

— И тогда бы ты нажал на кнопку «Ликвидация»?

— О Иисус! Не знаю! Наверное, нажал бы...

— А что, если кто-то нажмет кнопку, чтобы уничтожить тебя? — спросил Нур.

— Мои грехи не так велики, — ответил Фрайгейт.

— Их размер зависит от мнения того, кто давит на кнопку, — сказал Нур. — Или от суждений тех, кому повредили твои грехи.

Бёртон встал и направился к двери. Но, прежде чем уйти, он подошел к столику, где сидели Звездная Ложка, Ли По и его друзья — семь поэтов и художников, которых воскресил китаец. Простишись с их шумной компанией, англичанин хотел было удалиться, но тут на его плечо легла изящная ладонь.

— Нам с тобой надо увидеться еще раз, — тихо шепнула Звездная Ложка. — Как можно скорее.

— Конечно, еще увидимся, — ответил Бёртон.

— Я имела в виду тайную встречу. Наедине, — сказала она и, заметив пристальный взгляд Ли По, быстро вернулась к столу.

Бёртон не поверил своим ушам. Она сама захотела «увидеться». При других обстоятельствах он пришел бы в восторг от такого предложения. Однако ситуацию осложняла дружба с Ли По. Пусть китаец и не имел законных прав на Звездную Ложку, но он считал ее своей женщиной. Эта встреча вызвала бы у него обиду и ревность, и он никогда не простил бы старому другу подобного поступка.

«Она свободная женщина, — убеждал себя Бёртон. — Ли По дал ей жизнь, но она — человек, а не собственность. Хотя, возможно, китаянка думает по-другому. Тем не менее, если бы Звездной Ложке понадобилось встретиться со мной по каким-то обычным делам, она могла бы сделать это открыто, предупредив Ли По. Значит, ей действительно захотелось...»

Такой эгоист, как Ли По, не сразу поверил бы в измену женщины, которую он любил. «Я самый лучший. Разве можно предпочесть другого мужчину?» Но потом последовала бы буйная сцена с криками, напыщенными обидами и угрозами. Возможно, Ли По вызвал бы Бёртона на дуэль. Хотя и вызов, и его принятие в равной степени выглядели бы глупо. Ли По родился в 701 году; Бёртон — в 1821-м. И тот и другой не признавали кодексов чести своих эпох и понимали, что сражаться за женщину нелепо. И все же Ли По разорвал бы с ним дружеские узы. А Бёртон этого не хотел.

С другой стороны, Звездная Ложка — живое существо. Воскрешая ее, Ли По мог бы учесть, что она будет жить своей жизнью. Эта женщина — свободный человек, а не прежняя рабыня его тестя.

Ее покачивающиеся бедра походили на звонящий колокол. Прекрасный колокол под короткой юбкой. Динь-дон! Динь-дон!

Бёртон вздохнул и попытался забыть о своей жаждавшей восставшей плоти. О, как же долго она оставалась без дела! Он устал от одиночества. Устал от аскетизма! Устал! Устал! Устал!

Но если они познают друг друга — не в библейском смысле слова, — будет ли она и дальше столь соблазнительной и желанной? Что, если она не заслуживает тех жертв, на которые ему придется пойти? А что пойти на них придется, он не сомневался.

«Я так и остался семидесятилетним стариком, несмотря на свое молодое тело. А оно бунтует и рвется в бой! Гормоны

трубят боевой сигнал вопреки богатому жизненному опыту! Правду говорят, что в головке члена нет ни стыда, ни совести. Но надо добавить, что там нет и мозгов!»

В принципе Бёртон мог бы оживить любую из девяти с половиной миллиардов женщин. Но в тот момент он хотел только ее — странную и прекрасную, загадочную и почти неземную. Это не было любовью; никакой разумный человек в свои сто тридцать шесть лет уже не трепещет в сетях романтической любви. Нет! Его сейчас звала природа! И кто бы только знал, как сильно она звала!

Из восьми с половиной миллиардов мужчин, информация о которых хранилась в файлах, пожалуй, только шестнадцатая часть достигала возраста Бёртона. Из них в романтику любви не верила, возможно, тоже шестнадцатая часть. Так что он мог составить компанию лишь немногим из немногих.

Он включил экран, вызвал для просмотра «фильм жизни» и устало откинулся на спинку летающего кресла. Через пять минут компьютер отыскал заказанное событие, которое Бёртон пережил в возрасте тридцати девяти лет. В ту пору он находился в Лондоне, подготавливаясь к путешествию в Мекку. А поскольку Бёртон планировал выдать себя за мусульманина, он решился на обрезание. Эта мера была необходима, иначе случайные попутчики могли распознать в нем «неверного» и разорвать на части. Он знал, что мусульмане обычно оправлялись на корточках, прикрывая полами халатов интимные части тел. Но в долгом пути могли произойти любые непредвиденные случайности. Поэтому Бёртон сделал себе обрезание, используя вместо обезболивающего средства полкварты пшеничного виски.

Он сцепил пальцы рук и приказал компьютеру подключить неврально-эмоциональное поле. От внезапной боли его зубы непроизвольно скжались, откусив при этом кончик сигары. Мысли затуманились и расползлись по черепу, как маленькие черепашки. Невральное поле передало ему все ощущения, которые он пережил в момент обрезания. Бёртон снова почувствовал опьянение. Однако оно не могло заглушить адской и жгучей боли.

— Хватит! — закричал он. — Убери невральное поле.

Боль тут же прошла. Но была ли она на самом деле? Он вздрогнул, вспомнив призрачное ощущение того тянувшего медленного отделения плоти.

Бёртон не был мазохистом. Он пошел на эту муку только для того, чтобы умерить свое желание. И эмоциональное поле помогло. Правда, не надолго.

ГЛАВА 21

Когда-то давно Фрайгейт сказал Бёртону, что на Земле так и не удалось установить личность Джека Потрошителя. Но, поскольку Потрошитель должен быть в долине Реки, его можно здесь отыскать, хотя шансы наткнуться на него крайне ничтожны. Еще меньше шансов, что он сознается, даже если его найти. К тому же в преступлениях может сознаться какой-нибудь самозванец. Короче говоря, решение загадки тут не более вероятно, чем на Земле.

Все это Фрайгейт говорил задолго до того, как они с Бёртоном попали в башню. Теперь они находились в таком месте, где шансы отыскать человека, известного под именем Джека Потрошителя, сильно возросли. У Фрайгейта был список нескольких кандидатур, хотя не исключено, что настоящего Потрошителя между ними не было, но компьютер мог по крайней мере найти их в своих файлах.

Однако Фрайгейт не стал заниматься этим проектом, поскольку по уши погрузился в другие исследования, а именно в составление собственной родословной. Башня, по его словам, была настоящим раем для специалиста по генеалогии. Ему не надо было разыскивать труднодоступные и зачастую утерянные документы, как-то: завещания, налоговые и земельные акты, постановления судов о наследстве, опеке и лишении прав, окружные хроники, газеты, кладбищенские, военные и пенсионные записи и прочие зыбкие следы людей, которые могли — или не могли — быть вашими предками. Здесь вы пускали по следу компьютер, предложив ему в качестве отправной точки самого себя, и он уже раскручивал вашу родословную, начиная с родителей. Вы видели на экране, как выглядели ваши родители в разное время, где он или она бывали, смотрели на их жизнь их собственными глазами и глазами окружающих. Иногда приходилось подождать, пока компьютер, взяв за основу ватан одного из ваших предков, искал соответствующий ему ватан в своих файлах, а затем устанавливал ватаны его родителей. Когда возникало сомнение по поводу отцовства, компьютер сравнивал генетический код ребенка и родителя и определял их взаимоотношения. Если было доказано, что данный ребенок не мог родиться от данного мужчины, компьютер исследовал гены потенциальных отцов. Определить их было несложно, ибо компьютер мог просмотреть прошлое матери и в точности выяснить, когда и с кем она вступала в половую связь, после чего физические характеристики

подозреваемого или подозреваемых проверялись на генетическую идентичность.

Бёртон нашел все это интересным, но сейчас ему не хотелось заниматься собственной родословной. Его всегда интересовали истории садистских и зверских убийств, и он читал все газетные репортажи об убийствах в Уайтчепеле. Решив запустить операцию «Потрошитель», как он ее называл, Бёртон запросил у компьютера список всех соответствующих книг на английском языке, содержащихся в файлах. Кем бы ни был агент этиков, который занимался сбором литературы о Потрошителе, дело свое он выполнил на совесть. Фрайгейт, оторвавшись на пару минут от своей работы, просмотрел список и выбрал книгу, с которой, по его мнению, Бёртону следовало начать.

— Я бы на твоем месте прочел для начала книгу Стивена Найта «Джек Потрошитель: окончательная разгадка», опубликованную в 1976 году. Она произвела на меня впечатление не только скрупулезным исследованием вопроса и блестящими, убедительными выводами, которыми мог бы гордиться сам Шерлок Холмс, но также тем, что, по-моему, это единственная книга, дающая правильные ответы. Хотя некоторые критики указывали на ее недостатки. Но в любом случае, прав ли автор, или не прав, или же прав только наполовину, она послужит для тебя хорошим трамплином, с которого ты сможешь нырнуть в кровавый океан этой тайны.

Было немного странно держать в руках книгу, скопированную с произведения, увидевшего свет через восемьдесят семь лет *после* его смерти. Но Бёртон не стал углубляться в эти ощущения, ибо чудес в башне было так много, что дивиться им всем не хватало времени. Он проглотил 270 страниц за три часа. Когда он отложил книгу, то мог уже по памяти почти безошибочно воспроизвести по крайней мере четвертую часть текста.

Будь эта книга опубликована во времена его земной жизни, Бёртона возмутила бы нелепость содержавшихся в ней обвинений. Или нет? Разве по зрелом размышлении, зная о тайных маневрах верхов в борьбе за власть, зная о бесчеловечных и совершенно аморальных поступках, совершаемых представителями правительственный кругов и высшего света ради того, чтобы удержаться у власти, — разве не счел бы он заключения, приведенные автором книги, вполне правдоподобными?

Выводы же, к которым пришел господин Найт после широкого и глубокого расследования, а также в результате размышлений с применением метода дедукции, заключались в следующем.

В 1888 году бедные слои населения Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии были — или казалось, что были, — на грани революции. Радикалы левого толка, социалисты и анархисты, громогласно обличали притеснения и бедственное положение рабочего класса. Правительство было не просто встревожено — оно было напугано до смерти, и многие представители высшего класса считали, что сама монархия находится под угрозой. Они слегка перебарщивали: полнейшее незнание собственного народа заставляло их забывать о глубоком консерватизме народных масс. Те жаждали вовсе не изменений в монархической структуре, а постоянной работы, хорошей зарплаты, еды, нормального жилья и хоть какой-то экономической стабильности. Они хотели жить как люди, а не крысы.

Королеву Викторию, по мнению правящего класса, никто не посмел бы свергнуть с трона, но она была стара и в то время уже непопулярна. После смерти королевы на престоле окажется ее сын Эдуард (Берти). А он настолько распутный, упрямый и аморальный тип, что скрыть его поведение от народа будет просто невозможно.

В то время в высших эшелонах британского правительства было много франкмасонов, не исключая и премьер-министра маркиза Солсбери. Найт утверждал, что именно эти высокопоставленные масоны на самом деле управляли за троном страной, и они боялись, что с падением монархии их тайное общество лишится власти.

По смерти отца трон должен был унаследовать старший из живых сыновей Эдуарда — Альберт Виктор Кристиан Эдуард, герцог Кларенс и Эйвондейл, а для близких просто Эдди. Жалкий, ничтожный человечек (по викторианским меркам), он обожал вращаться под вымышленным именем в богемных кругах, был бисексуалом и как-то даже зачастил в мужской бордель. Хуже того: влюбившись в помощницу лавочника Анну Элизабет Крук, с которой его познакомил художник Уолтер Сикерт, герцог тайно обвенчался с ней. Этот брак являлся противозаконным со многих точек зрения, но самым опасным и недопустимым было то, что Эдди взял в жены католичку. По закону английский монарх не имел права жениться на католичке. Эдди не был королем, но вскоре запросто мог им стать. На королеву неоднократно совершались

покушения; к тому же она была стара, а батюшка Эдди, принц Эдуард, мог в любой момент загнуться от неумеренного питья и обжорства, венерической болезни, от пули ревнивого мужа, революционера или маньяка либо от любой другой болезни, против которых в ту пору не существовало никаких профилактических и лекарственных средств, кроме сопротивляемости самого организма.

Список гнусных преступлений Эдди довершило в апреле 1888 года рождение ему дочери Анной Крук. Дитя, таким образом, доводилось правнучкой королеве Виктории и двоюродной сестрицей тем персонам, которым предстояло править страной под именами Эдуарда VII и Георга VI.

Это переполнило чашу терпения королевы, и она послала премьер-министру лорду Солсбери сердитую записку с требованием принять все меры, дабы о скандале не пронюхали газеты и общество.

Солсбери, в свою очередь, дал задание обеспечить секретность врачу королевы и своему собрату-масону, сэру Уильяму Галлу. Сэр Галл был блестящим человеком и выдающимся, по викторианским меркам, врачом, а кроме того, отличался странным и извращенным чувством юмора и совершенно очевидной шизофренией (очевидной для последующих поколений). Он славился своей добротой и сочувственным отношением к пациентам, но порой бывал холоден, жесток и непреклонен. Последние черты его характера, впрочем, проявлялись лишь в общении с пациентами из низших сословий и их родственниками. Он был любящим хозяином для своих домашних животных — и в то же время сумел оправдать, к своему глубокому удовлетворению, некоего вивисектора, который медленно поджаривал живых собак на плите, пока они не умирали во время его экспериментов.

Выполняя тайный приказ Галла, комиссар полиции, тоже масон, послал специальных полицейских агентов, велев им совершить налет на квартиру Уолтера Сикерта и Анны Крук. Эдди препроводили от Сикерта во дворец, а Крук — в приют. Галл засвидетельствовал невменяемость Анны, хотя она была в ту пору совершенно нормальна, и остаток своих дней бедная женщина провела в приютах и работных домах. В 1920 году, уже действительно помешанная, она скончалась. Эдди ее больше так и не увидел.

Полиция хотела изловить также Мэри Келли, молодую ирландку, бывшую свидетельницей нечестивого брака. Возможно, Галл намеревался объявить безумной и ее. Но какую

бы судьбу он ей ни уготовил, на сей раз доктор просчитался. Ирландке удалось просочиться сквозь полицейскую сеть и затеряться в лабиринтах Ист-Энда. Позже она какое-то время заботилась об Алисе Маргарет, дочери Эдди и Анны, и вместе с ребенком сопровождала Сикерта в его длительной поездке в Дьюпп. Будучи во Франции, Мэри Джейн Келли изменила свое имя на *Мари Жаннетт Келли*.

По прошествии нескольких лет Келли снова пришлось скрываться в лондонском муравейнике, то бишь Ист-Энде. Здесь она начала опускаться и превратилась в конце концов в одну из тысяч больных алкоголичек-проституток, влячивших жалкое и безнадежное существование. Как и ее сестры по профессии, Келли считала себя счастливой, если ей удавалось заработать на джин, даривший блаженное забытье, на жалкую еду, не дававшую сдохнуть с голоду, и убогую крышу над головой.

Тем не менее она не чувствовала себя одинокой, и самыми закадычными ее подружками были Мэри Энн Николс, Энни Сиффи по прозвищу Торговка и Элизабет (Длинная Лиз) Страйд, — все как одна больные и вечно голодные пьячужки, обреченные на скорую гибель, даже если бы Джека Потрошителя не существовало. Пиরя с ними в кабачках или на убогих квартирках и утопив в золотистых волнах алкоголя обычную осторожность, Келли поведала своим подругам о связи принца Эдди с Анной Крук и об ужасном конце этой любовной истории. И так, во время очередной попойки, родилась мысль о шантаже принца Эдди.

Впрочем, Найт предполагал, что четверка проституток занялась вымогательством, потому что ее принудила к этому банда опасных убийц Старого Николса.

Но, какими бы побуждениями они ни руководствовались, сама идея была крайне опасной и глупой. Солсбери давно оставил попытки найти Келли, поскольку ни он, ни полицейские шпионы не слыхали, чтобы она кому-нибудь проболталаась о браке наследника. Пока свидетельница держала рот на замке, она не представляла опасности для власти, которую воплощал в себе маркиз Солсбери. Однако, получив записку с требованием денег за молчание, Солсбери снова привел карающую машину в действие.

Понукаемый премьер-министром, Галл отреагировал немедленно. Отдав приказ замять эту историю раз и навсегда, Солсбери даже не задумался над тем, каким образом Галл собирается выполнить задание. Как бы сильно ни хотелось премьер-министру заткнуть шантажистам рот, он наверняка

пришел бы в ужас, доведись ему узнать о намерениях Галла. Упечь простолюдинку в приюты и работные дома на всю жизнь — это, с точки зрения Солсбери, была лишь печальная необходимость. Но он никогда не отдал бы приказа убить женщину и разрубить ее на куски. Тем не менее, когда по Лондону прокатилась серия убийств, Солсбери ничего иного не оставалось, как только принять все возможные меры для защиты Джека Потрошителя.

Кучера, который возил наследника на дом к Сикерту и в другие места, где Эдди предавался не подобающим принцу развлечениям, звали Джон Нетли. После того как Эдди и Ани Крук разлучили, Галл подкупом и угрозами заставил кучера хранить молчание. Теперь, принимая во внимание характер возницы, Галл рассказал ему в общих чертах, как он собирается наказать шантажисток. Нетли с радостью согласился ему помочь. А поскольку Сикерт знал главных действующих лиц трагедии, хорошо ориентировался в закоулках Ист-Энда и в свое время не отказался от денег за неразглашение сведений о связи Эдди и Крук, Галл и его привлек на подмогу. Художник не хотел принимать участия в убийствах, однако понимал, что если он откажется, то его самого убьют.

Карета Нетли, в которой сидели Сикерт и Галл, появилась в районе Уайтчепела. Проведя небольшую разведку, Галл с Сикертом заманили к себе Мэри Энн Николс, пообещав заплатить за услуги. Польщенная тем, что два таких элегантных джентльмена вообще обратили на нее внимание, и гадая, каким же извращениям они собираются предаться, Николс села в карету. Галл предложил ей бокал вина (Найт считал, что вино было отравленное), а когда она потеряла сознание, перерезал ей горло от уха до уха, выпотрошил внутренности и всю изрубил. Сикерт высунулся в окошко кареты, и его стошило.

После чего карета свернула на темную и мгновенно опустевшую уличку Бакс-роу, где Нетли с Сикертом выгрузили тело и бросили на мостовой. Несмотря на то что они знали расписание полицейского обхода, преступники скрылись буквально за несколько минут до появления констебля.

Через восемь дней троица нанесла следующий удар. Энни Сиффи по прозвищу Торговка была найдена мертвой во дворе дома номер двадцать девять на Хэнбери-стрит. И тоже с перерезанным от уха до уха горлом. Тонкая кишка ее вместе с лоскутом кожи от брюшной полости лежала возле правого плеча, все еще соединенная жилкой с остальными внутренно-

стями. Два кожных среза с нижней части живота валялись в луже крови над левым плечом жертвы.

На сей раз Галл отнес потерявшую сознание женщину из кареты во двор, где и подверг ее ритуальному надругательству в сумеречном свете.

Двадцать девятого сентября Галл убил двух проституток. Первое убийство пришлось совершить в попыках, поскольку Длинная Лиз Страйд сесть в карету отказалась. Нетли и Сикерт поймали ее на улице и держали, пока Галл перерезал ей глотку. Но изувечить ее Галл не успел. Услыхав неподалеку громкие голоса, доктор не захотел рисковать и тащить тело жертвы в карету. Троица поспешно ретировалась.

Позже тем же вечером было совершено еще одно убийство, и на сей раз Галл, как видно, не спешил. Кэтрин Эддоуз нашли на площади Митры (не в районе Уайтчепела). Часть носа у нее была отрезана, мочка правого уха почти отсечена, лицо и шея исполосованы каким-то острым инструментом, кишечник вынут, а левая почка и матка отсутствовали.

К сожалению — с точки зрения Галла, а также, несомненно, Кэтрин Эддоуз, — Сикерт перепутал ее с Келли. Кэтрин не входила в число доверенных лиц ирландки, абсолютно ничего не знала о делах Эдди и Крук и погибла только оттого, что художник в сумерках принял ее за Мари Жаннетт Келли. Хотя ошибка была обнаружена сразу же после того, как женщине перерезали горло, Галл настоял на исполнении ритуала. Зачем упускать такую возможность? К тому же она была просто шлюхой, и, если кто-то из полицейских нападет случайно на след, убийство Эддоуз собьет его с толку.

Поздним вечером девятого ноября последняя и самая главная жертва — Мэри Келли — была подвергнута наиболее зверскому расчленению. Ритуал длился два часа. На этом серия убийств Джека Потрошителя прекратилась.

Бёртон нашел записи, касающиеся Галла, Нетли, Келли, Крук, Сикерта, Солсбери, принца Эдди и Страйд. По непонятным причинам, которые компьютер не мог объяснить, файлы Торговки и Николс обнаружить не удалось. Впрочем, компьютер обещал продолжить поиск.

Бёртон просмотрел видеозаписи всех событий, начиная со встречи Эдди и Анны Крук и кончая убийством Келли. Часть записей он прокручивал повторно, хотя его дважды вырвало: в первый раз, когда Галл обрабатывал Эддоуз, а во второй — во время расчленения Келли. Бёртон всегда считал, что у него

крепкий желудок, но, по-видимому, переоценил свои возможности.

Затем он ознакомился с помощью компьютера с некоторыми эпизодами из жизни участников дела Потрошителя в долине Реки. Анну Элизабет Крук воскресили, вернув ей рассудок, но стерев память о событиях, произошедших с 1888 по 1920 год.

Шизофрению сэра Уильяма Галла, похоже, удалось приостановить. Через двадцать лет после первого воскрешения его вовлек в религиозную секту доуистов сам основатель секты, Лоренцо Дау.

Для кучера Джона Нетли, утонувшего в Темзе, а затем воскресенного на берегу Реки, все это оказалось серьезным потрясением. Шесть месяцев он вел себя как истинный христианин (в согласии с идеалами христианства, а не обычной практикой поведения христиан). Но когда первый шок прошел и Нетли убедился, что его не собираются наказывать за грехи, он тут же вновь обрел свою земную натуру — натуру скользкого, разврата, эгоистичного и хладнокровного преступника.

Художник Уолтер Сикерт быстро обратился в веру Второго Шанса и дослужился до звания епископа.

Длинная Лиз Страйд и Мэри Келли были воскрешены в долине рядом друг с дружкой. Пять лет они были неразлучными подругами и добрыми соседками. Ни одна, ни другая не стали здесь проститутками, хотя и обзавелись любовниками, но пили горькую по-прежнему. Потом Страйд ударила в религию и вступила в популярную буддийскую секту нихиренитов. Келли бросила ее, отправившись вверх по Реке, и, после множества приключений, осела в мирном районе. Обе они погибли в те страшные времена, что наступили после поломки питающего камня на правом берегу Реки.

В общем, долгие странствия для всех них пока что закончились. Убийцы и жертвы существовали нынче только в виде телесных матриц и ватанов, которые плавали в водоворотах центрального колодца.

ГЛАВА 22

Расследование дела Потрошителя было закончено; загадка решена. Теперь Бёртон мог вернуться в свой личный мир, но по какой-то необъяснимой причине медлил. Хотя откладывать возвращение не было никаких оснований. Его раздражало это

подсознательное раздвоение, поэтому он решил с ним покончить.

И все же перед уходом Бёртон еще раз погрузился в размышления о том, что он пережил, наблюдая эти две недели за чужой жизнью. Мир, увиденный глазами проституток, ужаснул его и потряс. На своем веку Бёртон повидал немало дикости и грязи, часто сталкивался с несправедливостью и угнетением, но ничто не шло в сравнение с чудовищно бесчеловечной действительностью лондонского Ист-Энда 1880-х годов. В этот сравнительно небольшой район было втиснуто восемьсот тысяч человек, которые почти постоянно голодали, питались помоями и радовались хоть такой еде, которые пили, когда могли себе это позволить, а зачастую — и когда не могли, которые жили в грязных, сырых, кишащих паразитами комнатах с облупленными стенами, были жестоки друг к другу, невежественны, суеверны, а главное, что хуже всего, лишены всяческой надежды.

Бёртон и раньше знал, что жизнь обитателей Ист-Энда не сахар, но только пожив среди них, пусть даже опосредованно, он ощутил, что само существование этой клоаки вызывает в нем чувства отвращения и вины. Да, вины — ибо он понял, что за этот ужас ответственны все, кто предпочитал его не замечать.

С какой-то точки зрения, извращенной, однако не лишенной резона, Потрошитель совершил акт милосердия, вырвав тех голодных, измощденных и больных проституток из безысходного мрака их жизни.

Опять-таки, сам не желая того, он заставил Англию обратить внимание на преисподнюю, от которой она отвращала свои взоры. Результатом стали громкие требования перемен, и немалая часть злачных трущоб была снесена, а взамен построены более приличные жилища. Но со временем нищета и горе вновь достигли прежнего уровня — который не так уж сильно изменился, — и Ист-Энд был забыт теми, кому не приходилось здесь жить.

Фрайгейт был заинтригован, услыхав о результатах расследования Бёртона.

— Теперь тебе нужно выявить землевладельцев, которые наживались на этой чудовищной нищете, и покарать их, предав вечному забвению.

— Это марксизм, — откликнулся Бёртон.

— Я презираю практику коммунизма, но в нем есть великие идеалы, — сказал Фрайгейт. — Я также презираю практику капитализма, во всяком случае во многих аспектах.

— Но и у него есть свои идеалы, — заметил Бёртон.

Он посмотрел на Фрайгейта и рассмеялся:

— Разве хоть одна социально-политическая и экономическая система в мире сумела приблизиться к своим идеалам? Разве не все системы растленны?

— Конечно. Поэтому... растлители должны быть наказаны.

Нур эль-Музафир обратил их внимание на то, о чем они и сами знали, но как-то позабыли.

— Неважно, что они... мы... делали на Земле. Важно то, что мы делаем сейчас. Если растлители и растленные изменились к лучшему, они должны быть вознаграждены не меньше тех, кто всегда оставался добродетелен. А теперь позвольте мне определить, что есть добродетель... — сказал он и улыбнулся: — Хотя не стоит. Вы устали от «мудреца из башни», как вы порой называете меня. Мои истины приводят вас в смущение, даже когда вы с ними согласны.

— Кстати, к вопросу о том, кого следует воскрешать и кого бы нам хотелось видеть в своей компании, — вмешался Фрайгейт. — Возьмем, например, Клеопатру. Мы с вами были бы рады увидеть ее во плоти и послушать правдивый рассказ о том, что происходило в те времена. Но царица любила вгонять острые булавки в груди своих рабынь, наслаждаясь их болью и корчами. Шекспир не упомянул об этом, когда писал «Антония и Клеопатру». Джордж Бернард Шоу в пьесе «Цезарь и Клеопатра» тоже обошел сей факт молчанием. И с точки зрения литературы они были правы. Могли бы мы с вами поверить в гений и величие Клеопатры и Цезаря или сопереживать их трагедии, если бы нам показали их варварский садизм и кровожадную жестокость? Однако мы с вами живем в реальном, а не вымыщенном мире. Так что, хотели бы вы видеть Клеопатру, Цезаря или Антония своими соседями?

— Нур скажет: все зависит, мол, от того, какими они стали теперь.

— И будет прав, конечно. Он всегда прав. И тем не менее... — Фрайгейт обернулся к Нуру: — Ты элитарист. Ты веришь, и наверняка правильно делаешь, что только избранные наделены врожденной способностью стать суфиями или их философски-этическими эквивалентами. И еще меньше, по твоему мнению, тех, кто достоин «продвижения». Большинство людей просто не в состоянии достичь необходимого этического уровня. Жаль, но такова суровая действительность. Природа избыточна в отношении тел, но не менее избыточна она и в отношении душ. Природа устроила так, что большая часть

мошек становится пищей для птиц и жаб, и она же устроила так, что большая часть душ не увидит спасения — и хотя они не сгинут, как мошки, в птичьем желудке, но достигнуть положенного уровня не сумеют.

«Продвижение» — удел немногих, а большинство подобно мошкам, идущим на прокорм.

— Разница в том, — возразил Нур, — что мошки безмозглы и лишены души, в то время как люди разумны и понимают, что им надо делать. Должны понимать, по крайней мере.

— Разве Бог, если он и есть природа, может быть столь расточительным и кровожадным? — спросил Бёртон.

— Он наделил человечество свободой воли, — сказал Нур. — Не его вина, если люди не сумели ею воспользоваться.

— Да, но ты сам говорил, что генетические дефекты, нарушения химического баланса, мозговые травмы и социальная среда могут влиять на поведение личности.

— Влиять — да. Но не определять. Нет. Я подчеркиваю это. Существуют определенные ситуации и обстоятельства, когда личность лишена свободы воли. Но... только не у нас, не в Мире Реки.

— А что, если бы этики не дали нам второго шанса?

Нур с улыбкой развел руками:

— Да, но Бог устроил так, что этики *дали* нам этот шанс.

— Который, согласно твоим воззрениям, большинство людей проморгали.

— Но вы ведь тоже так считаете, разве нет?

Бёртон с Фрайгейтом не нашлись, что ему возразить. Они частенько заходили в тупик, когда рассуждали с Нуром о серьезных материалах.

Разговор закончился, экраны потускнели, и Бёртон вышел в коридор. Сначала он решил снять кодовое слово, которым запиралась квартира, и освободить ее для любого желающего. Но потом передумал. Ему может потребоваться убежище, где никто не сумеет его отыскать.

Не взяв с собой ничего, кроме лучемета, одетый только в кильт из полотенца, Бёртон вышел в коридор. На противоположной стене коридора тут же осветился экран. Не обращая внимания на изображение — там на Бёртона с угрожающим видом надвигался отец, Бёртон уже и забыл почему, — он подошел к летающему креслу, припаркованному у стены. Потом обернулся и взглянул в другую сторону коридора. Оттуда донесся громкий треск. Бёртон потянулся было за лучеметом, но остановился, когда до него дошло, что это за треск.

Чуть погодя из-за угла в нескольких сотнях ярдов молнией вывернулся мотоцикл. Водитель держал машину под крутым наклоном, чтобы сделать поворот, не снижая скорости. Затем мотоцикл выпрямился и, сопровождаемый картинками из прошлого мотоциклиста, вспыхивавшими на стенных экранах, понесся прямо к Бёртону. Водитель, крупный негр в шлеме с очками и черном кожаном обмундировании, блеснул белоснежными зубами.

Бёртон стоял рядом с креслом, не шелохнувшись, хотя руль мотоцикла чуть было не задел его.

— Поберегись, мать твою так! — крикнул чернокожий, и его оглушительный хохот волной докатился до Бёртона.

Бёртон выругался и велел компьютеру включить экран связи, чтобы поговорить с Томом Терпином. Пришлось подождать несколько минут, прежде чем ухмыляющаяся рожа Терпина появилась на экране. Его окружал обычный антураж — мужчины и женщины в крикливых одеяниях, громкая болтовня и пронзительный смех. Том был одет в костюм начала двадцатого века в яркую и контрастную клетку, а на голову нацепил алый котелок с длинным белым пером. Во рту у него дымилась громадная сигара. Со временем их последней встречи Том прибавил по меньшей мере десять фунтов.

— Как жизнь, дружок?

— Не так весело, как у тебя, — мрачно ответил Бёртон. — Том, у меня к тебе жалоба, и вполне законная.

— А нам законные жалобы ни на фиг не нужны, верно? — откликнулся Том, выпустив тугую серую струю дыма.

— Твои ребята носятся по коридорам на мотоциклах, машинах и Бог знает на чем, — сказал Бёртон. — Мало того, что меня уже стукнули два раза, так еще вонь от бензина и лошадиного деръма стоит невыносимая. Можешь ты как-то их урезонить? Они опасны для окружающих.

— Ни черта я не могу, — по-прежнему улыбаясь, ответил Том. — Это мои ребята, все верно, я здесь король. Но у меня нет полицейских, как ты знаешь. К тому же роботы убирают конские какашки, а вентиляторы развеивают дым. Ты ведь слышишь, когда они приближаются, правда? Просто посторонись, и все дела. Там же у тебя скучища смертная. Разве мои ребята не развлекают тебя хоть немножечко? Знаешь, Дик, ты слишком долго живешь один. Так у тебя вся кровь в жилах закиснет. Почему ты не заведешь себе подружку? А еще лучше — сразу четырех. Может, тогда ты перестанешь дуться, как мышь на крупу!

— Так ты ничего не сделаешь?

— Не могу. И не хочу. Эти ниггеры — жутко вспыльчивый народ. — Он ухмыльнулся. — Соседи — вечная проблема, верно? А знаешь, Дик, ты просто пристрели их, если они будут тебе досаждать. Никто не пострадает. Я воскрешу их, и мы все вместе посмеемся. Конечно, в следующий раз они тебя тоже могут пристрелить. Ладно, увидимся, Дик. Всего хорошего.

Экран потускнел.

В душе у Бёртона все кипело. Однако он ничего не мог поделать, разве только развязать локальную войну. А это ему ни к чему. И все-таки... Он уселся в кресло и отправился в свой личный мир. Там его никто не потревожит, а когда он заселит свой мир, то уж постарается, чтобы соседи у него были не только дружелюбными, но и покладистыми. Хотя поспорить Бёртон любил, и ничто не доставляло ему такого удовольствия, как словесный поединок.

Сворачивая за угол, из-за которого появился мотоциклист, Бёртон чуть было не снес кому-то голову. Вздрогнув, он рванул на себя рычажок в подлокотнике, и кресло взмыло вверх. Пятеро стоявших в коридоре людей пригнулись, но, лети кресло чуть пониже, аварии было бы не избежать.

Сердце у Бёртона от неожиданного столкновения забилось как бешеное. Он остановил кресло, развернул его и приземлился на пол. Двое мужчин и три женщины были ему незнакомы, но не выглядели опасными. Совершенно нагие, они не могли никуда спрятать оружие. Более того, они сами были явно напуганы и не знали, что делать. Не приближаясь к Бёртону, они заговорили с ним по-английски. Один — на британском английском, с выговором образованного человека, другой на кокни, одна из женщин с шотландской картавостью, другая — с ирландской напевностью, а третья и вовсе с иностранным акцентом, скорее всего скандинавским.

Бёртон сделал навстречу им два шага и вдруг остановился.

— Боже мой!

Он узнал их. Галл, Нетли, Крук, Келли и Страйд.

ГЛАВА 23

Бёртон, как правило, быстро реагировал на любую ситуацию, редко застывая от изумления или страха. Но встреча с этой пятеркой была настолько неожиданна и невероятна, что он ошеломленно пялился на них во все глаза. Будь они совсем ему незнакомы, он бы просто удивился, но то, что он так

хорошо их знал и считал существующими лишь в записях, напрочь сбило его с толку.

А пятеро людей, естественно, были ошарашены почище Бёртона. Они не имели ни малейшего понятия, куда их занесло и почему. По крайней мере, судя по выражениям их лиц, никто им ничего не объяснил. Кто бы ни воскресил этих пятерых, он просто бросил их на произвол судьбы. «Возможно, — подумал Бёртон, собравшись немного с мыслями, — возможно, это не простое совпадение, что они очутились тут, рядом со мной. Но кто — кто, ради всего святого — мог это сделать? И зачем?»

Галл стоял на голых коленях, глядя вверх с молитвенно сложенными руками, и что-то беззвучно шептал. Нетли был похож на загнанного в угол зверя — съежившегося, рычащего, готового к прыжку. Три женщины уставились на Бёртона, широко распахнув глаза. Страх на их лицах боролся с надеждой: они боялись, как бы он не оказался каким-нибудь исчадием ада, и надеялись, что он все-таки будет их спасителем.

Бёртон, улыбаясь, медленно пошел им навстречу и остановился футах в пяти.

— Вам не о чем беспокоиться, — сказал он, подняв руку. — Совсем наоборот. Если вы перестанете трястись и последуете за мной, я объясню вам, что с вами приключилось. И позабочусь о том, чтобы вы чувствовали себя как дома. Кстати, меня зовут Ричард Фрэнсис Бёртон. А вам нет нужды представляться. Я знаю, кто вы.

Он вошел в распахнутую дверь, откуда они, по-видимому, недавно вышли. Пятерка потянулась за ним — и тут Бёртон снова услышал отдаленный рев мотоциклетного мотора. Он остановился в дверях. Остальные сбились в стайку за его спиной. Коридор задрожал от треска, мотоцикл вырулил из-за угла, выпрямился и пронесся мимо них. Чернокожий наездник помахал им затянутой в перчатку рукой:

— Ну, как тебе это нравится, сукин ты сын?

Бёртон повернулся и увидел, что его гости замерли от удивления и еще больше — от страха. Ничего удивительного. Никто из них отродясь не видал мотоцикла, да и вообще машин с двигателями внутреннего сгорания. Он и сам не видел их в своей земной жизни, но привык к ним по фильмам и книгам еще до того, как попал в башню.

— Позже я вам все объясню, — сказал Бёртон.

Он велел им садиться, и они послушно уселись, но тут же заговорили все хором.

— Я знаю, что у вас много вопросов, — перебил их Бёртон, — но, пожалуйста, придержите их до поры до времени. Сначала вам нужно выпить.

Нет. Сначала он принесет им из конвертера кильты, лифчики и накидки. Пока что они слишком шокированы и не замечают своей наготы. Хотя, привыкнув к виду обнаженных тел на берегах Реки, они, быть может, и не сконфузятся. Но гости тем не менее с благодарностью приняли одежду и начали облачаться. Нетли немного расслабился, хотя по-прежнему подозрительно поглядывал на Бёртона.

— Вам надо выпить, — повторил Бёртон. — Что кому налить?

Абстинентов, похоже, среди них не водилось. Нетли, Страйд и Келли попросили джина, Галл — скотч с водой, Анна Крук — вина.

— В желудках у вас, конечно, пусто, но, я думаю, вам сейчас не до еды, — сказал Бёртон, раздав им спиртное. — Когда захотите, можете заказать что угодно и сколько угодно. Здесь, в отличие от долины, вам не придется довольствоваться тем, что дают питающие камни.

Они заглотнули выпивку так быстро, что Бёртон налил им по новой. Гости слегка порозовели, оживились и, казалось, горели желанием послушать Бёртона.

— Вы, случайно, не тот самый сэр Ричард Бёртон, знаменитый исследователь Африки и лингвист? — глубоким баритоном спросил его Галл.

— К вашим услугам.

— Боже мой, я так и подумал! Вы похожи на него, только выглядите моложе. Я посетил несколько ваших лекций в Антропологическом обществе.

— Да, я помню, — отозвался Бёртон.

Галл взмахнул рукой, расплескав пару капель виски из кварцевого кубка:

— Но... все это... Где мы?

— Всему свое время.

Галл и Нетли наверняка узнают друг друга — если еще не узнали, — хотя и не виделись более сорока лет. Узнают ли они женщин, Бёртон сомневался. Анну Крук доктор видел всего несколько минут, когда удостоверял ее невменяемость, к тому же на ней сейчас не было викторианской одежды, а свои черные волосы она коротко остригла. (Кстати, Анна немного напоминала сейчас принцессу Александру, матушку Эдди. Возможно, именно потому Эдди, явно страдавший эдиповым

комплексом, и воспыпал к ней любовью.) Джон Нетли видел Анну Элизабет Крук, любовницу принца Эдди, много раз, однако даже если он узнал ее, то вида не подал. Может, просто не хотел признаваться. Если она не поймет, кто он такой, ему же лучше. Но почему Крук не узнает его? Правда, он сейчас без усов, и все-таки... Может, ее забывчивость объясняется шоком и отсутствием викторианской одежды? К тому же после их последней встречи прошло немало лет.

Что же до Келли, то Сикерт с Галлом схватили ее на темной улице, заволокли в темную карету и напоили отравленным вином. Страйд тоже видела Нетли и Галла мельком и в сумерках.

Бёртон не знал, с чего начать: то ли объяснить им, что это за башня и как они сюда попали, то ли представить их друг другу. Он предвкушал их реакцию, когда они поймут, в чьей компании оказались, но побаивался, что фурор от такого открытия слишком надолго задержит объяснения. С другой стороны, объяснения будут довольно долгими, и за это время они, возможно, сообразят, кто есть кто.

— Во-первых, позвольте вас друг другу представить, — решил Бёртон.

— Что до нас с Анной, так это не обязательно, дорогуша, — проворковала Келли. — Мы старые подружки. И с Лиз тоже.

— И тем не менее, — усмехнулся Бёртон, — я обязан исполнить долг вежливости, да и мужчины наверняка хотят с вами познакомиться.

Он сделал паузу — о, какая восхитительная ситуация! — и произнес:

— Элизабет Страйд, Мэри Джейн Келли и Анна Элизабет Крук! Позвольте вам представить сэра Уильяма Галла и Джона Нетли.

Последовавшая за этим сцена оправдала все его ожидания. Галл побелел и застыл с кубком, поднесенным ко рту. Нетли тоже побелел, замер на мгновение, потом выпрыгнул из кресла и попятился, не спуская с женщин глаз.

— Теперь я узнала тебя! — воскликнула Анна, вскочив на ноги и показывая дрожащим пальцем на Галла. — Это ты, подлый лекаришка, объявил меня сумасшедшей! А ты, — обвиняющий перст ткнул в сторону Нетли, — ты увез моего Эдди, когда нагрянула полиция!

— Он также дважды пытался убить вашу дочь, — услужливо добавил Бёртон. — А этот человек, миссис Страйд и

миссис Келли, — он указал на Галла, — этот человек вас обеих убил. С помощью своего сообщника.

— Помоги мне, Господи! — воззвал Галл, бухнувшись на колени. — Помоги мне, Господи, и прости, если на то будет воля Твоя!

— Это было давно, — огрызнулся Нетли. — Какая теперь разница? Вы все трое живы и здоровы, верно? Кто старое помянет, тому глаз вон!

— Видите ли, — сказал Бёртон, — Страйд и Келли знают, что вы их убили, но за долгие годы, прожитые ими на берегу Реки, никто не рассказывал им об убийствах Джека Потрошителя. Поэтому они...

— Он! — прервала его Келли, ткнув пальцем в Галла. — Он — Джек Потрошитель?

— Такой личности вообще не существует, то есть Джек не один человек, а целых три. Но именно Галл написал подметные письма, прославившие имя Потрошителя, и вообще был головой всего этого дела. Вы, Келли, еще не знаете, что он сделал после того, как убил вас. Помните, Келли, как изуродована была Кэтрин Эддоуз? Так это ерунда по сравнению с тем, что Галл сотворил с вами. Описать мне, как он вас расчленил?

— Нет! Нет! — возопил Галл, поднимаясь с колен. — Даже теперь, хотя я примирился с Господом, мне не забыть моих злодеяний!

— А я? — спросила Страйд. — Что случилось со мной?

— Вам просто перерезали горло, только и всего. Галл не успел исполнить над вами кровавый ритуал.

— Только и всего?! — взвизгнула Страйд. — Только и всего! По-вашему, этого мало?

Не переставая визжать, она бросилась на Галла, растопырив скрюченные пальцы. Он не отпрянул, хотя и поморщился, когда ее ногти вонзились ему в лицо. Нетли шагнул было к нему на помощь, но потом нерешительно отступил.

Бёртон оторвал визжащую женщину от доктора. Галл потрогал свои окровавленные щеки, но ничего не сказал.

— Я бы с радостью вырезала ему все кишки и держала у него перед глазами, пока бы он не подох, — пробурчала Келли.

Она подошла к Длинной Лиз, обняла подругу за плечи и увела рыдающую женщину в угол.

— Все. Покончим с трагедиями, мщением и упреками, — заявил Бёртон. — Что вы будете делать потом — это меня не касается. А пока ведите себя прилично и внимательно

выслушайте меня. Вас необходимо просветить, и, хотя мне не очень улыбается заниматься вашим образованием, я обязан это сделать. Я просто не могу вас бросить здесь, как щенят.

Сначала он велел им рассказать, как они появились из конвертера. Да-да, из того громадного куба, что стоит в углу этой самой комнаты. Как выяснилось, в конвертере они пробудились от смертного сна, после чего открыли дверцу и вылезли в комнату. Обследовав соседние помещения, они вышли в коридор, где как раз в то время пролетал Бёртон на своем кресле.

— Так вы никого больше не видели? — спросил он.

Они дружно ответили, что нет.

Бёртон повел Галла в ванную комнату, где, как и следовало ожидать, нашлась бутылочка с заживляющей раны жидкостью. Кровь мгновенно свернулась, а через сутки царапины затянутся совсем.

Он спросил гостей, голодны ли они. Нетли с женщинами сказали «да»; Галл покачал головой. Бёртон принял у них заказы и переадресовал их конвертеру. Пока они насыщались, сидя за маленькими столиками, Бёртон пустился в долгое повествование о Мире Реки, о тяготах пути к башне, куда он добирался со своими спутниками, и о том, что они здесь обнаружили. За время рассказа он осушил два высоких кубка скотча, а гости подчистили все, что было у них на тарелках.

— Теперь вы немного в курсе событий, — заключил Бёртон. — Я знаю, что у вас осталась тысяча вопросов, и вам понадобится время, чтобы научиться общаться с компьютером. Но пока я предлагаю вам здесь переночевать — если хотите, я дам вам снотворные пилюли, — и мы с вами встретимся завтра. Я познакомлю вас со своими восемью товарищами. Возможно, не лично, но хотя бы на экране.

— Откуда нам знать, что эти два подонка не убьют нас во сне еще раз? — пробурчала Мэри Келли.

— Да мне и в голову такое не придет! — воскликнул Галл. — Я переменился; я давно уже другой человек! Поверьте мне, леди, я глубоко раскаялся в своих преступлениях и пытался — вернее, пытаюсь — жить по-христиански, как учит нас святая вера. Я не только не причиню вам зла — я защищу вас от любого, кто посягнет на вашу жизнь или честь!

— Красиво заливаешь, — презрительно усмехнулась Лиз Страйд.

— Я говорю совершенно искренне, мадам, поверьте мне!

— Я думаю, он не врет, — сказал Бёртон. — Но вы, дамы, можете спать в отдельной комнате. Я скажу вам кодовое слово, и никто, кроме меня и вас троих, не сможет проникнуть в вашу спальню.

Показав им, как получить из конвертера еду и напитки, Бёртон вышел. Но не отправился в свой мир, а вернулся к себе в апартаменты. Поскольку завтра предстояло обучить новичков элементарным вещам, лучше быть к ним поближе.

По пути к себе он все размышлял о том, кто же воскресил эту пятерку. Кто бы он ни был, чувство юмора у него довольно зловещее. Но кто мог это сделать? О том, что Бёртон занимается расследованием дела Потрошителя, знали только Фрайгейт и Нур, а уж они-то не стали бы так шутить. Тогда кто? Лога и монгольский агент мертвы. Неужели — Бёртону не хотелось даже думать об этом — здесь бродит еще какой-нибудь Снарк?

Только Бёртон улегся в кровать, как на стене появился экран. А на нем — несчастное лицо Звездной Ложки.

Быстро говоря на эсперанто и мешая слова со слезами, она спросила у Бёртона позволения прийти к нему в квартиру.

— Зачем?

— Я устала делить По с пятью другими женщинами, хотя он почти не уделяет нам внимания. То пьет со своими дружками, то занимается исследованиями. А кроме того... я не желаю его объятий.

Бёртону не надо было спрашивать, чьих объятий она желает.

— Ли По в курсе, что ты мне звонишь?

— Да. Я сказала ему час назад. Он рвал и метал, а потом...

— Он не бил тебя?

— Нет, он женщин не бьет, надо отдать ему должное. По крайней мере, не физически.

— Ну и что потом?

— Потом? Ах да! Он улыбнулся, благословил меня и сказал: он, мол, надеется, что я с тобой буду счастлива. Правда, тут же все испортил, прибавив, что он в этом сомневается.

— Я хочу потолковать с ним, — сказал Бёртон, вставая с кровати и надевая кильт.

Черные глаза Звездной Ложки расширились:

— Зачем? Ты думаешь, я лгу?

— Нет, конечно, нет! Просто мне не хочется, чтобы он думал, будто я боюсь встретиться с ним лицом к лицу. А кроме

того, мне будет неприятно, если он решит, что я увел тебя тайком.

— О, так он не думает! Я сказала ему, что ты понятия не имеешь о том, что я тебя хочу.

— А вот это как раз вранье, — сказал Бёртон, не упрекая ее, однако. Вранье вранью рознь, и ложь китаянки относилась к «невинной» категории. А кроме того, кто он такой, чтобы упрекать кого-либо за лицемерие? — Я все-таки поговорю с ним, если он не спит.

— Нет, он не спит, но он не велел, чтобы его беспокоили. У него сейчас женщина. Он только что ее воскресил. Сказал, что она заменит меня. Бедняжка.

— Возможно, — откликнулся Бёртон. — Хотя сейчас она, должно быть, преисполнена к нему благодарности за воскрешение из мертвых.

Бёртон не был влюблена в китаянку. Однако он не считал любовь обязательным условием для приятной связи между мужчиной и женщиной. Он, безусловно, любил Алису — ну и куда их завела эта любовь?

— Ладно, приходи, — сказал он. — Я велю компьютеру впустить тебя.

Звездная Ложка прекратила хлюпать носом и просияла, словно солнышко на рассвете.

— Только поправлю макияж и соберу свои вещички. Ты же хочешь меня, правда?

— Не хотел бы — не приглашал, — ответил Бёртон.

Заснуть ему удалось только в пятом часу.

ГЛАВА 24

Бёртон позвонил трем женщинам в их спальню, а затем обоим мужчинам, которые ночевали в отдельных комнатах. Пожелав им доброго утра, он сказал, что велел компьютеру обучить их, как с ним работать. После чего пригласил их прийти вечером на еженедельное собрание восьмерки — вернее, теперь уже больше чем восьмерки.

— Потом можете делать все, что вам заблагорассудится. Я буду позванивать вам время от времени или даже загляну, если вы не против. А вы можете звякнуть мне, если возникнут какие-нибудь вопросы.

Все пятеро не скрывали своего разочарования. Они явно считали, что он должен быть при них неотлучно, пока они не приспособятся к здешней жизни. Но делать было нечего.

Бёртон с китаянкой позавтракали, откушав яиц *au beurre poir**, оладушков с черникой и инжира со сливками. Потом они полетели в маленький мирок Бёртона, Телем, названный в честь мифической страны, описанной Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэль». Девизом ее, согласно старику-французу, было «Делай что хочешь». Бёртон переиначил его в «Делай, что хочет Бёртон». Возможно, впрочем, что ему следовало назвать свой мир Багдадом-в-Башне. В центре его Бёртон соорудил небольшой город с замком, похожим на место действия «Тысячи и одной ночи» в представлении романтика или голливудского продюсера. Из западного угла просторного помещения вытекала река и, обогнув город, скользила змейкой к востоку, теряясь в песках пустыни неподалеку от входа. Вокруг города бродили свирепые львы и леопарды, а также стада газелей, антилоп, страусов и прочих пустынных жителей. В речке плавали крокодилы и бегемоты, а джунгли кишили обезьянами, виверрами и птицами.

Все население Телема в данный момент состояло из китаянки и самого Бёртона. Он собирался позже поселить здесь приятных для себя людей, однако не торопился.

В двадцать ноль-ноль они со Звездной Ложкой явились на вечеринку, хотя и не без приключений. Чернокожий мотоциклист, теперь уже с чернокожей женщиной за спиной, вихрем промчался мимо, махнул рукой и крикнул, на сей раз, правда, без ругани:

— Эй, Бёртон, что происходит?

Через несколько секунд они увидали, как по коридору бредет сама по себе большущая свинья, цокая копытцами.

— Бог ты мой! — восхликал Бёртон. — Это что за диво?

— Не знаю, — ответила Звездная Ложка. — Я говорила с Афрай сегодня днем, и она тоже несколько раз натыкалась на каких-то незнакомцев. В основном они, наверное, из мира Тома Терпина. По крайней мере, она так думает, поскольку они чернокожие. Но как-то она столкнулась с дюжиной человек, похожих с виду на цыган.

— Цыган? Кто их мог воскресить?

Они вошли в квартиру Нура, окунувшись в море веселого шума и смеха. Алиса тоже была здесь, одетая по своей любимой моде двадцатых годов. Она мельком улыбнулась им, но так и не подошла поговорить. Бёртон ожидал, что вызовет всеобщее удивление, появившись в паре с китаянкой. Однако

* С пережаренным маслом (*фр.*).

Ли По, похоже, уже всем разболтал. Если он и ревновал, то не показывал вида. Реалист по натуре, китаец понимал, что демонстрация ревности не только ничего не даст, но и заставит его потерять лицо. Кроме того, Ли По не страдал от отсутствия компании или секса. Он успел воскресить уже сорок мужчин и сорок семь женщин, бывших его знакомыми в прежней земной жизни. Семь женщин были его любовницами, каждая в свой день недели. Но сегодня он привел с собой только одну.

— Они сопровождают меня на наши встречи по очереди, — сказал китаец Бёртону.

— Со временем им наскучит этот гарем, и они воскresят себе каждая по мужчине, — откликнулся Бёртон. — Что ты тогда будешь делать?

— Ничего, — улыбнулся Ли По. — Я не тиран. Я просто воскрешу себе новых подруг. Рано или поздно это неизбежно произойдет, поскольку нынешние мне надоедят. Или же я им надоем, как ни трудно мне в это поверить.

Бёртон представил себе кишащий людьми мир Ли По. Когда наступит перенаселение, избыток выплеснется в квартиры. То же самое творилось сейчас в мире Тома Терпина.

— Дружище, я просто не знаю, что сказать, — пожал плечами Терпин. — Я начал их воскрешать, а потом они вышли из-под контроля. Они *сами* начали воскрешать людей, те — тоже, и пошло-поехало. Теперь с этим воскрешением сплошная морока.

Бёртон рассказал ему о чернокожем мотоциклисте.

— Это Билл Уильямс, — ухмыльнулся Терпин. — Я понятия не имею, кто его поднял из мертвых. Я мог бы выяснить, конечно, но что толку? Кстати, он не американский негр. Он русский.

— Русский?

— Ага. У него была занятная жизнь. Тебе надо бы как-нибудь с ним поболтать.

Бёртон, когда вошел, сразу заметил Галла, Нетли, Крук, Страйд и Келли. Они стояли в двух углах — мужчины в одном, женщины в другом, общаясь только между собой. Бёртон провел их по комнате, чтобы представить присутствующим. Но Фрайгейт, похоже, успел распустить о них слухи, поэтому, хотя новенькие и вызывали любопытство, с Галлом и Нетли многим из гостей было не по себе. Да кому угодно стало бы не по себе в компании двух третей нечистой троицы, составляющей Джека Потрошителя. На Нетли это подействовало столь угнетающее, что он довольно рано ушел. Бёртон, выйдя в

коридор, втихаря приказал компьютеру последить за бывшим кучером.

Заметив, что Страйд, Крук и Келли чувствуют себя не в своей тарелке, Нур подошел к ним и быстро их развеселил. Он одинаково свободно держался со сливками общества и его низами, с образованными людьми и необразованными, богатыми и бедными, быстро вписываясь в любую компанию и нигде не теряя достоинства. Через некоторое время к ним присоединились Афра Бен с Фрайгейтом, и Нур оставил своих подопечных, остановившись в конце концов возле Галла. Бёртону стало любопытно, и он подошел к ним поближе.

Галл рассказывал Нуру о Лоренцо Доу — человеке, который обратил доктора в свою веру. Доу родился в Ковентри, округ Толланд, штат Коннектикут, в 1777 году. Обладавший богатым воображением, впечатлительный мальчик, увидав однажды ангела — по крайней мере, так он утверждал, — сделался набожным не по годам. В юности он стал странствующим священником, связанным, правда не очень тесно, с методистской церковью. Он был самым активным и известным из всех раннеамериканских миссионеров. Его знали повсюду — от штата Мэн до Южной Каролины и от Нью-Йорка до пустынных берегов Миссисипи. Прослышав о том, что где-то живет хотя бы горстка людей, он отправлялся в путь на лодке, в повозке, верхом или пешком и произносил им свои эксцентричные и бессвязные проповеди.

Когда его воскресили из мертвых в Мире Реки, он был удивлен, однако не слишком. «Кое в чем я ошибался, — заявил он своим воскресителям, — но в основном был прав».

Доу не сомневался, что ангел, виденный им в детстве, был одним из создателей Мира Реки — мира, представляющего собой этап, пройдя который достойные могли продолжить свою жизнь в лучшем мире. Как и шансеры, он верил, что все должны стремиться к моральному и духовному самоусовершенствованию. Но, в отличие от шансеров, Доу не верил, что конечной целью является растворение в божественной сущности. Нет, эта Река — нечто вроде чистилища, в котором Бог и его ангелы дают людям еще один шанс. Те, в ком свершится великая духовная перемена, перейдут в другой мир, где их воскресят опять. Неудачники же умрут здесь, навсегда обратившись в прах.

— Встречал я ваших ангелов, — сказал Бёртон. — Они всего лишь мужчины и женщины. Кстати, все они, кроме одного, родились на Земле и умерли там детьми. Монат — единствен-

ное исключение. Негуманоид внеземного происхождения, он возглавлял весь этот проект. Оглянитесь вокруг — разве наша башня похожа на ангельское сооружение?

— Безусловно, похожа, — ответил Галл. — Этот Лога, о котором вы говорите, он... Он, должно быть, падший ангел.

— Вы просто спятили, приятель, — заявил Бёртон и отшел.

— Этот человек воскресит массу своих единоверцев, — сказала Звездная Ложка, — и скоро в коридорах шагу нельзя будет ступить, не наткнувшись на кого-нибудь из них. Они не дадут нам покоя.

— Мы укроемся в Телеме. Туда они не пролезут.

— Неприступных мест, как и людей, не бывает.

Звездная Ложка пришла к Бёртону впору, как приходится по ноге мягкая и удобная туфля. И не только в переносном смысле. Когда Бёртон снимал обувь, он тут же забывал о ней до тех пор, пока не приходила пора надевать ее снова. Китаянка, казалось, не имела ничего против того, что ее игнорировали, когда Бёртон был занят исследованиями или работал с компьютером. Она и сама немало времени проводила за пультом. В общем, она была чудесной подругой, занимательным собеседником и старалась не быть Бёртону в тягость. Умная, образованная, Звездная Ложка хорошо знала китайскую поэзию, прекрасно рисовала и изумительно играла на китайской лютне. Страстная, искушенная в любовных играх и раскрепощенная, она, однако, не возмущалась, если Бёртон, поглощенный своими занятиями, не прикасался к ней целую неделю.

Звездная Ложка жаловалась лишь на то, что не может переселить сюда своих родителей. Мама ее жила в долине, отца же китаянке найти не удалось.

— Ты не будешь возражать, если я все-таки сумею перенести их сюда? — спросила она как-то. — Возможно, когда-нибудь мне это удастся. Они могут поселиться в отдельной квартире, чтобы не мешать тебе. А я буду навещать их только с твоего согласия.

— Конечно, — согласился Бёртон. — Можешь переселить сюда всех своих братьев и сестер. А также тетушек, дядюшек и кузенов.

Он не мог бы помешать Звездной Ложке, даже если бы захотел, но не собирался говорить ей об этом. Зачем разочаровывать человека, который так хочет вам угодить? Да, она была прекрасной подружкой.

— Меня удивляет, что она так и не стала здесь более самостоятельной, чем была в долине Реки, — сказал Фрайгейт, когда Бёртон заговорил с ним на эту тему. — Конечно, она воспитана в традициях китайской культуры восьмого века, но в долине ей пришлось столкнуться со многими другими культурами. Обыкновенно жизнь на берегу Реки эмансипирует женщин.

— Не всегда, — возразил Бёртон. — У нее была трудная жизнь, и это еще мягко сказано. Ты же знаешь ее печальную земную историю. А в долине ей пришлось не легче. Ее там насиловали много раз, хотя, похоже, это не причинило ей особых душевных страданий.

— Похоже-то похоже, но не забывай, что она очень сдержанна.

— Ну конечно, восток — дело тонкое.

— Она очень красива.

— Исключительно. Должен признаться, я польщен тем, что она так страстно меня желала. И все же... я по-прежнему предпочел бы белую и не столь блестящую блондинку, которая была бы предана мне.

— Если найдешь такую и сумеешь воскресить, будь осторожнее со Звездной Ложкой. В ней куда больше огня, чем кажется.

Через несколько дней после вечеринки Бёртон с китаянкой собирались навестить Фрайгейта в его мире и уселись в специальные кресла, сконструированные Бёртоном. Они были больше обычных и находились внутри герметичных пластиковых сфер трехдюймовой толщины. Лучеметы, торчавшие из оболочки, могли стрелять в любых направлениях — вперед, назад, вверх и вниз.

— Кого ты боишься? — спросила Звездная Ложка, увидевшие бронированные кресла впервые.

— Я никого не боюсь, — ответил он, — но я почти никому не доверяю. По коридорам рыщет слишком много неизвестных личностей. К тому же у нас нет никакой уверенности, что в башне не прячется кто-то из этиков.

Кресла взмыли над минаретами и куполами, покрытыми золотым сплавом, в котором сверкали громадные драгоценные каменья, и полетели над рекой и джунглями к выходу. Бёртон нажал кнопку на пульте, передававшую по радио закодированную команду «сезам, открайся». В кресле Звездной Ложки такой кнопки не было, ибо Бёртон отказался сообщать ей код. Она нерешительно спросила его почему, и он объяснил ей,

что не хочет рисковать: а вдруг ее кто-нибудь схватит и выпытает кодовое слово?

— Но кому это нужно? — удивилась она.

— Возможно, никому. Однако это не исключено.

— А что, если кто-нибудь схватит тебя?

— Я предусмотрел такую возможность.

Китаянка не стала спрашивать, какие меры предосторожности он принял. Ведь эту информацию у нее тоже могли выудить под пытками.

На круглой площади не было ни одного человека, только роботы убирали мусор. Остановив кресло перед входом в мир Фрайгейта, Бёртон громко окликнул американца по имени. Через несколько секунд на экране появилось лицо хозяина. Дверь распахнулась, и кресла вплыли в тесную прихожую. Вторая дверь открыла перед ними мир, в котором солнце стояло десятью градусами ниже зенита, температура была восемьдесят пять по Фаренгейту, а воздух перенасыщен влагой. Они пролетели над очень густыми буйными джунглями, над речкой с притоками и над большими полянами. В воде и по берегам ползали громадные зубастые крокодилы. Перед глазами то и дело мелькали головы здоровенных рептилий на длинных шеях, а однажды через поляну грунто пропал ископаемый ящер в тяжелой броне. Над креслами носились крылатые ящеры — птеродактили. Всех этих чудищ не было в архивах этиков, поскольку они прибыли на Землю через семьдесят миллионов лет после того, как вымер последний динозавр. Но Фрайгейт создал компьютерные копии ископаемых, и теперь они царили в джунглях. В центре бробдингнежского помещения стоял каменный монолит двухсот футов высотой с гладкими крутыми стенами, на которые невозможно было забраться. На верху монолита находилась резиденция американца — на плоской поверхности в десять акров посреди острова стоял особняк в стиле середины XIX века, окруженный широким рвом, в котором плавали утки, гуси и лебеди. Бёртон со Звездной Ложкой приземлились на зеленой лужайке возле дома.

Питер Фрайгейт сидел в окружении трех собак на веранде в кресле-качалке, слушал «Музыку на воде» Генделя и потягивал мятный коктейль. На коленях у него лежал сиамский кот. Собаки — настоящие собаки, а не компьютерные копии — с лаем спрыгнули с веранды и подбежали к Бёртону. Громадный ротвейлер, немецкая и шотландская овчарки, они все втроем носились вокруг гостя, виляли хвостами и поскуливали от

удовольствия, когда он их поглаживал. Фрайгейт встал, лишив кота удобного ложа, и поздоровался с гостями. Одет он был в белую льняную рубаху, расшитую египетскими иероглифами, и белый же льняной кильт по колено.

— Приветствую вас во Фрайгейтландии, — сказал он с улыбкой. — Присаживайтесь. — Он кивнул на два кресла-качалки. — Что будете пить?

Фрайгейт хлопнул в ладоши, и в дверях появились два андроида в лакейских ливреях.

— Что, похожи? — спросил хозяин. — Я сделал их точными копиями двух президентов, которых всегда не любил. Одного зовут Хитрюга Дики, а другого — Ронни. Вот этот, у которого вид проныры, Дики. — Фрайгейт помолчал. — Хозяйка дома спустится через минутку.

— Так ты решился в конце концов обзавестись подругой? — удивился Бёртон.

— Да. Собаки и кошки — замечательные друзья, они никогда вам не противоречат. Но я соскучился по разговорам и другим вещам.

Слуги принесли напитки — скотч для Бёртона и вино для Звездной Ложки. Бёртон вытащил из кармана гаванскую сигару, и Дики, моментально подскочив к нему, щелкнул зажигалкой. Ронни поднес огонек к сигарете китаянки.

— Да, такая жизнь по мне! — сказал Фрайгейт. — Я летаю над джунглями и с огромным удовольствием наблюдаю за своими динозаврами. А чтобы тираннозавры не пожирали бронтозавров, я кормлю их мясом на раздаточной станции возле монолита. Но все равно поддерживать баланс между хищниками и травоядными довольно трудно. В один прекрасный день мне это, наверное, надоест. И тогда я ликвидирую юрский период, заменив его меловым. Я собираюсь последовательно воссоздать все эволюционные периоды до эпохи плейстоцена. И на нем остановлюсь. Мне всегда ужасно нравились мамонты и саблезубые тигры.

ГЛАВА 25

Бёртон отмахнулся от мухи.

— Неужели тебе необходимо такое правдоподобие?

— Тут и москиты тоже есть. Вечерами мне приходится скрываться от них в доме. Я не хочу, чтобы здешний мир был стерильным раем без мошек. В свое время я проклинал мух, москитов и муравьев и не мог понять, зачем Господь наводнил

ими Землю, отравляя нам существование. Теперь я понимаю. Они для меня источник наслаждения. Когда они закусают тебя до смерти — не в буквальном смысле, разумеется, — и ты наконец укроешься в каком-то недоступном для них местечке, само их отсутствие доставляет несказанную радость.

Звездная Ложка посмотрела на него так, будто он слегка с приветом. Но Бёртон понимал американца. Чтобы испытать настоящее удовольствие, нужно сначала помаяться. Оправдать существование зла, безусловно, нетрудно. Не будь его на свете, откуда бы мы знали, что добро — это добро? Хотя, возможно, зло не так уж необходимо. Иначе почему этики всеми силами стремились свести его к минимуму?

В этот миг из дома вышла женщина. Обворожительная — рыжеволосая, зеленоглазая, белокожая, длинноногая, полногрудая, с осиной талией. Черты лица у нее были неправильные: нос чуточку длинноват, верхняя губа малость коротковата, а глаза посажены немного глубже, чем надо. Но вместе они создавали прекрасное, значительное и незабываемое лицо. Женщина была пяти футов и семи дюймов ростом, в белом декольтированном платье из мерцающей ткани с разрезом на левом бедре, в белых босоножках на высоких каблуках. Ни драгоценностей, ни жемчугов. Только на правой руке блестел серебряный браслетик.

— Познакомьтесь: Софи Лефкович, — с улыбкой представил ее Фрайгейт. — Я встретился с ней на конференции писателей-фантастов в 1955 году. После этого мы переписывались и время от времени встречались на других конференциях. Она умерла в 1979 году от рака. Ее дед с бабкой переехали из России в Кливленд, штат Огайо, в 1900 году, а отец женился на местной уроженке, чьи предки, испанские евреи, переселились в Нью-Амстердам в 1652 году. Забавно, но я однажды виделся с первым иммигрантом из их рода, Абрамом Лопесом. Правда, мы друг другу не понравились; он оказался ярым фанатиком. А Софи была домохозяйкой, но принимала активное участие в деятельности множества организаций, в том числе и Национальной женской организации. Кроме того, она заработала кучу денег писанием книг для детей под псевдонимом Бегония Уэст.

— Я уверен, они прелестны, — серьезно сказал Бёртон. — Но ты же сам предостерегал меня от воскрешения писателей, помнишь?

— Да, многие из них прогнили насквозь, но не все.

Софи оказалась умной и интересной собеседницей, хотя и чересчур склонной к каламбурам. Она, похоже, была чрезвычайно благодарна Фрайгейту за свое воскрешение, а тот, в свою очередь, искренне ею восхищался.

— Мы, естественно, собираемся воскресить еще кое-кого. Иначе, без компании, мы быстро осточертеем друг другу. Хотя выбрать подходящие кандидатуры — дело нелегкое.

— Он ищет совершенства, которого все равно не найдет, — заметила Софи. — Те, что совершенны, уже стали «продвинувшимися». Я ему говорю: выбирай более или менее подходящих, а если они нам не понравятся, пускай выметаются отсюда.

— Если так будет продолжаться, — сказала Звездная Ложка, — башня скоро лопнет от перенаселения. Каждый воскрешенный начинает тут же воскрешать себе приятелей.

— В башне свободно может разместиться пара миллионов человек, — возразила Софи.

— Но если каждый из них воскресит еще по четыре человека, население начнет расти в геометрической прогрессии, — сказал Бёртон.

— Это бы еще полбеды, — вмешался Фрайгейт. — Нам грозят неприятности похуже. Намедни я разговаривал с Томом Терпином. Он говорит, две парочки из его мира пытаются обзавестись детьми. Они велели компьютеру исключить из своего рациона противозачаточные химические вещества. Том рассердился и сказал им, что, если женщины забеременеют, им придется покинуть Терпинландию. А они заявили, что им плевать.

Собеседники приумолкли, потрясенные новостью. Этики сделали все возможное, чтобы исключить появление детей, поскольку пространство Мира Реки не было рассчитано на прирост населения. А кроме того, свободные места предполагалось заселить воскрешенными, родившимися на Земле после 1983 года.

— Весь проект летит псу под хвост, — сказал Фрайгейт.

— Хуже — к чертям в преисподнюю! — отозвался Бёртон. — Если он еще не там.

— Ну, по-моему, на преисподнюю это мало похоже, — улыбнулась Софи, обводя рукой их личный мирок.

В воздухе раздавались птичий трели — анахроничные звуки, поскольку птиц в мезозойскую эру еще не было, — и поискование парочки енотов, тоже забредшей из более позднего времени. Снизу доносились басовитые гортанные крики

бронтозавров, топот тираннозавров, носившихся с грохотом пассажирского поезда или снежной лавины. Птеранодоны, размах крыльев у которых достигал тридцати футов, хрюкали, как простуженные вороньи.

— Это временное явление, — отозвался Бёртон.

Андроиды Дики и Ронни принесли еще спиртного. Фрайгейт с Бёртоном, возможно вдохновленные присутствием андроидов, начали беседовать на свою любимую тему — о свободе воли и предопределении. Фрайгейт утверждал, что свободная воля играет более значительную роль в человеческой жизни, нежели механические, химические или ядерные элементы. Бёртон, напротив, доказывал, что в большинстве случаев выбор людей предопределен химическим составом их организмов и привитыми в раннем детстве условными рефлексами.

— Но некоторым людям удается изменить свой характер к лучшему, — сказал Фрайгейт. — Они занимаются этим осознанно, прилагая немало труда, и усилием воли преодолевают рефлексы, порой изменяют даже врожденный темперамент.

— Я признаю, что свободная воля имеет значение в жизни некоторых людей, — заметил Бёртон. — Но лишь немногим удается эффективно использовать этот инструмент. В большинстве своем люди подобны роботам. А счастливое меньшинство способно развивать свою свободную волю только потому, что им позволяют это делать гены. Таким образом, даже свобода воли зависит от генетической предопределенности.

— Должен тебе сознаться, — промолвил Фрайгейт, — что я запросил компьютер, проводили ли этики какие-то исследования в области свободы воли и предопределения. Не с философской, а с чисто научной точки зрения. Компьютер сказал, что у него гигантская база данных, поскольку первые этики, предшественники Моната, работали над этой проблемой, а затем их работу продолжили люди Моната и их последователи, земные дети, выросшие в Мире Садов. У меня не было времени, чтобы просмотреть базу или хотя бы часть ее, но я, наверное, все равно ничего бы не понял. Поэтому я попросил выдать мне краткие выводы. Компьютер сказал, что проект еще не закончен, но с некоторыми выводами он может меня ознакомить.

Этики давным-давно составили список всех хромосом, установили их функции и проанализировали взаимовлияние генов. Поэтому когда они нас воскресили, то заменили испорченные гены здоровыми. С точки зрения физической, химической и электрической мы оказались в идеальных условиях.

Так что любые развившиеся потом недостатки имели чисто психологическое происхождение. Конечно же, наши психические и социальные рефлексы были оставлены. Если мы хотели от них избавиться, то могли это сделать строго самостоятельно. Он или она должны были прибегнуть к свободной воле, если таковая у них имелась и если они хотели к ней прибегать.

— Почему ты мне об этом не рассказывал? — спросил Бёртон.

— Не сердись. Я просто хотел выслушать твоё мнение, прежде чем открыть тебе правду.

— Ты просто хотел подставить мне подножку, а потом потоптать лежачего!

— Почему бы и нет? — улыбнулся Фрайгейт. — Ты такой заядлый спорщик, такой убежденный, догматичный и самоверенный, что... Ну, я и подумал: неплохо бы раз в жизни заставить тебя послушать, а то ты постоянно подавляешь собеседника.

— Что ж, если это поможет тебе самоутвердиться, я не против, — улыбнулся Бёртон. — В былые времена я наверняка бы взбеленился. Но во мне тоже произошли перемены.

— Да, однако ты заставишь меня когда-нибудь заплатить за это.

— Нет, не заставлю, — сказал Бёртон. — Я прибегну к данной мне свободе воли, дабы усвоить сей урок. Буду лелеять ее и беречь.

— Посмотрим. И тем не менее...

— Выводы!

— Я постараюсь изложить их нормальным человеческим языком. Мы не совсем роботы, хотя Сэм Клеменс и тот писатель, о котором я рассказывал тебе, Курт Воннегут, утверждали обратное. Они говорили, что наше поведение и мысли стопроцентно определяются событиями прошлого и химическим строением наших организмов. Теория Клеменса утверждала, что все, происходящее ныне, предопределено всем, происходившим прежде. Скорость, с которой первый атом при рождении Вселенной столкнулся со вторым атомом, и угол, под которым они разлетелись, начали цепочку событий, разворачивающихся в определенном направлении. Мы — результат того первоначального столкновения. Ударься первый атом о второй с другой скоростью либо под другим углом, и мы были бы иными. Воннегут об этом не говорил ничего, однако он

утверждал, что мы действуем и мыслим так, а не иначе из-за «негодных химикалий», как он их называл.

Как Клеменс, так и Воннегут порицали зло, но они игнорировали тот факт, что сама их философия снимает со злодеев вину за содеянные преступления. Ведь согласно их теории, личность не может не поступать так, как поступает. Спрашивается, зачем тогда так много писать о злодеях и клеймить их, если те ни за что не несут ответственности? Разве может убийца отвечать за свое преступление, разве могут богачи не эксплуатировать бедняков, а бедняки — не позволять себя эксплуатировать, разве можно винить избивающего детей человека за жестокость, пуританина за нетерпимость и узколобость, либертинга за сексуальную распущенность, судью за мздоимство, куклуксклановца за расовые предрассудки, либерала за его слепоту по отношению к открыто провозглашаемым намерениям и кровавым методам коммунистов, фашиста и капиталиста за использование грязных средств для достижения якобы благих целей, консерватора за презрение к простым людям и за благовидные предлоги, которыми он оправдывает их эксплуатацию? Можно ли обвинять Ивана Грозного, и Жиля де Реца, и Сталина, и Гитлера, и Чан Кайши, и Мао Цзэдуна, и Менахема Бегина, и Ясира Арафата, и Чингисхана, и Симона Боливара, и террориста Ирландской революционной армии, бросающего бомбу в почтовый ящик и отрывающего детям ноги? Можно ли их всех винить? Нет, если ты принимаешь основы философии Клеменса и Воннегута. Убийца, растлитель, насильник и расист так же не заслуживают порицания за свои преступления, как люди добродетельные не заслуживают похвалы. Все они ведут себя так из-за своих генов, или химических процессов, происходящих в их организме, или из-за психосоциальной обработки. Так зачем же тогда писать о преступлениях, если сами писатели не в силах заклеймить преступников?

А затем, согласно их собственной философии, что так уж они запрограммированы. То есть никакой их личной моральной заслуги тут нет.

— Стало быть, эти двое утверждали, будто мы просто бильярдные шары, которые ждут столкновения с другими шарами и попадают затем в назначенный им угол? — спросил Бёртон, терпеливо ожидавший выводов.

— Да.

— Мне хорошо известна эта философия. Я даже написал о ней поэму, как ты знаешь. И все-таки даже те, кто не верит в

свободу воли, всегда поступают так, будто она у них есть. Такова, наверное, человеческая природа. Возможно, это заложено в генах. А теперь, если ты не возражаешь, давай перейдем к выводу.

— Вывод не один, их несколько, — сказал Фрайгейт. — Во-первых, исследования этиков доказывают, что умственный потенциал различных рас одинаков. Все они имеют в запасе равное количество гениев, людей блестящего ума, просто умных, не очень умных и дураков. В 1983 году, когда я умер, мнения на сей счет были весьма противоречивы. Тесты на интеллект вроде бы показали, что средний уровень негроидной расы на несколько пунктов ниже уровня белой. Теми же тестами было установлено, что уровень интеллекта монголоидной расы на несколько пунктов выше, чем у белой. Многие уверяли, что эти тесты некорректны, что они не учитывают влияние социума, экономических возможностей, расовой предвзятости и так далее. И они были правы. Тесты этиков доказывают, что все расы обладают равным интеллектуальным потенциалом.

Это противоречит твоим земным наблюдениям, Дик. Ты утверждал, что белые умнее негров. Ты, правда, признавал, что американские негры способны стать более «цивилизованными» и интеллектуально развитыми по сравнению со своими африканскими собратьями. Но объяснял это тем, что у чернокожих янки большой процент «белой» крови от смешанных браков.

— На Земле я много чего говорил неправильно, не отрицаю, — с жаром возразил Бёртон. — Но, проведя шестьдесят семь лет в тесном, хотя и не всегда добровольном общении с представителями всех рас, национальностей и племен, о которых ты, быть может, даже не слыхал, я изменил свое мнение по поводу многих вещей. Я с чистым сердцем могу назвать любого ниггера своим братом.

— Я бы на твоем месте не стал употреблять слово «ниггер». Оно слишком явно выдает твои прежние заблуждения.

— Ну, ты понял, что я хотел сказать.

— Да. Я помню строчку из твоего стихотворения «Разговор с камнем», где ты критикуешь белого американца за то, что он не хочет назвать... э-э... ниггера... своим братом. Впрочем, не тебе было бросать в него за это камень.

— Я уже не тот, каким был прежде. Когда как следует потрещься среди людей, к тебе волей-неволей пристанут частички их кожи. И наоборот.

— Ну, ты и на Земле изрядно потерся среди людей. Мало кто путешествовал так часто, как ты, общаясь при том со всеми классами, богатыми и бедными.

— Это было слишком недолго. А здесь не только другие условия — я здесь не просто *терся* среди них. Я был потрясен и вывернут наизнанку. Такое не проходит для психического механизма даром.

— Давай воздержимся от механистической терминологии, — сказал Фрайгейт.

— Психический механизм — совершенно точный термин.

— Психика не мотор, но тончайшее и сложное поле, со-здаваемое волнами. И не одно, а множество полей, я бы сказал, суперполе. Как и свет, оно существует одновременно в виде волн и частиц, то есть психических волнниц — волнц, образу-ющих гиперкомплекс.

— Выводы!

— Ладно. Личность — это полуробот. Каждый из нас под-чиняется требованиям биологического механизма, то бишь тела. Когда ты голоден, ты ешь или пытаешься раздобыть еду. Никому еще не удавалось возвыситься над собой настолько, чтобы обходиться без еды и не умереть с голоду. Повреждения черепно-мозговой и нервной системы, рак, химический дис-баланс — все это может повлиять на твои мыслительные способ-ности, сделать тебя сумасшедшим, изменить твои побуждения и отношения. Невозможно силой воли подавить необратимые изменения, вызванные сифилисом, ядами, мозговыми трав-мами и так далее. И все мы рождаемся с набором генов, определяющих основное направление наших интересов и вкусов, даже в еде. Не всем нравятся бифштексы, помидоры или скотч.

Опять-таки, некоторые рождаются с таким набором хромо-сом, который делает их эмоционально более косными по срав-нению с другими людьми. То есть они не могут так же легко, как окружающие, приспособиться к новым явлениям и пере-менам. Они придерживаются старины и тех элементов культу-ры, что были заложены в них с юности. Другие же рождаются более податливыми и адаптируются с легкостью. Но иногда рассудок и логика могут повлиять на волю личности, и та преодолевает собственную косность, размягчает, так сказать, свою собственную натуру.

Возьмем, к примеру, человека, воспитанного в доктринах ортодоксальной христианской веры. Я имею в виду такого верующего, который воспринимает каждое слово Библии букв-ально. Он верит, что мир был сотворен за шесть дней, что был

вселенский потоп, Ной с ковчегом, что Господь остановил вращение Земли, чтобы Иисус Навин со своими кровожадными иудеями успел при свете дня победить не менее кровожадных аморреев. Еву соблазнил змей, а она, в свою очередь, заставила Адама съесть плод с дерева познания добра и зла. И так далее. Как и его собратья по религии, этот человек игнорирует накопленные человечеством знания, доказывающие факт эволюционного развития. Он читает Библию — и не замечает, что, хотя Земля там нигде впрямую не зовется плоской, это явно подразумевается. И, опять-таки, он не воспринимает буквально требование Христа возненавидеть отца своего и мать свою. Он просто не замечает всех этих несопротивляемостей. Он прячет их в потайные уголки сознания. Или же стирает их из памяти, как с пленки.

Но некоторые ортодоксы все же сталкиваются с доказательствами, которых хотели бы не замечать. Железо ударяет о кремень, и искра падает на огнеопасный материал. Пожар, естественно, неизбежен. Человек продолжает читать и находит все новые доказательства, возможно, презирая и браня самого себя за «греховное» любопытство. Но он узнает все больше и больше. В конце концов рассудок убеждает его, что он был не прав, и человек становится либеральным христианином, или атеистом, или агностиком.

Где-то его генетическая защита дала течь, а может, там изначально была трещина, которая только и ждала, когда в нее хлынет вода.

Но в любом случае человек сумел прислушаться к доводам рассудка лишь потому, что его генетический склад это позволил.

— Мне казалось, ты говорил, что гомо сапиенс наполовину робот, — произнес Бёртон. — Но ты описываешь роботов стопроцентных.

— Нет. У роботов нет разума. Они умеют пользоваться логикой, будучи соответственно запрограммированы. Но если вы представите роботу доказательство того, что его программа ошибочна, он не сможет отвергнуть инсталлированную программу. А люди могут. Иногда. К тому же роботам не приходится объяснять причины своих поступков. Они просто делают что-то так, а не иначе, между тем как люди должны объяснить, почему они делают то-то и то-то, и они создают логическую систему для оправдания своего поведения. Система может быть построена на ложных предпосылках, однако в рамках

собственного построения она, как правило, логична. Хотя и не всегда.

Так вот этики утверждают, и могут это доказать, что даже самые генетически неподатливые натуры, даже подвергшиеся самой суровой обработке личности способны освободиться — хотя бы отчасти — из своей клетки, вырвавшись за рамки той формы, в которой они были отлиты. То, что это удается лишь избранным, этики объясняют наличием свободной воли и демонстрацией ее возможностей. Зажатые в тиски, связанные путами люди *не хотят* меняться. Они счастливы в своем убежестве.

— И этики могут это доказать?

— Да. Хотя я должен признать, что недостаточно образован, чтобы оценить их находки. Я не знаю высшей математики и микробиологии. Тем не менее я принимаю их доказательства.

— То есть абсолютной и окончательной уверенности у тебя нет, не правда ли? — спросил Бёртон. — Ведь до тех пор, пока ты не в состоянии точно оценить представленные ими доказательства, ты не можешь знать доподлинно, что их открытия истинны?

— Ну, если так поставить вопрос, то конечно. Но некоторые вещи приходится принимать на веру.

Бёртон громко расхохотался.

— Если тебе не хватает умения, чтобы самому произвести исследования, откуда ты можешь знать, что прочитанное тобою в книгах по химии, или астрономии, или биологии — правда? — покраснев, воскликнул американец. — Как ты можешь утверждать какие-то истины, не будучи в силах воспроизвести опыт? И даже если ты его воспроизведешь, то вполне можешь ошибиться или склониться к противоположной точке зрения, потому что...

— Потому что я склонен к ней генетически? — насмешливо перебил его Бёртон. — Потому что я запрограммирован верить в то, а не в иное?

— По-твоему, выходит, человек вообще ни во что не может верить!

— Правильно, — согласился Бёртон.

— Но ты сам высказывал немало мнений, основанных на наблюдениях других людей, когда жил на Земле. И зачастую совершенно неверных мнений.

— Это было на Земле.

Собеседники ненадолго умолкли. Женщины между тем разговаривали о своих материах. Но Фрайгейт заметил, что Софи

одновременно прислушивается и к их беседе. Она подмигнула ему и махнула рукой, чтобы он не прерывался.

Фрайгейт вновь подхватил тему разговора, словно мяч, с которым он собирался сделать девяностоярдовую пробежку.

— Году в 1978-м, если не ошибаюсь, — осторожно начал он, — я прочел в книге по психологии, что один из десяти человек рождается лидером. Авторы предполагали, что это генетически определенная черта. Этики доказали правдивость их предположения и даже определили генетический комплекс, ответственный за эту черту.

В той же книге говорилось, что десять процентов гомосapiенс всегда испытывали склонность к гомосексуализму. Подчеркиваю — склонность. Не все десять процентов были гомосексуалистами на практике, но тенденция тем не менее сохранялась. Так обстояли дела, когда этики начали создавать архивные записи человечества. Предположительно, так было и на заре рода человеческого.

Итак, склонность к гомосексуализму определена генетически. Меня особенно заинтересовал этот факт, потому что в 1983 году, вернее, даже раньше, воинствующие гомосексуалисты заявили, будто их сексуальная ориентация — результат сознательного и свободного выбора, будто они специально стали такими, поскольку предпочитают именно этот способ сексуальной жизни.

Тогда получается, что, достигнув определенного возраста, мы сами осмысленно выбираем себе линию поведения. Но они не учли или же проигнорировали тот факт, что если это правда, значит, и гетеросексуалы тоже осознанно и свободно решают стать гетеросексуалами. Однако это не так. Гетеросексуалы таковы от рождения.

— А как же быть с теми... — начал было Бёртон.

— Ты собирался спросить: как быть с теми, кто, имея гомосексуальные наклонности, ведет себя как гетеросексуал? И как быть с бисексуалами? Или с теми, кто женится на женщине, однако имеет гомосексуальную связь на стороне? Существуют разные степени гомосексуальности... и гетеросексуальности, естественно, тоже. А потом, когда в обществе было опасно открыто быть гомосексуалистом, людям приходилось скрывать свои наклонности. Но в любом случае гомо- и гетеросексуальность не являются предметом выбора. Это качества врожденные.

Кстати, с точки зрения этики здесь нет разницы. Гомосексуализм как таковой не имеет отношения к морали. Личность его

не выбирает. Важно то, что она делает со своей гомо- или гетеросексуальностью. Вот это уже вопрос моральный. Насилие и садизм являются злом вне зависимости от того, гомосексуалист ты или нет.

— Вы так громко говорите, — вмешалась Софи, — что я не могу вас не слушать. Так вы, стало быть, рассуждаете о свободе воли, предопределении, генах и выборе? Меня ужасно интересовали все эти вопросы, когда я училась в колледже. Интересовали по-настоящему. Я страстно спорила, я с наслаждением злилась на тех, кто со мной не соглашался, обзывая их тупыми козлами. Но, окончив колледж, даже немного раньше, я поняла, что... в общем... глупо думать, будто философские споры могут что-либо решить. Они бесконечны, ибо окончательных и неопровергимых решений не существует. Такие споры могут быть заняты — но бесплодны. Умозрительны. Увы, но это так. Поэтому я прекратила в них участвовать. Если кто-то хотел обсудить со мной философский вопрос, я просто меняла тему разговора или разворачивалась и уходила, хотя и старалась не выглядеть грубой.

— И ты была права! — воскликнул Фрайгейт. — Безусловно права! Но суть-то в том, что этики вынесли эти вопросы за рамки дискуссий. Они доказали свои утверждения. Мы больше не блуждаем в потемках!

— Возможно. Тут я не могу не согласиться с Диком. *Возможно*. Но это неважно. Как говорил Будда? «Трудитесь о собственном спасении с великим тщанием». Кем бы этот господин или госпожа Тщание ни были. Я долго искала господина Тщание, даже позаимствовала для этого у Диогена фонарь. Впрочем, древний грек в нем и не нуждался. Если он сам был честен, зачем ему искать честного человека?

В общем, все мы, как заметил Дик, ведем себя так, словно обладаем свободой воли. Поэтому какая нам разница, существует ли она на самом деле? Я, например, знаю, что я — и только я — ответственна за нравственность своего поведения. Наследственность, среда — все это оправдания. А оправдания и алиби я презираю. Раса, национальность, племя, родители, религия, общество — тоже оправдания. Я сама решаю, кем мне быть. Вот и весь разговор!

— И поэтому ты сожгла вчера суфле? — осведомился Фрайгейт. — Ты не просто забыла про него — ты решила его кремировать?

Фрайгейт и Лефкович залились смехом.

— Вы сами готовите? — спросил Бёртон.

— Да, конечно, — ответила Софи. — Я люблю заниматься стряпней. Особенно не по принуждению. Вчера я готовила ужин и забыла присмотреть за суфле. Зачиталась, а оно...

Разговор перешел на кулинарные темы, затем на другие и в конце концов завершился обедом. Совместная трапеза — обычай более древний, нежели беседа.

ГЛАВА 26

На Рождество у двери в мир Терпина собралось множество гостей. Бёртон — и не он один — с удивлением взирал на толпу, приведенную Галлом. Их было по меньшей мере сорок человек, все доуисты, с которыми Галл познакомился в долине. Благодаря своим тогам и сандалиям они походили на римлян, однако римляне никогда не носили головных повязок с большой алюминиевой буквой «Д».

— «Дэ», — сказал Галл. — С этой буквы начинается «Доу» и «добро».

— «Дурак» и «дерымо» тоже начинаются с этой буквы, — проромпотал кто-то из толпы.

Галл не обиделся, по крайней мере не подал вида.

— Верно, друг мой, кем бы вы ни были, — с достоинством произнес он. — Дурак и дерымо тот, кто не становится на путь истинный.

— На дорогу дебильную, — отозвался тот же голос.

— Дрянную, — подхватил кто-то из толпы.

— Дьявольская дребедень, — откликнулся третий.

— Двурушник долбаный!

— Мы привыкли к оскорблению и нападкам «вэ, эс, е-часть людей», — сказал Галл. — И тем не менее всем, даже самым закоренелым грешникам, предлагаем обрести благодать.

— Что, черт возьми, значит «вэ, эс, е-часть»? — тихо спросил женский голос.

— Не знаю, — отозвался Бёртон. — Но это не означает «все-часть», как можно было бы подумать. Галл и его последователи отказываются дать объяснение. Они говорят, когда вы это поймете, на вас снизойдет благодать и вы станете одним из них.

— Это было бранное словечко, которым Лоренцо Доу частенько обзывал своих врагов, — пояснил Фрайгейт. — Не Бог весть какое ругательство, хотя звучит оно, безусловно, обидно, поскольку враги никогда не могли его понять.

— Не надо было их приглашать, — пробурчал де Марбо. — С ними и побеседовать-то нормально невозможно. Они тут же начинают обращать вас в свою веру. Том должен был заранее сообразить.

— А кто вообще воскресил Галла? — спросила Софи. — Ни один человек в здравом рассудке такого бы не сделал.

— Никто не знает, — ответил Бёртон. — Я спрашивал у компьютера, кто воскресил Галла, Нетли, Крук, Страйд и Келли, но он ответил, что данные были доступны лишь одной персоне. А кому — не сказал.

На двери в светящемся круге появилось лицо.

— Дед Мороз! — воскликнул Фрайгейт.

У человека на экране была пушистая белая борода и длинный красный колпак, отороченный белым мехом. Правда, кожа у него была темнее, чем обычно бывает у Деда Мороза.

— Да, я Дед Мороз! — подтвердил Терпин. — Том Ха-Ха-Ха! Терпин собственной персоной, если точнее.

— Счастливого Рождества! — выкрикнуло несколько голосов.

— И вам тоже! — откликнулся Терпин. — У нас, ребята, снега до фига — правда, не такого, к какому вы привыкли. Я так думаю, во всяком случае. Вы такие приличные ребята, ха-ха-ха!

Дверь отворилась, и в ней тут же образовался затор, поскольку кресла, парившие впереди, старались пролететь в нее одновременно. В основном это были китайцы из компании Ли По, нагружившиеся различными напитками ниже трех футов под килем. До приглашения Терпина они и слыхом не слыхали о Рождестве, но теперь жаждали узнать о нем побольше. Ли По тычками и незлобивой бранью заставил их построиться, чтобы они пролетали в двери по одному. За ними последовал Бёртон со Звездной Ложкой, потом — доисты, учтиво пропустившие вперед две группы, возглавляемые Галлом. Бёртон заметил, как они обмениваются друг с другом понимающими и скорбными взглядами, не забыв о недавних оскорбленииах толпы. Они явно не разделяли веселого оживления китайцев.

После доистов появились Страйд, Келли и Крук, одетые в элегантные, хотя и слишком броские платья викторианской эпохи, с бриллиантовыми сережками в ушах и множеством перстней с огромными бриллиантами, изумрудами и сапфирами. Бёртон ничуть не удивился, увидав рядом с ними неизвестные мужские лица. Анну Крук сопровождал один муж-

чина; обе ее товарки шли под ручку каждая с двумя кавалерами.

Футах в двадцати за ними шествовал расфуфыренный Нетли, блистающий драгоценными каменьями, с двумя дамами по бокам.

А за Нетли ввалилась толпа человек в двадцать, поразившая Бёртона. Значит, цыган и правда кто-то воскресил. На них были экзотические одеяния, знакомые Бёртону, поскольку он не раз общался с цыганами в Англии и Европе. Он собирался спросить, кто же был их благодетелем, но забыл. А когда вспомнил, было уже поздно.

Длинная вереница гостей летела под полуденным солнцем над лесами, болотами, дорогами и рельсами. Да-да, Терпин провел у себя железную дорогу! Кресла приземлялись в условленном месте, на улице Луи Шовена, один конец которой был огорожен и превращен в посадочную площадку. Малый Сент-Луис, он же Терпинвиль, сиял рождественскими огнями и бурлил праздничной кутерьмой. Бёртону показалось, что двухтысячное население города выросло за несколько последних недель вдвое. Улицы кишили танцорами и гуляками в причудливых карнавальных нарядах. Все это скорее походило на масленицу, чем на святки. Пять оркестров играли каждый свою музыку — рэгтайм, диксиленд, «горячий» и «холодный» джаз, а также негритянские духовные гимны. Повсюду с радостным лаем носились собаки.

Гости начали пробираться сквозь толпу, которая совала им в руки бутылки со спиртным, сигареты и сигары с марихуаной и гашишем. Запах алкоголя и травки казался почти осязаемым, а глаза у прохожих были красные, как у кроликов.

Терпин, по-прежнему в наряде Деда Мороза, стоял на переднем крыльце своей громадной краснокирпичной резиденции, приветствуя прибывающих гостей.

— Сыплется снежок, радуйся, дружок, становись в круг! — крикнул Терпин. — Дайте пять, братья и сестры!

Фрайгейт единственный понял, что это значит. Он протянул вперед руку ладонью вверх, и Терпин хлопнул по ней.

— Правильно, браток!

Пока остальные продевали тот же ритуал, Фрайгейт объяснил Бёртону, что здесь, должно быть, много воскрешенных негров конца двадцатого столетия. Диковинное приветствие было как раз из той эпохи.

— Вот что он имел в виду, когда говорил, что у них полно снега! — Фрайгейт показал на двух чернокожих, сидящих на

ступеньках с совершенно отрешенным видом. — Должно быть, накачались героином, то бишь «снежком» в просторечии.

Терпин был весел и очень оживлен, не пьян. Глаза его глядели ясно, речь звучала отчетливо. Кто угодно мог упиться здесь в сосиску, только не гостеприимный Том.

Гости вошли в вестибюль «Бутона Розы», громадный, как центральный вокзал, и так же набитый народом. Вдоль стен тянулись двадцать длинных стоек, золоченых или полированного красного дерева, за которыми белые андроиды в смокингах готовили коктейли. Бёртону, шедшему за Терпином, пришлось переступить через несколько бесчувственных мужских и женских тел. Хозяин подвел их к большому лифту, и они поднялись на третий этаж. Там перед ними распахнулась дверь кабинета, бывшего, по словам Алисы, точной копией приемных покоев Бэкингемского дворца.

Том усадил гостей и, встав у стола футов двадцати длиной, пристально оглядел их своими черными глазами, прежде чем начал тронную речь.

— Я здесь хозяин, — сказал он, — и я управляю этим миром, как машинист паровозом. Это мой долг. Но я позволяю своим подданным веселиться как им вздумается. В большинстве своем они славные ребята и ведут себя пристойно, не выходя за установленные мною рамки.

Однако я знаю, что кое-кто из них сам не прочь стать хозяином, поэтому слежу за ними, как пес следит за блохами. Вернее, это делает за меня компьютер. Загвоздка в том, что многих из здешних обитателей я не выбирал. Я изучил прошлое всех, кого воскресил самолично. Но я не мог предугадать, кого они, в свою очередь, выберут и захотят воскресить.

Кроме тех, кто жаждет занять мой трон, люди в моем мире делятся в основном на две категории. Большинство из них весельчаки и прожигатели жизни, бывшие на Земле шлюхами, сутенерами и музыкантами. А в другой категории — церковники: последователи «новой волны», шансеры и новые христиане. Они волят, обличая кутил, а те волят, чтобы к ним не лезли с проповедями.

— Почему бы вам просто не избавиться от них и не начать все сначала? — спросила Звездная Ложка.

Бёртон удивился. Китаянка редко говорила, если к ней не обращались впрямую или не просили высказать ее мнение. Да и сам вопрос показался Бёртону странным, совершенно не в ее характере.

Терпин развел руками:

— Как же я могу это сделать?

— Должны быть какие-то способы. Компьютер...

— Я не массовый убийца. Да, в свое время я был парень крутой, но я не собираюсь убивать людей только ради собственного спокойствия. А потом, держать их в узде — это хоть какое-то занятие. — Он усмехнулся и добавил: — Пора загнать их с улицы в «Бутон Розы». У нас тут, в конце концов, вечеринка, хотя собрать этих бездельников не так-то просто.

Он обогнул стол, что-то сказал, и на стене появилось светящееся круглое пятно. Терпин произнес несколько кодовых слов, после чего обернулся, ухмыляясь еще шире.

— Я всемогущ, ребята! Я великий маг Мерлин и волшебник из города Оз в одном лице, темном, как десятидолларовая гаванская сигара! Я великий бог Терпинус, черный Зевс, могучий Тор Громоверхец, шаман, насылающий дождь, главный продавец панацеи, мистер Человечий Кукловод!

В течение трех минут солнце заволокло тучами, которые быстро густели и чернели. В открытые решетчатые окна со свистом влетел ветер, задирая подолы тог, кильтов и юбок.

— Вы и глазом моргнуть не успеете, как они все сюда примчатся. Злые будут, что намокли, но это все фигня.

— Некоторые валяются на улице в отключке, — сказала Алиса. — Что будет с ними?

— Пускай прочухаются. Им это только на пользу, да и помыться многим из них не мешает. А простуда им не грозит.

Терпин проинструктировал гостей, как вести себя, чтобы отвязаться от пьяниц, если те вздумают к ним приставать.

— Но вообще-то они не должны. Я приказал им обращаться с вами дружелюбно, несмотря на то что вы белые.

— А с нами? — осведомился Ли По. — Мы-то не белые!

— Для них — белые. Для них все, что не черное, белое. С точки зрения семантики такое определение довольно точно, хотя и не слишком тонко.

Последняя фраза отчасти позабавила Бёртона и отчасти раздосадовала. Том Терпин сознательно перескакивал с правильного английского языка на жаргон гетто, словно хотел подразнить своих слушателей. А может, просто разыгрывал из себя шута. Или и то и другое вместе. В глубине души у него до сих пор гнездился комплекс неполноценности, внущенный правящим белым классом его эпохи. Он мог этого не осознавать, но факт был налицо. Если верить Фрайгейту, американские негры преодолели комплекс расовой неполноценности, во всяком случае пытались, и заявляли, что они гордятся своей

черной кожей. Однако Терпин продолжал носить шутовской колпак, даром что теперь в нем не было нужды.

Хотя, как сказал Нур, цветом кожи вообще гордиться глупо, что белым, что черным. Можно гордиться лишь тем, что ты человек, да и то желательно не слишком задирая нос.

— Конечно, — отвечал ему Терпин, — но прежде нужно пройти определенные стадии, и гордость своей чернокожестью — одна из них.

— Хорошо сказано, — отозвался Нур. — Только не стоит застревать на этой стадии. Нужно взбираться на следующую ступень.

Они снова спустились в вестибюль, как называл его Терпин. Задолго до входа в зал их обдало волной громкой музыки, болтовни, раскатистого смеха, а потом цунами из алкогольных паров и табачного и наркотического дыма накрыло их с головой. Здесь было все население мира, включая и тех, кто пребывал в бессознательном состоянии. Их внесли в зал андроиды и уложили вдоль стеночки.

— Тусуйтесь, ребята! — крикнул Терпин, махнув гостям и показывая на толпу.

Представлять вновь прибывших не было надобности, поскольку Терпин показывал их лица и имена на экранах. Гости тем не менее колебались. Было непросто вот так подойти к незнакомым людям и вступить в разговор. Доисты, шокированные и скандализованные происходящим, явно сожалели о том, что вообще сюда пришли. Терпин, заметив это, поманил к себе группку, стоявшую возле стойки бара. Люди пробрались через столпотворение и завязали с гостями беседу. Хозяин выбрал их специально, чтобы сломать лед, и сделал правильный выбор. По крайней мере, так казалось сначала. Среди них были шансеры и новые христиане, которые подошли к доистам. Хотя основополагающие принципы их верований были различны, все три религии теоретически провозглашали себя терпимыми и мирно настроенными по отношению к инаковерующим. К тому же у них были и общие точки соприкосновения — неприязнь к злоупотреблению спиртным и полное неприятие табака и наркотиков.

Человек, который составил компанию Бёртону, был шести футов и трех дюймов ростом, широкоплечий, с мощной грудной клеткой и массивными конечностями. На нем были белая замшевая головная повязка, белый лайковый жилет, белый замшевый пояс с большой серебряной пряжкой, украшенной рельефной волчьей головой, обтягивающие белые замшевые

брюки и белые замшевые сапоги до колен. Широкое скуластое лицо и длинный орлиный нос делали его похожим на индейца, но вывернутые губы и курчавая шевелюра выдавали негритянскую кровь. Когда он улыбался, то становился даже по-своему привлекательным.

Он представился Бёртону, пожав ему руку и возвестив глубоким басом, что он, Билл Уильямс, рад познакомиться с капитаном сэром Ричардом Фрэнсисом Бёртоном. Последнему, впрочем, показалось, что негр произнес его титулы не без издевки.

— Том Терпин не назначал меня вашим верным индейцем, проводником и телохранителем, — продолжал с усмешкой Уильямс. — Я вызвался добровольцем.

— О? — Бёртон удивленно вздернул брови. — Могу я спросить почему?

— Можете. Я читал про вас; вы меня заинтриговали. А кроме того, Терпин много рассказывал мне о том, как вы привели его и других через горы в эту башню.

— Я польщен, — отозвался Бёртон. — Но небольшой зуб я на вас все-таки имею. Почему вы хотели задавить меня своим мотоциклом?

— Если бы я хотел, то давно задавил бы! — рассмеялся Уильямс.

— А ругались зачем?

— Просто так. Летуны действуют мне на нервы. А потом, мне хотелось испытать вашу выдержку. Я ничего не имел лично против вас.

— Вы так любите задирать белых?

— Иногда. И, если по справедливости, вы не станете меня за это упрекать.

— Разве шестьдесят семь лет, проведенные в долине, ничуть не изменили вашего отношения?

— Совсем от него избавиться невозможно. Хотя я больше не впадаю в горячку. Это как тупая зубная боль, к которой я давно привык, — сказал Уильямс. — Хотите выпить?

— Белого вина. Любой сорта.

Бёртон решил сохранить трезвую голову.

— Давайте поднимемся в какую-нибудь комнату наверху. Там будет спокойнее, и нам не придется орать, чтобы услышать друг друга.

— Отличная мысль, — согласился Бёртон, гадая про себя, что у негра на уме.

Они ввалились в лифт вместе со смеющейся, галдящей, дурачащейся толпой. По пути наверх то и дело раздавались громкие визги, когда соседи по лифту распускали руки и щупали соседок. Не успели они доехать до второго этажа, как кто-то испортил воздух, и вся толпа разразилась веселыми негодующими криками. Тем не менее, когда открылась дверь, виновного вышвырнули на пол головой вперед.

— Народ веселится от души, — пробормотал Уильямс. — Но это ненадолго. Вы вооружены?

Бёртон похлопал по карману пиджака:

— Лучемет.

Комнаты, мимо которых они шли, были битком набиты людьми. В одной дюжина мужчин и женщин смотрели фильм на стеклом экране. Бёртон из любопытства остановился и глянул на стену. Этот фильм Фрайгейт настойчиво рекомендовал ему посмотреть — о том, как американские комики Лорел и Харди продаивали в июле рождественские елочки в Лос-Анджелесе. Публика покатывалась со смеху.

— Это новые христиане, — пояснил Уильямс. — Мирный и безобидный народ. Такие вежливые, что не могли отказаться от приглашения Терпина. Но они не смеиваются со здешней толпой.

За углом, дальше по коридору, они нашли пустую комнату. По пути Бёртон любовался репродукциями картин. Рембрандт, Рубенс, Давидова «Смерть Марата», много русских художников — Кипренский, Суриков, Иванов, Репин, Левитан и другие.

— Почему такое обилие славян? — спросил Бёртон.

— Есть причина.

Они взяли из конвертера выпивку. Бёртон сел и закурил сигару.

— Я не американец, как вы знаете, — помолчав, промолвил Уильямс.

— Терпин сказал мне, что вы русский, — отозвался Бёртон, выпуская дым. — Сам бы я в жизни не догадался.

— Я родился в черном гетто города Киева. Тогда меня звали Родион Иванович Казна.

— Занятно, — сказал Бёртон. — Я и не знал, что в России были негры... Ах нет, беру свои слова обратно. У русских действительно были чернокожие рабы. Пушкин был потомком одного из них.

— Очень мало кто об этом знает, поскольку российские правители тщательно скрывали сей факт, но в разных городах

России в гетто жило около двенадцати миллионов черных. Они были потомками рабов. Русские обыватели так же хотели с ними смешиваться, как американские белые — со своими неграми, и правительство, правда, негласно, одобряло и даже насаждало такую мораль. Несмотря на это, межрасовые сношения все-таки происходили. Чистоту крови не сохранишь в неприкосновенности, как ни старайся. Восставший член не знает предрассудков. Один из моих прадедов был белый русский, а дед так и вовсе узбек. Азиат, он даже говорил на каком-то тюркском языке, так и не выучил русский.

Зато меня как следует выучили марксизму. Я стал верным сторонником принципов Маркса — в том виде, как он их изложил, но не в том, какой они приняли на практике в России. Я вступил в партию, однако очень скоро понял, что достичь в ней командных вершин мне не светит. Мой удел — сидеть внизу, оставаясь вечным стрелочником.

Я бы попробовал пойти в армию, но черных всех поголовно загоняли в Сибирь охранять границу с Китаем. Политбюро не желало оставлять нас на западе. Мы привлекли бы к себе внимание, и тогда сразу стало бы известно, как нас притесняют. А Советам это было ни к чему, тем более что они вечно тыкали Америку носом в расовую дискриминацию. Поэтому нас старались убрать с глаз долой.

В школе я учился отлично, хотя качество обучения там было похуже, чем в школах для белых. Конечно, меня подогревали честолюбивые устремления, но не только. Я хотел учиться, хотел все знать. Читал гораздо больше, чем задавали, и особенно преуспевал в языках. Это одна из черт, которая меня в вас и привлекла. То, что вы знаете так много языков.

Начальство прослушало обо мне в основном потому, что они искали агитаторов, которых можно было бы внедрить в Штатах. Меня попросили предложить свои услуги добровольно, и я согласился. Без особого энтузиазма, разумеется. Я не хотел наводить их на подозрение, будто я соглашаюсь лишь для того, чтобы потом исчезнуть в Гарлеме. Вообще говоря, у меня не было намерения предавать их. Я знал, кто они такие и как ко мне относятся, но я был русским марксистом и презирал капитализм.

Хотя в ту пору я уже не верил в осуществление Марковой мечты об отмирании государства после того, как пролетариат возьмет власть во всем мире. Это казалось мне утопией. Мне легче было поверить во второе пришествие Христа; оно, по крайней мере, было возможно, хотя и маловероятно. Но стоит

правящему классу забрать в свои руки власть, и он ни почем ее не выпустит. По крайней мере до тёх пор, пока революционеры не вырвут ее силой, а затем новые верхи ухватятся за бразды правления крепче прежних. Естественное отмирание государства, упразднение законов, полицейского насилия и бюрократического аппарата, самоуправление личностей на основе любви, добросердечия и самоотречения — все это чушь собачья. Никто в нее по-настоящему не верил, хотя партийцы делали вид.

С другой стороны, никто особенно и не старался воплотить эту догму в жизнь. А на энтузиастов смотрели как на дураков или контрреволюционеров.

Уильямс, ускользнув с польского сухогруза, затерялся в дебрях Гарлема. Там он занялся своей ПиА (пропагандой и агитацией) среди множества черных и белых либерально настроенных групп. Но три недели спустя подхватил гонорею.

— Это было мое первое, но отнюдь не последнее венерическое заболевание. Судьба ополчилась против меня. Только я вылечился от этой постыдной болезни, как тут же заразился ею снова. Я попал в Соединенные Штаты Гонококки и никак не мог оттуда выбраться. Выздоровев вторично, я решил воздерживаться от секса. Ничего не вышло. Я был слишком озабочен. Трижды снаряд в одну и ту же воронку не падает, сказал я себе. По статистике я никак не мог заразиться еще раз. Но заразился.

Кагэбэшный связник прознал о его болезни, доложил по начальству и передал Уильямсу депешу. «Ваши социальные болезни, — говорилось в ней, — угрожают вашей безопасности и мешают эффективно работать. Держитесь подальше от женщин и грязных общественных уборных!»

После чего при встрече с Уильямсом связник всякий раз осведомлялся, нет ли у него гонореи. Уильямс, который начал избегать женщин и заработал тем самым репутацию гомосексуалиста, честно докладывал, что триппера нет. К счастью, связник не спрашивал его о сифилисе. Уильямс в ту пору как раз подвергся жестокому нападению бледной спирохеты.

— Клянусь, я понятия не имею, откуда ее подцепил. Я был целомудрен, как Робинзон Крузо до встречи с Пятницей. Я не знаю. Некоторые люди просто подвержены несчастным случаям. Может, я как раз один из тех редких бедолаг, проклятых судьбой или диалектическим материализмом, которые подхватывают бактерии на ветру и через замочную скважину? Может, я склонен к венерическим заболеваниям? Этакий одинокий

сексуальный бродяга, вечно натыкающийся на бандитов — Иессеев и Иаковов из мира микробов? Но одно я знаю точно: особого толка от моего шпионажа, подрывной деятельности и пропаганды не было. Слишком много времени я проводил в кабинетах врачей.

Узнав, что сотрудники ФБР, а может, и ЦРУ, расспрашивали о нем врачей, Уильямс доложил об этом связнику. Через час ему велели уехать в Лос-Анджелес и внедриться в организацию чернокожих мусульман. Связник дал Уильямсу автобусный билет, объявив, что КГБ не может себе позволить оплачивать воздушные полеты.

По дороге на запад Уильямс подцепил гонорею на заднем сиденье автобуса.

— Да, Бёртон, вам смешно! Теперь я и сам могу над этим посмеяться. Но тогда, поверьте, мне было не до смеха.

Рассказ Уильямса, с лирическими отступлениями и длинными вставками, длился уже целый час. Бёртону было интересно, хотя он и понимал, что уединяться слишком надолго не совсем утиво.

Биллу Уильямсу удалось-таки стать членом организации черных мусульман. Но когда его товарищи узнали, что у него гонорея — которой он заразился уже в Лос-Анджелесе, вылечив подхваченную в автобусе, — они вышвырнули его вон. А затем, прослышиав о том, что он шпион — правда, ошибочно приняв его за агента ФБР, — пустили по его следу убийцу.

Начиная с этого момента Бёртону стало трудно следить за рассказом. Нужно было вычертить схему, чтобы удержать в памяти все побеги, перестрелки и передряги, которые пришлось пережить несчастному Уильямсу. Он удрал в Чикаго, оттуда — в Сан-Франциско, где его избили и изнасиловали в баре для геев. Пораженный гонореей с носа и кормы, как он выразился, Уильямс бежал в какой-то городок штата Орегон, предварительно ограбив кагэбэшного связника, отказавшегося его финансировать.

В дверях появилась Звездная Ложка.

— Я тебя обыскалась, — тихо заметила она.

— Входи! — пригласил ее Бёртон. — Ты же знакома с Биллом Уильямсом, верно?

— Очень приятно увидеть вас снова, мистер Уильямс, — с поклоном произнесла китаянка. — Дик, вы, как я вижу, увлеклись беседой. Извини, что помешала вам. Я вернусь на вечеринку, если ты не против.

Бёртон спросил ее, где она будет, и Звездная Ложка сказала, что Терпин принимает избранных гостей в своих апартаментах. Он попросил ее разыскать Бёртона и пригласить его туда.

— Я приду чуть позже, — сказал Бёртон.

Китаянка поклонилась еще раз, попрощалась с Уильямсом и ушла.

— Какая красивая женщина! — вздохнул Уильямс.

— Да, она знает, как сделать мужчину счастливым.

— А вы знаете, как сделать счастливой ее?

— Само собой! — воскликнул Бёртон.

— Только не горячитесь, я не хотел вас обидеть. По-моему, она из тех натур, что глубоко чувствуют, хотя и сдержанны внешне. Я неплохо определяю характеры людей с первого взгляда. Пришлось научиться, чтобы выжить.

— У нее была очень трудная жизнь, — сказал Бёртон. — Просто чудо, как ей удалось не сойти с ума.

— Таким образом вы пытаетесь тонко намекнуть, что не мне одному пришлось страдать?

— Вы слишком подозрительны, друг мой.

Продолжение рассказа заняло еще полчаса. Уильямс женился на глубоко религиозной чернокожей женщине, которая, к несчастью, не смогла отказать своему пылкому духовнику. Результат: у Билла снова триппер. Подавив в себе желание убить жену, он решил заняться охотой, таким образом сублимируя свои кровожадные устремления в убийстве птичек и зайчиков. Во время охоты его смертельно ранили выстрелом из-за кустов. Умирая, он все гадал, кто же его подстрелил: агент КГБ, ЦРУ, организации черных мусульман, албанцев или же Армии Спасения? Сама АС за ним не охотилась, но одна солдатка из ее рядов вполне могла его прихлопнуть. В бытность свою в Лос-Анджелесе Уильямс сделал вид, что обратился в христианство под воздействием проповеди майора Барбаро. Затем он вступил в ряды Армии Спасения, где влюбился в капрала Рейчел Годжин, и не без взаимности. В то время он считал, что вылечился от всех венерических болезней, но, после того как они с Рейчел предались нежной страсти, обнаружил, что Немезида снова нанесла ему удар. Больше того — он заразил и свою возлюбленную.

Уильямс пообещал жениться на ней, однако кольцо врагов сжималось, и он бежал, спасая собственную шкуру. Капрал Годжин, похоже, немного повредилась в уме из-за его внезапного исчезновения, а также из-за слишком бурной реакции на

благоприобретенную болезнь, к которой Уильямс уже попризыкал. Будучи в Портленде, он слыхал, что женщина, похожая на Рейчел, расспрашивает о нем с пушкой в руках.

— В общем, все жаждали моей крови, кроме разве «Гудвилл индастриз», да и то я в этом не уверен.

— Какой же урок вы извлекли из своего... э-э... кандидовского опыта?

— Вы говорите в точности как Нур.

— А вы с ним разговаривали?

— Конечно, — ответил Уильямс. — Я тут всех знаю. И очень хорошо.

— Но какой же все-таки урок? — переспросил Бёртон.

— Я понял, что всю жизнь был игрушкой в чужих руках и больше ею быть не желаю. В долине я сделал все, чтобы этого не допустить. Если ситуация складывалась так, что меня швыряли наземь, я старался как можно быстрее усесться на своего обидчика верхом. Мне надоело быть пешкой, которой вечно жертвуют. Поэтому...

— ...здесь вас в жертву никто не принесет. Я правильно понял? — сказал Бёртон, вставая.

— Пусть только попробуют!

Уильямс расплылся в улыбке, веселой и злой одновременно.

— Посидите еще минутку, пожалуйста. Скоро я вас отпушу. Я хотел спросить: за последние пару недель вас ничто не удивило? Не приключилось ли с вами нечто совершенно неожиданное и непонятное?

— Не припоминаю, — нахмурясь, медленно ответил Бёртон. Тут лоб его разгладился. — Разве что... Да, я был крайне удивлен... но вы к этому не можете иметь никакого отношения. Я до сих пор не могу понять, кто воскресил Нетли, Галла, Крук, Страйд и Келли.

— Вы имеете в виду людей, причастных к делу Джека Потрошителя?

— Откуда вы знаете? — Бёртон старался не выдать своего удивления.

— Просто я наблюдал за тем, как вы просматривали их файлы.

Бёртон вскочил с кресла с перекошенным и красным лицом.

— Черт побери, так вы за мной шпионили! Какое право вы имели...

— Потише, приятель! — прервал его Уильямс, тоже вставая с кресла и по-прежнему улыбаясь, хотя и сузив глаза. —

Вам, значит, можно шпионить, а за вами нельзя? Не кидайтесь камнями в стеклянном домике, друг мой.

Бёртон на мгновение онемел.

— Знаете, тут большая разница, — выдавил он наконец. — Я наблюдал за умершими. А вы шпионите за живыми, за своими соседями!

— А вы разве не подглядывали за живыми из питающих камней в долине?

— Как вы смеете лезть своими грязными лапами в мою личную жизнь!

— Грязь к грязи не пристанет, — отозвался Уильямс. На лице его все еще сияла улыбка, но тело все подобралось, готовое отбить атаку.

— Ладно, — сказал Бёртон. — Но вы до сих пор не объяснили мне, зачем вам понадобилось воскрешать этих патологических убийц.

— Бывших убийц. А что касается причины... Видите ли, я коллекционирую и изучаю типы религиозного сознания. Меня это заинтересовало еще на Земле, где я частенько сталкивался с разными верованиями. Марксисты... они религиозны, хотя и отрицают это, черные мусульмане, Армия Спасения, буддисты, южные методисты — кого я только ни видел! Я тоже человек верующий, хотя и по-своему. Именно я вызвал к жизни новых христиан, нихиренитов и шансеров, которые живут в Терпинвиле, а также доуиста Галла. Потом уж он сам принялся воскрешать своих единоверцев. Кстати, я не собираюсь на этом останавливаться.

Бёртон не знал, верить ему или нет, а потому просто фыркнул и зашагал из комнаты.

— Не злитесь так, сэр Ричард! — крикнул ему вдогонку Уильямс и оглушительно расхохотался.

ГЛАВА 27

По пути к лифту Бёртон обернулся и увидел, как Уильямс спускается по ступеням, очевидно, собираясь присоединиться к толпе гуляк в вестибюле. Негр поднял голову и помахал Бёртону рукой сквозь решетку перил, улыбаясь с довольным видом. Был ли рассказ Уильямса правдой, или он все нафантазировал? В Мире Реки у людей не осталось причин для лжи. Они находились вне общественных институтов, которые принуждали людей — или, по крайней мере, казалось, что принуждали, — создавать себе защитные оболочки и публич-

ные имиджи. Но большинство, казалось, не замечало того, что такая необходимость отпала, или просто не могло расстаться со старыми ненужными привычками.

Что же до лестницы, то это хорошая идея, решил Бёртон. Нужно немного размяться. Он завернулся за угол, миновал двери лифта и зашагал по длинному коридору к лестнице. Музыка и голоса, смутно доносиившиеся до него раньше, умолкли совсем. Тишину нарушал лишь звук его шагов. Но когда он прошел мимо комнаты, находившейся рядом с лестничной клеткой, ему почудилось, что где-то раздался вскрик. Бёртон остановился. Крик был негромкий, еле слышный, так что вполне вероятно, что ему просто померещилось. Но нет! Крик повторился еще раз — и, похоже, он доносился из-за двери.

Стены в комнатах были звукоизолирующими, но не стопроцентно, как стены башни. Бёртон приник ухом к резной дубовой двери. Криков больше не было; теперь в комнате раздавался мужской голос. Слов Бёртону разобрать не удалось, однако тон говорившего был злобным и угрожающим.

Бёртон попробовал покрутить дверную ручку. Она повернулась, но дверь не открылась. Бёртон заколебался. Судя по всему, там внутри двое, и, возможно, они не хотят, чтобы им мешали. Если его выставят за то, что он вмешался в ссору двух любовников, выйдет настоящий конфуз. С другой стороны, сконфузить его не так-то просто, а если там, не дай Бог, совершается преступление, то его необходимо предотвратить.

Бёртон с силой стукнул кулаком три раза в деревянную дверь, потом дважды пнул ногой. Женщина начала кричать, но крик тотчас же оборвался.

— Откройте! — заорал Бёртон и снова ударил в дверь.

Мужской голос прокричал что-то вроде «Убирайся к чертовой матери!» По крайней мере, так Бёртону послышалось.

Он вытащил из кармана лучемет и вырезал дырку вокруг замка. Пихнув замок вместе с дверной ручкой внутрь, Бёртон сразу прижался к стенке. И, как выяснилось, правильно сделал. Прогремело три выстрела, три пули расщепили толстое дерево. Стреляли — Бёртон предположил, что стрелял мужчина, — из тяжелого ручного оружия, скорее всего из автоматического пистолета сорок пятого калибра.

— Бросай оружие и выходи! Руки за голову! У меня лучемет! — крикнул Бёртон.

Мужчина разразился ругательствами и заявил, что убьет любого, кто попробует войти.

— Сопротивление бессмысленно! Ты в ловушке! — сказал Бёртон. — Выходи, руки за голову!

— Можешь...

Голос мужчины внезапно оборвался, заглушенный звуком удара.

— Я вырубила его, Дик! — раздался дрожащий голосок Звездной Ложки.

Бёртон толкнул дверь и прыгнул в комнату, держа лучемет наготове. На толстом восточном ковре ничком лежал голый чернокожий человек. На затылке у него запеклась кровь. Рядом валялась золотая статуэтка, запачканная кровью.

Бёртон выругался. Звездная Ложка стояла совсем обнаженная, с синяками на лице и руках. Один глаз начал заплывать. По полу была разбросана разорванная в клочья одежда. Рыдая и всхлипывая, китаянка подбежала к Бёртону, и он прижал к себе ее вздрагивающее тело. Но, увидав, как мужчина пытается подняться с пола, Бёртон отпустил Звездную Ложку. Подобрал автоматический пистолет, взялся за дуло и шарахнулся мужчину по затылку. Тот беззвучно свалился обратно.

— Что стряслось? — спросил Бёртон.

Она не могла вымолвить ни слова. Бёртон подвел ее к столу и налил стакан вина. Она выпила, расплескав половину жидкости на подбородок и шею. Не переставая плакать, китаянка полузадушенным голосом рассказала, что случилось, хотя Бёртон уже почти все угадал. Она шла к лестничной клетке, как вдруг из комнаты вышел мужчина и загородил ей дорогу. Улыбаясь, он спросил, как ее зовут. Она ответила и попыталась пройти мимо, но он схватил ее за руку и заявил, что хочет поразвлечься. У него никогда еще не было китайской женщины, и он уверен, что она просто душка, и так далее.

Несмотря на ее сопротивление, мужчина затащил Звездную Ложку в комнату. От его поцелуя, разящего виски, ее чуть не стончило. Она попыталась закричать, и тут он зажал ей ладонью рот, пихнул ее так резко, что она упала на пол, потом запер дверь на замок и сорвал со своей жертвы одежду.

К тому времени когда Бёртон услышал ее крик, Звездную Ложку изнасиловали уже три раза.

Бёртон связал насильника, взял из конвертера успокоительное и протянул несчастной женщине стакан воды. Потом завел ее в ванную комнату и принялся поливать водой из душа, пока она отмывалась, все еще дрожа и плача.

Вытерев Звездную Ложку, Бёртон заказал в конвертере одежду, помог ей одеться и уложил на диван. После чего сел за пульт компьютера и вызвал Терпина.

— Вот сукин сын! Ну я ему покажу! — хмуро заявил Терпин, выслушав рассказ. Он посмотрел на человека, распостертого на полу, и добавил: — Это Крокет Данауэй. Вечно от него одни неприятности. Я давно наблюдаю за ним. Подождите, я сейчас приду.

Вскоре Том Терпин в сопровождении нескольких гостей вошел в комнату. Алиса, Софи и Афра сразу же взяли шефство над Звездной Ложкой и увели ее в соседнюю комнату. Терпин вытащил шприц, полный адреналина, и вколол Данауэю в задницу. Через минуту тот застонал и встал на четвереньки. Увидав незваных гостей, он вытаращил глаза и прохрипел:

— Что вы тут делаете?

Терпин не ответил. Данауэй встал, доплелся до кресла, плюхнулся в него, нагнулся и уронил голову в ладони:

— Башка раскалывается — ну просто подохну сейчас!

— Подохнешь, только не от головной боли, — резко заявил Терпин.

Данауэй поднял голову. Налитые кровью, чуть раскосые глаза его вперились в Терпина.

— О чем ты говоришь? Эта сучка повесилась мне на шею, а когда я ее ублажил, разоралась и начала звать на помощь. Я тут вообще ни при чем, это все она, косоглазая шлюха. Видно, заслышала, что ее мужик приближается, и решила устроить спектакль.

— Она не могла меня услышать, — отозвался Бёртон. — Я шел себе по коридору, и, если бы не услышал ее крик, так и прошел бы мимо. Это ты во всем виноват, приятель.

— Господом Богом клянусь, ничего я не делал! Она сама попросила меня, чтобы я ее развлек.

— Что толку спорить? — сказал Терпин. — Сейчас мы проглядим твою память и узнаем правду.

Данауэй зарычал и спрыгнул с кресла. Но до двери не добежал — ноги под ним подкосились, и он рухнул на пол.

— Ага! — воскликнул Терпин. — Так я и думал. Данауэй, здесь у нас насильникам не место. Ты, голубчик, здорово влип!

Данауэй поднял голову, пуская слюни изо рта:

— Нет! Господом Богом клянусь...

Терпин велел двоим своим телохранителям усадить его в кресло за пультом компьютера.

— Через пару минут нам все станет ясно!

Данауэй попытался было воспротивиться, но, получив две плюхи, обессиленно сник. Его усадили в кресло, и телохранитель велел компьютеру показать на экране воспоминания Danauэя за последний час. Пока демонстрировалось неопровергнутое доказательство его вины, насильник трялся и мычал что-то нечленораздельное.

— Я не просто убью тебя, — сказал Терпин. — Я сотру твою телесную матрицу. Ты никогда больше не сделаешь такого ни с одной женщиной. Тебе конец, Danauэй!

Луч, выпущенный из лучемета Терпина, оборвал истошные вопли насилиника. Danauэй упал на пульт головой, на которой виднелись две аккуратные дырочки.

— Киньте его в конвертер и кремируйте, — велел Терпин своим телохранителям.

— Ты действительно собираешься стереть его матрицу? — спросил Нур.

— Почему бы и нет? Он никогда не изменится.

— Ты не Бог.

Терпин нахмурился было, но тут же рассмеялся:

— Ну и хитрый же ты, Нур! Ты совершенно заморочил мне голову своими религиозно-философскими рассуждениями. О'кей. Значит, не стирать? А он, вернувшись в долину, начнет насиловать и избивать других женщин. Ты согласен взять это на свою совесть?

— Этики в мудрости своей устроили так, чтобы все злодеи, даже самые отъявленные, жили до конца проекта. Без исключений. Я верю этикам. Они наверняка знали, что делают.

— Да? — откликнулся Терпин. — Если они такие умные, то почему не раскусили Логу? Почему не приняли мер предосторожности против него и ему подобных? Он нарушил все их расписание и программу.

— Я, например, не уверен, что они не приняли мер предосторожности против подобных Логе личностей, — спокойно сказал Нур.

— Может, объяснишь? — не понял Терпин.

— Пока что у меня нет объяснений.

Том Терпин задумчиво закурил громадную сигару.

— О'кей, — сказал он наконец. — Будь по-твоему. Поскольку сейчас людей в долину не отправляют, Danauэй никому не причинит там зла. Но когда... если... компьютер начнет снова перемещать людей сюда, пускай даже не думает трогать Danauэя с места без моего согласия. Которого я, возможно, не

дам. Я просто не знаю, какое у меня в то время будет настроение.

— Да таких данауэев, которые, словно гиены, только и жаждут вырваться на свободу, миллионы! — сказал Бёртон. — Какой смысл судить и казнить одного?

— Потому что он изнасиловал твою женщину! — ответил Терпин.

— Но она не моя собственность, я и не хочу говорить за нее, — заметил Бёртон. — Почему бы... Поскольку она пострадавшая, почему бы нам не предоставить решение ей самой?

Алиса, выйдя из спальни, услышала его слова.

— Ну Дик! — воскликнула она. — Так, значит, она не твоя собственность и может сама говорить за себя? Подумать только, от кого я это слышу! Ты здорово изменился.

— Надеюсь.

— Жаль, что ты не сделал этого раньше, до того как мы расстались, — сказала Алиса. — Знаешь, мне даже как-то обидно. Ты живешь с этой китаянкой без году неделю, и она уже вызвала в тебе такие перемены.

— Она тут ни при чем.

— А кто при чем? Господь Бог? Дик, ты просто невозможен.

— Как она? — спросил Нур.

— Неплохо — насколько можно после... такого. Мы с Афрой и Софи присмотрим за ней несколько дней. Если, конечно, Дик не против.

— Конечно, я не против, — сказал Бёртон не без внутреннего сопротивления. — Это очень благородно... самоотверженно... с вашей стороны.

После сноторного, рекомендованного компьютером, Звездная Ложка уснула. Бёртон с Фрайгейтом вынесли ее на носилках через боковую дверь и положили на заднее сиденье огромного «добрера» с паровым двигателем. Терпин повел машину по серпантину вниз, к выходу. Там Бёртон перенес китаянку в кресло, положил к себе на колени, быстро проделал короткий путь до входа в свой мир, потом более длинный — до замка Арабских Ночей, возвышавшегося в центре. Остальные следовали за ним. Алиса и Софи, раздев спящую и уложив в кровать, вышли из ее комнаты.

— Когда проснется, она будет вполне здорова, — сказала Софи. — Физически, я имею в виду. Но умственно и эмоционально...

Женщины договорились, что будут по очереди ухаживать за Звездной Ложкой. А Бёртона позовут, как только она проснется. Он протестовал, уверяя, что в этом нет необходимости. Он будет сидеть возле ее кровати до пробуждения, а потом сам за ней присмотрит.

— Позвольте нам тоже принять в ней участие, — сказала Софи.

Бёртон сдался и сказал, что они будут заботиться о несчастной вместе; он понимал причину их настойчивости. Женщины глубоко сочувствовали Звездной Ложке, потому что сами не раз подвергались насилию. Им искренне хотелось помочь ей; это непреодолимое влечение, если можно так выразиться, было свойством их натуры.

— Прирожденные сиделки, — сказал Бёртон Фрайгейту.

— Везет же некоторым!

Американец вовсе не иронизировал. Он завидовал людям, которые с радостью служили своим ближним.

Звездная Ложка встала к завтраку. Хотя она выпила только немного чаю и поклевала кусочек тоста, китаянка чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы принять участие в застольной беседе. Она, казалось, радовалась обществу трех женщин, которым несколько раз даже удалось ее рассмешить. Но Бёртона сторонилась и пресекала его попытки завязать разговор, отдельываясь односложными фразами, кивками или покачиваниями головой.

Через пару дней три женщины распрощались и ушли. Звездная Ложка тут же прекратила подолгу отрешенно глядеть в пустоту и занялась усердной работой с компьютером.

— Она уходит от реальности, — пожаловался Бёртон Нуру и Фрайгейту. — Хотя нельзя сказать, что уходит в себя. Она по уши погрузилась в исследования. Когда я к ней обращаюсь, она прерывает работу — не знаю, что ее так увлекло, меня в это не посвящают, — и слушает, что я ей говорю. Но я часами, вернее, днями, пытаюсь вернуть ее прежнее «я», и все впустую.

— Хотя ее насиливали уже не раз, — заметил Фрайгейт.

— Наверное, это потрясение оказалось последней каплей. Оно терзает ее, как незаживающая рана.

Бёртон не рассказал друзьям, что Звездная Ложка ненадолго оживилась лишь тогда, когда он спросил ее, как бы ей хотелось покарать Данауэя. Она ответила, что не хочет стирать его матрицу. Он, безусловно, заслуживает вечного забвения, но она не в силах принудить себя к такому решению.

Конечно, Данауэя надо наказать — возможно, наказание послужит ей уроком, хотя Звездная Ложка сильно в этом сомневалась. В конце концов она заявила, что не хочет думать ни о каких карах и приговорах. Она желала бы просто забыть обо всем, но не могла.

Лицо ее снова стало пустым и отрешенным, и китаянка умолкла.

Нур поговорил с ней, но потом признался, что не сумел пробиться к ее душе и впустить туда хоть лучик света. Душа ее была омрачена. Он только надеялся, что не навеки.

— Она что, теперь всегда будет такой? — осведомился Бёртон.

Нур пожал плечами:

— Этого никто не знает. Кроме, возможно, самой Звездной Ложки.

Бёртон был разочарован, а потому зол. Он не мог выплеснуть свою злость на китаянку, так что отыгрывался на Фрайгейте с Нуром. Понимая его состояние, они до поры до времени терпеливо сносили оскорблений. Но вскоре Нур сказал, что увидится с Бёртоном, когда тот придет в себя. Фрайгейт вроде как почитал своим долгом принять на себя львиную долю гнева Бёртона, то ли во имя старой дружбы, то ли потому, что какая-то часть его души наслаждалась словесными баталиями. Однако через час после ухода Нура Фрайгейт встал с кресла, швырнул недопитый стакан в стенку, заявил: «Я убираюсь отсюда» — и убрался.

Несколько минут спустя в комнату вошла Звездная Ложка. Посмотрела на пролитое виски, на задумчивое лицо Бёртона, а потом вдруг подошла к нему и поцеловала в губы.

— Мне гораздо лучше, — сказала она. — Я думаю, что сумею снова стать той веселой женщиной, какой ты хочешь меня видеть и какой я сама хочу быть. Отныне ты не должен тревожиться обо мне. Только вот...

— Я счастлив, — ответил он. — Но что-то тебя все-таки беспокоит?

— Я... Я еще не готова делить с тобой постель. Я и хотела бы, да не могу. Хотя я верю, Дик, что придет время, когда я сделаю это с огромным удовольствием. Ты просто наберись терпения. Время — лучший лекарь.

— Повторяю — я счастлив. Я могу подождать, хотя все это несколько неожиданно. Что вызвало такую метаморфозу?

— Не знаю. Просто так случилось.

— Забавно, — произнес Бёртон. — Возможно, когда-нибудь мы узнаем. А пока что поцелуй меня покрепче, если ты не против, ладно? Я обещаю не увлекаться.

— Ну конечно, я не против.

Жизнь Бёртона вернулась в обычную колею и стала почти такой же, какой была до изнасилования Звездной Ложки. Китаянка сделалась более разговорчивой, даже агрессивной, особенно во время вечеринок. То есть словесно агрессивной — она охотно вступала в споры и высказывала свою точку зрения. Но по-прежнему, как и во время депрессии, проводила много времени за компьютером. Бёртон не возражал. У него тоже были свои проекты.

ГЛАВА 28

Все люди, думал Нур, замечают, что в детстве время течет гораздо медленнее. В подростковом возрасте оно чуть ускоряет свой ход, в юности — переходит на медленный бег, который становится все быстрее и быстрее по мере взросления. Когда вам уже шестьдесят, время, которое казалось в молодости плавной, лениво текущей широкой рекой, становится вдруг узким и бурным потоком. К семидесяти оно мчится вперед как бешеное, пенясь у крутых порогов. К восьмидесяти — падает вниз стремительным горным водопадом, исчезая за кромкой жизни, уходящей у вас из-под ног в бездонную пропасть, куда время мчится так самозабвенно, точно хочет покончить с собой. И с вами тоже.

Если в девяносто лет вы обернетесь на собственное прошлое, детство покажется вам нескончаемо длинной широкой дорогой, уходящей к невообразимо далекому горизонту. Но последние лет сорок... какими короткими были они, как они быстро промчались!

А потом вы умираете и воскресаете на берегу Реки, и тело ваше снова становится таким, каким было в двадцать пять лет, даже лучше, поскольку все ваши болячки благополучно исчезли. Казалось бы, теперь, когда вы молоды опять, время снова станет для вас медлительным потоком. А детство уже не должно вспоминаться столь далеким, как в последние годы земного существования.

Ан нет. Мозг, заключенный в молодом теле, состоит из молодых тканей, но содержит все старые воспоминания и переживания. Если на Земле вы умерли в возрасте восьмидесяти лет и прожили затем сорок лет в Мире Реки, то время

в ваши сто двадцать несется стремниной. Оно торопит вас, подталкивает и понукает. Давай, давай вперед, говорит оно. Некогда отдыхать. Времени нет. И мне, времени, тоже не до отдыха.

Тело Нура прожило уже сто шестьдесят один год. Поэтому, оглядываясь на свое детство, он видел его где-то в туманной дали. И чем старше он становился, тем длиннее казалось ему собственное детство. Если он доживет до тысячи лет, то детские годы растянутся в памяти лет этак на семьсот; молодость — на двести; зрелость — на пятьдесят девять, а оставшееся время сожмется в один-единственный год.

Друзья Нура тоже порой упоминали об этом феномене, хотя и не задумывались о нем. Насколько он знал, никто, кроме него, не углублялся в размышления о времени. А Нур был просто поражен, когда Бёртон как-то обмолвился, что они, дескать, поселились в башне пару месяцев назад. На самом деле прошло уже семь месяцев. Бёртон отложил возвращение в свой личный мир на несколько недель — а задержался на два месяца.

Не замечать стремительного бега времени им — и Нуру в том числе — помогало то, что они перестали смотреть в календари. Они могли, конечно, приказать компьютеру показывать каждое утро на стене дату и месяц, но здесь, где время значило не больше, чем в стране гомеровских лотофагов, друзья не стали отдавать такой приказ. Сообщение Терпина о том, что он собирается справлять Рождество, могло бы их потрясти, однако у них не было точки отсчета, чтобы заметить, как много времени уже прошло.

Именно это пренебрежение часами и датами, наплевательское отношение к бегу времени и объясняло то, что они до сих пор откладывали дело, которым собирались заняться сразу же, как только добрались до башни. А именно — воскрешением своих товарищ, погибших во время нелегкого пути: титантропа Джо Миллера, Логу, неандертальца Казза, Тома Микса, Умслопогааса, Джона Джонстона и многих других. Они заслужили право жить в башне, и восьмьмеро, которым удалось уцелеть, собирались восстановить справедливость. Время от времени они вспоминали об этом, правда, нечасто. Но по каким-то причинам все тянули и откладывали.

Нур не мог оправдать себя тем, что и его, как всех остальных, закружила неудержимый водоворот времени. Он просто пренебрег этим крайне важным делом. Правда, он был более

прочих занят всякими исследовательскими проектами, но компьютеру потребовалось бы полчаса, чтобы найти матрицы погибших — если таковые остались, — и еще несколько минут для подготовки к их воскрешению.

Интересно, если прожить миллион лет, будет ли тогда казаться, что детство длилось семьсот пятьдесят тысяч лет? И сожмутся ли последние двести пятьдесят в одно столетие? Способен ли мозг проделать такой фокус со своим восприятием?

Время, если смотреть объективно, всегда бежит с одной и той же скоростью. Машина, наблюдая за жизнью людей в долине Реки, считает, что каждый день их равен предыдущему, а стало быть, сегодня они могут сделать не меньше, чем вчера. Но в людском сознании не станет ли время бежать все быстрее? И не будут ли они успевать с каждым днем все меньше и меньше? Чисто физические действия, как-то: вставание, завтрак, душ, зарядка и так далее — наверняка не претерпят никаких перемен. Но как будет с умственными и эмоциональными процессами? Не замедлятся ли они? И не замедлится ли тогда сам процесс изменения к лучшему, то есть главная цель, поставленная перед ними этиками? Если так, то этики должны были дать им больше ста лет для достижения морального и духовного совершенства, дающего право «продвижения».

Впрочем, была одна неоспоримая реальная причина, по которой людям отводилось не больше столетия. Энергию, необходимую для наполнения питающих камней, поддержания жизни в башне и воскрешения мертвых, получали из тепла, излучаемого расплавленным никелево-железным ядром планеты. Запасы энергии были огромны, но и потребление тоже. Этики могли подсчитать, что за сотню лет, отведенную для группы людей, родившихся с 100 000 года до Рождества Христова по 1983 год христианской эры, плюс за вторую сотню для тех, кто родился после 1983 года, энергетические ресурсы планеты истощатся окончательно. Термоэлектронные конвертеры поглощают столько тепла, что за два столетия остынут планетное ядро до критического уровня.

Этик Лога никогда не упоминал об энергетических ограничениях. Хотя наверняка знал о них и, возможно, именно поэтому так переживал и чувствовал себя виноватым. Ну, размышляя об этом, попросил компьютер представить ему расчет энергии, необходимой для двух проектов. Он догадывался, каким будет ответ. Все правильно: даже ядро этой

планеты, чуть превышающее размерами земное ядро, потеряет свое ослепительно белое сияние и по прошествии двухсот лет станет красным и тусклым.

Родители и близкие родственники Логи по-прежнему жили в долине Реки. Каждый из них хоть раз был убит и ни один не стал «продвинувшимся». Лога вмешался в проект и избавился от этиков с их агентами для того, чтобы его семья могла жить дольше положенного срока и, как он надеялся, достичь того уровня, откуда начинается «продвижение».

Это, однако, не означало, что первый проект не будет закончен через сто лет. Лога мог спасти своих близких, удостоверившись, что их телесные матрицы не сотрут, а ватаны не выпустят в свободный полет до скончания Вселенной или даже дольше. Он вполне мог закрыть первый проект по расписанию и запустить второй, с тем лишь небольшим отклонением, что его родственники продолжат жить в долине. Они станут частью второй группы и таким образом получат дополнительное столетие.

Но почему Лога не устроил так, чтобы компьютер попросту скрыл информацию об определенных лицах, которые должны были сгинуть, но были по-прежнему живы? Логе удавалось заставить компьютер мухлевать и в куда более заметных вещах.

Возможно, он, рисковавший по мелочам, не решился рискнуть самым важным — с его точки зрения, разумеется. Он хотел быть абсолютно уверен в удаче, хотя достижение такой уверенности требовало еще большего риска. Лога знал, что за год или два до завершения текущего проекта из Мира Садов прилетит космический корабль, который привезет с собой команду этиков и записи телесных характеристик людей, предназначенных для второго проекта. Логе нужно было избавиться от новоприбывших, которые могли помешать его планам. Он распорядился, чтобы всех их схватили или убили, как только они выйдут из корабля в ангар.

К несчастью, кто-то добрался до Логи, убил его самого и стер его телесную матрицу.

Все улики указывали на то, что это сделала монголка — агентка, убитая Нуром. Но улик было слишком мало. Нур не мог понять, как женщине удалось проникнуть в башню, какую роль она здесь играла и, если на то пошло, не прячется ли она где-нибудь в башне по сей день.

Нур с друзьями собирались посвятить этой загадке столько времени, сколько потребуется, чтобы ее разгадать. Однако все,

кроме него, похоже, отложили ее на потом, слишком увлеченные властью и удовольствиями, которые предоставляла им башня. Они, безусловно, не отказались от намерения решить загадку — они просто не имели понятия о том, сколько времени уже пролетело.

Нур не мог решить, стоит ли пенять друзьям на их забывчивость. Его собственные усилия прояснить вопрос с помощью компьютера не дали никакого результата. Почему им должно повезти больше?

С другой стороны, именно Алиса Харгривз придумала, как перехитрить компьютер, когда они попали в магический лабиринт. Ни ему, Нуру, ни другим это в голову не пришло. Глядя на своих друзей, Нур понимал, что они не считают решение загадки таким уж неотложным делом. Для них вообще не осталось ничего неотложного, кроме наслаждения, которое доставляла им сокровищница компьютера. И они, так сказать, растягивали удовольствие.

Однако они ошибались, если думали, что Нур не замечает еще одной катастрофы, надвигающейся на всех парах. Ли По дал ей начальный толчок, когда бездумно принял воскрешать людей, не помышляя о последствиях. Затем Терпин воскресил многих своих знакомцев по Земле и долине Реки. Те, в свою очередь, начали воскрешать всех, кого хотели видеть рядом с собой. И пошло-поехало. Терпинвиль был уже переполнен; Терпин пригрозил, что выгонит всех новоприбывших. Те и ухом не веяли — ведь они в любой момент могли перебраться в какой-нибудь незанятый мир или свободные апартаменты. И там продолжать размножение.

Большинство из воскрешенных понятия не имели ни о каких компьютерах, даже о примитивных и ограниченных машинах земного производства. Здесь же их знакомили с машиной, которая превращала их в каком-то смысле в полубогов. Но люди есть люди, и многие из них начнут злоупотреблять своей властью, по неведению или с умыслом. Уильямс, к примеру, воскресил участников убийств Потрошителя исключительно шутки ради, хотя и достаточно злобной шутки. Нур не видел в этом особого вреда, разве что Нетли мог стать неуправляемым. Остальные выглядели порядочными людьми. Галл, если воспользоваться забавной христианской терминологией, «родился свыше», а три женщины вообще никогда не были ни злы, ни властолюбивы. Хотя мужчины, которых они себе воскресили, могли оказаться кем угодно. Что же до жителей Терпинвиля, то они вообще почти не

изменили своим земным привычкам. Город, населенный бывшими сутенерами, проститутками, продавцами наркотиков, грабителями и убийцами, представлял большую потенциальную опасность. Особенно если его обитатели имеют доступ к компьютеру.

Нур неоднократно, хотя и тщетно, пытался внушить своим друзьям, что компьютер — это джинн, выпущенный из бутылки, или ифрит, вырвавшийся из-под ига соломоновой печати. Или же, как выразился Фрайгейт, чудовищный Франкенштейн с неограниченной кредитной карточкой. Человек, прибегающий к почти неограниченной мощи компьютера, мог неожиданно обнаружить, что кто-то другой использует эту мощь против него. Потенциал машины до сих пор оставался неизвестным. Чтобы безопасно пользоваться ею, надо было изучить все ее возможности, а это требовало кропотливой и долгой работы.

К примеру, Бёртон, наблюдая за действующими лицами дела Потрошителя, не учел, что сам подвергается наблюдению. Если бы он догадался вовремя, то мог бы предотвратить шпионаж. Теперь, когда он знал, что такое возможно, Бёртон приказал компьютеру сохранять в секрете все свои исследования. Но не исключено, что он опоздал. Пятеро людей, в том числе и Нетли, человек весьма ненадежный, были уже воскрешены. Более того, не исключено, что Уильямс, если ему хватило смекалки, велел компьютеру втихаря нарушить приказы Бёртона, касающиеся секретности.

В общем, любой, кто первым доберется до компьютера, мог обставить остальных.

Только тот, кто изучит список возможностей компьютера целиком, будет способен себя защитить. Себя и других. Если только еще не поздно. Кто-то мог уже ввести в машину команды, чтобы доступ к контрольным цепям был открыт лишь ему одному.

Нур собирался выучить наизусть весь перечень возможностей машины, а затем позаботиться о том, чтобы компьютер не допускал к управлению собой людей, которые могут употребить его способности во зло. Это, разумеется даст самому Нуру большую власть над людьми, живущими в башне. Но он-то знал, что не станет пользоваться ею в неблаговидных целях.

Однако сейчас Нур собирался заняться другими делами. Часы, отведенные им на дневную работу, истекли. Пора было идти и поужинать с женщиной, которую он воскресил, — с его

земной супругой, мало видевшей его на Земле, поскольку он вечно скитался в поисках знаний и истины. Нур многое ей задолжал и теперь хотел отдать долги.

ГЛАВА 29

Алиса устраивала Безумное Чаепитие первого апреля, в день смеха.

Это было также прощальное чаепитие, не для Алисы, которая никуда не собиралась, а для «декораций» и андроидов ее мира. Устав от мотивов Страны Чудес и Зазеркалья, Алиса решила все переменить. Ее гости в последний раз посмотрят на диковинный антураж, а потом она даст команду компьютеру убрать его и заменить чем-нибудь другим. В данный момент, говорила она, у нее есть несколько проектов нового оформления. И, возможно, гости во время чаепития подбросят ей еще какие-нибудь идеи.

Но сначала следовало составить список гостей, и это сразу вызвало затруднения. Алиса намеревалась пригласить только семерых друзей вместе с их спутницами. Но Ли По выразил желание привести всех своих «жен». Алиса ответила, что лучше бы он взял какую-то одну. Ту, например, чья очередь делить с ним постель выпадет на первое апреля. Ли По заявил, что остальные его жены, а также его друзья и их подруги будут обижены, если не получат приглашения. В конце концов, помещение у нее достаточно большое, чтобы он мог привести с собой маленькую компанию (человек около ста, по его подсчетам). Сорок мудрецов (вернее, теперь уже пятьдесят) и их очаровательные подруги будут вести себя прилично. Чуточку шумно, быть может, но ведь Алиса хочет, чтобы чаепитие прошло весело и оживленно, не так ли?

Алиса умела быть очень упрямой, однако она обожала Ли По, хотя и считала, что он слишком много пьет и разврата-ничает. В компании он был незаменим, но, как видно, решительно настроился взять с собой друзей. В конце концов она сдалась, послав китайцам общее приглашение.

Фрайгейт сказал, что они с Софи придут с удовольствием. Но Софи — она такая общительная! — успела уже воскресить по десятку мужчин и женщин, с его разрешения, разумеется. Они были ее близкими друзьями, с которыми она общалась в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и — хочешь верь, хочешь нет, только не смейся, пожалуйста, — в Каламазоо, штат Мичиган.

Алиса озадаченно спросила, с чего он решил, что она будет смеяться.

— Каламазоо, — со вздохом ответил Фрайгейт, — как и некоторые другие американские города или городские районы, типа Пеории, Поданка и Бербанка, превратились в притчу во языцах, став предметом насмешек, подтрунивания и издевок. Точно так же, как город Готам в английском фольклоре позднего средневековья, немецкий Шильдбург, город Хелм в еврейских историях и Беотия древних греков. Вообще-то Каламазоо и другие американские города несколько отличаются от прочих, которые я упомянул. Разница в том...

Алиса вежливо выслушала, а потом заметила:

— Ты собирался спросить меня, приглашу ли я друзей Софи, но слегка отвлекся. Поскольку их всего двадцать, пускай приходят, я буду рада их видеть.

Фрайгейт поблагодарил ее, хотя и без особого удовольствия. Дело в том, что, в отличие от общительной Софи, он был не то чтобы отшельником, но, скажем, человеком не очень общительным. Разумеется, он радовался, что у них с Софи появилась какая-то компания. С другой стороны, постоянное присутствие посторонних начинало его тяготить. Мир для Фрайгейта никогда не мог быть слишком просторным.

Де Марбо и Бен тоже захотели привести с собой людей, которых недавно воскресили. Алиса согласилась, но, когда экран погас, горестно вздохнула. Вначале она планировала вечеринку человек на тридцать. Теперь их набралось уже сто три. Пока что.

С Бёртоном, слава Богу, с точки зрения количества не было проблем. Они со Звездной Ложкой так еще никого и не воскресили.

— Да, кстати, — проговорила Алиса, — я подготовила небольшой сюрприз.

— Для всех или только для меня? — осведомился Бёртон.

— В общем, для всех, хотя ты, возможно, будешь удивлен больше других.

— Я хорошо изучил тебя, Алиса, — сказал он с улыбкой, делавшей его похожим на Мефистофеля. — У тебя все на лице написано. Ты только что пожалела о своих последних словах. Тебе неловко, что они у тебя вырвались. Так что это за сюрприз — новый мужчина?

— Иди к черту! — разозлилась Алиса и велела компьютеру прервать связь.

Она здорово изменилась в последнее время. Никогда и ни за что на Земле она не послала бы человека к черту, как бы ее ни разозлили. Даже своего мужа.

Походив взад-вперед, чтобы успокоить расшалившиеся нервы, Алиса позвонила Нуру.

— Добрый день, Алиса! — сказал он. — Очень рад тебя видеть. Могу я перезвонить через минутку? Я разговариваю с Томом Терпином. У него... — Нуру помедлил, потом махнул рукой: — В общем, это неважно.

— Извини, что помешала, — произнесла Алиса. — Я просто хотела... Ладно, я перезвоню через полчаса.

Закусив губу, Алиса пыталась сообразить, приглашать ли ей Уильяма Галла с его доуистами. Он был, в конце концов, баронетом и придворным врачом королевы Виктории. Однако Алиса уже потеряла тот пистолет к титулам, что был присущ ей на Земле и поначалу в долине Реки, поэтому высокие связи доктора ее не волновали. К тому же он был убийца-расчленитель. Но, с другой стороны, он раскаялся и стал священником Церкви Доуистов. Алиса же, хотя и утратившая христианскую веру, по-прежнему старалась вести себя по-христиански и считала, что темное прошлое Галла ее не касается. Он был занимательным собеседником, по крайней мере пока не начинал обращать вас в свою веру. Тогда он становился скучнейшим занудой. Но Алиса решила взять с доуистов слово, что они не будут читать проповедей на ее вечеринке.

В конце концов она позвонила Галлу. Тот был настолько благодарен, что Алиса даже растрогалась.

— Я собираюсь пригласить также Анну Крук, Элизабет Страйд и Мэри Келли, — сказала она. — Надеюсь, это не будет вам неприятно.

— Нет, конечно! — откликнулся Галл. — Это ваш праздник, к тому же мы с миссис Страйд вполне поладили, если не считать некоторых разногласий по вопросам теологии. Миссис Крук и миссис Келли держатся со мной холодно, что более чем понятно, однако я надеюсь со временем их смягчить. Уверяю вас, что буду вести себя достойно и ни в коем случае не испорчу вам вечер.

Потом Алиса позвонила трем женщинам, и они сказали, что жутко рады и обязательно придут. Можно им привести с собой кавалеров? Алиса, хотя и не жаждала их видеть, с улыбкой согласилась. Итак, число гостей выросло до ста пятидесяти одного, поскольку с Галлом придет его дама и еще тридцать два

человека. Страйд и Крук приведут по одному поклоннику, а Келли, как всегда, явится под ручку с двумя.

Когда Алиса позвонила Нуру во второй раз, он уже освободился. Поблагодарил за приглашение и сказал, что он и Айша почтут за честь прийти на прием. У него только что состоялся серьезный разговор с Томом Терпином. Оба они были встревожены из-за тех двух женщин, что забеременели. Первая будет рожать через четыре месяца; вторая — на две недели позже.

— Том сто раз им говорил, что у младенцев не будет ватанов. Поскольку этики не планировали здесь деторождения, то, естественно, не оставили никаких устройств для создания ватанов. Я спрашивал у компьютера, есть ли у него схемы, по которым можно было бы построить генератор ватанов, но он ответил, что ничего подобного в его файлах нет. А это означает, как ты, наверное, помнишь, что дети, лишенные ватанов, будут лишены и самосознания. Внешне они будут вести себя нормально, совершенно как дети с ватанами. Но отсутствие самосознания превратит их в биологические машины — очень сложные, почти совершенные, и все-таки машины.

— Да, я знаю, — сказала Алиса. — Но что же делать?

— Если женщины согласны родить и вырастить нечто вроде андроидов, это, в конце концов, их личное дело. Но проблема в другом. Их пример может вдохновить остальных, которые тоже захотят детей, и вскоре башня окажется переполнена людьми, добрая половина из которых будет лишена души. И что тут начнется, когда перенаселение заставит их бороться за пространство? Войны. Страдания. Смерть. Думаю, ты сама это прекрасно понимаешь.

— Да, но... — начала Алиса.

— Терпин пригрозил, что вышвырнет их вон, если они не прервут беременности. Но им плевать. Они просто уйдут со своими мужьями в квартиры и будут жить там. В общем, эта маленькая неприятность скоро вырастет в очень большую. Кому-то... нам... придется принять чрезвычайные меры, чтобы предотвратить опасность и чтобы подобное не повторялось впредь.

— Ты имеешь в виду... убить младенцев?

— Мне не хочется даже думать об этом, меня это страшно удручет, но другого выхода нет. Младенцы-то на самом деле андроиды, и уничтожить их — все равно что вывести из строя робота. Конечно, андроиды выглядят совершенно как люди и

до какой-то степени ведут себя как люди. Но они не обладают самосознанием; в них нет того, что делает гомо сапиенс человеком. Нельзя позволить этим младенцам вырасти — их нужно ликвидировать сразу, пока они ничего не понимают.

Алиса знала, что смерть их будет мгновенной и безболезненной. Младенцев поместят в конвертер и в течение микросекунды распылят до атомов. Но Алиса все равно пришла в ужас.

Добросердечный Нур, безусловно, и сам был в ужасе. Но он знал, что это необходимо, и, если Терпин не сумеет уничтожить новорожденных, Нуру придется сделать это собственно-ручно.

— Если бы у нас был генератор ватанов, — продолжал Нур, — я бы настоял — и, надеюсь, почти все бы со мной согласились, — чтобы для этих двоих детей сделали исключение. Мы бы создали им ватаны, приняв все меры для того, чтобы исключить рождение новых детей. Любую женщину, которая приказывает компьютеру избавить ее от бесплодия, следовало бы казнить и хранить ее телесную матрицу до того дня — если он вообще наступит, — когда компьютер снова начнет воскрешать в долине людей. Любой мужчину, который сознательно сделает женщину беременной, тоже нужно казнить. Хотя...

— Да?

— О Аллах! Это вовсе не обязательно. Как же я не догадался? Достаточно просто запретить компьютеру выполнять те команды, которые могут привести к беременности. Почему мне это раньше в голову-то не пришло? А теперь...

— А что теперь? — спросила Алиса.

Нур махнул рукой, не желая отвечать на вопрос.

— Но тогда я не вижу причины убивать младенцев, — заявила Алиса. — Двое детей — не такая уж большая проблема.

Нур вздохнул с облегчением, хотя выглядел по-прежнему встревоженным. Возможно, потому, что так поздно додумался до столь очевидного решения.

— Кое-что нужно проверить немедленно, — сказал он, покачав головой. — А вдруг кто-нибудь уже отдал компьютеру приказание беспрекословно выполнять желания любого, кому захочется стать способным к зачатию? Из двух противоречащих друг другу приказов основным для компьютера будет тот, что отдан раньше. Единственные, кто мог изменить эту установку, были Лога и та женщина, которую я убил... если я действительно убил ее. Погоди минуточку. Я проверю.

Алиса могла его подслушать, но никогда не стала бы делать этого без разрешения. Через минуту экран напротив нее осветился вновь, и на нем показалось лицо Нура. По его сердитому выражению она сразу поняла, что случилось.

— Зря я надеялся. Кто-то успел меня опередить. Он — или она — сделал так, что теперь любой желающий сможет иметь детей. Компьютер не говорит, кто дал ему команду.

— Боже мой! — воскликнула Алиса. И, подумав, сказала: — Дик говорил мне про того черного парня, Билла Уильямса, который воскресил Галла и компанию. Может, это он?..

— Я не знаю. Возможно, мы не узнаем этого никогда. Не исключено, что приказ отдала Вандал Гудал или Сара Келпин, то есть одна из беременных женщин. Как бы там ни было...

С Нуrom редко случалось такое, чтобы ему не хватало слов. Но сейчас он явно растерялся.

— Нужно сообщить Тому, — предложила Алиса. — Пускай принимает меры.

— Я сейчас же ему позвоню, — откликнулся Нур.

Алиса настроилась, что придется подождать минут десять — пятнадцать. Но экран на пульте осветился уже через шесть минут. И, к удивлению Алисы, на нем показался не Нур, а Том Терпин с перекошенным и побагровевшим даже сквозь черную кожу лицом.

— Вызываю всех! — крикнул он.

«Всех», как поняла Алиса, относилось к семерке друзей. Но что он делает на центральной площади в виде буквы О, куда выходят двери всех миров, подобно кускам торта, сходящимся к сердцевине? И почему самая его любимая женщина, Даймонд Лил Шинделер, и самые близкие друзья — Шовен, Джоплин и другие музыканты со своими подругами тоже там толпятся?

— О'кей! Я вижу вас всех! Я взбешен! Я совершенно взбешен, слышите вы?

— Успокойся, Том, — послышался ровный и мягкий голос Нура. — Расскажи нам, что стряслось.

— Они вышвырнули меня вон! — взревел Том. — Смяли охранников, схватили меня и моих друзей и выставили! Они сказали, что я больше не король Том! Меня свергли! Мне запретили там появляться! До свидания, сукин ты сын, сказали они, прощай, адью, гудбай, аддиос!

— Кто — они? — спросил голос Бёртона. — Там заводили, часом, не Билл Уильямс?

— Нет, не он! Он два дня уже как убрался в один из пустующих миров. Это сделали Джонатан Холи и Гамильтон Биггс! То есть они были заводилами!

Алису, наверное, представляли им обоим, но она не помнила таких имен.

— В общем, чего-то в этом духе следовало ожидать, — произнес Нур. — Ты мало что... ты ничего не можешь сделать, Том. Почему бы тебе не переехать в какой-нибудь из пустых миров? Только заселяй его поосторожнее, чем первый.

— Я даже этого не могу! — вскричал Том, резко всплеснув руками и хлопнув ими по бедрам. — Даже этого! В одном из них Уильямс. Другой захватили цыгане. Я знаю, потому что сам видел, как они выходят оттуда. А в остальные четыре мне тоже хода нет! Кто-то запер их кодовым словом! Не знаю кто, но подозреваю, что Холи с Биггсом. Они придерживают эти миры для прироста населения — а может, заперли их просто из вредности, чтобы мне насолить!

— Могло быть и хуже, — сказал Нур. — Они могли убить тебя.

— Да, Полианна*, могло быть и хуже!

Терпин разрыдался. Шинделер, крупная чернокожая женщина, обняла его. Он рыдал у нее на груди, а она улыбалась, вспыхивая драгоценными камушками, вставленными в зубы. На Земле она была одной из самых знаменитых бандерш злачного района Сент-Луиса, а также одной из любовниц Терпина.

Алиса подождала, пока Том высвободился из объятий Даймонд Лил, и предложила:

— Ты вместе с друзьями можешь поселиться у меня, Том.

Остальные — Бёртон, де Марбо, Афра, Фрайгейт и Нур — поспешили сделать аналогичное предложение.

— Нет, — сказал Том, вытирая глаза громадным фиолетовым носовым платком, — в этом нет необходимости, хотя все равно спасибо. Мы просто переберемся в апартаменты. — Он поднял вверх кулак и заорал: — Я вам еще покажу, Холи и Биггс, и все прочие долбаные Иуды! Я вам так покажу! Вы еще пожалеете, подонки! Остерегайтесь Тома Терпина, это я вам говорю!

Алиса не видела экрана, который появился, очевидно, перед Томом на стене. Но она услышала громкий смех и торжествующий голос:

* Героиня одноименной повести Э. Портер, неисправимая оптимистка.

— Вали отсюда, рева-корова!

Том зарычал от обиды и ярости и принял дубасить кулаком по стенке. Алиса выключила свой экран. Ну и что дальше?

А правда — что? Это была лишь первая неприятность, случившаяся накануне Безумного Чаепития. Которое, как Алиса говорила потом всем и каждому, кто мог ее слышать — а таких осталось немного, — было, без всякого преувеличения, самым худшим в ее жизни.

ГЛАВА 30

Утром первого апреля Бёртон со Звездной Ложкой завтракали на балконе своей спальни. Небо было чистое, ветерок — легкий и прохладный, ибо так велел Бёртон. Окрестности то и дело оглашались трубным ревом слонов и львиными рыками. На стол упала тень птицы Рух с размахом крыльев в сорок футов — внешний вид ее придумал сам Бёртон, а воспроизвел компьютер. Когда тень упала на Звездную Ложку, китаянка вздрогнула.

— Птица запрограммирована так, что не станет на нас нападать, — сказал с улыбкой Бёртон.

— Это дурное предзнаменование.

Бёртон не стал спорить. Ли По и люди восьмого века до Рождества Христова, которых он воскресил, были умными и многоопытными, но так и не сумели освободиться от суеверий. Ли По, пожалуй, был наиболее гибок, но даже он порой реагировал серьезно на такие вещи, над которыми должен был посмеяться или вовсе не заметить.

Бёртон задумался: нужно ли человеку отрешиться от суеверий, чтобы достичь «продвижения»? Разве абсурдные верования мешают личности стать милосердной и отзывчивой по отношению к своим близким, отказаться от ненависти и предвзятости? Да, мешают — если вызывают страх, жестокость и приводят к иррациональным поступкам. Может ли человек, который при виде черной кошки, перебегающей дорогу, боится всяческих напастей, оставаться тем не менее «хорошим» человеком? Нет — если он швырнет в кошку камнем или начнет, поддавшись тревоге, выплескивать свое раздражение на окружающих.

— Ты тоже боишься, — заметила Звездная Ложка.

— Что? — уставился на нее Бёртон.

— Ты трижды постучал по дереву. По столу.

— Ничего подобного!

— Не хочу противоречить тебе, Дик, но ты постучал.

— Серьезно? — Бёртон оглушительно расхохотался.

— Что тут такого смешного?

Бёртон объяснил, и она улыбнулась. Впервые за много дней, подумалось ему, она не выглядит такой далекой и отрешенной. Что ж, если он должен строить из себя дурака, чтобы ее развеселить, то он не против.

— Я не спросил, как ты себя чувствуешь.

— Хорошо.

— Надеюсь, ты скоро повеселеешь.

— Спасибо тебе, Дик.

Бёртон подумывал, а не предложить ли Звездной Ложке, чтобы компьютер изъял из ее памяти все пережитые страдания, в особенности изнасилования. Компьютер мог вырезать их, как хирург — воспаленный аппендицис. И хотя такая операция лишит китаянку многих воспоминаний, быть может, нескольких лет в совокупности, зато освободит от мучительных раздумий. С другой стороны, несмотря на то что воспоминания исчезнут, их эмоциональное воздействие останется. Его компьютер вырезать не в состоянии. Не исключено, что Звездная Ложка по-прежнему будет чувствовать отвращение к сексу, даже не понимая почему.

Мозг должен вылечить себя сам, но он редко бывает искусным целителем.

Звездная Ложка поднесла ко рту вилку с кусочком форели и начала жевать, глядя задумчиво вниз на дворцовые сады, бегущую в джунглях реку и пустыню вдали. Проглотив, она сказала:

— Я хочу, чтобы у тебя была еще одна женщина, Дик. Такая, которая даст тебе то, в чем ты нуждаешься. Которая сможет смеяться и любить. Я не против — я не только не против, я буду очень рада.

— Нет, — ответил Бёртон. — Нет. Это очень благородно с твоей стороны — и очень по-китайски. Я восхищаюсь культурой и мудростью твоего народа, но я-то не китаец!

— Китай тут ни при чем. Это просто здравый смысл. Я не хочу быть — как ты выразился недавно? Собакой на чем?

— Собакой на сене. Так называют эгоистов, которые сами не могут воспользоваться тем, что им принадлежит, но и другим не дают.

— Я не собака на сене. Пожалуйста, Дик, тогда я буду чувствовать себя не такой несчастной.

— Но и я не буду счастлив.

— Если тебя смущает присутствие здесь второй женщины, посели ее в квартире и навещай. Или... я могу уйти.

— Люди — не андроиды, — возразил он со смехом. — Я не могу воскресить женщину и держать в заточении ради собственного удовольствия. Во-первых, я ей, возможно, не понравлюсь. А во-вторых, даже если понравлюсь, ей потребуется общество других людей. Она захочет быть свободной личностью, а не одалиской в клетке.

Китаянка протянула руку через стол и накрыла ладонь Бёртона своей:

— Это очень плохо.

— Что плохо? То, о чем мы говорим?

— Это и многое другое. Все. — Звездная Ложка махнула рукой, как бы обводя всю Вселенную. — Плохо. Все плохо.

— Нет, неправда! Что-то плохо, а что-то и хорошо. Просто на твою долю выпало чересчур много плохого. Но у тебя есть время — полно времени, — чтобы получить и свою долю хорошего.

— Нет. — Она покачала головой. — Хорошее не для меня.

Бёртон отпихнул от себя полупустую тарелку. Андроид тихонько убрал ее со стола.

— Я останусь и поговорю с тобой, если хочешь. У меня много работы, но ты для меня важнее.

— У меня тоже есть работа, — сказала китаянка.

Бёртон встал, обошел вокруг литого золотого стола и поцеловал женщину в щеку. Ему было любопытно, чем она занимается, но, когда он спрашивал ее об этом, Звездная Ложка отвечала, что ничем интересным и что она бы лучше послушала о его исследованиях.

И все же, когда они вылетели из замка в бронированных летающих креслах, мысль о вечеринке, похоже, развеселила китаянку. Она щебетала без умолку, рассказывая о каких-то забавных случаях из своего детства, и даже рассмеялась несколько раз. Бёртон подумал, что ей не на пользу проводить так много времени в одиночестве или только в его компании. Хотя, когда они посещали еженедельные сборища, китаянка выглядела отрешенной и подавленной.

Во время полета Бёртон обратился к Звездной Ложке по радиопередатчику:

— Рано утром я пытался дозвониться до Терпинвиля. Который, по-видимому, скоро переименуют. Но не смог. Очевидно, нынешние правители города не отвечают на звонки.

— А зачем ты им звонил?

— Из любопытства. Хотел посмотреть, насколько воинственно они настроены. Не исключено, что они — или он — не удовлетворятся властью над Терпинвилем. Возможно, узурпатор захочет захватить всю башню.

— Какой в этом смысл?

— А какой смысл был вышвыривать Терпина и садиться на его трон? Я позвонил Тому тоже, проверить, как он. Мрачный — чернее тучи. Возможно, впрочем, что более уместно слово «багровее». Он по-прежнему жаждет мести, хотя и понимает, что шансов у него никаких. Бунтовщикам достаточно просто затвориться в своем мире.

Они вылетели через дверь в центральную зону. Бёртон с удивлением взорился на бурлящую толпу народа. Здесь были Терпин, Луи Шовен, Скотт Джоплин и другие музыканты, изгнанные из Малого Сент-Луиса. Их, похоже, выбросили оттуда без всего, лишь в той одежде, что на них была. Здесь же толпилось еще не менее сотни чернокожих, некоторых из них Бёртон узнал. Что-то, по-видимому, стряслось и с Фрайгейтом, Софи и их друзьями. Они яростно жестикулировали и кричали, но слова тонули в оглушительном гвалте, в который вливался также хор голосов с экранов, демонстрировавших прошлое людей из толпы.

Тут из своего мира вылетел Ли По с друзьями, и их вопросительные взоры усилили общий шум и гам.

Бёртон со Звездной Ложкой приземлились на пол. Бёртон встал и крикнул: «Что за базар?», однако его расслышали только ближайшие соседи.

Фрайгейт вырядился на вечеринку самым причудливым образом: громадный алый галстук-бабочка, лимонно-желтая рубашка с огромными серебряными пуговицами, широкий небесно-голубой пояс, белые штаны в облипочку с алыми лампасами и лимонно-желтые высокие сапоги. Лицо у него было сейчас почти под цвет бабочки.

— Мы вылетели из моего мира, — возбужденно затараторил он, — и обнаружили здесь Нетли с дюжиной человек. Все они были вооружены лучеметами и пистолетами, и Нетли заявил, что, если я не скажу ему кодовое слово, он пристрелит нас на месте! Ну я и сказал, а что мне оставалось? Он со своей бандой забрался внутрь, и запер дверь... и... в общем, полный аут! Нас вышвырнули вон! Как котят! У меня отобрали мой чудесный мир!

— А также у меня и моих друзей, — промолвила Софи.

Она была одета в древнеегипетском стиле, а-ля Клеопатра. Урей на короне, обнаженный торс с большой красивой грудью — как, интересно, воспримет это Алиса? — и длинная юбка, разрезанная спереди почти до промежности. Она не забыла даже посох, увенчанный египетским крестом. Ее друзья были одеты в азиатские и европейские костюмы разных эпох.

— Мне надо было вылетать осторожнее! — прокричал Фрайгейт. — Проверить, свободен ли путь, прежде чем высовываться за дверь!

— Не стоит запирать сарай, когда лошадь уже сперли, — заметила Софи. — А также рыдать над пролитым молоком. Простите за банальные фразы, но в критических ситуациях почему-то всегда тянет на трюизмы. С языковой точки зрения такие ситуации не слишком плодотворны.

К ним подошел Том Терпин во фраке и цилиндре.

— Неделя сплошного бандитизма! — сказал он. — Везет им нынче.

— А это кто такие? — спросил Бёртон, показав на удрученных и ошарашенных чернокожих.

— Это? Хорошие ребята, церковники. Шансеры, новые христиане, обновленные баптисты свободной воли и нихи-рениты. Биггс и Холи выставили их через пару минут после того, как Пит лишился своих владений.

Из двери лифта вышли Страйд, Крук и Келли со своими мужчинами. Бёртон предоставил Тому объяснить им, что случилось, а сам, вызвав на стену экран, позвонил Алисе. Карие глаза ее округлились, когда она увидела сцену за Бёртоном и услышала гомон толпы. Бёртон рассказал ей, в чем дело, добавив:

— Боюсь, это испортит твою вечеринку.

— Ничего подобного, — возразила она. — Я этого не допущу. Конечно, Том с Питом успокоятся не сразу, но в конце концов возьмут себя в руки. А этим беднягам, которых вышвырнули вон бандиты, скажи, пусть приходят ко мне на вечеринку, если захотят. Конечно, они и так не помрут здесь с голоду и найдут где поселиться. Но ты все равно передай им мое приглашение. Я жду вас всех.

Бёртон подошел к беспорядочно толкующимся изгнанникам, попросил тишины, добился ее и передал приглашение Алисы. Все охотно его приняли. У них не было летающих кресел, но они могли получить кресла из конвертера, стоявшего в прихожей Алисиного мира.

Фрайгейт заказал в конвертере выпивку для своей компании, чтобы залить горе по дороге в гости. Софи взяла высокий бокал с джином, однако заметила:

— Я думаю, нам сейчас не до веселья, Пит. Мы должны изучить список возможностей компьютера и ввести все мыслимые запреты. Нужно предусмотреть все, что только может прийти в голову этим подонкам.

— Мысль хорошая, — сказал Бёртон, хотя обращались не к нему. — Но Алиса обидится, если вы пропустите прием. К тому же я уверен, что узурпаторы сейчас начнут бурно праздновать свою победу, так что в ближайшем будущем нам ничего не грозит.

— Возможно, вы и правы, — откликнулась Софи, — но все-таки я считаю, что завтра мы должны собраться и попробовать все вместе сообразить, чего эти сволочи могут выкинуть еще.

— После вечеринки головы обычно варят не ахти, — сказал Бёртон. — Но я позвоню вам и всем остальным завтра утром около десяти. Устроим большое толковище.

В прихожую вошел Нур со своей подругой. Остановился, огляделся и направился сквозь толпу к Бёртону. «Айша-бен-Юсуф», — представил он другу свою спутницу, тоненькую смуглую женщину, еще ниже Нура ростом. Красавицей она не была, но улыбалась очень обаятельно.

— Я позже тебе все объясню, — сказал Нуру Бёртон. — А сейчас пора выбираться из этой толкучки.

Повернувшись к своему креслу, Бёртон увидел Галла с группой доуистов, одетых в длинные белые развевающиеся на ходу балахоны. Они изумленно вертели головами.

Бёртон поднял кресло в воздух, направив его в широкий дверной проем. Потом взмыл вверх футов до двухсот и помчался над густым дубово-сосновым лесом Глущбой к огромной поляне у подножия высокого холма, на котором стоял особняк Алисы. Поляна площадью в триста футов, совершенно гладкая и плоская, была покрыта вечнозеленой травой. Сбоку на ней возвышалось чертова колесо, рядом располагались «русские горы», карусель и маленький каток, а посередине чего только не было: уйма столиков, установленных блюдами и бутылками, белые тенты и эстрада, где андроиды наигрывали вальс, коттеджики типа римских вилл для отдыха, крокетное поле, площадки для бадминтона, танцплощадка из полированного дерева и множество андроидов-

слуг, выглядевших как персонажи двух знаменитых книг Льюиса Кэрролла.

Под гигантским дубом на краю поляны стоял домик с трубами в виде заячьих ушей и с крышей, покрытой заячьим мехом. Перед ним располагался большой стол, накрытый для чаепития, и множество стульев. За столом сидели Мартовский Заяц ростом с человека, Болванщик и маленькая девочка. Одета она была в точности как Алиса на иллюстрациях Тенниела, но длинных белокурых волос у нее не было. Алиса велела, чтобы андроид выглядел как она сама в десятилетнем возрасте.

— Ай да Алиса, разошлась не на шутку, — пробормотал Бёртон, направляя кресло к подножию холма.

Сама хозяйка стояла возле кресла, похожего на трон в Уэстминстерском Холле. Рядом, возле похожего трона, стоял высокий белокурый мужчина.

— Алисин сюрприз! — пробурчал себе под нос Бёртон. — Так я и думал!

Он был уязвлен и злился на себя за то, что ему не все равно. Значит, он лгал самому себе, когда думал, что Алиса ему безразлична.

Выглядела она потрясающе. В своем любимом наряде двадцатых годов, но без шляпы, поскольку правила земного этикета в Мире Реки потеряли свою власть. Ее короткие черные волосы алебастрово блестели на солнце. Мужчина, судя по Алисе, был около шести футов и четырех дюймов ростом. На нем был наряд шотландского предводителя — шерстяной клетчатый кильт, кожаная сумка мехом наружу и прочие причиндалы. Спустившись пониже, Бёртон разглядел, что клетка на кильте черно-красная, клана Роб Роя. Стало быть, мужчина — потомок знаменитого шотландского разбойника и, таким образом, дальний родственник Бёртона. Широкоплечий, мускулистый, лицо красивое, хотя и очень мужественное. Он улыбнулся, увидав Бёртона в халате и тюрбане, и, точно взмах меча, перерезающего веревку и опускающего подъездной мост, улыбка отворила закрытый уголок в памяти Бёртона. Да это же сэр Монтейт Магленна, шотландский баронет и лорд! Бёртон встречался с ним в 1872 году, когда выступал в Лондоне перед Британской национальной ассоциацией спиритистов. Бёртон тогда еще сильно разобидел публику, заявив, что не верит в духов и не видит в них никакой пользы, даже если они существуют. Молодой баронет немного поболтал с Бёртоном на приеме, устроенном после лекции. Оба они

путешествовали по американскому западу, оба были археологами-любителями. Они провели полчаса в увлекательнейшей беседе, пока остальные, надеясь улучить момент, чтобы защитить спиритизм, ходили вокруг и недовольно фыркали.

Алиса с улыбкой — чуточку злорадной, или ему показалось? — представила Магленне Бёртона и Звездную Ложку. Бёртон пожал баронету руку, и оба мужчины в один голос выпалили:

— Мы знакомы!

Они поговорили пару минут, вспоминая о своем давнем знакомстве, пока очередь желающих поздороваться с хозяйкой или представиться ей не вытянулась длинным хвостом, и тогда Бёртон спросил:

— Алиса, а ты-то его откуда знаешь?

— О, мы с Монти познакомились в 1872 году, когда мне было двадцать, а ему — тридцать, на балу у графа Пертишрского. Мы потанцевали немного вместе...

— Мы танцевали до упаду, — вставил Монтейт.

— ...и после этого несколько раз встречались. А потом он уехал в Штаты, где чуть не умер, подстреленный случайно каким-то бандитом, и вернулся только в 1880 году. Я в ту пору была уже замужем.

— Я не мог поддерживать с ней переписку, — сказал Магленна. — Одно письмо с объяснениями я все же послал, но оно до нее не дошло. И поэтому...

Несколько андроидов по сигналу Алисы подняли кресла, на которых прибыл Бёртон со Звездной Ложкой, и потащили их через поляну к восточному краю. Быстрее и эффективнее было бы отвести кресла на парковочную стоянку по воздуху, но у Алисы не хватило то ли времени, то ли желания инсталлировать андроидам программу управления креслами.

Бёртон послушал Алису, которая в деталях рассказывала Звездной Ложке о том, как она горевала, когда думала, что Магленна потерял к ней интерес. В середине рассказа Бёртон решил, что с него довольно, извинился и бесцельно бродил по поляне, пока к нему не подошла Звездная Ложка.

— Ты знал про мистера Магленну? — спросила она.

— Нет! — отрезал Бёртон. — Она ни разу не упоминала о нем за все долгие годы, что была со мной!

— Как замечательно, что они в конце концов воссоединились. Подумать только: если бы не ты, они, возможно, никогда не нашли бы друг друга!

Звездная Ложка сияла довольною улыбкой. Радовалась Алисиному счастью? Или, несчастная сама, злорадствовала, понимая, как неприятно Бёртону появление Магленны? Горе порой слишком сильно коверкает души людей, и их единственной отрадой остается мысль о том, что другие тоже страдают.

ГЛАВА 31

Бёртон со Звездной Ложкой пошли покататься на «русских горах», но китаянке от всех этих взлетов-падений-кружений стало плохо, и ее стошило прямо на сиденье. Управляющий аттракционом андроид, которого подозревал Бёртон, велел двум своим помощникам вычистить кресло.

— Ты сегодня что-то очень нервничаешь, — заметил Бёртон.

— Меня пугают все эти страшилища, — ответила она, обведя поляну рукой.

Китаянке, естественно, не были знакомы те создания, которыми Кэрролл населил Алисины книги и которых настоящая Алиса вызвала к жизни. Поскольку их экзотическая внешность не была привычна Звездной Ложке по книгам, она все время нервно вздрагивала. Особенно пугал ее Бармаглот, точно сошедший с иллюстрации Тенниела. Его чешуйчатое туловище походило на тело истощенного дракона, и кожистые крылья были вполне драконьими, но длиннющая худая шея и узкая морда, похожая на лицо очень злобного старика, а также нелепо длинные пальцы на передних лапах отличали его от прочих драконов, встречающихся в мифах, легендах или художественной литературе. Был он громадный, тринадцати футов ростом, когда стоял на задних лапах. К счастью, он не расхаживал по поляне, а рыскал в загородке под гигантским дубом, беспрестанно щелкая длинным хвостом.

— Я его боюсь, — сказала Звездная Ложка.

— Ты же знаешь: его запрограммировали так, чтобы он никого не трогал.

— Да, знаю. А вдруг случится какой-нибудь сбой? Посмотри на эти чудовищные зубы! Их всего четыре, по два вверху и внизу, но ты только представь, что будет, если они в тебя вонзятся!

— Тебе нужно выпить, — решил Бёртон и повел ее к столу.

За столом прислуживали андроиды в виде Лакея-Леща, Лакея-Лягушонка и Белого Кролика. Первые двое носили наряды восемнадцатого века и белые напудренные парики, как

изобразил их Тенниел. У Белого Кролика были розовые глаза, жесткий белый воротничок, галстук-шарф, пиджак в клеточку и жилет. Золотая цепочка, прицепленная запонкой к петличке в жилете, другим концом была прикреплена к большим часам в жилетном кармане. Белый Кролик то и дело вытаскивал часы и глядел на них.

— Он великолепен! — усмехнулся Бёртон.

— Мне они не нравятся, — прошептала Звездная Ложка, как будто андроидам было не все равно, даже если бы они ее услышали. — Глянь, какие у него громадные и выпученные глазищи!

— Это чтобы тебя лучше видеть, моя дорогая!

Почувствовав, как на них упала чья-то тень, Бёртон задрал голову. Тень отбрасывало кресло де Марбо, который летел во главе стайки из тридцати с лишком друзей. И сам барон, и некоторые из его приятелей были одеты в гусарские мундиры. Остальные красовались в мундирах фельдмаршалов, хотя никто из них не дослужился до такого чина. Большинство дам были одеты по моде 1810-х годов.

Несколько минут спустя прибыли Афра и еще дюжина гостей. «Пожалуй, все приглашенные в сборе», — подумал Бёртон. И ошибся. Как только последний из друзей Афры Бен отошел от хозяйки с хозяином, на поляне взревел мотоцикл. Впереди сидел Билл Уильямс, а сзади к нему прижималась чернокожая женщина, которую Бёртон видел в коридоре. На голову Уильямса нахлобучил типично русскую каракулевую шапку, но все лицо у него было разрисовано, как у шамана, на голом торсе висело ожерелье из человечьих костей, а ноги обтягивали черные кожаные брюки, заправленные в сапоги. Что до женщины, то она перещеголяла даже Софи: на ней не было вообще ничего, кроме блестящего колье с громадными бриллиантами и сложнейшей росписи из множества красочных фигур, которая покрывала все ее тело и ноги.

Бёртон не знал, что Алиса пригласила Уильямса. Судя по выражению ее лица, она уже об этом сожалела. Но тем не менее, как подобает учтивой хозяйке, улыбнулась и представила парочку Магленне. Тот, широко раскрыв глаза и так же широко ухмыляясь, пожал женщине руку. Бёртон пожалел, что стоит слишком далеко и не слышит, о чем они говорят.

Фрайгейт подкатился к Бёртону и ткнул пальцем в сторону опоздавших:

— Настоящая сенсация! Поистине последние станут первыми.

— Да уж, — хмыкнул Бёртон.

— Софи не знает, восхищаться ей или злиться.

Мимо проскакал Белый Рыцарь на своей жалкой кляче. Шлем у Рыцаря был откинут, открывая лицо, точь-в-точь как у самого Кэрролла, только с длинными белыми висячими усами. На поясе у него висели ножны с громадным прямым обоюдоострым мечом, а к седлу был приторочен чехол, из которого торчала деревянная рукоятка большой палицы, утыканной острыми шипами. За спиной у Рыцаря болтался вверх дном ящик с откинутой крышкой. Это было, как написано в «Зазеркалье», собственное изобретение Белого Рыцаря — ящик для одежды и бутербродов. Надевал его Рыцарь вверх дном для того, чтобы в ящик не попадал дождь, зато все остальное из него выпадало.

За ним ехал Черный Рыцарь на черном скакуне — зловещая фигура в черных латах, в шлеме в виде конской головы и с большой палицей в руках.

Потом мимо прошли, мирно беседуя, Морж и Плотник в бумажной шляпе и кожаном фартуке. Позади них на тонких паучьих лапках семенило штук сорок Устриц, и у каждой из них торчали из-под панциря длинные усики-антенны с глазами на концах.

— Алисе пришлось немало потрудиться, чтобы все так подготовить, — сказал Фрайгейт. — Представляете, сколько деталей нужно было ввести в компьютер!

— Ой, смотрите! — воскликнула Софи, показывая на дерево. — Глазам своим не верю! Чеширский Кот!

Когда они подошли к дереву, кот, бывший размером со здоровую рысь, начал исчезать. Сначала пропал хвост, потом задние лапы, после них — передние, потом шея и голова. Осталась только улыбка, парившая в воздухе над веткой, где он сидел. Друзья обошли ствол, пытаясь обнаружить какой-нибудь механизм, но ничего не нашли.

— Надо будет спросить Алису, как это делается, — сказал Бёртон. — Хотя она, возможно, и не знает. Компьютер получил задание — и выдал научно-волшебный результат без каких-либо объяснений.

Тут они увидели Грифона с Черепахой Квази, которые чинно шествовали неподалеку, разговаривая на ходу. Грифон был существом с туловищем льва и орлиными крыльями и головой. У Черепахи Квази тело было черепашье, весом не меньше шестисот фунтов, а голова и задние ноги — коровьи. Она медленно ползла, потом вдруг остановилась, оттолкнулась от земли короткими, но невероятно мощными передними

лапами, и выпрямилась. Качаясь и опираясь на кончик панциря, раскорячив коровьи ноги так, что копыта почти целиком ушли в землю, Черепаха со слезами на глазах запела изумительным контральто: «Блаженный суп, зеленый и густой, нас ждет под крышкой супницы простой!»

Но когда она дошла до припева и заблажила «Блаже-э-нная еда-а-а!», то потеряла равновесие и грузно свалилась на спину, не переставая петь. Шестеро андроидов не без труда перевернули ее, после чего Черепаха снова поползла вперед, распевая во весь голос.

— Я пойду посижу немножко где-нибудь, Дик, — сказала Звездная Ложка. — Я устала, а эти животные, — она кивнула на Грифона, — выглядят такими страшными! Я знаю, что они не опасны, но...

— Хорошо, я проведаю тебя позже, — сказал Бёртон.

Он проводил ее взглядом, пока она не добралась до западной кромки поляны и не уселилась в удобное кресло. Очень толстый, лысый и старый на вид андроид — должно быть, Папа Вильям — подошел к ней и, очевидно, спросил, не нужно ли ей чего-нибудь, потому что Звездная Ложка помотала головой и губы ее шевельнулись.

Бёртон бродил по поляне, разглядывая Червонную Королеву и других андроидов, имитирующих живую карточную колоду. Спереди они выглядели в точности как на рисунках Тенниела, но в профиль были гораздо толще — около трех дюймов, как прикинул Бёртон. Компьютеру пришлось пойти на это отступление, чтобы воплотить фантазию в реальность. Андроидам необходимо было место для мускулов, органов и крови. Лица их были нарисованы на продолговатых тела, и, хотя рты не двигались, голос исходил именно из них.

— Чудо что такое! — восхитился Бёртон.

Рядом с ним оказалась Афра Бен.

— Да, верно! — откликнулась она. — Хотя у меня такое ощущение, будто я впадаю в детство. Я говорю это вовсе не в упрек Алисе. Мы так упорно боролись, чтобы попасть сюда, мы пережили столько опасностей и испытаний, что теперь расслабились и ненадолго превратились в детей. Нам нужно немножко поиграть, правильно я говорю?

— К сожалению, время для игр миновало, — ответил Бёртон. — То, что случилось с Терпином и Фрайгейтом, может в любую минуту случиться и с нами.

Бёртон подошел к столику и попросил у живой шахматной фигуры — Ладьи — стаканчик скотча и тонкую гаванскую си-

гару. Держа стаканчик в одной руке и сигару — в другой, Бёртон зашагал к крокетному полю. Оно было такое же, как в книге: рыхвины и борозды, выгнутые дугой карты-андроиды, служившие воротцами, фламинго вместо молотков, а вместо шаров — ежи. Поскольку Алиса не была ни жестокой, ни тем более кровожадной, она наверняка велела компьютеру организовать нервную систему птиц и животных так, чтобы им не было больно

Терпин, похоже, забыл про все свои печали и наслаждался игрой в крокет.

Прошел час. Бёртон выпил еще два стаканчика скотча. Покатался на карусели, на «русских горах», поглядел немного на оркестр. Большинство музыкантов были в облике Лакея-Леща и Лакея-Лягушонка, а дирижировал ими Ящерка Билль — огромное пресмыкающееся в плоской шляпе и с сигарой в рту. Их запрограммировали играть самую разную музыку, от вальсов до диксиленда и классики. В данный момент они выдавали какую-то диковинную какофонию — должно быть, рок-н-ролл, решил Бёртон, которому рассказывал о рок-н-ролле Фрайгейт. Послушав немного, Бёртон понял, почему Фрайгейту так хотелось стереть всю музыку подобного типа из архивных записей.

Мимо вразвалочку прошли Безобразная Герцогиня и Червонная Королева, обмениваясь репликами:

— Рубите им головы! С плеч долой!

— Лупите его, пока не зачихает!

Бёртон вернулся к крокетному полю, поиграл, побродил вокруг, останавливаясь поболтать со знакомыми, а затем немного посмотрел на Безумное Чаепитие. Девочка-андроид, игравшая Алису, была очаровательна: в ее громадных темных глазах таилась та же мечтательность, что и у настоящей Алисы. «Можно понять, — подумал Бёртон, — почему мистер Доджсон влюбился в десятилетнюю девочку».

Когда Болванщик сказал: «С тех пор Время для меня палец о палец не ударит И на часах все шесть...»*, Бёртон пошел прочь. Смотреть эту сценку один раз было забавно, но повторение навевало скуку.

Почувствовав желание размяться, Бёртон сыграл в волейбол. Игра получилась веселая и живая, и Бёртону очень нравилось наблюдать за подругой Билла Уильямса, когда она подпрыгивала, чтобы отбить мяч. Притомившись и вспотев,

* Л. Кэрролл, «Алиса в Стране Чудес», пер. Н. Демуровой.

Бёртон уселся в кресло. Траляля и Труляля спросили его, чего он желает. Бёртон заказал мятный коктейль. Два гротескно жирных андроида подошли к столу и заспорили — так было запрограммировано, разумеется, — кому из них обслуживать Бёртона. Пока длился их забавный и жаркий спор, Бёртон наблюдал за Синей Гусеницей, сидевшей неподалеку на громадном мухоморе и курившей кальян. Жаль, конечно, что все эти создания будут уничтожены. Но, с другой стороны, Бёртон понимал, почему Алиса устала от них.

Он немного поглазел на танцующих. Оркестр играл что-то незнакомое. Бёртон окликнул проходившего мимо Фрайгейта:

— Что это за музыка и как называются вращательные телодвижения, которые выделяют танцоры?

— Точно не знаю, — отозвался Фрайгейт. — Мелодия знакомая, что-то из двадцатых годов двадцатого века, но не помню чья. А танец называется «Черное дно».

— Почему его так назвали?

— Понятия не имею.

Алиса и Монтейт, казалось, наслаждались буйным ритмом. Наконец-то она нашла себе партнера, разделяющего ее любовь к танцулькам. Бёртон к ним всегда был безразличен. Он и танцевал-то всего пару раз в своей жизни, когда показывал европейские танцы чернокожему африканскому вождю.

К Бёртону подошли жирные двойняшки Траляля и Труляля. Но на подносах у них не было заказанного напитка.

— Что за... — начал было Бёртон, и тут музыка оборвалась на середине такта.

Бёртон встал и уставился на эстраду. Музыканты отложили инструменты и сходили по ступенькам вниз.

— В чем дело? — спросил Фрайгейт.

Алиса ошарашенно смотрела на музыкантов.

— Это не было запланировано, — догадался Бёртон. По спине у него побежал холодок.

Коротышка де Марбо подбежал к Бёртону, выпучив голубые глаза.

— Что-то неладно! — воскликнул он.

Бёртон развернулся на месте на триста шестьдесят градусов, обозревая окрестности. Андроиды торопливо направлялись к лесу, прибавляя шаг, — все, кроме Черепахи Квази, которая упала на спину и верещала, сучка ногами. Хотя нет, не все. Часть андроидов бежала к западному краю поляны, то есть к подножию холма. Среди них были Черный и Белый Рыцари

на своих скакунах, Лев с Единорогом и Грифон. Они остановились возле подножия и повернулись лицом к поляне.

Тем временем остальные андроиды скрылись под сенью громадных дубов.

— Похоже, придется тебе помахать шашкой, Марселин, — сказал Бёртон, взглянув на ножны де Марбо, из которых торчала рукоятка сабли. — Сколько у тебя... твои гусары все вооружены?

— Ну конечно, — ответил де Марбо. — У нас двадцать сабель.

— Скомандуй своим ребятам «Шашки наголо!» — сказал Бёртон. — Слушай, Марселин, я думаю, нас сейчас атакуют. Кто-то явно загнал в андроидов агрессивную программу. В планы Алисы это не входило.

Бёртон оглянулся. Звездной Ложке, по-видимому, в голову пришла та же мысль. Она бежала в сторону «русских гор».

— У тебя военный опыт больше, — сказал Бёртон французу. — Давай командуй! — А сам, повернувшись, заорал: — Все сюда! Живо! На полусогнутых!

Некоторые из гостей устремились к нему. Остальные застыли как вкопанные.

Одним из первых к Бёртону подбежал Магленна, таща за руку Алису.

— Что стряслось? — спросил он.

— Пока не знаю. — Бёртон посмотрел на Алису. — Ты тоже не понимаешь?

Алиса покачала головой:

— Нет. Может, за этим стоит Снарк? Что же нам делать?

— Командовать будет Марселин, — ответил Бёртон. — Но я думаю, нам надо двигать к креслам. Вы с Монтейтом сядете к кому-нибудь на колени. Мы не сможем пробиться сквозь них, — он махнул в сторону мрачных фигур, охранявших западный край поляны, — без серьезных потерь.

Де Марбо что-то быстро говорил по-французски своим друзьям. Но внезапно прервался и уставился на юг. Андроиды выходили из леса с оружием — копьями, мечами, булавами и кинжалами.

Бёртон развернулся, оглядывая северную и восточную оконечности поляны. Там из леса тоже выходили вооруженные андроиды. И те, что шли с восточной стороны, спешили перерезать гостям дорогу к летающим креслам.

— Слишком поздно, — сказал Бёртон.

Де Марбо выкрикивал команды на эсперанто, чтобы всем было понятно. Люди начали строиться неровным квадратом с гусарами по восточному краю.

— Пойду за оружием! — крикнул Бёртон французу.

— Куда? — спросил де Марбо.

— Музыкальные инструменты. Их можно использовать как дубинки.

Он побежал к эстраде, за ним рвануло еще несколько человек. Андроиды, шедшие с севера, то есть ближе всего к эстраде, не ускорили шага и не издали ни звука. Если бы они побежали, то успели бы перерезать Бёртону дорогу. Он вооружился саксофоном, другие похватали гитары, альты, флейты, валторны — все, что могло быть использовано как оружие.

Они быстро вернулись на свои места в неровном квадрате, который построил де Марбо. Француз трепетал от предвкушения, голубые глаза его горели, круглое лицо сияло улыбкой.

— Ну, дорогие мои! — крикнул он гусарам. — Сейчас вы покажете этим чудищам, как сражались солдаты Наполеона!

Голос его заглушил громкий утробный рев. Все обернулись к южному краю поляны, где возвышался на задних лапах Бармаглот, вытягивая змеиную шею и разинув пасть с четырьмя зубами. К счастью, он не сразу напал на людей, как боялся Бёртон, а опустился на все четыре лапы и медленно зашагал к ним, не прекращая реветь.

Бёртон стоял на западной стороне строя, лицом к зверям и Рыцарям. Как только Бармаглот двинулся вперед, звери и кони с Рыцарями начали неспешно приближаться к людям.

Андроиды надвигались на квадрат со всех сторон, стройными рядами и совершенно безмолвно.

Бёртон внезапно обнаружил, что Звездной Ложки нет среди гостей. Она забралась сбоку на «русские горы» и сидела, как на жердочке, возле верхушки перекрестья.

Идти за ней было поздно. Звать ее вниз — значит привлечь к ней внимание андроидов. Быть может, они ее не заметят. Да и потом, она сама себе хозяйка. Нет, это он зря. Будь у него возможность добраться до кресла, он полетел бы к ней и забрал ее отсюда.

ГЛАВА 32

— Их втрое больше, чем нас, — громко сказал Бёртон всем, кто мог его слышать. — А крупные зверюги и Рыцари каждый стоят десятерых. Но все-таки постарайтесь отобрать у

андроидов копья и палицы. Если кто-то из них упадет, хватайте его оружие.

Де Марбо повторил этот совет так, чтобы услышали все.

— О Господи! — воскликнула чернокожая женщина, одна из шансеров. — Как же нам быть? Мы не можем проливать кровь! Мы пацифисты, мы люди мирные перед оком Все-вышнего!

— Черт побери, женщина! — крикнул Бёртон. — Это же не люди! Они машины! Защищать от них свою жизнь — никакой не грех!

— Верно! — подхватил один из негров. — Не грех! Сражайтесь, братья и сестры! Сражайтесь во имя Господне, не зная греха! Разорвите их в клочья!

Какая-то группка, скорее всего обновленные баптисты свободной воли, запела духовный гимн.

— Если будете петь, вы не услышите моих приказов!

Квадрат под предводительством француза двинулся к креслам. Бёртон, шагавший в арьергарде, то и дело оглядывался назад. Рыцари и звери не прибавили шагу: очевидно, их запрограммировали сближаться с определенной скоростью.

Бармаглот замыкал ряд андроидов, шедших с южного края поляны. Атака чудовища будет самой опасной, и против него надо бы выставить по крайней мере шестерых вооруженных саблями мужчин. Бёртон выругался. Эх, ему бы саблю вместо этого саксофона!

Живой квадрат — женщины внутри, мужчины снаружи, в виде защитной оболочки, — быстрым шагом приближался к рядам андроидов, которые стояли перед креслами. Здесь эти твари столпились гуще всего — их было штук двести, если не больше. Тот, кто спланировал бунт, правильно угадал, что гости постараются добраться до транспортных средств. Чтобы залезть на вершину холма и укрыться в особняке, пришлось бы атаковать больших зверей и Рыцарей, а вид у них был такой устрашающий, что люди, естественно, избрали более легкий путь.

И вдруг шедшие впереди разразились проклятиями и воплями. Бёртон подпрыгнул, чтобы посмотреть, что их так напугало, и, увидев, как кресла взмывают в воздух без седоков, застонал. Андроиды, укрывшиеся за передними рядами, запускали кресла в полет. Даже если бы людям удалось пробиться через заслон, сбежать по воздуху они уже не могли; им пришлось бы уходить дальше в лес, где за ними началась бы охота.

Де Марбо мгновенно это понял и велел всем остановиться. Но люди продолжали рваться вперед, расталкивая соседей локтями, пока гусары де Марбо не остановили их наконец. Француз тут же побежал к арьергарду, ставшему теперь авангардом.

— Нужно пробиваться в особняк! — крикнул он. — Дик, возьми с собой парней и дуй на левый фланг! Доверяю вам самое главное — защищать нас от Бармаглota!

Бёртон поспешил выполнить команду. Андроиды продолжали приближаться, медленно и безмолвно. Они были уже в шестидесяти футах от людей.

Бёртон с гусарами вырвался на передний край левого фланга, пробиваясь сквозь толпу, которая с трудом разворачивалась в обратном направлении. Люди, не приученные к дисциплине и напуганные, естественно, нарушили строй: кто-то бежал быстрее других, расталкивая соседей, а кто-то, как и следовало ожидать, упал, и бегущие наступали на лежавших. Бёртон успел мельком взглянуть на авангард, который, во главе с французом, вступил в борьбу с Черным и Белым Рыцарями, со Львом и Единорогом, Моржом, Грифоном и Шалтаем-Болтаем. И вдруг прямо перед ним возникла разинутая в реве пасть Бармаглota с четырьмя блестящими зубами и слюной, стекавшей с верхней губы. Бёртон изо всех сил швырнулся в нее саксофон, и страшилище машинально захлопнуло пасть, ткнувшись носом Бёртону в грудь. Тот задохнулся, отлетел назад и покатился, стараясь восстановить дыхание. Несколько женщин упали на него сверху.

Выплюнутый чудовищем саксофон приземлился рядом с его вытянутой правой рукой. Бёртон схватил инструмент. Одна из чернокожих женщин, барахтавшихся на верху кучи, пронзительно взвизгнула и взмыла в воздух, схваченная Бармаглотом. Зубы, вонзившиеся в ее тело, сомкнулись. Женщина обмякла и затихла. Чудовище одним взмахом головы отбросило ее в сторону, потом вытянуло змеиную шею вниз и схватило еще одну визжащую жертву.

Бёртон, не успев отдохнуть, скинул с себя оставшихся женщин, прокатился вперед и побежал мимо громадной правой передней лапы страшилища. Навстречу ему, держа в руках длинные копья, двинулись Траляля и Труляля с бесстрастными жирными лицами. Бёртон с воплем бросился к ним, замахнувшись саксофоном.

Андроидов запрограммировали лишь на определенные действия, хотя таких было немало. Но команды избегать хвоста

Бармаглота в них не вложили, хотя любой человек сразу сообразил бы, что под эту плеть лучше не попадаться. В результате двойняшки были сбиты с ног громадным чешуйчатым хвостом. И не просто сбиты. Хвост раздробил им все кости. Близнецы с жалобными стонами рухнули на поляну.

Бёртон обернулся и задрал голову. Бармаглот его не замечал; он был занят убийством очередной женщины. Бёртон побежал к хвосту и подождал, пока тот дернется влево. Он успел увидеть при этом голову и плечи Уильямса, бегущего к парковочной площадке. Андроиды неуклюже метали в него копья и пытались изрубить мечами, но он уворачивался, продолжая свой отчаянный заячий бег. Больше Бёртону глядеть на него было некогда. Он прыгнул вперед, приземлился и схватил копье, которое выронил Траляля или Труляля. Потом выпрямился, отпрыгнул назад и, схватив копье обеими руками, всадил его чудовищу в бок. Копье вошло в плоть до половины древка; из раны фонтаном брызнула кровь. Монстр оглушительно взревел и поднялся на задние ноги, выронив жертву из пасти.

Бёртон повернулся и побежал, еле успев увернуться от кончика хвоста. На него тут же набросился зеленый кабан с желтыми и влажными кривыми клыками. Бёртон подпрыгнул, пытаясь его оседлать, но соскользнул и упал на траву, задушив при этом зверя голыми руками. Рядом на земле ничком лежала тройка червей, слабо шевеля паучьими ножками. Бёртон вскочил, выхватил у карты копье и всадил его в живот Болванщику, взмахнувшему саблей прямо у него перед носом. Болванщик свалился навзничь, раскинув руки в стороны и не пытаясь, как инстинктивно сделал бы человек, обхватить ими древко. Лицо его тем не менее исказилось от мучительной боли.

Бёртон вытащил копье и подхватил саблю Болванщика. Теперь он не чувствовал себя таким голым и беспомощным; теперь в руках у него было оружие, которым он владел как никто другой. На него моментально накинулись Лакей-Лягушонок, гигантский филин и Безобразная Герцогиня. Самым опасным противником среди них был филин, с его тяжелым туловищем, острым клювом и хлопающими крыльями. Бёртон отсек ему полкрыла, разрубил пополам древко копья Лакея-Лягушонка, одним махом снес филину голову, выбил у Герцогини из рук копье и рассек ее поперек на две части.

Рукопашные схватки кипели по всей поляне; противники сражались поодиночке и кучками. Многие люди обзавелись

трофейным оружием. Хотя враг превосходил их числом, у людей было одно веское преимущество. Андроиды не умели толком обращаться с оружием и не были способны на импровизации. Они просто перли напролом, выставив перед собой копье или рубя с плеча мечом, но выбить оружие из рук противника не могли. Поэтому те из людей, кому удалось вооружиться, успешно крушили врага. Каждую минуту еще один человек обзаводился оружием. И все же, поскольку людей было значительно меньше, они не могли защищать свои фланги так, как им бы хотелось.

В первую очередь нужно было справиться с большими зверями и Рыцарями. А уж потом — если повезет, — можно прикончить и более мелких тварей.

Бёртон, воспользовавшись короткой передышкой, быстро огляделся, стараясь понять, как идет сражение. Алису он не видел, но Звездная Ложка по-прежнему сидела высоко на «русских горах». Она, конечно, могла бы спуститься и помочь им, но, видимо, перепугалась, и Бёртон ее за это не винил. Поляна оглашалась хриплыми криками, истошными воплями, визгами, стонами и ревом. Черный и Белый Рыцари по-прежнему сидели на конях, молотя людей по головам тяжелыми колючими палицами. Белый Рыцарь так и не надвинул шлем, и лицо его казалось таким безмятежным, словно он вел непринужденную беседу о погоде.

Мертвый Единорог лежал, пронзив рогом грудь гусара. Саблю убитого еще не успели подхватить живые. Лев, рыча, поднялся на задние лапы и хватил передней лапой женщину, разорвав ей грудь до кости. Но бока и грива его были залиты кровью, в том числе и своей. На глазах у Бёртона один из гусар замахнулся, держа саблю обеими руками, ударил Льва в спину чуть пониже гривы, и зверь упал.

Какая-то негритянка неслась верхом на Морже, вцепившись в него одной рукой, а другой нанося ему удары кинжалом. Морж споткнулся и свалился на спину, подмяв под себя наездницу. Но он был слишком изранен, чтобы перевернуться, и только ревел, беспомощно шевеля ластами.

В Бармаглота всадили уже три копья, но он по-прежнему буйствовал и как раз в тот момент, когда Бёртон взглянул на него, разорвал очередную жертву пополам.

Тут на Бёртона невесть откуда прыгнул розовый фламинго, трепеща крыльями и пытаясь достать его когтями. Бёртон отсек ему голову, мгновенно развернулся, отбил занесенный для удара меч Белого Кролика, схватил обтянутую перчаткой

лапу и рванул его на себя. После чего, так и не дав Кролику опомниться, саблей перерезал ему шею.

Потом ему пришлось защищаться от шорька — существа размером с собаку, похожего на помесь хорька, ящерицы и штопора. Длинный трехфутовый нос мешал зверю, поскольку его нужно было закинуть за спину, прежде чем укусить. Бёртон срубил ему нос и бросился к трем живым картам — червонной двойке, пиковой четверке и трефовому валету. Они шли бок о бок, с копьями наперевес, но Бёртон собирался напасть на того, что слева, и прикончить его, прежде чем остальные очухаются. Но, поскользнувшись на залитой кровью траве, упал и с размаху въехал ступнями прямо в ноги средней карты. Четверка пик повалилась было ничком, но ее плоское туловище перевернулось в воздухе и шлепнулось, пролетев над Бёртоном. Остальные двое медленно и неуклюже начали поворачиваться к нему. Бёртон, прижимая к себе саблю, откалился в сторону, вскочил и прикончил обоих.

Тут Бёртону наперерез бросился Мартовский Заяц с моргенштерном в руках. Моргенштерн — это такое средневековое оружие, состоящее из двухфутовой деревянной палки, к которой прикреплена цепь со стальным шаром, усеянным колючками. Если умеючи, им можно пробить даже латы. Бёртон слегка попятился, уворачиваясь от шара, пролетевшего прямо у него перед носом, и отсек Зайцу лапу, сжимавшую деревянную палку. Тот завопил, как было запрограммировано при ранениях, однако не бросился бежать, подобно человеку. Он просто стоял на месте, пока потеря крови не заставила его упасть.

Бёртон увидел, как еще один Морж, последний, свалился под яростными ударами трех человек. Но к ним подоспел Белый Рыцарь и убил двоих, между тем как Бёртону пришлось отвернуться, чтобы отразить нападение Плотника и Комара размером с цыпленка. Разделавшись с ними, он напал со спины на Черную Королеву, снес увенчанную короной голову с плеч и еле успел отскочить от Чеширского Кота. Громадная морда этого создания, по величине не уступающего рыси, была измазана кровью; он, очевидно, растерзал не одного человека. Кот с воем прыгнул на Бёртона, растопырив когтистые лапы, но англичанин сразил его саблей прямо между глаз. Сам он при этом не сумел удержаться на ногах, но когда поднялся, то обнаружил, что с котом покончено.

И вдруг что-то пребольно стукнуло Бёртона по затылку. В глазах у него потемнело, и он упал на колени, так и не

увидев, кто на него напал. Сейчас он был легкой добычей для любого желающего, однако на помощь ему ринулся какой-то человек, которого англичанин не узнал. Он только услышал звон мечей, попытался встать, но упал на четвереньки, по-никнув головой. Потом почувствовал, как чья-то рука поднимает его вверх. Бёртон начал понемногу приходить в себя, хотя затылок раскалывался просто невыносимо. Оказалось, что спас его не кто иной, как Монтейт Магленна. В руках у шотландца был кровавый обоюдоострый меч. Одежда на нем висела ключьями, из многочисленных ран сочилась кровь.

— Еле успел, — сказал он хриплым голосом.

Бёртон посмотрел на Билля Ящерку, на его залитую кровью плоскую шляпу и палицу, лежащую на земле возле трупа.

— Спасибо, — сказал он. — Я скоро оклемаюсь.

— Вот и ладно, — отозвался Магленна. — Нужно пришить этого проклятого Бармаглota. Приходите на подмогу, когда соберетесь с силами.

И блондин побежал, высоко воздев обеими руками меч, точно легендарный клеймор своих предков. У Бармаглota к тому времени от постоянных ударов копьями началось внутреннее кровоизлияние. Кровь, стекавшая из пасти монстра, не могла быть только кровью его жертв. Он стоял на всех четырех лапах, по-прежнему был хвостом, хотя и не так энергично, и вертел головой из стороны в сторону, устрашая своим ревом обступивших его людей. Никто из них не осмеливался подойти поближе; они подпрыгивали к чудовищу, быстро наносили удар и отскакивали подальше от все еще опасной головы. За ними стоял небольшой заслон, отбивая все попытки андроидов напасть на группу, атакующую Бармаглota, сзади. Слава Богу, людям хватило ума хоть как-то организоваться.

Бёртон посмотрел кругом, стараясь побороть тошноту и головокружение. Белый Рыцарь и его конь лежали на земле, но Черный Рыцарь, которому помогали несколько карт, Папа Вильям, пара Орлят, два Белых Кролика, Плотник и вездесущие шорьки, рубил головы налево и направо. Конь его оскальзывался в лужах крови, но не упал даже тогда, когда споткнулся о кучу трупов. Бёртон застонал, почувствовал укол в сердце. Так много человеческих тел! И так много андроидов еще осталось! Некоторые из них не сражались, а добивали раненых людей. Им, видно, дали команду не вступать в драку со следующим противником, пока они не прикончат побежденного.

Внезапно Бёртон увидел Алису. В руках она держала шпагу, а платье ее было все в крови. Она вырвалась из общей мясорубки и могла теперь удрать в особняк. Возможно, ей в голову пришла такая мысль, поскольку Алиса бросила на вершину холма парочку тоскливых взглядов. Но потом повернулась, сбежала по склону вниз и всадила клинок прямо Плотнику в спину.

Звездная Ложка спускалась с «русских гор», собираясь то ли присоединиться к сражающимся, то ли бежать в более безопасное укрытие. Бёртону некогда было это выяснить.

Он повернулся и зашагал к стоящему спиной Додо, который добивал раненых. Под крыльями у попугая были короткие ручонки с человечьими кистями, как на иллюстрации Теннисела. Но из-за того, что ручки были слишком короткие, удары Додо наносил неуклюже и несколько раз рубил по шее, прежде чем она падала с плеч. Бёртон снес ей голову одним махом как раз в тот миг, когда попугай собирался прикончить одного из китайцев.

Бёртон мельком подумал: «Куда, интересно, подевался Ли По?» И сразу же увидел его — высокий китаец стоял на большом столе, отбиваясь от троицы карт тоненькой шпагой. Они тыкали в него копьями с трех сторон, но он уворачивался от ударов, приплясывая и отпихивая древки одной ногой, а сам колол их рапирой. К нему подбежал залитый кровью Фрайгейт с каким-то странным оружием. Бёртон не сразу сумел определить, что у него в руках. Но когда американец начал молотить им по головам карт, до Бёртона дошло. Да это ж Гусеницын кальян! Фрайгейт мигом расправился с двумя картами, а Ли По дважды ранил третью.

Бёртон снова повернулся и пошел туда, где люди сражались с Бармаглотом. Магленна бежал прямо на чудовище, высоко подняв меч.

«Взы-взы — стрижает меч»,* — вспомнилось Бёртону.

Дюжина мужчин и женщин по-прежнему изматывали чудовище; еще дюжина защищала их спины. Пока Магленна бежал, половина защитников пала, и несколько андроидов тотчас набросились на атакующих Бармаглота людей. Четверо человек были убиты ударами в спину, а остальные оказались зажаты между чудовищем и андроидами. Магленна ни на кого не обращал внимания. Едва Бармаглот наклонил голову, чтобы сомкнуть зубы на черепе очередной жертвы, как Бёртон

* Л. Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье», пер. Д. Орловской.

услыхал боевой шотландский клич, прокатившийся по поляне. Магленна, без сомнения, собирался перерубить чудовищу тонкую шею. Но, к несчастью, труп, с которого он прыгнул, слегка повернулся у шотландца под ногой, и кончик меча лишь оцарапал чешуйчатую шею. Шотландец с размаху шлепнулся лицом в грязь, а меч его отлетел далеко в сторону. Магленна проворно вскочил на ноги, оглядываясь в поисках оружия, но тут Бармаглот раскрыл пасть и выронил безжизненное тело прямо на шотландца. Тот сбросил с себя труп и встал. Гигантские челюсти поймали его голову вместе с плечами, и корчащееся тело баронета взмыло вверх. На землю оно упало уже без головы и плеч, которые чудовище выплюнуло минутой позже.

Несмотря на оглушительный шум сражения, Бёртон услышал пронзительный Алисин крик; у него был богатый опыт по части ее криков. Обернувшись, Бёртон увидел, как она застыла в ужасе, зажав ладонью рот. Глаза ее казались громадными черными провалами.

Он увидел также Черного Рыцаря, несущегося галопом прямо на него с поднятой кверху колючей палицей. Черные доспехи и шлем в виде конской морды придавали ему поистине устрашающий вид. А цокот копыт напоминал барабанную дробь перед падением ножа гильотины.

Бёртон перекинул саблю в левую руку, подобрал с земли копье и подготовился к броску. Целился он не в самого Рыцаря, а в его скакуна. Когда закованный в латы андроид приблизился на расстояние тридцати футов, Бёртон метнул копье, и его острый массивный наконечник вонзился лошади под лопатку. Конь упал, перекувырнувшись через голову. Всадник подлетел вверх и с громким лязгом приземлился на траву. Бёртон, взяв саблю в правую руку, побежал к лошади, которая пыталась встать на ноги, и перерезал ей яремную вену. Конь, как Рыцарь, тоже был запрограммирован убивать: он кусался и лягался, пока его всадник махал палицей, поэтому нужно было обезвредить его в первую очередь.

Рыцарь недвижно лежал ничком. Бёртон перевернул тяжелое тело и открепил шлемные зажимы. Ему нужно было убедиться, что андроид погиб, а не просто потерял сознание. Увидев лицо Рыцаря, Бёртон вздрогнул. Это было его собственное лицо.

— Очередная Алисина шуточка, — пробормотал он.

Поднявшись, Бёртон глянул на убитого и подумал: «До чего же странно смотреть на свой труп!» Потом он перевел взгляд

на поляну и подножие холма. Поляна была усеяна мертвыми телами, кое-где они были навалены кучами. Единственной стоящей фигурой в этом направлении была Алиса, только что вытащившая шпагу из тела Шалтая-Болтая. По щекам ее катились слезы, смывая кровь и грязь.

Тут Бёртон увидел Звездную Ложку, которая бежала вниз по склону с двумя лучеметами в руках. Она сумела-таки добраться до особняка, но лишь для того, чтобы вынести оттуда оружие и обеспечить людям победу, хотя не знала даже, остался ли кто-нибудь, кроме нее, в живых.

Бёртон повернул голову. В той стороне на ногах еще стояло с десяток андроидов, не считая Бармаглota. С ними сражались трое человек — Ли По, кто-то из негров и белая женщина, одна из подруг Афры Бен. На глазах у Бёртона женщина упала под градом ударов.

Бармаглот, часто и неровно дыша, заковылял к кучке сражающихся. Приблизившись к ним, он повернулся задом и смел хвостом трех андроидов вместе с негром. Ли По пронзил шпагой Белую Королеву и рванул к парковочной площадке. Там все еще стояли три кресла.

Откуда-то сбоку вынырнул Фрайгейт и тоже помчался к креслам. Оставшиеся в живых андроиды изрубили упавшего негра и бросились в погоню.

Бармаглот, качнув головой слева направо, увидел Бёртона и потопал к нему.

На поляне было теперь сравнительно тихо, и вдруг тишину разорвал треск мотора. Билл Уильямс, окровавленный, но улыбающийся, с шумом вывел свой мотоцикл из-за маленького домика с трубами в виде заячьих ушей и мохнатой крышей. Бёртон понятия не имел, как Билла туда занесло и почему там оказался его мотоцикл. Возможно, негр запрятал его туда в суматохе, намереваясь удрать в подходящий момент. А возможно, и даже более вероятно, он просто выжидал удобного случая, чтобы оседлать своего железного коня. Или же, спрятав машину, потерял сознание из-за ран, а потом очнулся и решил осуществить свой первоначальный план. В общем, как бы там ни было, парень собирался сделать то, до чего мог додуматься только он один.

Пока страшилище подбиралось к Бёртону, не реагируя на новый источник звука, Уильямс разгонялся, все больше увеличивая скорость. Лавируя между трупами, а то и наезжая на чью-то вытянутую руку или ногу, мотоцикл несся прямо на Бармаглota и на всем ходу вплился ему в ребра.

Удар был настолько силен, что Бармаглот свалился набок. Уильямс, перелетев через него, рухнул на землю. Чудовище вытянуло голову вверх, во всю длину шеи, издало могучий утробный рев и сдохло.

Бёртон подбежал к Уильямсу, перевернул его. Негр был мертв. Лицо его было все расквашено, шея сломана.

Последние андроиды, несмотря на очевидное поражение их войска, направились к Бёртону, как велела им программа. Но дойти до него не смогли. Кресла Фрайгейта и Ли По врезались в них и продолжали лупить андроидов с воздуха до тех пор, пока они не упали без сил. Тогда оба друга слезли с кресел и завершили начатое.

Бёртон услыхал за спиной чей-то тихий вскрик. Обернувшись, он увидел, что Звездная Ложка поскользнулась и упала лицом вниз, выпустив из рук оба лучемета, чтобы смягчить падение. Он подошел к ней и поднял. Рыдая, она приникла к его груди.

Наступившую тишину нарушали только рыдания Алисы, Звездной Ложки и Фрайгейта. В живых остались лишь они, Бёртон и Ли По. Хотя нет. На гигантском мухоморе по-прежнему сидела Синяя Гусеница, да еще уцелела одна бегемошка, существо слишком мелкое, чтобы программировать его для убийства. Но они, конечно же, были не в счет.

Бёртон чувствовал такую усталость и опустошенность, каких не испытывал ни разу за свою долгую жизнь. Все тело его онемело от боли, мир вокруг казался чужим и упывал куда-то вдаль.

— Кто же мог сделать такую ужасную подлость? — плача, повторяла Алиса.

Действительно, кто?

В этот миг Уильям Галл застонал и воссел из мертвых.

ГЛАВА 33

Сплошь заляпанный кровью, доктор был, однако, цел и невредим, если не считать огромной шишки на затылке.

— Я лишился чувств, и на меня свалился кто-то из убитых. Андроиды не заметили меня.

— Он осторожно дотронулся до шишки и поморщился.

— Вам очень повезло, — бесстрастно заметил Бёртон. — Думаю, вы единственный из упавших, кому не перерезали горло.

Почему повезло именно Галлу? Почему не могли уцелеть Нур, или де Марбо, или Бен?

Впрочем, это не имеет значения, сказал себе Бёртон. Их можно воскресить.

И в ту же секунду до него дошло, что убийца наверняка позаботился о том, чтобы воскресить их было невозможно. Зачем убивать людей, если они запросто могут вернуться к жизни? Чего ради тогда затевать такую бойню?

Ладно, они это выяснят. А сейчас им надо оправиться от усталости и шока. Необходимо убрать кровавое месиво с поляны и кремировать мертвых.

— Пойдемте в дом, — предложил он. — Здесь мы ничего путного не высидим.

Но прежде всего Бёртон решил принять меры предосторожности, чтобы защитить себя и остальных.

— Были в доме андроиды, когда ты ходила туда? — спросил он у Звездной Ложки, подобрав оба лучемета.

— Я никого не видела, — отозвалась китаянка. Голос ее был так же лишен всякого выражения, как и лицо.

— Нам придется все делать самим, — сказал Бёртон. — Андроидам больше нельзя доверять.

Он вдруг остановился. Лучеметы были подозрительно легкими. Бёртон открыл приклад лучемета, посмотрел на гнезда, куда вставлялись батареи, и выругался. Они оказались пустыми.

— От этих лучеметов никакого толку, — проговорил он, показав пустые гнезда Звездной Ложке.

— Извини. Я была слишком взволнована и не заметила. — Она поежилась. — Хорошо, что мне не пришлось пустить их в ход.

— Да. Наш противник умен. Хотя...

Они тащились к вершине холма, с трудом переставляя ноги, точно шли по дну колодца с патокой.

— Что «хотя»? — спросила китаянка.

— Почему убийца не дал андроидам лучеметы? Тогда нас перебили бы запросто. Никто не смог бы уцелеть.

— Возможно, убийце нравится вид крови, — сказал Ли По, услышав его слова. — А может, он хотел, чтобы мы погибли мучительной смертью и до конца не теряли надежды уцелеть. Что нам, кстати, и удалось...

— Он на этом не остановится, — заметил Бёртон.

— Он проиграл, — возразил китаец. — Стоит нам только воскресить своих друзей, и тогда ему... — Он осекся, широко разинув рот. — О Боже! А вдруг он запретил их воскрешать?

— Вот именно, — сказал Бёртон. — Что ж, скоро мы это узнаем.

Их нагнал Фрайгейт, постоянно оглядывавшийся назад. Бёртон тоже обернулся посмотреть, что так занимает американца. Позади них по склону медленно тащился Галл.

— Может, я слишком подозрителен, — сказал американец, — но разве вам не кажется странным, что его не убили, когда он упал? У меня нет никаких оснований его подозревать, и тем не менее он все-таки был Джеком Потрошителем. А вдруг он запрограммировал андроидов так, чтобы они его не убивали? Или даже дал им команду стукнуть себя легонько по затылку, если мы начнем побеждать. Мне ужасно неприятно все это говорить, но теперь нам нельзя рисковать.

— Я думал то же самое, — отозвался Бёртон. — И все же его рассказ звучит правдоподобно.

Остальной путь они проделали в молчании. Небо было по-прежнему голубое, а солнце стояло примерно там, где должно было находиться в шесть часов. Бёртон вспомнил слова Болванщика: «А на часах все шесть...»

В лесах снова запели птицы, белка сердито кого-то бранила — должно быть, одного из Алисных котов. Напуганные шумом битвы дикие зверушки было примолкли, но теперь, когда стало тихо, вернулись к своей обычной жизни. Весь этот шум и вавилонское столпотворение ничего не значили для них. Невинные лесные твари жили исключительно настоящим; прошлое было забыто.

Бёртон позавидовал их невинности и тому, что они не осознают бега времени.

Взобравшись на вершину, друзья остановились перевести дух в большом чудесном саду, усаженном цветами. Бёртон глянул на небо — не осталось ли там кресел, прижавшихся где-нибудь к голубой тверди. Они будут висеть, пока не кончится запас энергии, а потом плавно опустятся на верхушки деревьев.

Бёртон и его спутники вошли в огромный пустой особняк — по крайней мере они надеялись, что он пустой, — и обшарили все комнаты с оружием в руках. Удостоверившись, что никто не прячется в засаде — ни андроид, ни человек, — они приняли душ и, надев простые, но чистые халаты, встретились в просторной библиотеке. К тому времени противошоковые таб-

летки, которыми снабдил их компьютер, уже оказали свое действие. Но ощущение крайней усталости и подавленности осталось. Спиртное почти не помогало. Есть никому не хотелось.

— Ладно, чего тянуть, — сказал Бёртон, усаживаясь за компьютерный пульт.

Ему было страшно задавать этот вопрос, но он его задал. И компьютер сообщил именно то, что Бёртон так боялся услышать.

Воскресить погибших — Нура, Терпина, Софи, де Марбо, Афру и прочих было невозможно. Кто-то наложил запрет, и компьютер отказался назвать имя.

— О Господи! — простонала Алиса. — Мы с Монти были вместе всего шесть дней, и теперь я потеряла его навеки!

— Не навеки, — откликнулся Бёртон. — Мы найдем способ отменить запрет. Когда-нибудь.

— Нужно предупредить остальных, — сказала Алиса.

— Остальных? — переспросил Бёртон. — А-а, ты имеешь в виду жителей Терпинвиля, Нетли с компанией и цыган!

— Предупредите цыган, — вмешался Фрайгейт. — Плевать нам на тех, кто вышвырнул нас с Томом из наших миров. Они не заслуживают никаких предупреждений. Чего они заслуживают, так это... в общем...

— Я понимаю твои чувства, — сказал Бёртон. — Но они в каком-то смысле наши союзники. Снарк — или кто-то еще, кем бы ни был этот убийца, — не ограничится нападением на нас.

— Откуда ты знаешь? — спросил Фрайгейт.

— Я не знаю, но предупредить их мы обязаны.

Сперва он попробовал дозвониться в Терпинвиль. Но, хотя связь работала исправно, никто не отвечал. Экран же сплошь был залит мутным темно-янтарным светом, в котором ничего не удавалось разглядеть.

Бёртон уже собрался попробовать вызвать Нетли, как вдруг Ли По воскликнул:

— Погоди! Мне кажется, я что-то видел!

— Что? — спросил Бёртон, сощурив глаза, словно это могло помочь.

— Что-то темное. Движущееся, — ответил Ли По.

Остальные сгрудились возле пульта, пристально глядываясь в экран.

— Я ничего не вижу, — заявил Бёртон.

— У тебя нет моих орлиных глаз, — возразил Ли По и ткнул пальцем. — Вот оно! Неужели не видишь? Темное и движется очень медленно!

Чуть погодя Бёртон тоже заметил зыбкое темное пятно. Оно перемещалось еле-еле, бесконечно долго подплывая поближе. Прошло несколько минут, и наконец очертания стали более отчетливыми.

— Это же человек! — ахнула Алиса.

Бёртон попросил компьютер сделать изображение посветнее, если возможно. Жидкость — а это, бесспорно, была жидкость, раз человек в ней плыл, — слегка осветилась. Прошло еще несколько минут, и они увидели лицо чернокожего человека с выпученными глазами и разинутым ртом.

— Не знаю, что там стряслось, — проговорил Бёртон, — но, похоже, что-то ужасное. Терпинвильский экран для приема сигналов извне находится в комнате рядом с кабинетом Тома. И эта комната явно наполнена водой или какой-то другой жидкостью.

— Не может быть! — воскликнула Звездная Ложка.

— Еще как может! Компьютер способен сделать что угодно.

— Попробуй звякнуть Нетли, — посоветовал Фрайгейт.

Бёртон так и сделал. На сей раз жидкость на экране была более прозрачной. В глубине все сливалось, теряя черты, но вблизи темнело какое-то пятно, похожее на диван. Рядом с ним виднелся какой-то небольшой черный предмет, слишком расплывчатый, чтобы его опознать. Однако он несомненно плавал. Это могла быть пластиковая бутылка, наполовину пустая, которую воздух вытолкнул наверх.

— Жидкость определенно другая, — промолвил Бёртон.

— Спроси компьютер, может, он знает, что там случилось, — сказал Фрайгейт.

— Не будь ослом! — Бёртон бросил на него сердитый взгляд. — Убийца наверняка отдал компьютеру команду не давать нам никаких ответов.

— Почему ты так уверен? Возможно, Снарку без разницы. Может, он даже хочет, чтобы мы знали. И вообще, если он не сомневался, что убьет нас всех, на кой ему было вводить запреты — вопросы-то задавать будет некому!

— Все может быть. Извини, я погорячился.

Бёртон спросил у компьютера, записал ли тот недавние события, происходившие в Терпинвиле и мире Фрайгейта. Тот ответил утвердительно. Бёртон велел вывести на экран запись

Терпинвиля начиная с того момента, когда туда хлынула жидкость.

Все они до сих пор были уверены, что аудио- и видеосообщения внутри личных миров могут осуществляться лишь через локальную компьютерную сеть, соединенную кабелями, пролегающими по дну мира. Но Снарк — таинственный убийца — ухитрился преодолеть видеобарьер и подключиться к местной сети. На экранах появились отдельные участки стены, ограждавшей мир Терпина, и Бёртон с друзьями увидели наводнение с высоты птичьего полета. На глазах у изумленной публики вода в фонтанах, в реке, на болотах и в озере сменилась янтарной жидкостью — бурбоном, как сказал компьютер в ответ на вопрос Бёртона.

— Бурбоном?

Бёртон, не веря своим ушам, попросил компьютер повторить ответ.

Да, подтвердил тот, бурбоном.

Виски хлестало из всевозможных источников с чудовищным напором. Струи фонтанов взмыли почти под потолок бробдингнежского помещения; река, озера и болота быстро набухли от притока бурбона.

— Зуб даю — бурбон там самого лучшего сорта, — прорычал Бёртон.

Охваченные паникой жители Терпинвиля на разных видах транспорта рванули к выходу. За сотню летающих кресел разгорелась настоящая драка, с воплями и поножовщиной. Те, кому кресел не досталось, не менее яростно сражались за автомобили, мотоциклы и экипажи с лошадьми. Поезд был набит под завязку, люди лезли на крыши вагонов и автомобилей. Счастливчики в креслах быстро долетели до выхода — и поняли, что не в силах отпереть дверь. Люди, шедшие пешком и ехавшие наземным транспортом, утонули, не успев достичь дверей.

Если бы они не запаниковали, то могли бы заказать летающие кресла в конвертерах массы-энергии и добраться до выхода. Где обнаружили бы тщету своих усилий.

Хотя виски текло бурным потоком, емкость ему нужно было наполнить поистине необъятную, так что уровень жидкости поднялся всего на четверть высоты стен. Люди в креслах взмыли под потолок и задохнулись — то ли от испарений, то ли из-за недостатка кислорода. Некоторые могли быть еще живы, хотя ненадолго. Уровень виски, правда, подниматься

перестал, но жидкости было вполне достаточно, чтобы прикончить уцелевших.

— Какая жуткая смерть! — сказал Бёртон. И, оглядев бледные лица друзей, добавил: — И все-таки посмотрим, как погиб мир Нетли.

Там картина была точно такой же, только вместо виски отовсюду хлестал джин. Самый высокопробный, разумеется.

Бёртон был почти уверен, что компьютер откажется воскрешать погибших в обоих мирах, и его предчувствие полностью подтвердилось.

Цыгане шли по коридору, ведущему к колодцу с ватанами, — возможно, хотели полюбоваться местной достопримечательностью, — когда навстречу им выехал большой робот на колесах и всех перестрелял из лучемета. Десять минут спустя тот же робот вычистил залитый кровью пол и отвез трупы к конвертеру, где превратил их в пепел.

— Значит, в живых остались только мы шестеро, — сказал Бёртон. — Вернее, семеро, если считать вместе со Снарком. Но...

— Что «но»? — после долгой паузы не выдержала Алиса.

Бёртон ничего не ответил. Он думал о том, что убийца мог гораздо легче расправиться с ними, если бы он — или она — затопил также Алисин мир. Почему же он выбрал другой способ? Или он натравил на них экзотических андроидов исключительно забавы ради, потакая своему извращенному чувству юмора? И поэтому превратил обаятельные создания из двух фантастических книжек для детей в кровожадных чудовищ?

Более вероятно, впрочем, что убийца сделал исключение для Алисина мира потому, что сам — или сама — был в числе гостей. И этот гость хотел своими глазами увидеть, как его — или ее — враги, которых он, должно быть, страстно ненавидел, погибнут в кровавой бойне.

И этот гость, опять-таки, запрограммировал андроидов так, чтобы они не тронули.

Бёртон знал Алису, Питера Фрайгейта и Ли По слишком давно, чтобы подозревать их. Стало быть, остаются только двое. Уильям Галл, который уверял, что переменился и стал глубоко верующим человеком, однако же убил в свое время пятерых женщин. И Звездная Ложка — но у нее, насколько Бёртон знал, не было никаких мотивов.

Однако Галл пробыл в башне слишком недолго, чтобы научиться управлять компьютером с таким умением, вернее, даже изобретательностью, какие проявил убийца.

Звездная Ложка работала с машиной часто и усердно, но могла ли она за столь короткий срок приобрести познания, неведомые даже тем, кто общался с компьютером значительно дольше?

Наверное, все-таки объявился Снарк номер два.

И тогда они все шестеро полностью в его власти.

С другой стороны, может статься, что кому-нибудь из шестерки все-таки удалось досконально изучить возможности машины и организовать убийства.

Но зачем?

— Мы должны просмотреть воспоминания каждого из нас за последние шесть недель, — заявил Бёртон, вставая с кресла.

— Я слишком вымотался для такой процедуры, — возразил Фрайгейт.

Алиса, Галл и Звездная Ложка тоже запротестовали, ссылаясь на усталость.

— Давайте отложим просмотр на завтра, когда отдохнем, — предложила Алиса.

— В любом случае это пустая трата времени, — сказала Звездная Ложка. — Ясно же, что убийца записал фальшивые воспоминания.

— Да, я знаю. И все-таки нужно проверить.

Они просидели еще около часа в гнетущей тишине, изредка обмениваясь угрюмыми репликами. Наконец Фрайгейт заявил, что не прочь немножко подкрепиться. Остальные тоже решили перекусить и, вопреки ожиданиям, съели довольно много. Выпito тоже было немало, так что компания стала более оживленной, если не сказать беспечной. Тогда Бёртон заговорил о том, что не давало ему покоя с той самой минуты, когда они вошли в особняк.

— Наш враг закрыл выход в Терпинвиле и мире Нетли. Стало быть, он вполне может проделать то же самое и здесь. Поскольку убить нас с помощью андроидов ему не удалось, он может прибегнуть к беспроигрышному варианту с наводнением. Лучше нам убраться отсюда в какую-нибудь квартиру.

Они обсуждали этот вопрос довольно долго, и в конце концов Алиса, по предложению Бёртона, приказала открыть дверь, ведущую в центральную зону. На экране они увидели, что приказ ее исполнен.

— Это еще не значит, что Снарк не сможет закрыть ее в любую минуту, — пробурчал Бёртон.

— Тогда пошли отсюда, — сказал Фрайгейт. — Только кто помешает Снарку запереть и квартиру тоже?

— Не знаю, — ответил Бёртон. — Но там он нас по крайней мере не затопит.

Они заказали в конвертере летающие кресла и полетели над сумеречным миром под имитацией полной луны. Никто не проронил ни слова по поводу трупов, оставшихся на поляне. Убирать их было некогда; вороны, орлы и ястребы склюют человечью плоть. Если люди когда-нибудь вернутся в мир Алисы, то застанут здесь лишь голые кости.

Выпив на ночь еще по рюмочке, все шестеро, за исключением Бёртона и Звездной Ложки, разошлись по отдельным спальням. Китаянка сразу же запрыгнула на кровать и, проборомтав: «Спокойной ночи, Дик», заснула. Бёртон последовал ее примеру через несколько минут и, вопреки ожиданиям, тоже моментально уснул. Пробудился он через четыре часа — бессонница, вечная спутница его жизни, вцепилась в него не хуже Старого Морехода. Китаянка, повернувшись к нему спиной, тихо посапывала. Бёртон встал с кровати, надел халат, пошел в гостиную и заказал большую чашку кофе. Прогнав таким образом усталость, он снова сел за пульт. Через пять часов Бёртон ввел в компьютер все мыслимые команды и запреты, способные защитить его квартиру. Однако он был уверен, что не сумел всего предусмотреть. Нужно будет, решил Бёртон, с утра попросить остальных дополнить список.

— Давным-давно нужно было это сделать, — проворчал он себе под нос.

Он решил не ждать, пока спящие соберутся к завтраку. Люди настолько устали, что могли проспать до полудня. Не придумав ничего более интересного, Бёртон начал просматривать коридоры. Начал с ангара, расположенного на вершине башни, спустился на один уровень, потом на другой. Это заняло немного времени, поскольку с первого взгляда было видно, что центральная площадка пуста, а в малых мирах, кроме зверей, нет никого живого.

Сканирующее устройство принялось за шестидесятый уровень, пробегая по коридорам и заглядывая в комнаты. Вскоре оно дошло до коридора, внутренняя стена которого была одновременно частью стены колодца с ватанами. Здесь, как помнил Бёртон, можно было увидеть массу ватанов воочию.

— Стой! — крикнул он.

И уставился на изогнутую прозрачную стенку колодца. Красивые, яркие, разноцветные, то разбухающие, то сжимающиеся крутящиеся субстанции, называемые ватанами, исчезли. Колодец был темен и пуст.

ГЛАВА 34

Питер Фрайгейт пришел в гостиную первым. Остановился, посмотрел на Бёртона, на лежащий рядом с ним лучемет, на полуоткрытую дверь в коридор.

— Что все это значит?

Только Бёртон открыл рот, чтобы ответить, как в комнату вошел Ли По.

— Выпей сначала кофейку, Пит, — сказал Бёртон.

— Как ты, Дик? — спросил китаец.

— Не спал почти всю ночь. Работал.

Ли По тоже глянул на оружие и дверь, удивленно нахмурил брови, но не проронил ни слова.

— Ты ужасно выглядишь, — заявил Фрайгейт, налив себе кофе из кофейника, стоявшего на столе. — Черные круги под глазами... Ты похож на задрюченного енота. Чем ты занимался?

— Чувствую я себя тоже ужасно, — медленно проговорил Бёртон. — Я чувствую... Как бы вы чувствовали себя, если бы знали, что близок конец света? Вернее, если бы он уже наступил, причем на самом деле?

Фрайгейт, не поморщившись, выпил целую чашку горячего кофе.

— Конец света наступает каждую секунду, — промолвил он.

Бёртон не понял, что хотел сказать американец, да и не хотел этого выяснять. Скорее всего, фраза американца была чисто риторической.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Ли По, отхлебнув глоточек кофе.

— Наверное, лучше мне подождать, пока мы не соберемся все вместе. Не хочу повторяться.

— Вот еще! — возмутился Фрайгейт. — Выкладывай, что стряслось!

Бёртон рассказал им про пустой колодец.

Ли По побледнел, но промолчал.

— Потом я проверил телесные матрицы, — сказал Бёртон. — Мне пришлось принудить себя это сделать, поскольку

я не хотел знать, что с ними случилось, хотя в душе уже знал. Но проверить было необходимо, и я проверил.

— И они... они... — запинаясь, проговорил Фрайгейт.

— Они все стерты. Все тридцать пять миллиардов и шестьсот сорок шесть миллионов. Без исключения. Все. И за это время в колодец не поступило ни одного нового ватана.

— Удар за ударом, — пробормотал китаец.

— Значит... когда мы умрем, — сказал Фрайгейт после долгой паузы, — то умрем навеки.

— Вот именно.

Выдержав еще одну длительную паузу — только катастрофа вселенских масштабов могла заткнуть Ли По рот так надолго, мельком подумалось Бёртону, — Фрайгейт влил бренди в недопитую чашку кофе и залпом заглотнул дымящуюся жидкость. Китаец привстал, собираясь последовать его примеру, но, покачав головой, рухнул обратно в кресло. Бёртон впервые в жизни видел, чтобы Ли По отказался от выпивки.

Лицо у Фрайгейта чуточку зарумянилось от бренди. Он выпил еще, на сей раз без кофе, и произнес:

— Снарк отменил эту автоматическую функцию... Я хочу сказать, отныне мы не сможем воскресить ни одного человека?

— Верно.

— Но мы можем дожить до прилета обитателей Мира Садов, и они вновь запишут наши данные. Иначе все мы тоже навсегда утратим шанс на бессмертие.

— Конечно, — откликнулся Бёртон. — Но когда они сюда прилетят, наше время выйдет. Если мы не будем готовы к «продвижению», наши матрицы просто сотрут — вместе с нами самими.

Он встал, плеснул себе еще кофе, глянул на бутылку бренди, но удержался.

— Я сразу же спросил об этом у компьютера. Я, конечно же, был в шоке, ругал себя последними словами, проклинал все на свете — ведь сразу после того, как мы вернулись от Алисы, я ввел в компьютер команду, чтобы он не стирал телесные матрицы. Но было слишком поздно, хотя тогда я этого не знал, поскольку эта идиотская машина не сказала мне, что моя команда запоздала. Компьютер должен был сказать, но Снарк велел ему не выдавать никаких данных, пока о них не запросят.

— Все мы плетемся в хвосте у событий и постоянно опаздываем, — убитым тоном промолвил Фрайгейт. — Порой я думаю, а не заставил ли Снарк машину излучать какое-нибудь поле, подавляющее нервную систему, чтобы оболванить нас?

— Сомневаюсь, — отозвался Бёртон. — Мы ведь ничего подобного не ожидали — просто играли в игрушки, как дети. Однако... — Бёртон приподнял салфетку, под которой лежал желтый шарик размером с клюкву. — Я поработал, покуда вы спали. Это сфера, в которую записывают телесную матрицу. Я велел компьютеру сделать копию для себя. Сейчас она пуста, но мне просто хотелось на нее посмотреть. И когда я взял ее в руки, меня осенило... это всего лишь теория, но она вполне правдоподобно объясняет некоторые факты. В частности, она дает ответ на вопрос о том, как Снарку удалось проникнуть в мир Алисы, Терпина и твой — вернее, в мир Нетли. Ведь подготовить все эти убийства снаружи попросту невозможно.

Тут в гостиную вошла Алиса. Бёртону пришлось повторить весь рассказ и подождать, пока она немного оправится от удара.

— Во-первых, — продолжал затем Бёртон, — я не думаю, что это сделал Снарк. То есть я не верю, что в башне прячется кто-то из этиков. Нур уничтожил их последнюю агентку, хотя полной уверенности в этом, конечно, быть не может. Но убийства в личных мирах совершил кто-то из нас. Я имею в виду — из уцелевших.

— Галл! — воскликнул Ли По, вскочив с кресла и дрожа всем телом. — Или Звездная Ложка! Но почему?

— Возможно, Галл взялся за старое, — кивнул Бёртон, — хотя в таком случае он, видно, совсем ополоумел. Звездная Ложка? Тогда она тоже должна была сойти с ума. Однако если кто-то из них и спятил, то успешно скрывает это. Но сначала дайте мне доказать мою теорию.

— Сначала... прости, что прерываю, — вмешался Фрайгейт, — мы должны учесть, что убийца — не обязательно Галл или Звездная Ложка. А вдруг это кто-то, кого мы даже в глаза не видали? В конце концов, Уильямс воскресил Галла и других участников дела Потрошителя. И цыгане тоже появились невесть откуда. Мы не знаем, кто их поднял из мертвых, но я подозреваю, что это сделал тот же Уильямс — шутки ради или чтобы нам досадить. Хотя, возможно, он тут ни при чем. Разве не могло случиться так, что кто-то воскресил маньяка, который и стал нашим вторым Снарком?

— Я попросил компьютер проверить, есть ли в башне другие люди, кроме нас. Он доложил, что никого не обнаружил. Тогда я затребовал список всех воскрешенных, и их количество в точности совпало с моими расчетами. Но компьютер, опять-таки,

мог утаить какие-то дополнительные данные, о которых я не догадался поинтересоваться.

— В общем, опять сплошная неопределенность, — сказал Фрайгейт, махнув рукой.

— Как обычно. И все же я полагаю, что существование Таинственного Незнакомца в башне маловероятно. — Бёртон поднял желтый шарик. — Вот как, по-моему, он — или она — проделал этот фокус.

Убийца заказал в конвертерах несколько копий своей телесной матрицы. Компьютер выполнил заказ, поскольку я ввел запрет на подобные просьбы слишком поздно. Дело было сделано.

Так у Снарка номер два появилась возможность проникнуть в миры Терпина, Фрайгейта и Алисы. Я думаю, теперь ему ничего не стоит пробраться и в другие миры, а также в некоторые квартиры.

Для этого ему достаточно было поместить один такой шарик со своей записью в какой-нибудь стоящий на отшибе конвертер, которым сравнительно редко пользуются. Скорее всего, Снарк припрятал такие же шарики в других легкодоступных местах и наверняка носил парочку с собой в карманах.

Потом Снарк убил себя в пустой запертой квартире, предварительно договорившись с компьютером, чтобы тот воскресил его в конвертере, стоящем в чьем-либо мире.

Конвертер, в котором остался умерший Снарк, дезинтегрировал его тело, чтобы никто на него случайно не наткнулся.

А попав в мир Алисы, Снарк номер два принялся за дело. То есть начал словесно программировать андроидов, когда они не были в поле зрения Алисы с Магленной. Хотя, возможно, их запрограммировали еще до появления Магленны. Поскольку Снарку приходилось работать тайком, ему потребовалось по меньшей мере несколько недель, чтобы все подготовить.

Что касается двух затопленных миров, то эта команда была отдана снаружи.

Этики считали, что их личные миры стопроцентно защищены от вторжения извне. Да им, в общем, и не приходилось серьезно задумываться над вопросами безопасности, ибо они считали башню неприступной крепостью. Они, конечно, знали, что среди них есть предатель, однако не думали, что он угрожает им лично.

Но человек изобретательный запросто мог затопить малые миры, дав компьютеру команду увеличить приток жидкости, пока население мира не утонет.

— Все это звучит правдоподобно, — сказала Алиса, — но как Снарку удалось запереть выходы из миров? И как он мог увидеть, что там творится, когда началось наводнение? Компьютер отпирает и запирает двери только в ответ на кодовые слова и никогда не передает изображений из малого мира, кроме тех, что заказывают его обитатели. Эти запреты никто не в силах отменить.

— Но их можно обойти. Снарк, проникнув с помощью своих шариков в чей-либо мир, заказал в конвертере камеры, поднял их к самому потолку, скорее всего ночью, и закрепил там. Главный компьютер действительно передает волновые импульсы через стенные сети только по строго определенным каналам. Но в то же время ему велено передавать за стены миров импульсы, адресованные конвертерам, вспомогательным компьютерам и устройствам связи. Для него нет разницы между аппаратурой, установленной этиками, и той, что появилась позже. Он воспринимает все новые устройства как вполне законные.

— А как же с дверьми? — не унималась Алиса.

— Снарк обработал их извне каким-то веществом, которое затвердело и не давало механизмам открыть двери — ведь они открываются наружу

Это означает, что Снарк задраил двери во время твоей вечеринки, Алиса. Он — или она — убил себя, воскрес в одной из квартир, полетел оттуда к центральной площади и обработал двери двух миров. Потом скомандовал устройствам, подающим воду, перейти на бурбон и джин и начал затопление. После чего снова совершил самоубийство, воскрес и явился к тебе в гости, ожидая, когда андроиды пойдут в атаку. Во время битвы Снарк принял все меры, чтобы не пострадать от андроидов. Его или ее планы не осуществились полностью, но Снарка, я думаю, это не смущило. У него есть еще возможность завершить задуманное.

— Ага! Значит, в число подозреваемых входят только гости вечеринки! — воскликнул Ли По. — Стало быть, это Галл либо Звездная Ложка.

— Не обязательно, — возразил Фрайгейт — Снарком может быть кто угодно, коль скоро он умеет проникать в разные миры. Возможно, это кто-нибудь из воскрешенных, кого мы с вами знаем или должны были бы знать. В конце концов, мы не видели всех трупов в мирах Терпина и Нетли. то есть в моем. Нужно узнать — а вдруг там кого-то недостает?

— Сначала нам нужно всерьез заняться Галлом и Звездной Ложкой. Пропустить их через сито, — сказал Бёртон.

И тут же подумал: «Если кто-то из них так дьявольски умен, он, очевидно, предвидел, что у нас хватит сообразительности сузить круг подозреваемых до двух, пусть даже мы не Шерлоки Холмы!»

— Вот почему у тебя на столе лучемет? — спросил Ли По, словно прочитав его мысли. — На случай встречи со Снарком?

— Да. Если кто-то из них появится в двери с оружием в руках, меня не застанут врасплох.

— Но раз они... вернее, кто-то из них... в состоянии убить себя и воскреснуть где угодно, — сказала Алиса, — что может помешать Снарку явиться сюда? — Она показала на открытую дверь в коридор.

— Ах, это! — откликнулся Бёртон. — Видишь ли, я скопировал *modus operandi** убийцы. Сегодня рано утром я за-драил двери Галла и Звездной Ложки.

Бёртону не надо было объяснять собравшимся, зачем он так поступил. Убийца, обнаружив, что дверь не отпирается, быстро поймет почему. И тогда у него останется лишь один выход, к которому Снарк прибегал уже не раз. Совершить самоубийство и воскреснуть где-нибудь в другом месте.

— А что, если Снарк сделает вид, будто ничего не понимает, и попросит выпустить его? — спросил Фрайгейт.

— Мы будем держать взаперти их обоих. Рано или поздно Снарк не выдержит и удерет.

Сиюминутные треволнения как-то сгладили шок от известия об исчезновении ватанов. Друзья отвлеклись от пугающей мысли о том, что следующая их смерть окажется последней, равно как и смерть жителей долины. А также от раздумий о том, что все их страдания в этом мире были тщетны.

«Нет, — подумал Бёртон. — Они не были тщетны, и нас воскресили не зря. Мы прожили гораздо дольше, чем смели надеяться прожить на Земле. Нам вернули наши молодые тела, и мы боролись и любили со всем пылом юности, полные здоровья и сил. Мы жили без оглядки, на всю катушку, мы трудились в поте лица, стремясь достичь заветной цели. А цель того стоила. И если нам удастся дожить до прилета обитателей Мира Садов, то... Хотя нет. Первая фаза проекта завершится, и мы должны будем умереть, чтобы освободить место для следующих воскрешенных.

* Образ действий (лат.)

Но что толку сейчас об этом думать? Сейчас самое главное — изловить Снарка».

— Экран! — воскликнул Фрайгейт.

Бёртон встал и подошел к угловому пульту. С экрана озадаченно смотрел Галл.

— Доброе утро, — сказал он, увидев Бёртона. — Не знаю, в чем дело, но я не могу открыть дверь.

— Странно, — ответил Бёртон. — Вы спросили у компьютера почему?

— Конечно, но он говорит, что не знает.

— Мы попробуем что-нибудь сделать, — пообещал Бёртон. — Но вы не морите себя голодом. Закажите завтрак, а мы тем временем посмотрим, в чем дело.

Когда экран погас, Бёртон попросил компьютер показать свою спальню. Комната тут же появилась на дисплее — Бёртон не был уверен в том, что спальня не отрезана от связи, — но кровать оказалась пуста. Звездной Ложки не было видно, хотя она могла зайти в ванную. Бёртон, удостоверившись, что аудиопередача тоже в порядке, громко окликнул ее по имени. Потом еще раз — но китаянка так и не появилась.

— Она сбежала.

— Где ее тело? — спросил Фрайгейт.

— Не знаю, — ответил Бёртон. — Нужно выяснить.

Друзья, вооруженные лучеметами, отправились по коридору к спальне. Бёртон вместе с Ли По начали плавить лучами затвердевшую массу, которой была задраена дверь. Повалил густой едкий дым, они закашлялись и вынуждены были подождать, пока кондиционеры не всосали ядовитые пары. Когда фиолетовая стеклянистая масса полностью расплавилась, Бёртон кодовым словом открыл дверь и осторожно вошел, держа лучемет наготове. Спальня и ванная были пусты.

— Она, должно быть, покончила с собой — залезла в конвертер и велела ему испепелить себя, — предположил Фрайгейт.

— Но где она намеревается воскреснуть? — отозвался Бёртон. — Вот какую загадку нам надо разгадать.

— Ты, похоже, не очень удивлен, Дик, — сказала Алиса.

— Да, не очень. Я всегда считал, что у Галла было слишком мало времени, чтобы научиться так искусно работать с компьютером, как требовалось Снарку.

— Бога ради! — воскликнул Фрайгейт. — Но зачем ей было это делать? Что она имела против нас? Она должна была нас ненавидеть! Всех и каждого! Но за что?

— По-моему, — проговорил Ли По, — за ее веселым лицом всегда таилась неизбывная грусть. Жизнь слишком часто бывала к ней несправедлива — так часто, что стала ей невыносима. Звездная Ложка столько выстрадала, ее так много раз насиливали и унижали, что нападение Данауэя переполнило чашу. Я думаю — возможно, я ошибаюсь, хотя мне так не кажется, — она решила, что всем нам лучше умереть. Раз *ей самой* хотелось умереть — стало быть, и другим так будет лучше. Она не раз говорила мне о том, как ей жаль, что нас всех воскресили, какой это ужас, что человек не может найти покоя даже в смерти. А тебе она говорила что-нибудь подобное, Дик?

— Неоднократно.

— Нет, за этим кроется что-то еще, — сказал Фрайгейт. — Если она хотела умереть навеки, ей достаточно было просто стереть свою матрицу.

— Она же не в себе, — возразил Бёртон. — Возможно, она считала, что оказывает всем живущим большую услугу, ибо им не придется страдать так, как страдала она. К тому же ей наверняка хотелось лишить обидчиков возможности издеваться над окружающими.

Бёртон был потрясен деяниями Звездной Ложки до глубины души, потрясен как никогда в жизни. Но ненависти к ней не испытывал. Каким бы чудовищным, непростительным и непоправимым ни был ее грех, он просто не мог возненавидеть эту помешанную страдалицу. Он жалел ее. Он даже горевал о ней. Но убить ее придется, никуда не денешься. Пока она жива, всем им грозит смертельная опасность, к тому же гибель станет для нее избавлением от мук.

Бёртон был уверен, что она собирается сама покончить с собой, но только после того, как убьет всех людей в башне. Она наверняка жалела, что не может расправиться со всеми жителями долины. Ну что ж — ей оставалось утешаться тем, что после смерти их уже никто не воскресит.

ГЛАВА 35

— Чушь собачья!

— Что? — спросила Алиса.

— Мы не имеем ни малейшего представления о том, что творится в ее сдвинутых мозгах. Да это и неважно. Нам важно ее остановить.

Раздался громкий сигнал. Бёртон вздрогнул, хотя и ожидал вестей, и подошел к пульту. На экране появилась схема уровней башни; по коридору двигалась крохотная, но яркая оранжевая точечка. В углу экрана высветилась надпись: «Уровень 4, коридор 10».

Остальные столпились за Бёртоном.

— И что теперь? — спросил Фрайгейт.

— Она, по-видимому, вышла из комнаты, в которой воскресла, — сказал Бёртон. — Стены комнаты, естественно, закрашены, так что картины прошлого Звездной Ложки ей не видны: по-моему, компьютер вообще показывает их только тогда, когда тот, к кому они относятся, может их видеть. Я велел машине отметить на схеме эти картинки, когда они появятся. Звездная Ложка, без сомнения, скомандовала компьютеру не сканировать те помещения, где она находится. Но она не в силах запретить ему сопровождать ее сценами из прошлого — ведь в коридорах-то стены не закрашены.

— Она умна, — произнес Ли По. — Она скоро поймет, что ты следишь за ней по дисплею. То, что в состоянии сделать мы, сможет и она. Ей достаточно просто попросить компьютер показать ей наши картинки.

— Да, — согласился Бёртон, — однако с нашим компьютером кто успел, тот и съел. Более ранняя команда для него закон. А я велел ему не показывать Звездной Ложке нашего местонахождения.

— Она это сразу поймет, как только компьютер откажется выполнить ее просьбу, — сказал Ли По. — И станет еще осторожнее.

— Осторожной она будет в любом случае, — заметил Бёртон и обернулся к Фрайгейту: — Пит, иди выпусти Галла. Введи его в курс дела и дай ему лучемет. У нас сейчас каждый человек на вес золота.

Фрайгейт нехотя ушел.

— Мы можем остаться в квартире, — сказал Бёртон. — Звездная Ложка не сумеет задраить дверь, пока та открыта. Зато она может подстроить нам ловушку — к примеру, за-программировать робота, чтобы тот расстрелял нас из лучемета, как только мы высунем головы наружу, — поэтому оставаться здесь не стоит.

Оранжевая точка остановилась у шахты лифта под номером ВС-А3-2.

— Она направляется к нашему коридору, — проговорил Бёртон. — Пора, у нас мало времени.

Он встал и прошел в коридор, ведущий к спальням. Фрайгейт только что закончил обрабатывать дверь и ждал, пока рассеется дым. Дверь в спальню Галла распахнулась.

— Скажи ему, пускай задержит дыхание и выходит! — крикнул Бёртон.

Все остальные разошлись по своим спальням и похватали лучеметы с запасными батареями. Пока они вооружались, Бёртон следил за экраном. Когда все собрались в гостиной, он изложил им свой план. Галл был совершенно сбит с толку, поскольку Фрайгейт почти ничего не успел ему объяснить. Но, выслушав краткие наставления Бёртона, бывший доктор кивнул и выбежал из гостиной.

Когда все покинули квартиру, Бёртон велел компьютеру запереть дверь, которая выходила в коридор как раз посередине между двумя шахтами лифта. Звездная Ложка в этот момент была у входа в правую шахту на четвертом этаже. Друзья побежали по коридору к лифту, а Алиса, отстав от них, нырнула в одну из квартир с правой стороны. Там она спряталась в темноте за дверью, оставив ее приоткрытой. Отсюда, с расстояния четырехсот пятидесяти футов, Алиса могла держать дверцу лифта под прицелом.

Добежав до перекрестного коридора, четверо мужчин разделились. Шахта лифта находилась в центре перекрестка, и в каждом углу коридора были сделаны глубокие ниши, чтобы большие машины могли ее обехать. Войти в лифт можно было с четырех сторон. Ли По с Галлом свернули по перекрестному коридору направо и заняли позицию футах в ста от шахты лифта за полуоткрытыми дверями квартиры. Бёртон промчался вперед и притаился в комнате тоже футах в ста. Фрайгейт должен был свернуть на перекрестке влево и спрятаться за дверью в двухстах футах от шахты.

Когда Звездная Ложка выйдет из лифта, то окажется под прицелом пяти лучеметов.

В комнате, где стоял Бёртон, было темно, светился лишь экран на пульте. Бёртон следил за оранжевой точкой, ожидая, когда она войдет в лифт и поднимется на третий этаж.

— Она не больно-то спешит, — пробурчал он себе под нос.

Что она делала сейчас? Пыталась представить все возможные ловушки? Или просто собиралась с духом?

Рано утром Бёртон взял из конвертера сто фунтов пакет-крайчаки, облетел в кресле семь шахт и, работая в лихорадочном темпе, прилепил ее вокруг дверей близлежащих лифтов. Внизу, у порога, он класть взрывчатку не стал, по-

скольку Звездная Ложка могла ее заметить. Но когда она выйдет из шахты, то уже не успеет удрать, даже если увидит пластик. Дистанционный взрыватель сработает быстрее.

Труды Бёртона вполне могли пойти прахом, если Звездная Ложка выберет дальнюю шахту. Но и в этом случае, стоит ей пройти рядом с заминированной дверью, как раздастся взрыв.

Бёртон осмотрел коридор и дверцу лифта. Потом снова глянул на экран. Ага! Оранжевая точечка поднималась вдоль линии, изображавшей ту самую шахту, что они взяли в кольцо.

Бёртон съежился за дверью. Через несколько секунд в лифте появился прозрачный шар с сидящей в нем Звездной Ложкой. Шар остановился, зависнув в шахте лифта, и Бёртон разглядел его в деталях. Он в точности походил на его собственное бронированное кресло, только тяжелых лучеметов из него торчало еще больше.

Звездная Ложка сидела к Бёртону спиной, потом повернула голову, и он увидел ее бесстрастный профиль.

Броня какое-то время выдержит луч, даже если поставить лучемет на предельную мощность. Только если беспрерывно бить лучом в одну точку, он сможет расплавить пластик. Но Звездная Ложка не будет висеть на месте.

Больше всего Бёртона удручало то, что китаянка, даже если они ее убьют, тотчас воскреснет в каком-нибудь башенном закоулке. Любая победа ее врагов будет для них лишь полу-победой, а для нее — временным отступлением. И все-таки они должны сражаться и надеяться, что успеют схватить Звездную Ложку до того, как она покончит с собой или будет убита. Или же им повезет, и они найдут шарики с матрицами китаянки, так что ее следующая смерть окажется последней.

Бёртон так и думал, что она появится в бронированном кресле. Он рассчитывал, что броня защитит китаянку от гибели и она лишь потеряет сознание при взрыве. Именно поэтому он прикрепил у каждой двери всего по три с половиной фунта взрывчатки, да и то сомневался, не переборщил ли

— Давай же! Давай! Чего ты ждешь! — тихо шептал Бёртон.

В ту секунду, когда сфера двинется из центра шахты к выходу, он отойдет от двери и, зажав руками уши, прижмется к стене, чтобы не оказаться на пути ударной волны. Так же поступят и остальные.

Звездная Ложка наконец решилась. Оглядел перед собой коридор, она увидела, что все квартиры закрыты, кроме одной. Бёртон надеялся, что китаянка решит, будто все они прячутся в этой квартире. Обзор перекрестного коридора покажет ей ряды открытых по обе стороны дверей — так было почти повсюду в башне.

Убедившись, что китаянка движется к выходу из лифта, Бёртон отошел от двери на несколько футов. И тут же потерял сознание, так и не услышав взрыва.

Когда он очнулся, не совсем еще приходя в себя, то сразу закашлялся, окруженный клубами дыма. Бёртон сел, прислонившись спиной к стене, потом попробовал встать, но не смог. Силы оставили его, а мысли разбегались, точно грибники при виде медведя. С трудом поднявшись наконец, он заковылял по комнате, из которой кондиционеры усердно высасывали дым. Экран на пульте светился по-прежнему, показывая оранжевую точку в коридоре за углом. Бёртон смутно вспомнил, что именно там сидят в засаде Ли По вместе с Галлом.

Ну что ж, по крайней мере теперь он сообразил, кто он и что с ним. Хотя двигался по-прежнему замедленно.

— Нужно идти туда и схватить ее, — сказал он себе. Губы шевелились с мыслями в унисон, однако собственного голоса Бёртон не слышал, как не слышал и голоса своей земной жены Изабел, что-то кричавшей ему со стенного экрана.

Когда Бёртон добрался до двери, в голове у него немного прояснилось, и он понял: что-то тут неладно. Взрыв оказался гораздо сильнее, чем было запланировано. Неужто он дал такого маху в расчетах? Или случилось нечто непредвиденное?

Бёртон оглянулся, увидел на полу свой лучемет, вернулся назад, подобрал его и снова направился к двери. Вместо густых клубов в воздухе осталась лишь легкая дымка. Бёртон разглядел на полу коридора далеко разбросанные куски прозрачной сферы. По-видимому, она была сделана из какого-то бьющегося материала. Взрыв произошел у входа, ближайшего к Бёртону. Очевидно, кресло, направляясь к двери, активизировало взрыватель. Дополнительный взрыв удвоил силу взрывной волны — но не настолько же, чтобы превратиться в ураган!

Должно быть, сам шар был напичкан взрывчаткой, и вся она рванула, когда сработала ловушка Бёртона. Или же так совпало, что шар взорвался сам, едва выплыл из шахты.

Сидел в нем, конечно же, андроид, точная копия Звездной Ложки, которого она выслала вперед в качестве жертвенной пешки.

Голова у Бёртона все еще болела. Мысли его карабкались по отвесному склону, стремясь добраться до вершины, где они могли построиться и стать грозной силой. Большинство из них уже залезли наверх, но построиться не успели. Почему картинки из прошлого сопровождали андроид, а не настоящую женщину?

Не сразу, но до Бёртона все же дошло, что китаянка, должно быть, выпустила андроид из комнаты первым. А этот идиот компьютер принял копию за оригинал и начал показывать на стенах картинки. Настоящая женщина тем временем вышла из своего убежища... закрыв лицо капюшоном или маской... и поднялась в незаминированном лифте.

Вот она, легка на помине! Вылетела из-за угла, из того коридора, где прятались Ли По и Галл. Как Бёртон и ожидал, китаянка сидела в бронированном летательном аппарате, точной копии первого шара. Лицо ее было открыто и, в отличие от бесстрастной маски андроида, искажено дьявольской улыбкой. Губы шевелились, что-то неслышно бормоча.

Машина пролетела до середины коридора, миновав шахту лифта — Бёртону было видно сквозь открытые двери, — потом остановилась и повернулась на четверть оборота, лицом к коридорной стене. Что стряслось с Ли По и Галлом? До сих пор не очухались после взрыва? Или сдуру напали на китаянку, когда она пролетала мимо? Бёртон томился неизвестностью; даже если они и кричали, он ничего бы не услышал, поскольку был оглушен взрывом.

Машина, паря в шести футах над полом, остановилась возле одной из дверей и развернулась. Из-под сиденья выполз ствол, просунулся в отверстие в корпусе и выстрелил фиолетовой жидкостью. Голова у Бёртона, по-видимому, еще шла кругом, иначе он сразу бы узнал эту клейкую массу. Звездная Ложка задраивала дверь, за которой, по ее предположениям, прятались люди. Пусть даже полной уверенности у нее не было, она решила не откладывать эту операцию.

Бёртон мельком увидел, как из-за приоткрытой двери другой квартиры высунулась и тут же скрылась темная головка. Звездная Ложка, сосредоточенно ведя машину вдоль кромки двери Бёртоновской квартиры, Алису не заметила.

На стене за спиной у китаянки сияло большое пятно — очевидно, сцены из ее прошлого. После того как андроид

взорвался, компьютер переключил картинки, пустив их следом за настоящей женщиной. Теперь, когда она была у цели, Звездную Ложку не волновало, что враги узнают, где она находится. Возможно, она даже желала этого, надеясь, что они рискнут напасть на нее.

Тут в поле зрения Бёртона с лучеметом в руках показался Ли По. Увидев женщину, он отступил назад. Повезло ему, что она не заметила ни его, ни сопровождавшие его картинки, которые вспыхнули за ним в нише.

Слева в кабине машины виднелся небольшой видеоэкран. Стало быть, китаянка может связаться с компьютером и узнать, не сбежали ли пятеро из квартиры, а если сбежали, то куда.

Фиолетовая жидкость на двери и прилегающей части стеки тем временем уже затвердела. Бёртон думал, что теперь китаянка приземлится, но она начала поливать двери новым слоем. Очевидно, хотела задраить их поосновательнее.

У Бёртона оставалась минута, возможно две, прежде чем китаянка покончит с дверью и пустится на поиски. Он подошел к конвертеру и дал компьютеру задание. Того, что Звездная Ложка может его подслушать и таким образом напасть на след, Бёртон не опасался. Он давно уже приказал компьютеру не давать ей сведений ни о ком из них пятерых. Китаянка могла просмотреть на экране все квартиры в башне, кроме тех, где прятались люди. Правда, отказ компьютера снабдит Звездную Ложку отрицательной информацией, и она сможет вычислить их местонахождение.

Бёртон открыл конвертер, нагнулся и вытащил одной рукой тестообразную массу — три и три четверти фунта пластиковой взрывчатки. Отнес ее к выходу, прилепил на дверь и вернулся назад. Захлопнул крышку конвертера, через две секунды открыл — и достал со дна дистанционный взрыватель. Подойдя к двери, Бёртон воткнул длинный тонкий металлический пруток, торчавший из маленькой коробочки, во взрывчатое вещество.

Запустив механизм взрывателя простой голосовой командой, Бёртон выглянул за дверь и ахнул. Звездная Ложка каким-то образом умудрилась застукать Алису, очевидно, с помощью термоакустического детектора. Алиса сделала единственную возможную вещь: заперла двери кодовым словом. И теперь Звездная Ложка задраивала дверь.

Бёртон выпрыгнул в коридор, прицелился, и ярко-алый луч в полдюйма толщиной, вырвавшись из закругленного наконечника лучемета, ударил в бок прозрачной сферы. Если бы ему удалось пробить броню, он пронзил бы голову Звездной

Ложки возле левого уха. Но на корпусе вспыхнула ослепительная точка, и китаянка, тотчас заметив ее, рванула правой рукой рычажок на пульте. Машина, крутанувшись, отплыла от двери и помчалась прямо на Бёртона.

ГЛАВА 36

Бёртон бросился бежать вдоль стены, надеясь скрыться за следующей дверью. Если китаянка его не съебет, если она пролетит мимо квартиры как раз во время взрыва, если он успеет спрятаться... Ему хотелось оглянуться и посмотреть, насколько быстро летит за ним машина. Звездная Ложка могла разогнаться и проскочить ловушку до того, как сработает взрыватель. Но оглядываться было некогда, это замедлит бег, да и ничего ему не даст.

Схватившись за дверь, Бёртон с такой скоростью метнулся в квартиру, что стукнулся левым плечом о косяк и отлетел вовнутрь. В дверном проеме мелькнуло два алых луча. Возможно, другие лучи попали в дверь. «Это неважно, — подумал Бёртон. — Я успел». Ударная волна сшибла его с ног, но на сей раз она была слабее предыдущей.

Бёртон встал, молясь про себя всем богам, и, цепляясь за дверь, выглянул наружу. Поскольку дыма было немного, он сразу увидел машину у стены напротив той квартиры, где он заложил взрывчатку. Прозрачный шар отбросило взрывом через коридор и ударило о стену. Звездная Ложка была без сознания. На глазах у Бёртона машина снова набрала скорость и понеслась к перекрестку, где врезалась в другую стенку и застыла на месте, точно приклеенная.

Ли По и Фрайгейт с лучеметами в руках выбежали из-за углов и подскочили к Бёртону.

— Она попалась в мою ловушку, — сказал он. — Но нужно поскорее вытащить ее из машины, пока она не оклемалась.

— Где Алиса и Галл? — спросил Фрайгейт.

— Потом, все потом, — отмахнулся от него Бёртон. — Давай сюда шприц для подкожных впрыскиваний. А ты, Ли По, живо за мной.

Фрайгейт вытащил из поясной сумки шприц. Пока Бёртон сверлил лучом дыру в броне, китаец побежал в ближайшую комнату и заказал в конвертере лестницу и две стремянки, чтобы забраться в машину. Бёртон хотел взять китаянку живой и в то же время пытался как можно скорее продырявить

корпус. Если она начнет подавать признаки жизни слишком рано, он продырявит и ее тоже.

Однако Ли По обернулся очень быстро, и они успели сжечь запорный механизм на люке, а китаянка все лежала, не двигаясь. Бёртон забрался в машину, взял у Фрайгейта шприц, сделал женщине укол, после чего, нажав на кнопку, опустил машину на пол. Они отнесли Звездную Ложку в ближайшую комнату, раздели, обыскали ее одежду и уложили китаянку в конвертер, чтобы компьютер мог обследовать ее нервную систему. Тот ответил, что мозг у женщины слишком сложен для андроида.

— Похоже, мы ее словили, — сказал Бёртон. — Только... что, если она предвидела такую возможность и велела компьютеру выдать ложный ответ? А сама где-то рыщет сейчас по этому лабиринту.

— Не верится мне, чтобы она такое предвидела, — возразил Ли По. — Она наверняка считала себя неуязвимой в своей бронированной машине. Я склонен поверить компьютеру.

— А я хочу все проверить.

Хотя Бёртон в душе был согласен с китайцем, он тем не менее намеревался тщательно обшарить всю башню. Только тогда он немного успокоится.

Оставив Фрайгейта сторожить пленницу, Бёртон с Ли По освободили Алису. Она не впала в истерику, но явно нуждалась в хорошей дозе спиртного, чтобы успокоить нервы. Алиса уже думала, что ее замуровали в комнате навеки или по крайней мере на такой долгий срок, который покажется ей вечностью.

На обратном пути они увидели Галла, лежавшего ничком на полу в коридоре. Ли По сказал, что Галл попал под луч Звездной Ложки, предназначавшийся Бёртону.

— Он, должно быть, выскочил из комнаты как раз в тот момент, когда я нырнул в свою, — объяснил китаец. — А зачем — понятия не имею. Только мы заняли свою позицию, как он заявил, что не может воспользоваться лучеметом. Убивать андроидов — дело другое, они не люди, но стрелять в Звездную Ложку ему не позволяет вера.

— Ему надо было сразу об этом сказать и остаться с Алисой, — буркнул Бёртон.

— По-моему, он вышел в коридор, чтобы попробовать увещеваниями пронять Звездную Ложку, — заметил Ли По. — Он был такой же чокнутый, как и она.

Посовещавшись, они решили, что было бы жестоко сажать Звездную Ложку под замок в надежде вылечить ее безумие. Задав компьютеру несколько вопросов, друзья выяснили, что криогенная технология этиков значительно превосходит земную. Она позволяла заморозить человека в течение секунды, не повредив тканей организма, — что они и сделали. Звездная Ложка будет ждать в своем морозильнике прилета обитателей Мира Садов.

Отдохнув денек, друзья принялись за обыск. Первым делом они отправились в ту комнату, откуда появилась Звездная Ложка, когда решила покончить с ними. Компьютер отказался отвечать на вопрос, где находится квартира, но запись со схемой передвижений оранжевой точки выдал без разговоров. Попасть в комнату на сто шестнадцатом уровне — этики считали этажи не снизу, а сверху — оказалось нетрудно. Звездная Ложка не заперла дверь, поскольку была уверена, что после схватки в живых останется она одна.

Друзья осторожно вошли в просторное помещение, от которого в две стороны бежали коридоры. В каждом из них было по пять комнат, все запертые, кроме одной. Бёртон попытался было их открыть, но тщетно. Однако просмотреть их не составило труда — стоило лишь попросить компьютер просканировать помещения. Бёртон почти сразу пожалел о своем любопытстве.

Единственным узником, кого он узнал из запертых по одиночке мужчин, был Данауэй — тот самый чернокожий, который изнасиловал Звездную Ложку в Терпинвиле. Еще там сидели три китайца, двое белых, индеец, двое негров и неандерталец. Ли По узнал одного из китайцев.

— Это Ван Чи Мао, мелкий императорский чиновник. Я как-то раз встречался с ним. А позже мне рассказала о нем Звездная Ложка. Он изнасиловал ее, когда ей было десять лет.

Четверо узников что-то бессвязно лепетали, явно выжив из ума. Двое были на грани помешательства. Данауэй и еще один тип впали в кататонию. Девятый спрятался под кроватью и ни за что не хотел вылезать, когда Бёртон позвал его через динамик.

По стенам, потолку и полу каждой комнаты бежали картины из прошлого Звездной Ложки. Бёртон снова и снова смотрел глазами китаянки на сцены насилия, разворачивавшиеся в цвете на громадных экранах с усиленным звуком. Бежать от этих сцен узники могли только в сон, что было непросто, в безумие или смерть. Но покончить с собой тоже было почти

невозможно. Обнаженные, узники не могли сделать из одежды веревку. Конвертеры кормили их только хлебом, мясом без костей и овощами. Мебели в комнатах не было никакой, кроме кроватей, состоявших из простой рамы с матрасом. В ванных — только писсуары и краны с холодной водой над маленькими тазиками. Ни мыла, ни полотенец, ни туалетной бумаги.

— Да, она им отомстила, — содрогнулась Алиса. — Страх-то какой!

— Поэзия справедливого возмездия, — сказал Фрайгейт, — воплощенная в жизнь с помощью науки.

— Помочь мы им ничем не можем, — заметил Бёртон. — Разве что отключить конвертеры и дать им умереть с голоду.

Но компьютер, когда его спросили об этом, заявил, что не может подчиниться без приказа Звездной Ложки.

Не найдя ничего примечательного в гостиной китаянки и спальне, друзья перешли к тем помещениям, которые компьютер отказался сканировать. Но хотя таких набралась целая дюжина, пробраться за двери или даже стены без дверей, за которыми находились комнаты, никак не удавалось. В конце третьей недели друзья прекратили бесплодные попытки. Они хотели обследовать еще одно помещение — просторное и глубокое подземелье, предварительную камеру воскрешения, где Бёртон проснулся много лет назад. Но попасть в нее тоже не смогли.

— Значит, и Звездной Ложке это не удалось, — заключил Бёртон.

Теперь, когда непосредственная опасность миновала, они задумались о своем будущем. Они не могли ни выйти из башни, ни воскресить себе подруг и друзей. Их осталось четверо: трое мужчин и одна женщина — и больше никого.

Будущая жизнь их, подумалось Бёртону, будет не просто скучной. Это будет психологическая Сибирь, эмоциональный ледниковый период. Конечно, они четверо знали друг друга уже много лет, вместе прошли через бесчисленные испытания и составляли прекрасную команду — просто лучше не придумаешь. Им не придется притираться друг к дружке, что так часто изматывает людей, вынужденных жить вместе, но со временем одни и те же лица наскучат им до смерти. Им потребуется общество других людей — любовниц, хороших друзей и просто случайных знакомых.

«Не хлебом единым жив человек», — сказал как-то раз один мудрец. Он мог бы добавить, что никто не может жить полной жизнью без людей — без многих людей.

Жители Мира Садов, прилетев сюда, застанут тут четверку чокнутых. Странненькую четверку, с вывертами и заскоками Сдинутых отшельников. Безумцев.

Немаловажной была и сексуальная проблема. Алиса не возьмет себе в любовники всех троих, а может, не возьмет и вовсе никого. Алиса твердо верила, что заниматься любовью можно только с тем, кого любишь.

Как-то вечером мужчины сидели в креслах на балконе дворца в мире Бёртона, где все они жили уже месяц. Искусственное солнце стояло десятью градусами выше искусственного западного горизонта, а троица, потягивая спиртное, ждала, когда придет Алиса. Ли По говорил о том, что чем больше времени проходит, тем менее отвратительной кажется ему мысль обзавестись постельной партнершей в виде симпатичного андроида женского пола.

— Да разве ты сможешь забыть о том, что они не люди и вообще полудебилы? — возразил Фрайгейт. — С ними не поговоришь, как с настоящей женщиной. Ты все время будешь помнить, что их страсть — сплошная симуляция, механическая и бездумная. О'кей, ты получишь сексуальное облегчение. Однако этого недостаточно.

— Все верно, — ответил Ли По. — Но это лучше, чем ничего.

— Ой ли? — усомнился Бёртон.

На балкон вышла Алиса. Мужчины сразу переменили тему — не потому, что боялись смутить Алису предметом беседы, а просто не хотели, чтобы она переживала из-за того, что ничем не может им помочь. Разговор зашел о результатах их сегодняшних исследований. Бёртон занимался диалектами, сформировавшими язык Ура, предшествовавший семитским языкам. Ли По учил английский и французский так, чтобы свободно читать на них поэзию. Фрайгейт смотрел все снятые на Земле кинофильмы (или по крайней мере сохраненные этиками). Алиса же увлеклась новым для себя занятием — писанием маслом.

За обедом, поданным андроидами, они поговорили о до сих пор не разгаданном таинственном убийстве Логи и о том, кто же была та женщина, которую убил Нур.

Бёртон, отодвинув кресло от стола, вытащил из кармана рубашки сигару, закурил и задумчиво сказал:

— Я бы посвятил решению этих загадок всю свою жизнь, если бы хоть на миг поверил, что мои усилия не напрасны. Но я убежден, что компьютер не захочет — не сможет —

приблизить нас к разгадке ни на шаг. Пока не прилетят обитатели Мира Садов, нам этой тайны не раскрыть. А может, и после тоже.

— Вам не придется ждать так долго!

Алиса вскрикнула. Бёртон ахнул, отпихнулся от кресла и встал, повернувшись на голос, который так их поразил.

В дверях столовой стоял улыбающийся Лога.

ГЛАВА 37

Лога уже не был похож на разжиревшего турка. Его одежда — небесно-голубой кильт, распахнутая желтая рубаха с голубыми драконами и голубые сандалии — открывала крепко сбитое, мускулистое тело без единой унции лишнего веса.

Он был безоружен.

— Пожалуйста! — проговорил Лога, подняв руку. — Если вы успокоитесь, я все объясню. Но сначала извините за неожиданное вторжение.

— Ты всегда любил театральные эффекты, — сказал Бёртон, немного прия в себя.

— Точно.

— Как ты попал сюда? — спросил Ли По.

— Я все расскажу, дайте только срок. Впрочем, отменить кодовое слово для меня пустяк. В конце концов, это же я управляю башней.

Он подошел к шкафу рядом с дверью и налил в кубок коньяка. Алиса, прижав руку к груди, села в кресло. Мужчины переглянулись, понимая друг друга без слов: «Если этик сделает хоть малейшее угрожающее движение, мы все одновременно набросимся на него».

Но Лога вел себя совершенно непринужденно и, казалось, радовался встрече. Хотя это ничего не означало. Он был превосходным актером. «А вообще-то, — подумал Бёртон, — с чего бы ему иметь что-то против нас?»

— Пожалуй, я не ошибусь, если предположу, что твоя... гибель... была просто фокусом, который подстроил компьютер? — спросил он вслух. — И что ты наблюдал за нами с тех пор, как исчез.

Лога повернулся к ним лицом, раскорячив толстые ноги, как будто стоял на шаткой палубе.

— Да, — подтвердил он с улыбкой. — Я знаю, что вы учитывали такую возможность.

— Значит, ты шпионил за нами! Подслушивал! — взъярился Бёртон.

— Все до единого словечка, кроме как в тех комнатах, что вы закрасили. Это была блестящая идея, хотя я никогда и не сомневался в вашем уме и изобретательности. Потому-то я и выбрал вас своими агентами. Правда, не скажу, чтобы вам удалось полностью выйти из-под наблюдения. Когда вы пользовались вспомогательными компьютерами, я подключался к ним.

Он отхлебнул коньяку, разглядывая сидящих поверх кромки кубка.

— Ужасно приятно, когда есть с кем поговорить, — произнес он, отставив кубок. — И не просто с кем-то, вы люди особенные. Вы мне очень близки. Хотя я понимаю, что в данный момент вы на меня сердитесь. Я вас не виню, и все же не сомневаюсь, что, выслушав мой рассказ, вы простите меня.

— Я так не думаю, — сказала Алиса, сощурив глаза и поджав губы. — Не знаю, в какую игру ты играешь, но ты ответственен за гибель... — Она осеклась, точно пораженная какой-то мыслью. Щеки ее еще сильнее залились румянцем.

— Я повторяю: мне жаль, что пришлось пропустить вас через такую эмоциональную мясорубку. Но вы уцелели — вы уцелели бы, даже если бы погибли, поскольку это зависело от меня.

Мне необходимо было убедиться, что вы в состоянии справиться с управлением башней, что вам можно доверять и что большая, почти неограниченная власть вас не испортит. Я верил, что вы выдержите испытание, но моей уверенности было недостаточно. Я должен был дать вам власть на практике. Истинный характер человека проявляется не в словах, а в поступках.

Правда, несколько ошибок вы все-таки допустили. Вам следовало воскресить ваших товарищей, погибших по дороге в башню. Вы, конечно, вскоре так и сделали бы, если б вам не помешали обстоятельства. И тем не менее я был разочарован, потому что хотел и их подвергнуть проверке.

— Большинство из них сделали бы то же самое, что и мы, — проговорил Бёртон.

— Я знаю, но мне хотелось, чтобы они доказали это на практике.

— Они доказали все, что могли, по пути сюда, — возразил Бёртон. — И мы, кстати, тоже.

— До некоторой степени, — согласился Лога. — Но главной проверкой было ваше поведение в башне. Терпин, к примеру, оказался не слишком разборчив в выборе воскрешенных друзей. Так же как и ты, Ли По. Ты здорово дал маxу со Звездной Ложкой.

Ли По пожал плечами:

— Откуда мне было знать?

— Но ты извлек из этого какой-то урок?

— Я учусь даже быстрее, чем обижаюсь, — ответил китаец. — Если бы я мог начать все сначала, то приказал бы компьютеру не давать воскрешенным в руки ничего, что они могли бы использовать против меня.

— Отлично. Но сумел бы ты наложить аналогичное ограничение и на себя самого? Ты ведь тоже можешь стать опасным для окружающих. К тому же воскрешенные могли отнять у тебя могущество и власть, несмотря на все меры предосторожности.

— Кто-нибудь же должен управлять, — сказал Ли По. — У кого-то в руках все равно будет власть — хочешь не хочешь, а кому-то придется ее доверить.

— Вопрос в том, — заметил Бёртон, — достойны ли мы доверия?

— А если бы вы воскресили кого-то, считая его достойным доверия, но ошиблись? Этот человек мог бы отнять у вас власть и воспользоваться ею в целях, которые показались бы вам неприемлемыми!

Лога отхлебнул еще и принял мерить столовую шагами.

— Вы считаете мое исчезновение преступным, потому что в результате были стерты телесные матрицы и таким образом потеряна надежда на бессмертие для всех воскрешенных. Но это не так, и мне жаль, что вы поверили, будто я способен допустить такую чудовищную подлость. На самом деле...

— Ты велел компьютеру сделать его собственный дубликат, а может, такой дубликат уже существовал, — прервал его Бёртон. — Матрицы в нем и хранятся. Или же компьютер всего один, но он выдавал нам ложные данные.

Лога остановился, удивленно глянул на Бёртона, а потом разразился смехом.

— Когда ты до этого додумался?

— Минуту назад.

— Я действительно, перед тем как исчезнуть, велел компьютеру сделать запасной вариант!

— Значит, когда мы впервые попали в башню и спасли компьютер от гибели — все это было напрасно? И Геринг зря пожертвовал собой?

— Нет, тогда все было взаправду. И это меня так напугало, что я тотчас же приказал машине создать дубликат. В сущности, дубликат и стал основным компьютером, поскольку первый я отдал вам как игрушку.

— По-моему, создание запасного варианта — стандартная техническая процедура, которую должны были проделать с самого начала, — заметил Фрайгейт.

— Мы думали, что компьютер не может выйти из строя, во всяком случае настолько сильно. Мы считали его неуязвимым.

— Да, а «Титаник» считался непотопляемым.

— Так кто же была та монголка, которую убил Нур? — спросила Алиса.

— А-а! Она была всего лишь персонажем, созданным для того, чтобы озадачить вас и заинтриговать. Кто-то же должен был нести ответственность за мою гибель, ну, я и подсунул вам монголку, чтобы вы помучились, пытаясь разгадать тайну моего убийства. Хотя она изначально была для вас неразрешимой.

— Стало быть, женщина была андроидом? — сказал Фрайгейт.

— Конечно.

— Кое-кто из нас говорил, что Нуру слишком легко удалось с ней покончить, — проронил Фрайгейт.

Бёртон попыхивал сигарой, надеясь, что внешне он более хладнокровен, чем внутри.

— Спасибо за объяснение, — сказал он. — Хотя не жди от меня благодарности за наши страдания и кровавую бойню, которую ты допустил. Но, как ты заметил, мы должны были испытать все на собственной шкуре, и я не сомневаюсь в чистоте твоих намерений. Тем не менее, по твоим собственным словам, характер проявляется не в желаниях и намерениях, но в поступках. Поэтому я хочу задать тебе самый главный вопрос. — Бёртон немного помолчал. — Можем мы остаться в башне? Или должны вернуться в долину?

— А чего бы вам хотелось? — усмехнулся Лога.

— Я не могу говорить за всех, но я лично предпочел бы остаться здесь.

Остальные высказались в том же духе.

— Почему? — спросил Лога.

— По двум причинам, — ответил Бёртон. — Во-первых, здешняя жизнь мне больше по душе — если не считать последних событий, спровоцированных тобой. Здесь я могу учиться, приобретать такие познания, ради которых я на Земле продал бы собственную душу, если бы верил в ее существование и если бы мне кто-то предложил ее купить. К тому же жизнь тут гораздо комфортнее, почти как в раю — то бишь в раю материальном, как люди себе его представляли. А во-вторых, смею надеяться, что я достоин здесь находиться. По-моему, я уже близок к «продвижению», по крайней мере насколько мне это дано. Если ты отошлешь меня обратно в долину, разочарование и недовольство ничуть не повысят мой этический уровень. Скорее, напротив, понизят его.

Лога спросил остальных, хотят ли они остаться по сходным причинам, или же ими движет что-то другое. Ответы, в общем, не слишком отличались от того, который дал Бёртон.

— Прежде чем я скажу вам о том, что вы так отчаянно жаждете узнать, я хотел бы ненадолго отвлечься. Бёртон, когда ты заявил, что близок к «продвижению», насколько тебе это дано, ты бессознательно сказал чистую правду. И сильно возбудил мое любопытство. Скрывается ли за твоей репликой какой-то подтекст? Есть у тебя какие-то подозрения, смутные догадки по поводу...

Лога улыбнулся и снова хлебнул коньяку. Он явно ждал, что Бёртон продолжит оборванную им фразу. Зря надеялся. Бёртон понятия не имел, на что намекает Лога.

— Договаривай, раз начал, — сказал Бёртон. — Догадки о чём?

— Ладно. Тебе говорили — и я сам, и Церковь Второго Шанса, — что, когда ты достигнешь определенного нравственного уровня, когда научишься сочувствовать и сострадать, когда избавишься от неврозов и психозов, тогда, мол, ты будешь готов «продвинуться». То есть после смерти тебя уже не воскресят в долине Реки. Твой ватан исчезнет — его уже нельзя будет засечь нашей аппаратурой. Тебе говорили, будто твой ватан, или душа, если тебе так больше нравится, улетит к Богу, то есть сольется с божественной сущностью. В общем, это объяснение звучит достаточно логично, и люди в него верят. Но...

Лога сделал еще глоток и оглядел присутствующих, словно пытаясь предугадать их реакцию на свои слова. Вид у него был безумно довольный.

— Но печальная правда такова — хотя я не уверен, так ли она печальна, — что ни один ватан никуда не исчез, ни один не достиг «продвижения», пока тела, в которых они существовали, продолжают воскресать!

Бёртон был удивлен гораздо меньше, чем полагалось бы. Когда-то давно он предположил возможность такого варианта, но отверг ее. Алиса была в шоке; похоже, она решила не верить больше никогда и никому. Ли По улыбнулся и погладил свои усы. Фрайгейт сидел с непроницаемым лицом.

Бёртон вспомнил заявление компьютера о том, что такие личности, как Будда и Иисус Христос, достигли «продвижения». Значит, все это было вранье. Компьютер дал им заведомо ложную информацию. Но почему? Да потому, что Лога ему так приказал, чтобы иметь возможность обманывать их и впредь.

— Так что же тогда правда? — вздохнув, спросил Бёртон. — На сей раз ты скажешь нам правду или нет? Прости мою недоверчивость, но ты так часто лгал!

— А ватаны? — раздался дрожащий голос Алисы. — Ты говорил нам, что они искусственного происхождения. Что, если бы та древняя раса их не создала, у нас бы не было души. Это правда? Истинная правда?

— Кто знает, что есть истинная правда? — сказал Лога. — Все сущее и есть истина. Древние действительно создали ватаны, и мы, их продолжатели, позабочились о том, чтобы ватаном был наделен каждый человек на Земле. Но то, что ватаны отлетают к Богу или обретают божественность — неправда. Возможно, в один прекрасный день это и впрямь произойдет. Я не знаю. И никто не знает.

Зато правда, что вы можете быть бессмертными, хотя и относительно. До конца Вселенной вы не доживете, но в принципе можете прожить миллион лет, а то и два-три или больше. Если сумеете найти планету земного типа с горячим ядром и будете иметь в своем распоряжении аппаратуру для воскрешения.

К сожалению, бессмертие позволено не всем. Если бессмертных будет слишком много, жизнь превратится в сущий ад, и кто-то непременно захочет подчинить себе остальных, захватив контроль над воскрешающими машинами. Но сотня лет после земной смерти дается каждому человеку без исключения, чтобы он доказал, что может жить в мире и гармонии с собой и окружающими, хотя бы в разумных пределах

человеческого несовершенства. Те, кто сумеет это доказать, обретут бессмертие после того, как завершатся оба проекта.

— Так, значит, нравственные требования и стандарты вовсе не так высоки, как нам все время внушали? — медленно проговорил Бёртон.

— Они достаточно высоки, но вполне достижимы для сорока процентов воскрешенных.

— А остальные шестьдесят процентов? — спросила Алиса.

— Их телесные матрицы будут уничтожены.

— Это жестоко.

— Да. Но необходимо.

— А потом? — встревоженно спросил Фрайгейт.

— Выживших доставят в виде желтых шариков с телесными матрицами на Землю.

— На Землю? — изумился Бёртон. Он был уверен, что Земля погибла, хотя никто ему впрямую об этом не говорил.

— Да. Жизнь на Земле практически погибла от радиации после войны с применением водородных и нейтронных бомб. Но жители Мира Садов очистили планету — на это у них ушло сто шестьдесят лет — и вновь заселили ее растительной и животной жизнью. Земля будет готова принять вас — людей, которые не станут подвергать ее надругательствам и медленно губить загрязнением. И...

— Так, значит, нам не позволят иметь детей? — спросила Алиса.

— На Земле — нет. Для них там просто не хватит места, зато самим вам будет уютно и просторно. Вам никого не придется распихивать локтями. Но в нашей Вселенной миллионы планет с разумной жизнью, и если вы хотите детей, то можете отправиться туда.

— На Землю! — мечтательно повторил Бёртон. Его охватила такая ностальгия, что даже заныло в груди. Конечно, Земля будет не та, которую он оставил, но топография ее наверняка не изменилась. А если честно сказать, так это и хорошо, что Земля уже будет не та.

— Должна признаться, мне трудно все это переварить, — сказала Алиса. — Я была прилежной прихожанкой англиканской церкви, потом, попав сюда, потеряла веру и стала агностиком, а совсем недавно начала всерьез подумывать о том, чтобы примкнуть к Церкви Второго Шанса. И вдруг...

— Лога! — сказал Бёртон. — Раз ты наконец решил сказать нам правду, то ответь еще на один вопрос. Почему ты предал своих друзей этиков и изменил течение предначертанных ими

событий? Ты утверждал, будто не мог вынести мысли о том, что твои близкие не сумеют достичь «продвижения». Это правда? «Продвижения» не в старом смысле, а в том, о котором ты только что рассказал. Неужели ты развязал эту кровавую войну против своих же товарищей только затем, чтобы дать своим родителям и другим родственникам больше времени?

— Клянусь всем святым, что когда-либо было, есть и будет на свете, — это правда!

— Тогда я совершенно ничего не понимаю, — сказал Бёртон. — Как ты, с четырех лет выросший в Мире Садов, мог пройти все проверочные испытания? Если стандарты этиков имеют хоть какое-то значение, хоть какую-то ценность, почему тебя не уничтожили? Как ты сумел превратиться в преступника? Пусть даже из благородных побуждений, но ты же стал преступником! Или ты был сначала нормальным этиком, а потом вдруг сошел с ума? Но если ты свихнулся, что может помешать другим «продвинувшимся» впасть в безумие?

ГЛАВА 38

Лога побледнел, поставил кубок на стол и снова повернулся к ним. Он улыбался, но глаза у него бегали по сторонам, точно он пытался увидеть кого-то еще, кроме сидевшей компании.

— Я не безумен!

— Да ты только вспомни, чего ты натворил ради горстки людей! — сказал Бёртон.

— Я не безумен! Я сделал это из-за любви.

— В любви тоже есть свое безумие, — не сдавался Бёртон. Откинувшись в кресле, он выпустил струю дыма и добавил: — Впрочем, в данный момент меня совершенно не волнует, спятил ты или нет. Но ты так и не ответил на главный вопрос. Должны мы вернуться в долину или можем остаться здесь?

— Я думаю, вы можете остаться, — ответил Лога. — Помоему, вы достигли такого уровня, когда вам можно доверять, и будете отныне жить в любви, наслаждаясь обществом друг друга. Кстати, вы вполне можете воскресить еще кого-нибудь. Я собираюсь переселить сюда своих близких и показать им, как они должны себя вести, если хотят стать бессмертными. Некоторые из них...

— Значит, некоторые из них вызывают у тебя сомнения? — перебил его Бёртон.

— Нам говорили, что оценка духовного уровня личности для «продвижения» производится автоматически, — нагнувшись

через стол и глядя на Логу в упор, сказал Фрайгейт. — Что решение не зависит от людских суждений. Так кто же будет нас судить?

Бёртон раздраженно зыркнул на американца, хотя и сам не раз задавался таким вопросом. Но главный вопрос он только что задал. А остальные могли и подождать.

— Судить будет компьютер. Людей, участвующих в проекте, накормят такой едой, от которой они заснут и умрут. Потом компьютер просмотрит их ватаны. Как вы знаете, цвет ватана и его ширина свидетельствуют о нравственном развитии индивидуума. Те, что будут признаны годными, воссоединятся на Земле со своими телами. Остальные же будут выпущены в космос — пускай летят куда хотят.

— И все это на основании суждения машины? — сказал Фрайгейт.

— Ее суждения безупречны.

— Пока никто не вмешивается, — заметил Бёртон.

— Это маловероятно.

— Благодаря тебе — еще как вероятно! — сказал Бёртон.

— Меня здесь не будет! — заявил Лога, кинув на него свирепый взгляд.

— А где же ты будешь?

— Я сяду на один из кораблей, что стоят в ангаре, и улечу на необитаемую планету.

— Ты мог это сделать в любую минуту, как только освободился от своих товарищей этиков и их агентов, — вмешался Фрайгейт. — Почему ты попросту не забрал свое семейство и не улетел?

Лога посмотрел на Фрайгейта так, словно не в силах был поверить, что кто-то способен сказать такое.

— Нет, я не мог так поступить.

— Но почему? — спросил Бёртон. — Это было бы вполне логично.

— Потому что они не готовы. Они бы не выдержали проверки. Компьютер бы их забраковал и обрек на гибель.

— Ну что за чушь ты несешь? — изумился Фрайгейт. — Какое тебе дело до компьютера и его оценок? Вы поселились бы на какой-нибудь планете и жили бы себе спокойно. Ни тебя, ни твою семью там и за тысячу лет никто бы не нашел!

Лога нахмурился. На лбу у него выступила испарина.

— Ты не понимаешь! Они бы там не выжили! Они не смогли бы «продвигаться». Я не могу забрать их отсюда, пока они не

достигнут такого уровня, когда сумеют совладать с бессмертием.

Друзья переглянулись, сказав друг другу взглядами: «Он спятил».

Бёртон вздохнул, наклонился вперед, пошарил под столешницей и нашупал на полочке лучемет, лежавший там со дня постройки замка. Поставив пальцем боковой ограничитель на парализующую мощность, он молниеносно вытащил оружие и нажал на язычок, служивший спускательем. Очень бледный красный луч ударил Логу в грудь, и этик свалился навзничь.

— У меня не было другого выхода, — сказал Бёртон. — Он безнадежный псих, и он наверняка отправил бы нас назад в долину. А что бы он натворил потом — одному Богу известно.

Фрайгейт, по приказу Бёртона, сбежал и принес из конвертера шприц с необходимым количеством снотворного. Бёртон остался на страже, готовый выстрелить еще раз, если Лога начнет шевелиться. Организм у этика был поистине могучим; выстрел, который парализовал бы любого человека, привел его лишь в полубессознательное состояние.

Несколько минут Бёртон шагал по балкону, пытаясь сообразить, что же делать с Логой дальше. Его необходимо было оставить в живых. Едва он умрет, как тотчас воскреснет в каком-нибудь укромном уголке. И тогда четверке уцелевших придет конец, поскольку Лога полностью подчинил себе компьютер. Если этика поместить в криогенную камеру, машина все равно сочтет его ватан свободным от тела и воскресит Логу где-нибудь в башне. А если его разбудить, но посадить под замок, он сумеет покончить с собой, какие бы меры предосторожности они ни принимали. Пусть даже им удастся хирургическим путем изъять из его мозга смертельный яд, приводимый в действие всего одним произнесенным про себя кодовым словом, Лога сможет проглотить свой язык и задохнуться. Язык, конечно, можно отрезать, но Бёртон понимал, что на такое у него никогда не хватит духу.

В принципе, Логу можно было регулярно накачивать снотворным. Однако Бёртон сомневался, сумеет ли этик прожить в таком состоянии тридцать три года. А просить компьютер просканировать память Логи, чтобы найти спрятанные им шарики с матрицами, было бессмысленно. Компьютеру наверняка приказано не выполнять подобных заданий.

Бёртон вдруг остановился и улыбнулся. Есть выход!

Разработка плана заняла два дня, поскольку необходимо было продумать все до мелочей. Стоит им допустить хоть одну ошибку — и Лога в конце концов победит.

Бёртон заказал компьютеру создать андроида, как две капли воды похожего на Логу по виду и по голосу. Внутреннее строение андроида тоже было идентично оригиналу, за исключением мозгов, которые у этика были гораздо сложнее. Будь андроид стопроцентной копией, он во многих аспектах стал бы самим Логой и вел бы себя соответственно. Единственная разница, хотя и весьма существенная, заключалась бы в том, что андроид не обладал бы самосознанием.

Бёртон словесно запрограммировал андроида на языке этиков, а затем велел ему передать парочку приказов компьютеру. Машина проверила отпечатки голоса, электрическое поле кожи, форму лица и тела, цвет кожи, волос и глаз, форму ушной раковины и химический состав запахов и потовых выделений Логи. Кроме того, компьютер сверил отпечатки пальцев, кисти и ступни.

К несчастью, несмотря на то что результаты проверки его удовлетворили, компьютер отказался повиноваться андроиду, пока тот не скажет кодовое слово.

— Какая жалость! — сказал Бёртон друзьям. — Все упирается в одно лишь слово или фразу, однако вариантов может быть больше миллиона!

Ответом ему было угрюмое молчание; даже Ли По в кои-то веки не раскрыл рта.

Через две минуты Алиса, которая напряженно хмурилась икусала губы, нарушила тишину:

— Я знаю, что никто из вас не верит в женскую интуицию. Я и сама в нее не верю в общепринятом смысле. Мне кажется, это одна из форм логического мышления, не подчиняющегося правилам логики, будь то аристотелевской или символической. И, кстати, я не думаю, что «женская интуиция» — можете называть ее как хотите — присуща исключительно женщинам. Да, так о чем бишь я?

— Вот именно — о чем ты? — поддразнил ее Бёртон.

— Вообще-то идея совершенно дикая и глупая. Вы счтете меня полной идиоткой!

— Мы будем рады любому предложению, — серьезно сказал Бёртон. — Я обещаю не смеяться.

— Мы тоже, — поддержал его Фрайгейт — А даже если мы и посмеемся, какая тебе разница?

— Дело в том, что моя догадка совершенно бессмысленна, — сказала Алиса. — Хотя, с другой стороны, возможно, какой-то смысл в ней все-таки есть. Лога любил выкидывать всякие фокусы, довольно детские, на мой взгляд, но тем не менее...

— Что «тем не менее»? — нетерпеливо спросил Бёртон.

— Это просто догадка. Шансы, что она подтвердится, никаконы малы. Но... Я не знаю. Попробовать можно. Много времени это не займет.

— Бога ради, да не тяни же! — воскликнул Бёртон.

— Помните вы, что крикнул Лога перед своей мнимой смертью?

— «Ай цаб ю», — сказал Бёртон. — На языке этиков это значит «Кто ты?»

— Верно. А не мог он дать нам ключ, произнести настоящую кодовую фразу? Он был бы дико доволен, понимая, что мы никогда ею не воспользуемся. До нас просто не дойдет, что это самый главный ключ, открывающий доступ к компьютеру. И Лога не мог удержаться, чтобы не бросить нам его. Мы-то думали, что он обращается к своему убийце, но такой личности, как мы теперь знаем, просто не существует. И в то же время...

— Он совсем, должно быть, спятил, если решился играть с нами в такие игры, — проговорил Бёртон.

— Ну так что?

— Это вздор, но проверка займет всего минуту, — откликнулся Фрайгейт. — Что мы теряем? А потом, Алиса у нас хоть и скромничает, но психолог она действительно блестящий.

— Благодарю, — сказала Алиса. — Я не очень-то хорошо разбиралась в людях, когда попала в Мир Реки, но мне пришлось развить в себе сей талант, чтобы выжить.

Они вошли в комнату к спящему андроиду. Бёртон ласково разбудил его, дал ему чашечку кофе, а затем медленно и внятно объяснил, что от него требуется. Андроид встал лицом к стенному экрану и произнес:

— Ай цаб ю.

На экране вспыхнули буквы алфавита этиков.

— Это значит: «К работе готов», — сказал Бёртон.

Потом андроид заявил, что передает главное управление компьютером Бёртону. Но компьютер отказался выполнить приказ.

— И что теперь? — приуныл Фрайгейт.

Бёртон, подозвав к себе андроида, вышел с ним в коридор, хотя и не был уверен в необходимости такой предосторож-

ности. Но он не хотел рисковать. Проинструктировав андроида, Бёртон из дверей наблюдал за тем, как он отдает команды. И компьютер подчинился.

Друзья бросились поздравлять друг друга; обнимать, а Ли По даже что-то сплясал.

Андроид приказал компьютеру воскресить в долине всех, чьи имена содержатся в памяти, за исключением нескольких лиц, внесенных в отдельный список. Таким образом, отныне процесс воскрешения будет продолжаться вплоть до завершения проекта.

Андроид также заявил, что хочет отменить все меры безопасности, касающиеся его самого, то есть Логи. Компьютер мгновенно ответил, что команда выполнена, и показал схему, на которой были отмечены все тайники, где Лога спрятал свои матрицы.

— Отлично! — улыбнулся Бёртон. — Если нужно общаться с компьютером через андроида, пускай. Это я переживу.

У них ушел целый час, чтобы собрать все тридцать девять желтых шариков, рассованных по разным комнатам и этажам.

— Я был бы полностью уверен, что Лога не сможет воскреснуть без нашего ведома, — сказал Бёртон, — не будь он таким хитрецом. А вдруг он припрятал парочку матриц, не поставив компьютер в известность?

— В таком случае он не сможет воскреснуть, — откликнулся Фрайгейт, — поскольку компьютер, не зная о существовании матрицы, не выполнит операцию воскрешения.

— Лога мог сунуть шарик в конвертер, соединенный с компьютером только как с источником связи. А процесс осуществило бы периферийное устройство.

— Значит, мы прикажем главному компьютеру докладывать нам обо всех необычных командах. Лога запретил машине выдавать данные об использовании энергии, но мы же сняли этот запрет!

— Придется пойти на риск. Мы не можем сидеть сложа руки из-за того, что остается крохотный шанс на воскрешение Логи.

Друзья согласились с Бёртоном и начали съезжать заселять башню, предварительно вычистив как следует три личных мира. Все трое единодушно поддержали предложение Бёртона рассказать обитателям долины Реки всю правду, от начала и до конца.

— Этики считали необходимым распространять полуправду с помощью Церкви Второго Шанса, поскольку верили в силу

религиозного чувства. Но я верю, что нужно рассказать всю правду, приятна она или нет. Мы воскресим здесь группу людей, дадим им пожить немного в башне, а потом отправим их в долину, снабдив фотографиями и кинопроекторами на батарейках. Это должно убедить скептиков. Правда будет распространяться очень медленно из-за громадного населения и длины долины Реки, но со временем дойдет до каждого. Конечно, найдутся такие, кто откажется верить. Что ж, пускай это будет их личное горе.

Логу поместили в морозильную камеру.

Ли По воскресил своих друзей; Алиса — Монтейта Магленну и еще нескольких человек, включая своих сестер Эдит и Роду; Фрайгейт — Софи Лефкович и двадцать ее товарищей; Бёртон — блондинку Логу из племени древних тохаров, Сирано де Бержерака, титантропа Джо Миллера, неандертальца Казза, Тома Терпина, барона Жана Марселина де Марбо и многих других, избранных Логой для борьбы с этиками.

Шесть месяцев спустя Бёртон пригласил всех жителей башни, числом уже более двухсот, к себе во дворец на обед. Когда со столов убрали посуду, он велел андроиду ударить в огромный бронзовый гонг у себя за креслом. Потом встал и поднял кубок с вином.

— Граждане башни, прошу внимания! Я предлагаю тост. За нас. — Все выпили, и Бёртон тут же продолжил: — Еще один тост. За всех, имеющих двойное гражданство — земное и Мира Реки!

Он поставил кубок на стол.

— Все мы живем здесь уютно и счастливо, и я молю Бога, чтобы так продолжалось до прибытия жителей Мира Садов. А может, и после тоже. Но, когда придет срок, мы будем вынуждены, хотим мы того или нет, вернуться на обновленную Землю или же кануть в небытие. Я надеюсь и верю, что все здесь сидящие будут признаны достойными переселиться на Землю, где мы будем наслаждаться жизнью до тех пор, пока не остынет земное ядро, после чего сможем переселиться на новую планету. Впрочем, это случится через много миллионов лет — и кто знает, как все изменится за столь долгое время?

Бёртон сделал паузу, отпил вина, снова поставил кубок и оглядел своих гостей.

— Насколько я понимаю, конвертеры будут питаться энергией земного ядра. Но ее придется тратить лишь на воскрешение тех, кто умрет на Земле, а поскольку население будет избранным и немногочисленным, энергии потребуется немного.

Питающих камней там не будет, и конвертеры не станут снабжать нас пищей. Мы будем выращивать себе пропитание сами, в земной почве. Земля, если все пойдет по плану, предусмотренному этиками, превратится в чудесную и спокойную планету, где воцарится мир и гармония — хотя я сомневаюсь, что лев возляжет рядом с ягненком. По крайней мере, если будет голоден. Львы никогда не соглашались считать траву питательной едой.

И, конечно же, даже признанные достойными «продвижения» не будут совершенны. Ни один человек, за очень редкими исключениями, которые служат для нас недосягаемым примером, не способен достичь совершенства.

Гости смотрели на Бёртона так, словно тщетно пытались понять, к чему он клонит.

— Некоторые из вас, я уверен, с большим удовольствием предвкушают будущую жизнь на Земле. Вы знаете, что там вас ждет множество интеллектуальных приключений, ибо возможностей для научных исследований и художественного творчества на Земле будет не меньше, чем в башне. И вы радуетесь при мысли о безмятежной, упорядоченной и безопасной жизни. Такая перспектива наполняет ваши души восторгом.

Бёртон запнулся и нахмурился.

— Однако у нас есть альтернатива той Земле, которую я описал. Обследовав космические корабли, стоящие в ангаре, я убедился, что они не нуждаются в высокопрофессиональных экипажах для управления. Сами по себе суда эти очень сложны, но даже двенадцатилетний ребенок, после недолгого обучения, сможет привести такой корабль в любую точку Вселенной. Если, конечно, у него хватит топлива.

Фрайгейт улыбнулся и, подняв руку, сложил большой и указательный пальцы в колечко.

— Что, если мы откажемся возвращаться на Землю с ее утопическим раем? — продолжал Бёртон. — Что, если мы предпочтем другой образ жизни? Ведь даже если нам удастся полюбить описанную мною Землю, еще не сказано, что все мы туда попадем!

Зато мы все без исключения можем сесть на корабль — на все корабли, что есть в ангаре, если захотим, — выбрать по каталогу навигационной системы девственную чистую планету и улететь туда.

Что ожидает нас там — нас, разношерстную группу почти бессмертных людей разных рас, наций, языков и эпох? Конечно, не та роскошная и легкая жизнь, какой мы наслаждаемся

здесь, или более скромная, но не менее легкая жизнь на Земле. Даже взяв с собой записи научных и технических достижений этиков, мы практически не сможем ими пользоваться в течение нескольких столетий. Нам придется долго ждать, пока население планеты увеличится настолько, чтобы хватило рук для черной и трудной работы по добыче сырья и его обработке.

Этики разместили генераторы ватанов с записывающими устройствами на многих планетах, как и на нашей Земле в свое время. Мы сможем иметь там детей, поскольку они будут рождаться с ватанами, а стало быть, будут обладать самосознанием и свободой воли. Но, — Бертон вновь внимательно оглядел аудиторию, — если кто-то из нас или наших детей умрет, то останется мертвым надолго. Возможно, навсегда. Сумеют ли этики проследить наш путь, мы выясним сразу, как только прибудем на место. Не исключено, что нас признают достойными и позволят жить дальше. А может, и нет. Но в любом случае, если мы умрем рано, то это будет надолго, поскольку этики доберутся до нашей планеты, быть может, лишь через много тысячелетий. И даже если наши потомки сумеют построить необходимую для воскрешения аппаратуру, откуда нам знать, захотят ли они нас воскрешать? Мы не в силах предугадать, какая политическая, религиозная и экономическая ситуация сложится на планете к тому времени. Наши потомки могут решить, что лучше оставить нас покойниками.

И это далеко не самое худшее, что может с нами случиться. Сначала, когда мы высадимся на планету, построим своими руками жилища, возделаем землю, посеем зерно и пожнем урожай, дадим жизнь первому поколению, мы будем довольно-таки гармоничным обществом. Но по прошествии веков и тысячелетий наш общий язык, эсперанто, разделится на диалекты, а затем и на языки, которые будут отличаться друг от друга не меньше, чем французский от албанского. И хотя смешанных браков будет много, некоторые группы наверняка сохранят свои расовые особенности, и наш отважный новый мир поделится на расы.

Разные языки и разные расы. В точности как на старой Земле. Зато нам не грозит однообразие.

И как бы ни старались мы воспитывать детей с любовью, со временем, после смены нескольких поколений, а то и гораздо быстрее, население планеты станет таким же, каким оно было на прежней Земле.

Дамы и господа! Приложив немало усилий, пережив неисчислимые трудности и опасности, создав по возможности наиболее справедливое общество для всех, мы тем не менее неизбежно станем свидетелями его деградации. Как и на Земле, оно расслоится на сильных и слабых, бедных и богатых, ведущих и ведомых, смелых и трусливых, глупых и умных, открытых и замкнутых, дающих и берущих, милосердных и равнодушных или жестоких, отзывчивых и черствых, нежных и грубых, мучителей и жертв, разумных, полубезумных и ненормальных.

Там будет ненависть, но и любовь, отчаяние, но и радость, поражения, но и победы, горе, но и счастье, безнадежность, но и надежда.

Бёртон мельком посмотрел на слушателей, охватив все лица единым взглядом. Они предчувствовали, что он скажет дальше — если не точные слова, то смысл наверняка.

— Зато... жизнь наша будет полна разнообразия, богата всеми красками спектра, чего не сможет дать нам безопасное существование на Земле.

Дух приключений не покинет нас.

Мы откажемся от земного рая, но захватим толику рая с собой — и, я уверен, немалую долю ада. Может ли рай существовать в пустоте? Если не будет ада, как вы узнаете, что живете в раю?

Я спрашиваю вас, друзья мои, и даже тех, кто, возможно, не хочет быть мне другом, что мы выбираем? Новую Землю? Или неизведанное?

Аудитория молчала. Наконец голос Фрайгейта разорвал тишину:

— Это что, риторический вопрос? Куда ты сам собрался, Дик?

— Ты знаешь куда, — ответил Бёртон.

И махнул рукой, показывая на звезды.

— Кто со мной?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хотя автору, конечно, хотелось бы верить, что каждое его слово останется запечатленным в сердцах читателей навеки, некоторые события предыдущих четырех романов о Мире Реки, быть может, потускнели в чьей-то памяти. Поэтому представляю вам краткое изложение приключений, завершающихся в книге «Боги Мира Реки».

Ричард Фрэнсис Бёртон, знаменитый (или печально знаменитый) английский исследователь, лингвист, писатель, поэт, воин и антрополог, умирает в 1890 году после Рождества Христова в возрасте шестидесяти девяти лет. Вопреки своим ожиданиям, он пробуждается от смертного сна в просторном помещении, где в воздухе парят миллиарды тел. Все они человеческие, за исключением одного, которое находится рядом с Бёртоном. Это тело, хотя и гуманоидное, явно не относится к виду гомо сапиенс. Бёртон не успевает выбраться из помещения, поскольку появляются двое человек в каком-то летательном аппарате, и он теряет сознание.

Когда Бёртон снова приходит в себя, он лежит обнаженный на берегу широкой реки в узкой долине, зажатой с обеих сторон высокими неприступными горами. Тело у него такое, каким было в двадцать пять лет, только без шрамов. И он всего лишь один из тридцати пяти миллиардов людей, воскрешенных под неведомыми небесами на берегах реки длиною в десять миллионов миль.

Воскрешение, как покажут последующие события, не было вызвано сверхъестественными силами. Его обеспечила научно-техническая аппаратура, изобретенная существами, которые в начале первой книги («В тела свои разбросанные вернитесь») остаются неизвестными. Существа эти зовутся этиками, и они разместили записывающие устройства на Земле задолго до того, как там появился первый обезьяночеловек. (По крайней мере, так Бёртону и другим было сказано по ходу развития событий.) Устройства записали данные всех без исключения людей, начиная от момента их зачатия и кончая смертью И, как выясняется в книге четвертой, под названием «Магический лабиринт», души (а на языке этиков — «ватаны») имеют искусственное происхождение. Такой штуки, как естественная душа, не существует; душой наградили человечество этики.

Обитатели Мира Реки поначалу считают, что в долине воскрешены все люди, жившие на Земле приблизительно с 2 000 000 года до Рождества Христова по 2008 год христианской эры. Но вскоре выясняется, что умершие до пятилетнего возраста дети, умственно отсталые люди и явные психопаты не воскресли в Мире Реки. Их, как Бёртон узнает от этика-отступника, пробудили от смерти на планете под названием Мир Садов. В долине Реки — это станет известно в следующей книге — находятся люди, жившие примерно с 99 000 года до Рождества Христова по 1983 год христианской эры. А когда текущий проект этиков будет завершен, они воскресят тех, кто умер после 1983 года.

Этики — наследники нескольких предшествующих цивилизаций, в том числе и негуманоидных, — взяли на себя нелегкий труд записать и воскресить разумные виды жизни множества планет по всей Вселенной. Не сделай они этого, все разумные виды умирали бы навеки.

Несколько этиков, маскируясь под землян, распространили в Мире Реки религиозную концепцию «продвижения». Жители долины, не соответствующие определенным и весьма высоким этическим стандартам — иными словами, не сумевшие стать «хорошими», — не смогут жить дальше. По истечении столетия проект будет закрыт, и те, кто не достигнет надлежащего уровня нравственного развития, умрут навсегда. Ватаны же «продвинувшихся» сольются с божественной сущностью.

Эта концепция насаждается этиками с помощью различных религий, в том числе, например, Церкви Второго Шанса. Миссионеры шансеров обучаю заодно своих последователей говорить на эсперанто. Смешение народов из разных эпох и времен настоятельно требует языка, понятного для всех.

Бёртона и некоторых других героев посещает некий этик, скрывающий свое имя. Бёртон зовет его «Икс», или «Таинственный Незнакомец». Икс (он же Лога, член Этического Совета Двенадцати, как выясняется в книге «Магический лабиринт») вынашивает планы, противоречащие планам его товарищей этиков. Объяснений этому он приводит множество, однако настоящая причина его отступничества изложена в книге четвертой. Икс вербует некоторых из воскрешенных, чтобы те помогли ему совершить переворот. Среди избранных оказываются Бёртон, Сэм Клеменс, Сирано де Бержерак, гигантский титантроп по имени Джо Миллер и другие не-заурядные мужчины и женщины.

Река, как они узнают, вытекает из маленького моря на северном полюсе планеты, прочерчивает своими извилиами и

изгибами одно полушарие, огибает южный полюс, а затем, проделав такой же извилистый путь по другому полушарию, впадает обратно в свой источник — полярное северное море. С каменного дна этого моря поднимается ввысь исполинская башня, воздвигнутая этиками, — их штаб-квартира, в которой находится громадный протеиновый мозг компьютера. Там же расположен и центральный колодец, где хранятся ватаны умерших, покуда их тела существуют в виде записанных матриц. Как только человека воскрешают, ватан немедленно воссоединяется с его телом. В этой емкости, то есть в ватане, содержится вся память личности, а также ее самосознание. Без ватана человек был бы не в состоянии сохранить целостность своей личности.

В книге первой («В тела свои разбросанные вернитесь») описываются в основном устройство Мира Реки и попытки Бёртона удрать от этиков, которые обнаружили, что его воскресил в предварительной камере некий их коллега-предатель. Бёртон во время бегства совершает 777 самоубийств, но в конце концов попадается этикам в руки. Его допрашивает в башне Совет Двенадцати, один из членов которого — отступник. Этики подключаются к памяти Бёртона, надеясь увидеть предателя его глазами. Однако тот тайно перестраивает некоторые компьютерные цепи и в результате заставляет Совет поверить, что все воспоминания Бёртона о допросе стерты. На самом же деле Бёртон возвращается в долину с нетронутой памятью.

В книге второй («Сказочный пароход») американский писатель Сэмюэль Клеменс мечтает о постройке большого колесного речного парохода, чтобы проплыть по реке до ее источника, а затем пробраться в башню. Но он довольно долго не может осуществить свою мечту, поскольку планета бедна железом и другими металлами. Икс отклоняет большой железоникелевый метеорит с его естественного пути, чтобы тот упал в долине, и таким образом снабжает Клеменса металлом. Но пароход у писателя крадет его партнер, король Иоанн Безземельный, брат Ричарда Львиное Сердце. Сэм клянется, что построит новое судно, поймает Иоанна и отомстит.

В книге третьей («Темные замыслы») Клеменс, преодолевая многочисленные трудности, заканчивает строительство второго парохода, который у него тоже пытаются украсть. После его отплытия другая группа людей строит дирижабль и улетает на нем к башне. Но в башню проникает только один член команды — и не возвращается оттуда. На обратном пути экипаж разоблачает Икса, затесавшегося к ним в команду, но

тому удается ускользнуть, а дирижабль гибнет от взрыва бомбы, подложенной Иксом.

В книге четвертой («Магический лабиринт») встречаются два тяжеловооруженных речных парохода. В результате сражения оба они тонут, а капитаны их погибают почти со всей командой. Среди уцелевших — Бёртон и еще несколько человек, завербованных Иксом. Они поднимаются вверх по реке в маленькой лодочке, потом карабкаются по скалистой горной гряде, опоясывающей северное море. Бёртон уверен, что Икс тоже среди них. И когда путники проникают в башню через вход, тайно подготовленный Иксом, Бёртон наконец устанавливает личность Таинственного Незнакомца.

А между тем из-за долгого отсутствия жителей — этиков и их агентов (убитых Иксом) — механизмы башни остались без присмотра и нуждаются в настройке. Но поскольку настраивать их некому, клапан, регулирующий поступление морской воды, заклинивает, и протеиновые мозги компьютера оказываются под угрозой. Если клапан срочно не починить, то компьютер сломается, и весь проект будет обречен, а все телесные матрицы погибнут.

В числе отряда смельчаков находится также Герман Геринг, бывший нацист и рейхсмаршал Третьего Рейха. Он раскаялся в своих земных злодеяниях и обратился в веру Второго Шанса. Геринг жертвует своей жизнью, пытаясь добраться до клапана и починить его, однако терпит неудачу. Кажется, ничто уже не спасет компьютер от гибели — а вместе с ним погибнут все надежды на бессмертие тридцати пяти миллиардов человек.

Но Алиса Лидделл Харгривз, проявив недюжинную изобретательность, придумывает способ, как преодолеть самоубийственное подчинение компьютера определенным запретам, и спасает проект.

Таким образом обитатели долины получают дополнительное время, которое позволит им, как уверяет этик-отступник Лога, достигнуть нравственного уровня, необходимого для «движения». В остальном же проект будет возобновлен в своем первоначальном виде. Однако этики — коллеги Логи — и их агенты воскрешены не будут, поскольку они помешают выполнению его планов.

Действие книги пятой, «Боги Мира Реки», начинается через несколько недель после событий, изложенных в «Магическом лабиринте»

Содержание

От издательства	5
МИР РЕКИ	
Предисловие автора	9
Боги Мира Реки , роман, <i>перевод С. Трофимова, И. Васильевой</i>	11

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том девятый

Редактор *М. Приворова*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Ж. Голубева, Н. Дундина,
А. Хиршфельде*

Операторы компьютерной верстки *Н. Амосова,
Е. Глуховская*

Оформление шмидтитулов: *М. Ермаков*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным
издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 4.09.96. Формат 84×108¹/32.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

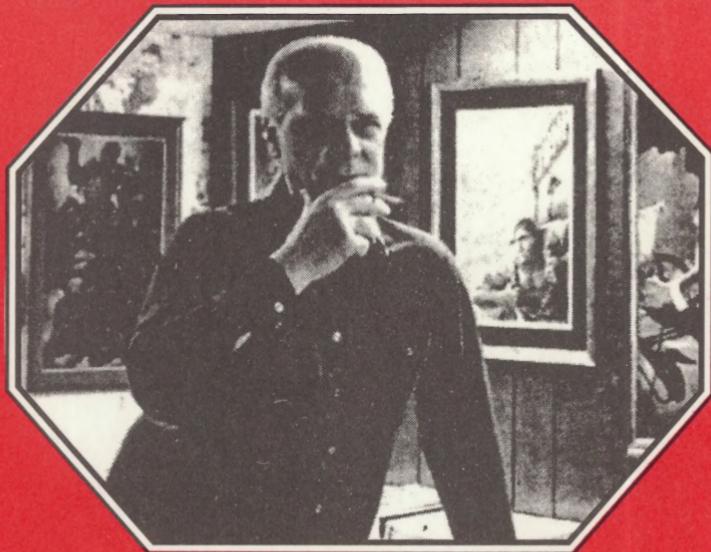
Усл. печ. л. 16,80. Тираж 15 000 экз.

Заказ № 2499. С 158.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати
170040, г Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Боги Мира Реки

Странные и зловещие события происходят в Туманной Башне, громоздящейся посреди холодного полярного моря, у истоков и в устье бесконечной Реки. Пускай гигантский органический компьютер подчинился горстке избранников этика-ренегата Логи, но что они станут делать, получив в свои руки предоставленную машинами древней расы немыслимую власть, способную создавать миры и воскрешать умерших, в то время как таинственный убийца ходит по коридорам башни, одержимый манией уничтожения, отправляя в небытие одного избранника за другим? А от того, как распорядятся люди своим неимоверным могуществом, зависит будущая судьба человечества — вернет ли оно себе мать-Землю, овладеет ли звездами бескрайней Галактики, или навсегда сгинет в забвении.

